А. А. Зимин

Россия на рубеже XV–XVI столетий

РОССИЯ
на рубеже XV–XVI столетий

А. А. Зимин

РОССИЯ на рубеже XV–XVI столетий

(ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)

Москва «Мысль» 1982

ББК 63.3(2)44
З-62

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензент
доктор филологических наук
Я. С. Лурье

В оформлении форзацев используются фрагменты замечательного памятника древнерусского художественного шитья — пелены Елены Волошанки, одной из первых светских картин Древней Руси

З $\frac{0505010000-121}{004(01)-82}$ 49-82

Perseus & Grizli 973

© Издательство «Мысль». 1982

ОТ АВТОРА

Почти два с половиной столетия страшное иго Золотой Орды иссушало душу русского народа. Запустели города и веси. Тысячи и тысячи горожан и крестьян были уведены и проданы в рабство. Занятые междоусобными сварами, князья не гнушались выпрашивать себе милости при дворе ханов. Но уже на Куликовом поле Дмитрий Донской, разбив полчища Мамая, показал путь, по которому следовало идти, чтобы спасти страну от национального уничтожения и обеспечить условия ее дальнейшего существования.

Должно было пройти еще сто лет, чтобы надежды Дмитрия Донского сбылись. В 1480 г. ненавистное ордынское иго было окончательно сброшено. И это произошло благодаря упорному созидательному труду русского крестьянина и посадского человека. Страна постепенно возродилась из руин и пепла. Города наполнялись людьми. Топор, плуг и коса осваивали поросшие кустарником и лесами просторы. Русские умельцы-ремесленники создавали жилища, изготовляли утварь, ковали оружие и доспехи. Налаживалась торговля не только внутри страны, но и с западными и восточными соседями. Так возникли реальные условия для объединения русских земель, естественным центром которых стала Москва. Приближался день завершающего удара по иноземным поработителям.

Уже в ходе феодальной войны второй четверти XV в. определилась ведущая роль Московского княжества как средоточия всех сил страны, способных продолжить и завершить дело, успешно начатое Дмитрием Донским. Основы единства Руси были заложены после победы Василия II Темного над Дмитрием Шемякой. Развязка наступила, когда на престол вступил сын Василия II — Иван III. Этот выдающийся государственный деятель сумел понять веление времени, возглавить борьбу за создание единого Русского государства и добиться окончательного освобождения страны от ордынского ига. Деятельность Ивана III высоко оценил К. Маркс, подчеркивая успехи как внутренней, так и внешней политики России того времени.

Рубеж XV—XVI вв. в истории Европы ознаменовался событиями огромного размаха. При Людовике XI (1461—1483) завершилось объединение Франции. После битвы при Босворте (1485) окончилась война Алой и Белой розы, и власть в Англии перешла к Генриху VII — основателю династии Тюдоров. Падение Гренады в 1492 г. знаменовало окончание Реконкисты в Испании. После завоевания Сербии и укрепления влияния в Молдавии войска султана Баязида II (1481—1512) вели затяжные войны с империей Габсбургов и Венгрией. В 1492 г. Колумб отправился в историческое плавание, которое привело к открытию Нового Света. Вскоре Васко да Гама проложил путь в сказочную Индию (1497—1498), где за четверть века до того побывал во время своего «хожения за три моря» русский торговый человек Афанасий Никитин.

Заря Возрождения освещала передовую мысль и культуру в развитых европейских странах. Гений Леонардо да Винчи (1452—1519) создавал бессмертные шедевры живописи и казавшиеся тогда фантастическими проекты летательных аппаратов. При дворе Лоренцо Великолепного во Флоренции писал свои трактаты Марсилио Фичино, зачитывавшийся трудами античных философов. Умный мыслитель и циничный политик Никколо Макиавелли (1469—1527) трудился над «символом веры» для того правителя, который решился бы взять на себя миссию объединения Италии, не брезгуя для этой цели никакими средствами. Изобретение книгопечатания привело к более широкому распространению знаний и разнообразию репертуара издаваемых произведений. Читатель теперь интересовался не только богословской литературой, но и естественнонаучными сочинениями, трактатами по астрономии и медицине, историческими и беллетристическими произведениями. Таковы только основные штрихи политической и культурной жизни Европы в те годы, когда на Руси правил Иван III.

Многолетнее правление Ивана III (1462—1505) делится на два периода. Каждый из них имеет свои существенные особенности. Во время первого (1462—1480) ему удалось присоединить к Москве громадные территории Великого Новгорода, вторую половину Ростовского княжества и Дмитровский удел. Дело создания единого государства тем самым было обеспечено.

В 1480 г. пало и ордынское иго. Во второй период (1481—1505) завершалось объединение русских земель, началось строительство единого государственного аппарата, формировались основные направления внешней политики России. Словом, если в первый период правления Ивана III осуществлялись главным образом задачи, поставленные еще в XIV — первой половине XV в., то во второй — намечались пути, по которым пойдет страна в следующем, XVI столетии.

История 1462—1480 гг. обстоятельно и всесторонне изучена в монографии Л. В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках» (М., 1960). Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена второму периоду правления Ивана III. Она как бы предваряет серию книг автора по истории России XVI в.: «Россия на пороге нового времени» (М., 1972), «Реформы Ивана Грозного» (М. 1960) и «Опричнина Ивана Грозного» (М., 1964). Речь пойдет прежде всего о политической истории страны и строительстве единого государственного аппарата, а также о тех сторонах этого процесса, которые получили дальнейшее развитие в XVI в. Автор стремился рассматривать вопросы политической истории в тесной связи с бурным подъемом классовой борьбы на рубеже XV—XVI вв. Наиболее яркими его проявлениями были борьба крестьян за землю и реформационное движение в Москве, Твери и Новгороде. Драматические события эпохи находили отклик в напряженном биении пульса общественно-политической мысли. В изучаемое время складывались ее основные идейно-политические течения. Их тесную связь с классовой и внутриклассовой борьбой автор также стремился проследить в книге.

Автор выражает глубокую благодарность
С. М. Каштанову и А. Л. Хорошкевич, оказавшим ему существенную помощь во время работы над текстом книги.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Общие исторические представления о создании единого Русского государства формировались уже у современников. Складывание общерусской государственности и рост международного престижа России привели к возникновению официальных политических идей о Русском государстве как законном преемнике крупнейших мировых империй — Римской и Византийской. «Сказание о князьях владимирских» рассматривало государя всея Руси как наследника власти византийских императоров. На протяжении XVI в. это представление стало важнейшей частью официальной идеологии самодержцев. Созданный в 10-е годы XVI в. в Иосифо-Волоколамском монастыре Русский хронограф, исходя из тезиса о преемственности всемирных монархий, рассматривал историю России как завершающий этап судеб человечества [1]. В кругах, оппозиционных Василию III и Ивану IV, складывалось отрицательное представление о деятельности Ивана III и княжича Василия, причем эта негативная характеристика прямо связывалась со второй супругой Ивана III — Софьей Палеолог и ее окружением. И. Н. Берсень-Беклемишев говорил, что «как пришли сюда грекове, ино и земля наша замешалася». Кн. А. М. Курбский в полемическом труде писал, что московские князья «обыкли тела своего ясти и крове братии своей пити» .

В дореволюционной историографии проблема образования единого Русского государства принадлежала к числу тем, к которым ученые обращались в первую очередь для того, чтобы понять ход русского исторического процесса [3]

Родоначальник отечественной исторической науки В. Н. Татищев, исходя из представления о незыблемости самодержавия, полагал, что единодержавие существовало еще в Древней Руси и было нарушено Ярославом Мудрым, а Иван III «совершенную монархию восставил и о наследии престола единому сыну, учиня закон, собором утвердил» [4].

Дворянский историк XVIII в. М. М. Щербатов считал, что Иван III добился успехов в объединительной политике «без великих кровопролитий» [5]. М. М. Щербатов значительно обогатил комплекс источников. Он привлек гораздо больше летописных текстов, чем предшественники, и обратил внимание на актовые материалы.

Итоги развития русской дворянской историографии подвел в начале XIX в. Н. М. Карамзин. Для него Иван III — «герой не только российской, но и всемирной истории», ибо он восстановил в России единодержавие и уничтожил разновластие [6].

Резко противостоял официальной историографии революционер-демократ А. Н. Радищев. Исходя из тезиса о «договорном» начале как основе княжеской власти, он прославлял вольность Великого Новгорода подчеркивал своеволие российских самодержцев, включая и Ивана III [7].

Радищевскую традицию в историографии продолжили декабристы. Н. М. Муравьеву претила «холодная жестокость Иоанна III». Более гибкую характеристику дал Ивану III Н. И. Тургенев: «С благоговением благодарю его как государя, но не люблю его как человека, не люблю как русского». Ставя ему в заслугу уничтожение уделов и достижение «независимости и внешнего величия России», Тургенев вместе с тем писал: при Иване III «Россия достала свою независимость, но сыны ее утратили личную свободу надолго, надолго, может быть, навсегда. История ее с сего времени принимает вид строгих анналов самодержавного правительства... вольность народа послужила основа-

нием, на котором самодержавие воздвигло Колосс Российский»[8].

Достижением сложившейся в середине XIX в. юридической, или государственной, школы (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин) было представление о закономерном характере русского исторического процесса. Ученые этой школы считали определяющим фактором истории эволюцию форм политической жизни, а не созидательную деятельность народных масс. Ведущую линию исторического процесса составлял, по мнению С. М. Соловьева, «переход родовых отношений между князьями в государственные». Носителями государственного начала становились самодержцы, а родового — бояре и княжата. По Соловьеву, формирование государственных отношений падало на время Ивана IV, а политическая борьба при дворе Ивана III сводилась к противопоставлению бояр и княжат детям боярским и дьякам[9]. Эта оценка расстановки сил исходила прежде всего из представления о борьбе государственного и родового начал, а не из конкретного рассмотрения источников.

Концепция С. М. Соловьева вызвала критику славянофилов[10]. К. С. Аксаков, основные идейные позиции которого были связаны с идеализацией православия и самодержавия, исходя из представления о «союзе власти и народа», делил допетровскую историю России на три периода. На протяжении третьего («московского») периода Москва первая задумала «государственное единство» и начала уничтожение отдельных княжеств. В итоге Русская земля была соединена в одну «великую Общину»[11]. Верно подметив, что в концепции Соловьева начисто отсутствует народ, Аксаков поставил задачу изучения народного быта. К ее решению обратились историки славянофильского толка (И. Д. Беляев, И. Е. Забелин).

Наследие передовой отечественной историографии развивали революционеры-демократы. Для В. Г Белинского Иван III — крупный политический деятель, сочетавший в своей политике и решительную борьбу с удельной разобщенностью, и черты восточного деспотизма. Подчеркивая, что Иван III «был творцом неподвижной крепости Московского царства, положив в его основу идею восточного абсолютизма», Белинский вместе с тем считал «великим переворотом» падение

уделов и становление самодержавия. Несколько идеализируя в духе построений С. М. Соловьева деятельность Ивана III, Белинский полагал, что Московское царство было утверждено «гением» Ивана III. Более свободным от подобной идеализации был А. И. Герцен. Признавая очевидной «необходимость централизации», он писал, что «Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни». По мнению Герцена, в XV столетии «и даже в начале XVI века» было неясно, какой из двух принципов возьмет верх: «князь или община, Москва или Новгород». Еще определеннее высказывался Н. Г Чернышевский, оценивавший централизацию как становление аппарата насилия [12].

Критиковал утверждение единодержавства в России и Н. И. Костомаров, но с либерально-буржуазных позиций, рассматривая его как победу деспотизма над началами «земской свободы» [13].

Тезис ученых государственной школы о прогрессивности борьбы самодержавия с реакционным боярством был воспринят буржуазной историографией второй половины XIX — начала XX в.

В трудах В. О. Ключевского оценка истории России рубежа XV—XVI вв. является как бы модификацией концепции его учителя — С. М. Соловьева. По Ключевскому, при Иване III и его преемниках Московское княжество превращалось в национальное великорусское государство, а формирование Боярской думы из потомков когда-то самостоятельных княжат придало ему аристократический фасад [14]. Вместе с тем Ключевский внес много нового в схему Соловьева: отметил значение для централизации социально-экономических факторов (колонизация, развитие крепостничества), обратил внимание на роль государственных учреждений.

В период кризиса буржуазной исторической науки, в конце XIX — начале XX в. воскресли обветшавшие догмы государственной школы. «Надклассовое» государство объявлялось ведущей силой русского исторического процесса в трудах С. Ф. Платонова, М. К. Любавского, П. Н. Милюкова и других историков. Заслуживает внимания тезис Н. П. Павлова-Сильванского о существовании на Руси феодализма, понимавшегося им в чисто юридическом аспекте. Павлов-Сильванский счи-

тал, что с XIII до середины XVI в. господствовало крупное землевладение (вотчина-сеньория), а со времен Ивана III «феодальный порядок постепенно падал». В исследовании А. Е. Преснякова, посвященном образованию Великорусского государства, привлекает попытка строго аналитического рассмотрения источниковой базы проблемы. Однако этот процесс Пресняков изучал в отрыве от социально-экономического развития страны и фактически с позиций государственной школы. Венцом процесса складывания единой государственности был, по Преснякову, «синтез вотчинного властвования и политической силы великокняжеской власти в московском едино- и самодержавии» [15].

С позиций экономического материализма пытался объяснить складывание единого Русского государства Н. А. Рожков. Зарождение самодержавия в России он относил к концу XV в. и связывал его с постепенной сменой натурального хозяйства денежным [16].

Г. В. Плеханов стремился изложить марксистское понимание истории России рассматриваемого периода. Однако основные его представления навеяны были Соловьевым и Ключевским. Вместе с тем он отмечал значение процесса складывания поместной системы при Иване III и постепенного утверждения крепостничества. В отличие от Павлова-Сильванского, сравнивавшего русский исторический процесс с западноевропейским, Плеханов находил в общественно-политическом строе Московской Руси черты, характерные для восточных деспотий [17]

Решительной критике подверг труды буржуазных историков М. Н. Покровский, пытавшийся дать марксистское освещение основных моментов русской истории. Экономической причиной образования «огромного Московского царства» Покровский считал зарождение городской буржуазии. Ученый, несомненно, преувеличивал роль в этом процессе торгового капитала. Ошибочными были и отрыв процесса «собирания» Руси Москвой от образования единой государственности, и отождествление «единого государства» с самодержавием (абсолютизмом). Зато Покровский убедительно критиковал тех буржуазных историков, которые «шаблонно» противопоставляли боярство и «государя» как центробежную и центростремительную силы в «молодом Московском государстве» [18].

Последние несколько десятилетий отмечены интересом к истории России изучаемого периода в зарубежной буржуазной историографии, воспринявшей традиции русской дореволюционной науки. Современные буржуазные историки, как правило, не учитывают классового характера государства, которое они считают творцом исторического процесса. В их трудах не находят заметного места вопросы социально-экономической истории и классовой борьбы. Историю общественной мысли они рассматривают сквозь призму филиации идей, особенно подчеркивая византийские традиции или влияние европейского Ренессанса. Вместе с тем в отдельных трудах содержатся конкретные соображения, позволяющие расширить представление о различных сторонах истории России рубежа XV—XVI вв. Явно заметно влияние советской историографии на конкретные построения в работах ряда зарубежных ученых. Это подтверждает плодотворность контактов между учеными разных стран.

За последние годы переведен на иностранные языки ряд важнейших источников по истории средневековой России [19]

Большой интерес представляют работы Г Алефа о строительстве государственного аппарата, хотя не со всеми его гипотезами (в частности, о происхождении государственного герба России) можно согласиться [20]. Труды историко-правового характера написаны Д. Дьюи, М. Шефтелем и Э. Клеймола [21]. Для этих работ наряду с обстоятельностью изложения конкретного материала характерен формально-юридический подход к теме, отказ от рассмотрения права XV—XVI вв. как феодального права-привилегии. К циклу работ о государственном аппарате и политической истории принадлежит статья Г Рюсса о наместничестве. События 1497—1502 гг. привлекли внимание Д. Файна и Г Алефа. Проблему взаимоотношений великих князей с наследниками престола на протяжении XIV—XVI вв. рассмотрел П. Нитше [22].

Ряд работ посвящен дипломатическим сношениям России с иностранными державами. Х. Яблоновский изучал историю западнорусских земель во время противоборства России и Великого княжества Литовского. Его тезис об экспансии России представляется научно несостоятельным. Плодотворнее попытки О. Бакуса

выяснить причины заинтересованности западнорусской знати в присоединении к Русскому государству[23]

Особенно широко освещаются вопросы идеологии Руси рубежа XV—XVI вв. В идее «Москва — третий Рим» Х. Шедер и В. Н. Медлин видят не одну из теорий церковного происхождения, как считают советские ученые, а некую программу экспансии, провозглашенную русским правительством[24]. Работы советских ученых о русском реформационном движении на рубеже XV—XVI вв. вызвали широкий отклик за рубежом. Г Штекль признает наличие черт реформационного движения в русской действительности того времени и вместе с тем считает их не результатом естественного развития русской общественной мысли, а «эхом» европейской Реформации[25] Специальные исследования посвящены взглядам Иосифа Волоцкого, однако наряду с интересными трудами на эту тему есть и работы чисто клерикального характера (книга Т Шпидлика)[26]. Внимательно изучались «Лаодикийское послание» вольнодумца Федора Курицына и связанная с его именем «Повесть о Дракуле»[27] Обстоятельную книгу о Ниле Сорском написала Ф. Лилиенфельд, выявившая ряд новых источников. Она рассмотрела идеологию Руси того времени в сравнительно-историческом аспекте. Сводный труд о русских ересях XI—XV вв. написал Э. Хеш. Н. Ангерман обнаружил новые данные о русско-немецких культурных связях конца XV в.[28]

Появились и обобщающие труды с разносторонней оценкой важнейших явлений данного периода. Один из томов шеститомной «Истории России» Г Вернадского посвящен XV — первой трети XVI в. Автор с позиций «евразийского» подхода обосновывает тезис о складывании Русского государства в системе монгольского властвования. Роль монголов непомерно преувеличена. Основанная на традиционной источниковой базе, книга отставала от уровня науки уже в момент публикации. Успехи политики Ивана III Вернадский объясняет «новыми генами, приобретенными в результате браков московскими князьями»[29]

Монография Д. Феннела о деятельности Ивана III привлекает широким подходом к теме, ярким изложением, знанием литературы проблемы. Автор хорошо знаком с советской историографией, выводы которой он широко использует. Отдельные наблюдения Д. Фен-

нела (в частности, о «династическом кризисе» 1497—1502 гг.) приняты советскими учеными. Недостатком книги является отрыв политической истории от социально-экономических предпосылок образования единого государства [30].

Основные законы общественного развития, и в частности в феодальную эпоху, установили К. Маркс и Ф. Энгельс. Они доказали, что в период перехода к позднему феодализму формирование крупных феодальных монархий было закономерным явлением, обусловленным сдвигами в социально-экономической жизни общества, развитии производительных сил и росте общественного разделения труда. «Объединение более обширных областей в феодальные королевства,— писали Маркс и Энгельс,— являлось потребностью как для земельного дворянства, так и для городов. Поэтому во главе организации господствующего класса — дворянства — повсюду стоял монарх». Следовательно, складывание государственности протекало в феодальных условиях и вместе с тем было связано с развитием товарно-денежных отношений. В конце XV века,— писал Энгельс,— деньги уже подточили и разъели изнутри феодальную систему...» [31]

Процесс создания национальных государств позднего средневековья был одним из важных рычагов прогресса. Королевская власть, указывал Ф. Энгельс, представляла собой «порядок в беспорядке», являлась «представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства». Она восторжествовала «повсюду в Европе, вплоть до отдаленных окраин», причем «даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III» [32].

Маркс высоко ценил государственную деятельность «великого макиавеллиста» Ивана III. Он писал: «В начале своего царствования (1462—1505) Иван III все еще был татарским данником; его власть все еще оспаривалась удельными князьями; Новгород, стоявший во главе русских республик, господствовал на севере России; Польско-Литовское государство стремилось к завоеванию Московии; наконец, ливонские рыцари еще не сложили оружия. К концу царствования мы видим Ивана III сидящим на вполне независимом троне, об

руку с дочерью последнего византийского императора; мы видим Казань у его ног, мы видим, как остатки Золотой Орды толпятся у его двора; Новгород и другие русские республики покорны; Литва уменьшилась в своих пределах и ее король является послушным орудием в руках Ивана; ливонские рыцари разбиты. Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, затиснутой между Литвой и татарами,— была ошеломлена внезапным появлением огромной Империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от московитов надменные речи» [33].

К. Маркс подчеркивал и другие стороны деятельности Ивана III. «*Иван*,— писал он,— покровительствовал торговле; с этой целью поддерживал в особенности сношения с *Азовом* и *Каффой*» [34].

Утверждение марксистской концепции русского исторического процесса связано с появлением классических трудов В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» и «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Рассматривая проблему складывания «всероссийского рынка», В. И. Ленин писал, что Россия, как и другие европейские страны, пережила период развития феодализма. По его мнению, «в эпоху московского царства» «о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить», ибо государство в то время «распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.». В. И. Ленин указывал, что «только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое». Вызывалось это «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» [35]

Итак, В. И. Ленин установил органичную связь объединительного процесса на Руси с экономическим развитием страны и показал, что в период «московского царства» «живые следы прежней автономии» суще-

ствовали не только в экономике, но и в политическом строе государства, что преодоление их относится к более позднему времени.

Основополагающие указания В. И. Ленина позволили советским историкам достичь больших успехов в изучении процесса создания единого Русского государства.

В трудах С. Б. Веселовского содержится характеристика видов сельских поселений XIV—XVI вв. и форм феодального землевладения. Он создал фундаментальные очерки о семьях нетитулованной боярской знати[36]. Не все выводы этого выдающегося историка были приняты исследователями[37], но его наблюдения основывались на огромном конкретно-историческом материале, привлечении новых методов исследования (в частности, генеалогического, топонимического и др.) и глубоком проникновении в прошлое страны.

Феодальному землевладению посвятили свои работы и другие советские ученые. Митрополичье землевладение в сравнительно-историческом аспекте исследовал Л. В. Черепнин. А. И. Копанев показал динамику развития землевладения в Белозерском крае, используя методы картографического анализа. Ю. Г Алексеев изучал землевладение Центра (Переславский уезд), обратив внимание преимущественно на различные его формы. Л. И. Ивина показала историю создания крупной монастырской вотчины в связи с обстоятельствами общественно-политической борьбы XIV—XVI вв. Освещена история Соловецкой вотчины. Сделана попытка рассмотреть историю монастырской вотчины в связи с ее социальной структурой (Волоколамский монастырь). Общую характеристику типов землевладения дал В. Б. Кобрин[38].

Привлекала внимание исследователей и поместная система, становление которой падает на конец XV в. В работах Г В. Абрамовича, Ю. Г Алексеева, А. Я. Дегтярева, А. И. Копанева, Р. Г Скрынникова и других поставлены вопросы как об истоках этой системы, так и о формах эксплуатации крестьян в поместьях. Рассматривались также особенности землевладения на Севере (Вага и Двина)[39]

Дискуссионным остается вопрос о природе крестьянского землевладения, связанный с пониманием сущности эксплуатации крестьян феодальным государством[40]

Интересны работы Ю. Г Алексеева о волости в центре России[41].

Классический труд Б. Д. Грекова положил начало изучению форм феодальной эксплуатации крестьянства. Греков уделил большое внимание смене форм ренты (переход от продуктовой ренты к барщине он датировал серединой XVI в. и связывал его с ростом внутреннего рынка) и характеристике отдельных категорий крестьянства. Развивая и углубляя наблюдения Грекова, позднейшие исследователи внесли много нового в понимание экономического и социального положения крестьян. А. Д. Горский и Г Е. Кочин дали разносторонний анализ состояния сельского хозяйства, высказали интересные соображения и о природе эксплуатации крестьянства. И. В. Лёвочкин поставил вопрос о характере организации полевого земледелия в XV—XVI вв. О разнообразии в XIV—XV вв. форм феодальной ренты писал А. П. Пьянков[42].

Новые пути исследования истории крестьянства открывает систематическое изучение комплекса новгородских писцовых книг. Трудами Л. В. Даниловой, В. Н. Бернадского и коллектива ленинградских ученых под руководством А. Л. Шапиро значительно продвинулось вперед изучение форм феодальной ренты в Новгородской земле. Собрав большой материал, показывающий рост товарного производства в деревне с конца XV в., Д. П. Маковский, несомненно, преувеличил роль «новых» (капиталистических) явлений на Руси. Много сделали советские ученые (А. И. Яковлев, В. М. Панеях, Е. И. Колычева и др.) для изучения такой своеобразной категории феодального населения, как холопство[43].

Привлекала внимание советских историков и классовая борьба крестьянства и горожан. Яркие страницы сопротивления крестьян монастырям-вотчинам показал И. У Будовниц на трудном для анализа материале житий святых. Эту же тему освещала Л. И. Ивина, но на основе судебной документации. А. Д. Горский синтезировал весь имеющийся фонд актовых источников по истории классовой борьбы крестьянства. Большим достижением советской историографии являются работы А. И. Клибанова и Я. С. Лурье, благодаря которым ереси рубежа XV—XVI вв. впервые рассмотрены как реформационное движение[44].

Так же пристально изучали советские ученые подъем городской жизни, рост ремесла и торговли. В труде Б. А. Рыбакова показаны основные виды и формы ремесла на рубеже XV—XVI вв. и его значительные успехи по сравнению с предшествующим периодом. Москва как крупный экономический и политический центр страны исследовалась М. Н. Тихомировым и К. В. Базилевичем. В обобщающем труде А. М. Сахарова собран богатый конкретный материал по истории города, хотя степень его развития автор явно недооценивал. Роль городов XIV—XV вв. он сводил к укреплению и развитию феодализма, подчеркивая в них наличие прежде всего феодальных черт. К сожалению, Тихомиров и Сахаров в своих работах изложение доводят только до начала 80-х годов XV в. П. П. Смирнов склонен был рассматривать русские города XV в. как раннефеодальные, что свидетельствовало также о недооценке им уровня городской жизни в ту эпоху [45].

Внутренняя торговля России того периода изучена недостаточно [46], зато внешней посвящено несколько солидных исследований. А. Л. Хорошкевич на широком международном фоне изучила торговлю Великого Новгорода с Прибалтикой и странами Запада. В. Е. Сыроечковский и М. В. Фехнер рассмотрели различные аспекты торговых отношений России со странами Востока [47]

Книга А. Л. Шапиро посвящена рассмотрению тех основных проблем социально-экономической истории России XIV—XVI вв. которые являются предметом оживленных дискуссий или недостаточно изучены [48]

Процесс складывания единого Русского государства освещен неравномерно. Лучше всего исследованы предпосылки объединения русских земель и конкретный ход роста Великого княжества Московского [49]. Есть работы по истории Псковской республики, Твери, Рязани, Ярославля, Волоколамского удельного княжества и других уделов [50].

Нет еще всестороннего исследования формирования государственного аппарата единого Русского государства. Общий очерк посвятил этой проблеме Л. В. Черепнин. Процесс создания русской государственности в конце XV—XVI вв. анализировал Г Б. Гальперин, полагавший, что в тот период шло строительство сослов-

но-представительной монархии[51] Выяснены состав дьяческого аппарата и его место в складывании зародыша приказной системы, показаны основные черты наместнического управления. Наконец, отмечается и роль дворцового аппарата (в частности, областных дворцов) как этапа на пути создания приказной системы[52]. Вместе с тем отсутствуют работы о деятельности Боярской думы[53]

В ходе исследования внутриполитической борьбы рубежа XV—XVI вв. Я. С. Лурье пересмотрел традиционные представления о социально-политической сущности основных группировок знати при дворе Ивана III. Наблюдения автора о Владимире Гусеве и силах, стоявших за его спиной, а также о Судебнике 1497 г. прочно вошли в науку. Широкое привлечение актового материала и тонкая интерпретация дипломатических источников позволили С. М. Каштанову проследить перипетии дворцовой борьбы в годы «династического кризиса» и понять ее связь с правительственными мероприятиями конца XV в.[54]

Основные направления внешней политики Ивана III рассмотрел К. В. Базилевич. Недостаточное использование зарубежных источников не позволило автору всесторонне раскрыть роль России в системе международных отношений. Эти вопросы освещены в монографии А. Л. Хорошкевич. Русско-прибалтийско-ганзейские связи внимательно изучала Н. А. Казакова. Интересны работы Е. Ч. Скржинской и других историков о русско-итальянских связях. Значительно меньше исследовались сношения Руси с другими европейскими странами. Россию как существенное звено в системе восточноевропейских международных отношений XIV—XVI вв. рассмотрел И. Б. Греков[55].

Обобщающее двухтомное исследование по истории русской культуры XIV—XV вв. не только подводит итог разработки данной проблемы, но и пролагает новые пути. Достоинством работы является и большое внимание к истории материальной культуры (в широком ее понимании) и быта[56]

Русская литература и общественная мысль рубежа XV—XVI вв. стали объектом специальных исследований историков и литературоведов. Изучались воззрения как еретиков-вольнодумцев, так и идеологов силь-

ной воинствующей церкви, нестяжателей и других мыслителей[57] Рассматривались истоки русской беллетристики, отмечался интерес к светской литературе в тот период, и в частности к античной традиции[58] Много споров вызывает комплекс идей, входящих в официальную идеологию (например, предыстория «Сказания о князьях владимирских»)[59] Возрос интерес к творчеству русских художников рубежа XV—XVI вв.[60]

Наряду с исследованиями об отдельных сторонах русской жизни конца XV — начала XVI в. появились и труды, содержащие обобщенную характеристику Руси того периода. Общая концепция создания единого Русского государства сложилась в советской историографии не сразу. Заслуга формирования ее основных положений на основе освоения наследия классиков марксизма-ленинизма принадлежит С. В. Бахрушину и К. В. Базилевичу. Но наиболее разностороннее и глубокое представление о предпосылках и важнейших чертах процесса создания централизованного государства дают многочисленные труды Л. В. Черепнина. Он изучил историографию вопроса, проанализировал социально-экономические предпосылки объединительного процесса и историю самого объединения русских земель вокруг Москвы с XIV в. до 80-х годов XV в. На широком международном фоне рисует историю создания Российского государства М. Н. Тихомиров в лекциях, прочитанных в Сорбонне. Итоговый характер носит написанный А. Л. Хорошкевич раздел об истории России конца XV — начала XVI в. в академическом издании «Истории СССР». А. М. Сахаров в курсе лекций, посвященных образованию и развитию Русского государства в XIV—XVII вв. предложил свою характеристику причин объединительного процесса на Руси. Он не придавал существенного значения росту общественного разделения труда и городов. «Город,— писал А. М. Сахаров,— был явлением феодальным прежде всего... На Руси объединение страны шло на феодальной основе и в феодальных формах». Он подчеркивал, что «в основе политики князей, стремившихся к объединению земель и княжеств под своею властью, лежали чисто феодальные интересы», а сам процесс объединения «протекал на феодальной основе и на базе роста феодального землевладения и хозяйства»[61].

Конечно, отрицать феодальный характер процесса создания единого государства на Руси нет оснований. Но и неверно говорить, что процесс этот протекал на «чисто» феодальной основе, тем более что рост феодального землевладения был базой развития феодальной раздробленности, а не объединения земель в единое государство. Ряд ценных трудов в этой области создан также историками стран социализма (Э. Винтер, Г Рааб и др.) [62].

Таковы в общих чертах основные итоги изучения советскими и зарубежными учеными истории России на рубеже XV — XVI вв.

БЗОР ИСТОЧНИКОВ

Основная масса источников по истории России рубежа XV—XVI вв. в настоящее время может считаться изданной. Это ставит перед исследователями особенно трудную задачу — разработки новых методов источниковедческого анализа, без чего невозможно дальнейшее движение науки вперед.

Наиболее важным источником для изучения общественно-политической истории являются летописи. Трудами М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова, Я. С. Лурье методические приемы, намеченные еще А. А. Шахматовым, стали более разносторонними. Наряду с логически-смысловым анализом летописного материала советские историки исследуют классовую и политическую направленность сводов, органичную связь летописного дела с другими формами развития общественно-политической мысли.

Картина истории летописного дела конца XV — начала XVI в. представляется следующей. Основу почти всех сохранившихся летописей составляет официальное московское летописание за 1480—1500 гг. Оно является продолжением так называемого Московского летописного свода 1479 г. (его Уваровский список первой трети XVI в. доведен до 1492 г., но конец его утерян, а Эрмитажный список XVIII в. обрывается на известии

1477 г.)[1]. Официальная летопись, сходная с продолжением свода 1479 г. по Уваровскому списку, содержится в Симеоновской летописи (с 1480 до конца 1493 г., которым обрывается ее сохранившийся список). Симеоновская летопись составлена была около 1498—1502 гг. в период правления Дмитрия-внука. Список ее середины XVI в., как определил Б. М. Клосс, происходит из Волоколамского монастыря[2]. Сходные тексты содержит и так называемый «Летописец от 72-х язык». Этот памятник, как установил Я. С. Лурье, сохранился в трех видах[3]. Первый вид представлен Лихачевским списком, где после 1477 г. и до 1488 г. (которым он заканчивается) идет текст, близкий к Московскому своду 90-х годов[4]; второй (Прилуцкий) — так называемым сводом 1497 г. (после 1477 г. идет текст, близкий к Типографской Синодальной летописи, обрывающийся на 1497 г.)[5]; третий сохранился в Уваровской летописи (свод 1518 г.)[6], где текст до 1482/3 г. сходен с Прилуцким видом, а далее — с Софийской II и Львовской летописями.

Официальное летописание сохранилось и в так называемых Сокращенных летописных сводах Погодинского (Сокращенный свод 1493 г., завершающийся сообщениями сентября этого года) и Мазуринского видов (Сокращенный свод 1495 г., доводящий изложение до февраля 1495 г.). Оба свода изданы[7] На официальном летописании основывала свое изложение Вологодско-Пермская летопись (в редакции 1499 г.)[8].

В редакции 1508 г. официальное летописание известно по списку Царского Софийской I летописи[9]. Наконец, в редакции свода 1518 г., основанного на своде 1508 г., официальное летописание дошло до нас в Уваровской, Воскресенской, Софийской II, Львовской, Иоасафовской и Никоновской летописях[10].

Политическая ориентация официальных летописей менялась в связи с напряженной политической борьбой при дворе Ивана III. Одна из редакций официальной летописи составлена была в 1493 г., а следующая — в 1495 г. Создателя последней С. М. Каштанов убедительно ищет в окружении Елены Стефановны и предположительно связывает с канцелярией митрополита Зосимы. Я. С. Лурье считает список 1495 г. великокняжеским сводом. В официальном своде 1500 г. (см. Новгородский свод 1539 г. и Новгородскую Уваров-

скую летопись) изложение заговора Владимира Гусева (1497/98 г.) дается также с позиций группировки Елены Стефановны [11]. Однако в 1508 г., когда свод 1500 г. дополнялся и редактировался, рассказ о событиях 1497/98 г. был изменен в духе Василия III.

Спорным является вопрос о канцелярии, с которой было связано официальное летописание. По А. Н. Насонову, это был двор московских митрополитов, с чем не согласен Я. С. Лурье [12].

В 80-х годах XV в. существовал летописный памятник, составитель которого сочувствовал митрополиту Геронтию. Он сохранился в составе свода 1518 г. (Софийская II — Львовская летопись). В него включались известия 1481/82, 1483/84 и далее до 1489/90 гг., частью с 1482/83 г., совпадающие с Типографской летописью [13]

Летописание старых центров Руси постепенно приходило в упадок. В Новгороде после его присоединения пользовались официальными летописями, которые пополнялись отдельными сведениями местного характера. Некоторое время интенсивно занимались летописанием в Ростове, при архиепископском дворе. Свод конца 80-х годов XV в., дошедший в составе Типографской летописи, составлен был при дворе архиепископа Тихона. А. Н. Насонов и К. Н. Сербина усматривают в нем черты митрополичьей канцелярии. В конце XV — начале XVI в. свод был пополнен материалами официального летописания и в таком виде повлиял на великокняжеский свод 1518 г., а также на Прилуцкий вид «Летописца от 72-х язык» [14].

В Пскове, сохранявшем до 1510 г. независимость, летописание велось по-прежнему интенсивно при Троицком соборе. В псковских летописях имеются пространные рассказы как о внутренних событиях в республике (в частности, о движении «смердов» 1485 г.), так и о присоединении Новгорода. А. Н. Насонов датирует возникновение псковских сводов 1481 г. и концом 80-х годов, а Г Ю. Грабмюллер — 1481, 1482 и 1486 гг. [15]

Следы известий рязанского происхождения обнаружены А. Г Кузьминым в Никоновской летописи. Однако его датировка этой летописи 1500 г. вызвала решительное возражение Б. М. Клосса. Вскоре после присоединения в 1485 г. Твери к Москве сошло на нет и тверское летописание. Тверские известия приписыва-

лись к своду 1455 г. до 1486 последние приписки доходят до 1498 г. Местные предания о русско-казанских отношениях сохранились в составе позднейшей «Казанской истории» [16].

Составляли летописи и в крупнейших монастырях. Летописное дело в Троицком монастыре связано с традицией, представленной Типографской летописью. Небольшие летописцы возникали в Кирилло-Белозерском и Иосифо-Волоколамском монастырях [17]

Летописание велось в Перми, на Выми, в Холмогорах и на Устюге, где оно в конце XV в. даже переживало некоторый подъем [18].

Рост международного престижа Русского государства к началу XVI в. и складывание официальной идеологии, рассматривавшей Россию как законную преемницу Византийской империи, привели к появлению нового типа исторического повествования — хронографа. В Русском хронографе история страны рассматривалась как заключительный этап истории крупнейших мировых монархий. Как установил Б. М. Клосс, одним из источников памятника была Сокращенная редакция официальной летописи 90-х годов, а возник он в Волоколамском монастыре в 10-е годы XVI в. О. В. Творогов доказал, что хронограф сохранился лучше всего в тексте так называемого «Хронографа редакции 1512 г.» [19].

Для изучения социально-экономических отношений, истории государственного аппарата, а также внутренней политики первостепенное значение имеют актовые материалы. Основной корпус актов до 1504 г. в настоящее время может считаться изданным. Остались несобранными лишь северные акты с 1478 г. [20]

Классическая монография Л. В. Черепнина о русских феодальных архивах XIV—XV вв. [21] отличается новаторским подходом к анализу актовых и законодательных источников того периода: изучением формы актов и законов в органичной связи с их содержанием и конкретно-исторической обстановкой их создания. К анализу памятников Черепнин широко применял также ту методику изучения летописей, создателем которой был А. А. Шахматов. Подход Черепнина к актам получил дальнейшее развитие в работах С. М. Каштанова, Н. Н. Покровского, А. Д. Горского и других историков.

Как показал В. Б. Кобрин, сохранившиеся акты (преимущественно из монастырских фондов) достаточно репрезентативны для изучения основных черт феодального землевладения. Этого нельзя сказать о писцовых книгах. Сохранились только новгородские писцовые книги, составленные вскоре после присоединения Новгорода к Москве. Чем объясняется подобная сохранность, не вполне еще ясно. Источниковедческое изучение писцовых книг, в последние годы успешно проводившееся Г В. Абрамовичем, не завершено. Для истории складывания поместного землевладения в Новгороде весьма существенна так называемая «Поганая книга» Дмитрия Китаева, содержащая перечень послужильцев, испомещенных в Новгородской земле. Время и обстоятельства ее создания до конца еще не установлены [22].

Делопроизводственные материалы рубежа XV—XVI вв. почти не сохранились. Только некоторые из них упоминаются в позднейшей (70-е годы XVI в.) описи Государственного архива [23].

Из материалов, непосредственно относящихся к строительству государственного аппарата и объединению русских земель в единое государство, выделяется небольшой, но первостепенный по значению комплекс княжеских духовных и договорных грамот. Его исследовал Л. В. Черепнин [24]. Известны также две крестоцеловальные (присяжные) грамоты 1474 г. [25] Местнические документы почти не сохранились. Одна грамота (1504 г.) имеется в составе позднейшего дела (1567 г.) [26]. Разрядные книги дошли до нас лишь в редакции середины 50-х годов XVI в., но разрядные записи о походах, военных назначениях велись уже с конца XV в. [27] Родословные книги также представлены только поздней редакцией (40—50-е годы XVI в.), хотя первые опыты составления родословных росписей относятся к концу XV в. и помещены в Типографской летописи [28]. Сведения родословных книг основаны на источниках, достоверно отражающих генеалогические связи представителей знати XV в. (главным образом на семейных преданиях) [29]

Важнейшим памятником законодательного характера является Судебник 1497 г. — первый общерусский законодательный кодекс. Как исторический источник он обстоятельно исследован Л. В. Черепниным, в правовом

аспекте — С. И. Штамм и А. Г Поляком. Высказывалось предположение, что к концу XV в. следует отнести составление такого сложного памятника, как «Правосудие митрополичье» Однако большинство ученых датируют его более ранним временем. Уставные грамоты представлены только Белозерской уставной наместничьей грамотой 1488 г. и таможенной Белозерской грамотой 1497 г.[30] Есть еще несколько кормленых грамот и доходных списков наместников.

Образование единого государства сопровождалось ростом его внешнеполитических связей. Посольские книги, посвященные сношениям России с рядом государств Запада и Востока, сохранились с 80-х годов XV в. Они включают наказы, отчеты послов (статейные списки), переписку между главами государств, договоры и другие дипломатические документы. Русские посольские книги существенно дополняются материалами архива Великого княжества Литовского (Литовской метрики), так как в то время наиболее интенсивно переговоры велись с Великим княжеством Литовским Польским королевством. Изданы статейные списки сношений с Крымом, Ногаями и Турцией. Известны посольские дела, относящиеся к русско-имперским сношениям[31].

Целостные комплексы материалов о дипломатических сношениях России с другими странами (в том числе Молдавией, Казанским ханством, Данией, Швецией и др.) отсутствуют. Об их содержании дают представление летописные записи, а также позднейшие описи Посольского архива (1614 и 1626 гг.). Дополнительные сведения о внешнеполитических связях России можно почерпнуть в архивах тех стран, с которыми велись дипломатические отношения. В итальянских и русских архивах обнаружен ряд грамот, касающихся отношений России с папой и итальянскими городами. Ценные сведения о политической борьбе в России конца XV — начала XVI в. дают ганзейские и ливонские источники, переведенные Н. А. Казаковой[32].

К сожалению, почти нет записок иностранцев о России на рубеже XV—XVI вв. (Барбаро и Контарини путешествовали в 70-е годы XV в.). Некоторые сведения о событиях изучаемого периода сообщает С. Герберштейн, посетивший Москву при Василии III. Русско-

литовские войны конца XV — начала XVI в. привлекли внимание литовских (белорусских) летописцев[33]

Советские ученые обнаружили целый ряд новых памятников общественной мысли и выпустили в свет несколько капитальных публикаций произведений писателей-публицистов, живших на рубеже XV—XVI вв. Изданы важнейшие памятники, касающиеся реформационного движения, и в том числе произведения русских вольнодумцев. Опубликованы собрание посланий Иосифа Волоцкого, новые произведения Нила Сорского, «Повесть о Дракуле», связанная с творчеством видного вольнодумца и политического деятеля Федора Курицына, повести о Дмитрии Басарге, о споре Жизни и Смерти, а также «Сказание о князьях владимирских», своими корнями уходящее в политическую борьбу конца XV в.[34] Все это позволяет изучать развитие основных течений русской общественной мысли и литературы на солидном фундаменте источников, изданных с учетом современных требований археографии.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ РОССИИ

Когда в 1462 г. на престол вступил Иван III, Великое княжество Московское было сравнительно небольшим государством. Его территория ограничивалась примерно 430 тыс. кв. км. К 30-м годам XVI в. она выросла более чем в шесть раз[1], и Русь стала одним из крупнейших европейских государств. В единое Русское государство к началу XVI столетия были включены в основном все земли, населенные русским народом. На севере страны жили карелы, саами, коми, ханты и манси, на юго-востоке — мордва, удмурты. Единое Русское государство с самого начала складывалось как многонациональное.

Основную массу населения страны составляли жители сел и деревень. Их главным занятием продолжало оставаться земледелие. В результате упорного каждодневного труда крестьян по расчистке лесов и кустарников под пашню к рубежу XVI в. основные земли страны были освоены, но, конечно, в той мере, в какой позволял уровень сельскохозяйственной техники и трудовых навыков земледельцев. Орудия земледельческого производства изменялись очень медленно. Основным орудием обработки земли оставалась двузубая соха, удобная для обработки недавно освоенной земли. Она все чаще применялась с отвалом (полицей), позволявшим глубже взрыхлять почву. Реже употреблялся плуг,

который в лесной полосе применять было сложнее. Сохой определились и основные окладные единицы при взимании прямых налогов. Так, в 1477 г. летописец отмечал, что новгородская обжа — это «один человек на однои лошади ореть», а соха — это кто «на 3-х лошадех и сам третеи ореть» [2].

Основным типом сельского поселения была деревня. Название это по происхождению связано с лесистой Северо-Восточной Русью. В Новгороде, где поселения назывались селами, оно появилось только в XV в., а во Пскове — и того позднее. Деревни, как правило, были малодворными (один — три двора). Деревни, покинутые жителями, становились пустошами. Новооснованные поселения назывались починками. Центром группы поселений было село, где находилась владельческая или княжеская администрация (посельские и пр.), а также обычно церковь.

Дремучие, часто заболоченные леса севера и даже центра Руси осваивались с огромным трудом, первоначально путем применения подсеки. Эта система земледелия носила экстенсивный характер. Ее использование могло давать эффект только при условии частых переходов с истощенных земель на новые. В литературе долгое время держался вывод о повсеместном распространении трехполья на Руси в XV в. А. Д. Горский писал о «широком распространении паровой зерновой системы земледелия с господством на старопахотных землях трехпольного севооборота» (особенно к концу XV в.). Однако он допускал, что упоминания об озимых хлебах, яровых и паре (главным образом в конце XV в.) «могли означать и элементы двухпольного севооборота». Выводы А. Д. Горского принял Л. В. Черепнин [3].

Решающим аргументом были бы указания источников на разделение земли на три поля, но до 60-х годов XV в. таких свидетельств нет [4]. В актах за XIV в. нет и упоминаний о яри, а за первую половину XV в. их всего два-три. Горский пытается расширить хронологические рамки источников. На основании двух документов 90-х годов XV в., в которых говорится о третьем поле и о земле, обрабатываемой крестьянами во всяком случае за 50—70 лет до составления актов, он делает вывод, что указанные участки земли фигурировали в качестве третьего поля в начале XV в. С ним согла-

ситься трудно, ибо не ясно, были ли тогда данные земли «третьими полями», не применялась ли ранее на них подсека. Известен еще один документ — приписка 1462—1492 гг., в которой речь идет о том, что пустоши «изстарины за 60 лет потягли к Каринскому селу третие поле»[5]. Из этой приписки можно сделать вывод о существовании трехполья во второй половине XV в., но она не позволяет отнести «существование» третьего поля (как элемента трехполья) к 1402—1432 гг.

Горский привел таблицу упоминаний элементов трехполья и дал перечень уездов, где они встречаются. Он считает, что данных достаточно, «чтобы распространить вывод о наличии трехполья в самых различных районах Северо-Восточной Руси того времени». Сведения о Белозерском, Кашинском, Новоторжском, Переславском, Ярославском уездах говорят о яри и паренине, т. е. могут и не свидетельствовать о трехполье. Данные о трехполье во второй половине XV в. относятся к Владимирскому, Вологодскому, Звенигородскому, Дмитровскому, Коломенскому, Костромскому, Московскому, Угличскому и Юрьевскому уездам, т. е. к 9 из 30. Эти уезды были наиболее населенными и передовыми в экономическом отношении (Московский, Дмитровский) или отличались древней земледельческой традицией (Юрьевское ополье). Роль в экономической жизни страны Углича, Костромы и Вологды не вполне ясна. Но если судить по позднейшим данным и по роли этих районов в ходе феодальной войны второй четверти XV в., то степень их экономического развития была также относительно высокой. Распространять же эти данные на всю страну вряд ли правомерно.

Правильное трехполье, пишет Горский, «предполагает периодическое унавоживание земли под пашню», но в то же время признает, что прямых данных об этом для XIV—XV вв. нет. По Горскому, распространение трехполья было «достигнуто прежде всего за счет дальнейшего усовершенствования основных земледельческих орудий (главным образом сох)»[6]. Но основным сельскохозяйственным орудием в XIV—XV вв. была двузубая соха, а она появилась скорее всего как орудие подсеки. Может быть, и возникновение формулы «Куда топор, коса и соха ходили» связано не только с неопределенностью границ земельных угодий, но и с их подсечным освоением.

XIV—XV вв. были временем интенсивного освоения новых земель в ходе крестьянской и монастырской колонизации, когда подсечная система себя вполне оправдывала. Только концом XV в. можно датировать начало интенсивного развития на Руси трехполья, элементы которого спорадически возникали и в более раннее время. Завершение освоения земель внутри государства и развитие трехполья в конце XV в. — две стороны одного и того же процесса.

В последнее время тезис о господстве трехполья на рубеже XV—XVI вв. ставится под сомнение. При этом указывается, что крестьянское хозяйство тогда не могло обеспечить правильного трехполья с естественным удобрением. И. В. Лёвочкин провел по писцовым книгам подсчеты окладного сена и показал, что его не хватало для скотоводства, способного обеспечить правильное трехполье. По Лёвочкину, господствовала комбинированная система земледелия: трехполье сочеталось с подсекой и перелогом. С отсутствием правильного трехполья Лёвочкин связывает и характер поселений XV—XVI вв. (распространенность малодворных деревень и починков)[7] В эти наблюдения нужно внести некоторые коррективы. Давно замечено, что писцовые книги отнюдь не описывают все сено, которое скашивали крестьяне[8]. Поэтому при подсчетах сена, имевшегося в распоряжении крестьянина, не следует ограничиваться данными писцовых книг.

Так или иначе, но на рубеже XV—XVI вв. трехполье в Северо-Восточной Руси достигло только первых успехов и главным образом в густо населенных районах. Распространено оно было и в Новгородской земле[9]

Первое место среди зерновых культур занимала рожь — основной продукт питания, единственный озимый хлеб. На севере страны возделывали ячмень, дававший хорошие урожаи при подсеке. Требовательная к почве и климату пшеница высевалась в центре и на юге Руси. Овес использовали для изготовления круп и фуража. На яровых полях сеяли просо, гречу, горох. Репу выращивали на полевой пашне и на специальных участках («репищах»). Для обработки зерна в господских хозяйствах применялись мельницы. Крестьяне больше толкли зерно в ступах или мололи жерновами на дому.

Издавна на Руси были распространены огородничество и садоводство. Возделывались лен, конопля, хмель, мак. В источниках упоминаются капустники, хмельники, конопляники. Хорошо были известны лук, чеснок, огурцы, капуста, репа, из фруктов — яблоки, груши, сливы, вишни.

Существенное место занимало скотоводство. В Новгороде на рубеже XV—XVI вв. крестьянские доходы от животноводства и возделывания технических культур составляли не менее 25 % доходов от основных хлебов. Главной тягловой силой в сельском хозяйстве были лошади, и только на юге — частично волы. Кони использовались не только в хозяйстве. Они обеспечивали войско и обслуживали княжескую администрацию. Транспорт был немыслим без лошадей. По селам и деревням разводили коров, овец, коз, свиней, а также домашнюю птицу. Дополнительными отраслями хозяйства крестьянина были сельские промыслы: охота, рыболовство, бортничество. Специальные рыбные и бортные угодья, особые приспособления для ловли рыбы («езы») облегчали занятия этими промыслами [10].

Развитие сельского хозяйства на Руси тормозилось неизжитой экономической обособленностью земель. Политическая пестрополосица препятствовала успешной борьбе с такими народными бедствиями, как голод и эпидемии. Впрочем, ни страшные эпидемии, ни катастрофические неурожаи в последней четверти XV в. не известны. Недороды случались лишь изредка на Псковщине (в 1484—1485 и 1499 гг.) да в Северо-Восточной Руси (в 1502/3 г. из-за плохой осени «хлебу был недород») [11].

Бесконечные междоусобные войны, набеги крымцев и ордынцев, вторжения ливонцев тягостно отражались на крестьянстве. Нормальные условия развития хозяйства могли быть обеспечены только в рамках единого мощного государства, поэтому в успешном завершении объединительного процесса были кровно заинтересованы не только представители господствующего класса, но и широкие массы посадских людей и крестьян.

Феодальное землевладение на рубеже XV—XVI вв. представленное большим разнообразием форм, характеризуется серьезными сдвигами в структуре. На Руси существовали тогда в основном четыре вида феодального землевладения: светское, церковно-монастырское,

дворцовое (обслуживавшее нужды Государева двора) и, наконец, черносошное. Землевладение светских и духовных феодалов росло прежде всего за счет земель, принадлежавших «черным» крестьянам. Захват крестьянских земель был типичным явлением того времени. Судьбы крупного светского землевладения были противоречивы. С одной стороны, происходил процесс раздробления крупных боярских латифундий, сокращение, а с начала XVI в. и ликвидация податных привилегий светских феодалов, а с другой — рост новых магнатских владений лиц, тесно связанных с великокняжеским двором. Источником формирования дворцового землевладения было владение княжеских слуг («служни земли»). С. Б. Веселовский датировал выделение дворцовых земель из черносошных последней четвертью XV в.[12]

Для светского землевладения характерна была лоскутность владений, разбросанность по нескольким уездам. Корни этого явления уходили в глубокую древность и связаны были с происхождением «первовотчин» бояр в центральных уездах и расширением их земельных богатств по мере объединения земель Москвой. Рост боярских семей приводил к раздроблению вотчин. Приходилось изыскивать новые вотчины. Росла мобилизация земельной собственности, а тем временем значительно повысились цены на землю[13]. Земель же для служилых людей не хватало.

В годы правления Ивана III (после 1485 г.) особым уложением запрещалось продавать иногородцам вотчины в Твери, Микулине, Торжке, Оболенске, Рязани и на Белоозере. Возможно, аналогичные мероприятия коснулись и владений суздальских, ярославских и стародубских княжат[14]. Это уложение, имевшее целью поставить предел процессу дробления княжеского землевладения, вряд ли было осуществлено. Во всяком случае его пришлось подтверждать Василию III и Ивану Грозному.

Наряду с вотчинным землевладением было распространено и землевладение подведомственных князьям всевозможных военных и административных слуг «под дворским». Оно было целиком обусловлено службой и носило условный характер. Слуги «под дворским» (посельские, дьяки, ключники) набирались как из свободных, так иногда и из холопов, приобретавших свободу[15].

Представление о «безусловном» характере землевладения вотчинников ошибочно. Вотчинники обязаны были службой феодалу. Условное землевладение слуг (свободных и несвободных) и условное вотчинное землевладение стали истоками формирования поместной системы в конце XV в.[16] Ранняя история поместья остается недостаточно изученной. Не ясно, например, было ли первоначально поместье пожизненным владением или безусловным. А. Я. Дегтярев показал, что на раннем этапе основная масса поместий переходила от отца к сыну. Ю. Г Алексеев и А. И. Копанев считают, что «на раннем этапе развития поместной системы элементы условности владения поместьем сказывались сильнее, чем на последующих» (в частности, отсутствовало право завещания поместных земель). В дальнейшем же происходило «сближение поместья с вотчиной», которое привело к их окончательному слиянию[17] Эти тезисы представляются нам недоказанными. Поместье и вотчина, происходя из одного корня, на известном этапе разошлись. К сожалению, определить условия поместной службы и поместного владения на рубеже XV—XVI вв. пока крайне трудно. В ходе осуществления поместной реформы в Новгороде землю получило примерно 2500 помещиков[18]. В результате значительно упрочились владельческие позиции рядового дворянства, что содействовало повышению боеспособности войска.

Ликвидация самостоятельности Великого Новгорода привела к конфискации земель у новгородских бояр. Часть бояр была переселена в центральные районы страны и слилась с массой детей боярских (например, Лашинские в Рязани). Некоторые из новгородских бояр (например, Амосовы), став владельцами земель на Двине, в дальнейшем трансформировались в черносошных крестьян[19].

Кризис переживало непомерно выросшее в предшествующий период церковно-монастырское землевладение. Нуждаясь в землях для испомещения массы служилых людей, правительство Ивана III обратило взоры на огромные земельные богатства церкви. В связи присоединением Новгорода к Москве оно провело там ликвидацию владычных и монастырских земель. Конфискован был ряд земель и у пермского епископа. Правительство снисходительно рассматривало земельные

претензии крестьян к монастырям, будучи заинтересованным в сохранении фонда черносошных земель. В конце XV в. в отдельных монастырях происходил спад стяжательской деятельности. В 80-е годы XV — 10-е годы XVI в. значительно сократился рост вотчин Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей. Симонов монастырь в 80—90-е годы XV в. и вовсе прекратил приобретение земель. Резко ограничены были и иммунитетные привилегии монастырей[20]. На соборе 1503 г. правительство поставило вопрос о секуляризации всех церковно-монастырских земель. Однако руководство церкви провалило правительственную программу. Победа клерикальной реакции в начале XVI в. прервала этот процесс, и землевладение монастырей-вотчинников снова начало расширяться.

Особой формой феодального землевладения было землевладение черносошных, или государственных, крестьян. Верховным собственником их земель был великий князь, но крестьяне обладали известными правами на распоряжение своими землями. Они могли их продавать, менять, завещать, но при условии, что эти земли не выйдут из тягла.

Более полутора десятка лет шла дискуссия о природе черносошного землевладения. Начал ее И. И. Смирнов, выступив против тезиса Л. В. Черепнина о феодальном характере землевладения и отстаивая мысль о том, что землевладение государственных (черносошных) крестьян было свободным[21]. Точку зрения Л. В. Черепнина разделяли А. Д. Горский, С. М. Каштанов, Н. Н. Покровский, А. М. Сахаров[22]. Мнение И. И. Смирнова поддержали Г Е. Кочин, Ю. Г. Алексеев, Н. Е. Носов, А. И. Копанев[23]. Компромиссную точку зрения высказал А. Л. Шапиро, исходивший из представления о расчлененном характере собственности на землю при феодализме[24]. Своим оппонентам отвечал Л. В. Черепнин[25].

Дискуссия была заметным явлением в советской исторической науке. В ее ходе еще раз были обсуждены теоретические основы изучения проблемы крестьянского землевладения в феодальную эпоху, внимательно рассмотрены все известные к тому времени сведения актовых источников, высказывалось много тонких наблюдений по отдельным аспектам взаимоотношений крестьян между собой и с феодальным государством. В частно-

сти, были отчетливо показаны различные формы мобилизации крестьянских земель (купля, продажа, мена). Весьма плодотворной представляется мысль Н. Е. Носова о том, что именно черносошное землевладение создавало больше возможностей для развития страны по предкапиталистическому пути. Думается, нет уже такой несовместимости и между взглядами сторонников самых «крайних» точек зрения: ведь А. И. Копанев и Ю. Г Алексеев сделали впечатляющую оговорку, что они имеют «в виду «свободу» относительную — свободу в рамках феодального общества, в котором крестьянство в целом занимает низшую ступень лестницы и является непривилегированным, приниженным классом» [26].

Итак, авторы включают «свободное» крестьянство в рамки крестьянства феодального общества в целом и фактически рассматривают его как феодально-зависимое. Спор их с оппонентами — чисто терминологический. Разница в положении черносошного и частновладельческого крестьянина обусловливалась и тем, кто являлся его господином (государь, светский феодал или духовная корпорация), и формами его эксплуатации, но суть оставалась все та же. Конечно, при этом следует иметь в виду, что фискальный гнет государства (в отличие, скажем, от поборов помещика или вотчинника) давал все же больше возможностей для развития крестьянского предпринимательства и складывания условий предкапиталистического развития страны. Этот процесс для черносошного севера России отчетливо прослеживается в работах А. И. Копанева и Н. Е. Носова.

Социальная структура Русского государства отражала незавершенность процесса централизации и формирования сословий. Наверху ее находился полновластный великий князь, далее следовали его ближайшие родичи — удельные и служилые князья, сохранявшие остатки суверенных прав. Следующую прослойку феодальной аристократии составляла княжеско-боярская знать. Она обладала правами на занятие высших должностей (в том числе в Боярской думе, в войске, на наместничествах и пр.). Рядовая масса служилых людей разделялась на Государев двор и детей боярских, служивших «с города» (центра уезда, где располагались их земли). Основная масса администраторов-кормленщиков и военачальников набиралась из дворовых детей боярских, как правило происходивших из старинных

служилых фамилий. В стадии формирования находилась прослойка администраторов-дьяков, представители которой стремились, получив вотчины и поместья, влиться в состав дворовых детей боярских.

Имели свои права-привилегии и представители духовенства, которое разделялось на черное (монашество) и белое (служители церкви). Высшая прослойка духовенства — «князья церкви» (епископат) были близки к представителям феодальной светской аристократии и к великому князю, хотя и имели свои корпоративные интересы. Положение массы рядового белого духовенства практически ничем существенно не отличалось от положения крестьян и посадских людей. В средние века, писал Ф. Энгельс, сельским и городским священникам «как выходцам из бюргерства или плебса были достаточно близки условия жизни массы...» [27].

Сословие горожан находилось в стадии формирования.

Основную массу населения страны составляли холопы и крестьяне. Холопы разделялись на две группы — слуги (или «приказные люди») и «страдные (или «деловые») люди». Первые составляли челядь господина, входили в число его администраторов и военных слуг; вторые обрабатывали господскую запашку и занимались ремесленной деятельностью. Основная масса холопов переходила к своим господам по наследству. Холопов покупали, брали в полон, холопами становились по полным грамотам, которые докладывались местной администрации (докладные). С конца XV в. из среды полных «людей» выделяется группа кабальных (упоминаются в 1479 г.). Их появление объяснялось усилением феодального гнета. Обнищавшие крестьяне вынуждены были поступать во временное (кабальное) холопство, составляя кабалу на взятые в долг деньги. Полные холопы в отличие от крестьян считались собственностью феодала. Роль их в социально-политической структуре общества была значительной. Холопы-послужильцы, отпущенные на свободу, входили в состав господствующего класса (значительная их часть испомещена была в Новгороде): дьяки, казначеи, посельские становились органичной частью государственного аппарата. Холопы-страдники обеспечивали феодалу обработку его пашни, а другие «деловые люди» в условиях господства натурального хозяйства доставляли необходимые для него

продукты ремесленной деятельности. Если рядовой феодал имел один-два десятка холопов, то такие, как кн. И. Ю. Патрикеев,— до полутораста [28].

В литературе существовало мнение, что с конца XV в. начинается массовый отпуск холопов на свободу, порожденный изживанием рабства [29] Но отпускали на свободу всех своих холопов, как правило, те феодалы, у которых не было родичей, наследников. К XVI в. численность холопов у феодалов не только не уменьшилась, но даже увеличилась. Незавершенность крестьянского закрепощения делала применение труда холопов совершенно необходимым. Их эксплуатация отличалась особой жестокостью, что вызывало учащавшиеся побеги подневольных людей [30]. Труд холопов находил все более широкое применение на растущей барской пашне. Некоторые феодалы давали своим «людям» особые наделы, тем самым как бы подготавливая слияние холопов с крестьянами в единую крепостную массу [31].

Основную часть сельского населения на рубеже XV—XVI вв. звали крестьянами. Это наименование закрепилось за ними в тяжелые годы ордынского ига. Вопрос о категориях крестьянства в XV в. еще не вполне ясен. Долгое время господствовала точка зрения Б. Д. Грекова, считавшего, что крестьяне тогда делились на «старожильцев» (феодально-зависимых крестьян) и «новоприходцев». Старожильство, по Б. Д. Грекову, было этапом в закрепощении крестьян и определялось не количеством прожитых лет, а существом отношения крестьянина к господину [32]. В данном случае Б. Д. Греков модифицировал представления П. И. Беляева [33].

Л. В. Черепнин показал, что источники XV в. не знают термина «новоприходцы». По его мнению, «старожильцы» — это «основное крестьянское население феодальных вотчин или государственных земель, противопоставляемое... крестьянам, вновь призванным феодалами в свои имения из других княжеств». Отчуждение населенных пунктов означало в первую очередь отчуждение «старожильцев» [34]. Развернутый разбор взглядов Б. Д. Грекова дал Г Е. Кочин. По Кочину, термины «старожильцы» и «пришлые» — «слова бытового, житейского языка — о крестьянах одних и тех же деревень: об издавна здесь живущих и только что поселившихся»; разница между ними «лишь в количестве

льготных лет». Под этими наименованиями, по его мнению, не было никаких особых категорий крестьянства[35]. И. Я. Фроянов высказал предположение, что во время судебных процессов «старожильцами» просто назывались свидетели, долгое время проживавшие на определенной территории, и в этом качестве выступали не только крестьяне[36]. Ими могли быть и дети боярские[37], и монастырские слуги, и посадские люди. Соображения Г. Е. Кочина и И. Я. Фроянова заслуживают серьезного внимания. Конечно, сохранившиеся правые грамоты относятся в первую очередь к земельным делам, поэтому и большинство «старожильцев» там — крестьяне. «Подвижность» населения была незначительной. Крестьяне из поколения в поколение сидели на землях отцов и дедов без всякого законодательного принуждения. Переходы, переманивание крестьян касались близлежащих районов. В этом отношении очень убедительны наблюдения Н. Н. Масленниковой над северным материалом первой половины XVI в.[38]

Преувеличивать степень закрепощенности крестьянства в XV в. нет оснований. Выделение отдельных отграниченных друг от друга (в правовом отношении) категорий крестьян — дело более позднего времени. Это, в частности, видно и на изучении так называемого серебреничества. Б. Д. Греков видел в серебрениках одну или «несколько категорий феодально-зависимых людей», попавших в зависимость в результате закабаления их «за серебро». В понятие «издельного серебра» у Грекова входила и денежная рента. По мнению Л. В. Черепнина, серебреники не составляли особой категории крестьянства. «Серебро издельное» могло быть и денежным оброком, и деньгами, розданными феодалами в долг под условием погашения его работой на барщине. «Серебро» в отдельных случаях могло означать и денежный оброк[39]. И вместе с тем «серебреник — это задолжавший крестьянин, обязанный расплатиться с землевладельцем»[40]. Последнее определение, на наш взгляд, лучше всего передает суть отношений серебреничества. И. И. Смирнов и Ю. Г. Алексеев связывают «издельное серебро» с превращением крестьянина в издольщика-серебреника. Тезис о «серебре» как денежном оброке вызвал возражение Г. Е. Кочина[41]. Распространение серебреничества свидетельствовало о процессе обнищания крестьянства, о привлечении задолжавших крестьян

к барщине («изделью»). Серебреничество было одним из источников складывавшегося в конце XV в. служилого холопства.

В то же время в источниках встречается еще одна категория сельских жителей — бобыли (непашенные и нетяглые люди). Впервые их упоминают псковская летопись под 1500 г. и писцовая книга Шелонской пятины (конец XV — начало XVI в.). О росте обеднения и обезземеливания крестьян говорит и распространение испольщины (половничества), когда крестьянин, потеряв свою землю, переходил на службу к феодалу и отдавал ему часть урожая, полученного на землях последнего. Этот процесс был особенно распространен в северных районах страны. Нехватка земли приводила к тому, что крестьяне (как волостные, так и владельческие) «наймовали» землю у феодалов и тем самым способствовали хозяйственному освоению новых территорий. «Новины», «росчисти», «притеребы» упоминаются в различных источниках [42].

О мирской организации владельческих крестьян данные очень скупы, больше известно о черносошной волости [43]. Во главе ее находились сотские (сотники) или старосты. Иногда сотский упоминался наряду со старостой. Встречались также пятидесятские и десятские. Все эти волостные администраторы генетически восходят к представителям старинной сотенной общинной организации, сложившейся на заре классового общества.

Волость осознавала свое право на владение обрабатываемой ею землей, признавая верховным собственником земли великого князя. Так, в конце XV в. староста одной из волостей на побережье Кубенского озера говорил: «...земля Бураково наша волостная, Залеская, черная тяглая изстарины» [44].

Волость состояла из крестьянских деревень. Волощане совместно распоряжались лесными угодьями, лугами, на севере и рыбными ловлями, давали крестьянам (пришлым) землю для заведения хозяйства или внаем. Волость ведала раскладом («разрубом») государственных податей, наместничьих кормов, повинностей. Центром волостного управления был «столец» (волостная канцелярия-казна). В волости решались и мелкие судебно-административные дела. Из среды ее жителей выделялись «люди добрые — старожильцы», свидетели на судебных процессах, «судные мужи», участвовавшие

в судопроизводстве. Крестьяне-волощане обладали правом продажи земель. Словом, функции волости были значительны. Интересы князя в волости представлял дворский [45].

Развитие феодального землевладения и складывание общерусского государственного аппарата приводили к росту эксплуатации крестьянства. XIV и XV столетия Б. Д. Греков рассматривал как время развития ренты продуктами, а с конца XV в. находил тенденцию к переходу от оброчной системы к барщинной. К. В. Базилевич считал ведущей с конца XV в. денежную ренту, но известно также его более позднее и осторожное высказывание: «По отношению к концу XV и началу XVI в. можно говорить лишь о спорадическом появлении денежной ренты» [46].

А. П. Пьянков полагал, что в XIV—XV вв. наряду с рентой продуктами существовали и барщинные повинности крестьян. А. Д. Горский добавил и наличие денежной ренты, причем для конца XV — начала XVI в. отметил «увеличение удельного веса денежных платежей в общем комплексе повинностей, главным образом среди государственных повинностей». Л. В. Черепнин в осторожной форме («хотя бы и гипотетически») высказал мысль о развитии барщинного хозяйства как одной из предпосылок развития Русского централизованного государства. На материалах новгородского поместья конца XV — первой половины XVI в. Р. Г Скрынников говорит об увеличении барщины в этот период. Г. Е. Кочин сомневался в широком распространении барщины в XIV—XV вв. и дал иную интерпретацию данных, на которые опираются Горский, Пьянков, Черепнин, говоря о существовании барщины. Он считает, что речь должна идти о так называемой десятинной пашне. Крестьяне засеивали на господина одну из шести своих десятин, что соответствовало выплате оброчного шестого снопа. В конце XV в. средний крестьянский надел в Северо-Восточной Руси равнялся, очевидно, пяти десятинам пашенной земли в одном поле, т. е. 15 в трех полях. Наличие «хлеба стоячего» в житницах у феодалов само по себе еще не свидетельствует о его происхождении. Сплошное исследование материала новгородских писцовых книг дало основание говорить только о небольшом увеличении барщины в числе крестьянских повинностей. Господст-

вующей была рента продуктами. Этот же вывод подтвердил и А. Я. Дегтярев на основе изучения новгородского поместья[47].

Различие в оценках динамики и форм развития феодальной ренты на рубеже XV—XVI вв. объясняется в первую очередь объективными причинами — скудостью сохранившихся материалов. Если для Новгородской земли как будто можно полагать, что говорить о развитии крестьянской барщины в изучаемое время еще рано, то разрозненные источники по Северо-Восточной Руси не уполномочивают на какие-либо категорические суждения. И все же хочется высказать несколько соображений в порядке постановки вопроса.

Барщинная форма эксплуатации крестьян была прежде всего распространена в вотчинах духовных феодалов (в их распоряжении не было холопов, которые обрабатывали господскую пашню у вотчинников и помещиков). Все остальные виды «изделья» (например, сенокос, городовое дело у черносошных крестьян) не имели определяющего значения. Для частновладельческих крестьян отсутствуют в XV в. и сведения о натуральном оброке, хотя, конечно, он мог взиматься (вспомним кормы, шедшие наместникам и волостелям).

Обращает внимание и наличие значительных денежных средств у феодалов. Об этом свидетельствуют и многочисленные факты покупки земли, цена которой к концу XV в. значительно возросла, и духовные грамоты. Так, в конце XV в. боярин В. Б. Тучко-Морозов отдал распоряжение раздать после его смерти 123 руб. из денег, полученных за продажу господского хлеба и за счет «серебра», которое его сын «ис тех сел... на людех вымет». Богатства феодалов могли в значительной степени создаваться и при помощи денежной ренты. За это предположение говорит структура кормов, взимавшихся княжескими администраторами (а кормления перерастали иногда и во владения землей). Основные поборы в пользу кормленщиков шли деньгами. «Дань», взимавшаяся Казной с черносошных и дворцовых крестьян, также перерастала в денежную ренту. В конце XV в. происходил перевод ряда государственных натуральных повинностей (в том числе ямской) на деньги. Денежную ренту обычно связывают с интенсивным развитием товарного производства в стране. Но Л. В. Данилова показала, что в Новгородской земле

источником роста денежных оброков служили сельские промыслы, а хлебопашество сохраняло еще натуральный характер. Наблюдения над окладными единицами могут дать дополнительные аргументы для обоснования предположения, что денежная рента конца XV в. генетически восходила к дани и имела ведущее значение среди форм эксплуатации крестьян. «Выть» в XIV—XV вв. носила не поземельный, а подворный характер. Крестьянские повинности определялись не размерами земельных наделов, а исчислялись по количеству крестьянских хозяйств. Отсутствие в XIV—XV вв. в Северо-Восточной Руси писцовых книг с указанием земельных площадей также (наряду с другими причинами) объясняется тем, что налоги начислялись на крестьянский двор, а не на определенное количество земли. Наконец, и в соседних странах именно денежная рента стала преобладающей формой эксплуатации крестьянства (в Чехии в XIV в., а в Польше этот вид ренты получил интенсивное развитие в первой половине XV в.) [48].

В условиях господства натурального хозяйства значение денежной ренты сильно отличалось от того, какое она имела в период разложения феодально-крепостнического строя. И все же денежная рента в сравнении с другими формами эксплуатации крестьян давала известные возможности для более интенсивного развития производительных сил.

В конце XV в. резко возросли государственные подати и повинности. Их состав обстоятельно изучен А. Д. Горским. В их число (достигавшее 20) входили: дань (основной прямой налог), ям, «писчая белка» (писцам), обязанность ставить дворы, выполнять городовое дело, служить с подводами, косить сено, кормить государственных посланцев — «ездоков», платить корм наместникам. Значительным было и число торговых пошлин: мыт (проездная пошлина), тамга (торговая), пятно (за клеймение лошадей), явка (за предъявление товара), гостиное. Весь этот комплекс податей и повинностей существовал, наверное, и в XIV в., т. е. был весьма архаичен. К этому надо добавить еще и судебные пошлины. В последние десятилетия XV в. размеры кормов и поборов, как полагает А. Д. Горский, увеличились [49]

Таким образом, к рубежу XV—XVI вв. намечались серьезные сдвиги в социально-экономическом положе-

нии крестьянства. Завершалось (в основных чертах) освоение земель Северо-Восточной Руси. На повестку дня встали вопрос о земле и сопряженные с ним проблемы совершенствования земледелия и усиления феодального гнета. Вопрос, по какому пути пойдет в дальнейшем экономическое развитие страны, не был решен. Противоборствовали две тенденции — рост денежной ренты и спорадически начавшееся складывание крестьянской барщины. Эта неопределенность положения отразилась и на законодательстве. В Судебнике 1497 г. только регламентировался крестьянский выход, но не было его решительного ограничения.

Усиление феодального гнета вызывало обострение борьбы крестьянства против своих господ и княжеской администрации[50]. Пассивной формой крестьянского сопротивления был уход от феодалов. Крестьяне подавали жалобы на захват их земель господами. Стремясь отстоять свои земли, захваченные феодалами, они основывали на них поселения. Запахивалась и засеивалась земля феодалов, закашивались владельческие луга, переносились ограды, производились самовольные порубки леса. Дело доходило до убийства холопами и крестьянами своих господ[51]. Особенно резкий подъем антифеодальной борьбы относится к 80-м годам XV в.

В средние века с занятием земледелием была неразрывно соединена домашняя промышленность. Крестьянин обеспечивал себя всем необходимым — одеждой, обувью, жилищем. Он строил избы и хозяйственные постройки, добывал и обрабатывал железо, варил соль. Холсты и полотна, изготовлявшиеся в его хозяйстве, не только шли на одежду, но и входили иногда в счет оброков. С плотническим ремеслом знакомы были практически все крестьяне, но появлялись и специалисты-профессионалы — плотники, бочарники, ведерники. Кое-что из произведенного крестьянин вез на продажу. Сохранились известия о торговле крестьян лошадьми, о том, что монастырские крестьяне ездили торговать «з житом и з животиною, с чем ни буди, какой товар ни повезут». На Белоозере «уездные люди» торговали рыбой. Подобные отрывочные сведения связываются в целостную картину, если учесть, что для уплаты и денежной ренты, и многочисленных денежных пошлин, и государственных податей крестьянам нужны были деньги, которые они могли получить, только продавая

продукты своего труда. Сельская торговля носила местный характер и представляла собой, по словам В. И. Ленина (относящимся, правда, к более позднему времени), *«сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйничаньем, и массой средневековых перегородок между ними, и остатками средневековой зависимости»* [52].

В вотчинном ремесле большую роль играли холопы. Из числа несвободных «людей» известны не только специалисты тонких профессий («серебреные мастера»), но и портные, кузнецы, сапожники, плотники, бронники и т. п. С. Герберштейн писал в начале XVI в., что в Московии «все домашние работы делаются руками рабов» [53].

Товарное производство было в первую очередь связано с развитием городского ремесла и торговли. Вторая половина XV—начало XVI в. отмечены, как установили Б. А. Рыбаков и Б. А. Колчин, дальнейшим развитием городского и сельского ремесла. Ведущей отраслью промышленной деятельности была добыча и обработка железа. Известно более 150 видов изделий из железа и стали, производством которых занимались и сельские жители. Домницы упоминаются в Вотской пятине в 1500—1505 гг [54]. Сталь («уклад») производили специальные мастера —«укладники». Изделия из черного металла (как сельскохозяйственный, так и бытовой инвентарь) выковывали кузнецы. Изготовлялись сошники, пилы, косы, серпы, топоры, ножницы, гвозди, ключи, замки. Выделывалась броня.

Поскольку благородных металлов не хватало, приходилось закупать их за рубежом. Впрочем, известны и поиски их в самой России. 2 марта 1491 г. на Усть-Цильму была отправлена большая экспедиция «серебра делати и меди», которую возглавляли Мануил Грек (брат Д. Ралева) и сын боярский В. И. Болтин. С ними отпустили 340 «делавцев» с Устюга, Двины, Пинеги, а также вымичей, вычегжан, пермичей и усольцев. Руда на Цильме была найдена [55], но о дальнейшей ее разработке сведений нет.

Масса изделий изготовлялась из дерева. Жилища, укрепления, сани, мостовые, водопроводы, орудия труда, посуда и мебель были в основном деревянными. Плотники и столяры жили на Руси с незапамятных времен. Бочарники изготовляли бочки, кади, ведра. Одежда

изготовлялась из льна и шерсти. С прядением и ткачеством была хорошо знакома еще Древняя Русь. Велик был спрос и на кожаные изделия — обувь, части сбруи, колчаны для стрел. Кожевники, сапожники, скорняки упоминаются в источниках неоднократно.

Об относительно высоком уровне развития ремесла свидетельствует ювелирное дело. Путем ковки и чеканки делали церковную утварь, сосуды, украшения. Литейное дело обслуживало нужды культа (колокола) и артиллерии (пушки). Обработка кости преимущественно была распространена на севере и в районах, примыкавших к большим озерам и рекам. Косторезы точили пуговицы, шахматы и тому подобную мелочь. Среди изделий гончарного производства преобладали домашняя посуда и игрушки. Развивались химические промыслы: обработка смолы и дегтя, изготовление мыла, минеральных красок, свечей, производство поташа.

В конце XV в. получила новый стимул для развития старинная профессия каменосечцев. Бурное строительство шло во Пскове. Летописи сообщают о постройке там с 1483 по 1496 г. семи каменных церквей. В Москве они отметили постройку в 1479—1505 гг. примерно 25 церквей. Рост каменного строительства не ограничивался крепостными сооружениями и соборами. Крупные размеры приняло градостроительство в столице. Здесь возводятся стены Кремля, сооружается Государев дворец. Каменные палаты были воздвигнуты для виднейших бояр Д. Ховрина и В. Образца[56]. Каменный детинец сооружен был в Новгороде (1484—1490), а дворец — в Угличе. Наиболее интенсивно строительство велось до начала 90-х годов XV в. Затяжные войны с Великим княжеством Литовским рубежа XV—XVI вв. на время замедлили темпы градостроительных работ.

В ремесленном производстве применялись порой довольно сложные приспособления: воздуходувные мехи, ножные гончарные круги, ткацкие и токарные станки, тараны, ручные и водяные мельницы, блоки, весы. Для постройки Московского Кремля Аристотель Фиораванти соорудил подъемный механизм. Не чурались на Руси и использовать опыт иноземных мастеров. Замечательные итальянские зодчие участвовали в строительстве Кремля. Известен выдающийся пушечник П. Дебоссис. В 1504 г. Д. Ралев и М. Карачаров привезли с собой из

Италии «многих мастеров» (серебряников, пушечников, архитекторов) [57].

Развитие ремесла сопровождалось и оживлением торговли. Вся страна была покрыта сетью мелких местных рынков, связанных еще подчас с географическим разделением труда, а также с особенностями истории Руси периода феодальной раздробленности. Центром льноводства были новгородские и псковские земли. Пушниной славились Пермь и Печора. В Вотской и Ижорской землях добывали железо. В Калуге делали добротную деревянную посуду. Постепенно в ходе преодоления политической раздробленности и общего подъема экономики налаживались торговые связи между различными районами страны. Так, на Белоозеро ездили торговые люди из Московской, Тверской и Новгородской земель [58].

Развивалась внешняя торговля. Широкий размах приобрела торговля со странами Востока. Она велась водным путем по Волге через Казань и сухопутным — с Крымом, особенно с Кафой и Азовом. На Восток из России поступали льняные и шерстяные ткани, одежды, меха, оружие, ремесленные изделия. В Кафе в 1498—1501 гг. находилось несколько русских торговцев: один из них был скорняком, другой — кожевником, третий — колпачником. В обмен привозили шелковые и хлопчатобумажные ткани, драгоценные камни, пряности. Ногайцы продавали в Москве табуны лошадей. Торговые сношения с Польшей, Великим княжеством Литовским, немецкими городами и Ливонией развивались, несмотря на частые войны. Русские купцы активно торговали в Риге, Смоленске, а также, возможно, в Кракове, Познани и Лейпциге. В европейские страны поступало из России преимущественно сырье (воск, меха, пенька, лес). Приобретали там благородные металлы, селитру, суконные ткани, вино, оружие. Зарубежную торговлю вели не только крупные купцы-сурожане, но и мелкие торговцы — ремесленники [59].

Подъем ремесла и торговли сопровождался ростом городов. Число их на рубеже XV—XVI вв. можно установить только приблизительно. Источники не дают достаточно точных сведений. В основу подсчетов мы кладем список городов России первой половины XVI в. составленный нами в 1955 г., внося в него необходимые коррективы [60]. Центр насчитывал примерно 57 горо-

дов[61]. К этому нужно добавить 12 новгородских и 14 псковских городов[62], а также не менее шести поморских городов (упомянутых Герберштейном) и, возможно, Тотьму, Соликамск и Чердынь — всего, следовательно, девять. Существовали в изучаемое время не менее четырех рязанских и поволжских городов (Переславль, Старая Рязань, Перевитеск, Касимов), Тула, Алексин и, возможно, еще несколько, о которых нет определенных известий[63]. Итого примерно сто городов. В результате войн с Великим княжеством Литовским к ним добавилось 8 городов Украины, 18 городов заоцкой и литовской Украины[64], 11 северских — итого 37 городов. Всего, следовательно, в начале XVI в. было примерно 140 городов. Число внушительное. А. М. Сахаров за XIV—XV вв. (до 80-х годов XV в.) насчитывал всего 73 города Северо-Восточной Руси (он не учитывал новгородско-псковские и муромо-рязанские), причем с социально-экономической характеристикой — всего 29[65]. Так или иначе, но рост числа городов несомненен.

О численности населения в городах определенных сведений нет. Некоторые представления дают летописные записи о пожарах. Так, в мае 1491 г. сгорел весь Владимир с девятью церквами и 200 дворами, а в июле того же года — весь Углич (более 500 дворов и 15 церквей). В 1499 г. в Вологде сгорело 330 дворов и пять церквей[66].

Градостроительный процесс происходил очень неравномерно. Большой размах он приобрел в Москве, Новгороде и Пскове. Меньше, очевидно, строились другие города. В 1492 г. после пожара за два месяца «срублен» был деревянный «город» во Владимире и заложена была каменная крепость Ивангород на р. Нарове (против ливонской Нарвы). На следующий год был «срублен» деревянный город на Луках— один из сборных пунктов войск во время войн с Литвой. В 1488 г. построен был Белозерск, а горожанам была выдана уставная грамота, регламентировавшая права наместников[67].

Гораздо больше сохранилось сведений о городских пожарах. В Москве известны пожары в апреле 1485 г., когда сгорело полгорода; в августе 1488 г.; «велик пожар» в июле 1493 г., когда погорела вся «нутрь» города; в августе 1500 г. Летописцы отметили не менее шести пожаров в Новгороде (в 1481, 1487, 1489, 1501 и 1504 гг.) и четыре пожара во Пскове (1487, 1493, 1496

и 1500 гг.). Горели Тверь (1481, 1483 гг.), целиком Владимир и Углич (1491 г.), Рязань (1493 г.). Пожары вспыхивали в Костроме (1493 г.), Устюге (1496 г.), Вологде (1499 г.), Чердыни (1504 г.). В 1496 г. шведы сожгли Ивангород [68]. Пожар в средневековом, как правило деревянном, городе был бедствием, бороться с которым было очень трудно.

Города в Русском государстве различались и по социально-экономической сущности, и по функциям. Прежде всего они являлись административными центрами уездов и средоточием их торговой и ремесленной жизни. Население городов-крепостей преимущественно состояло из гарнизона. В Псковской земле города считались «пригородками» Пскова. На юго-западе страны они стали опорными пунктами в степи, куда стекалось окрестное население во время набегов крымских и ордынских татар. На севере возникали города-посады. Существовало небольшое число частновладельческих городов (Оболенск, Стародуб Ряполовский, Шуя). Герберштейн сообщает, что Иван III начал их ликвидацию и это дело было закончено Василием III [69].

Город состоял из различных элементов населения. Жили в нем феодалы со своей челядью. Размещались там и гарнизоны, и наместники с административным аппаратом. В городах находились монастыри и церкви с белым и черным духовенством и кормившейся около них нищей братией. Наряду с основной массой «черных» (государственных) сотен и слобод, в которые были организованы ремесленники, существовали частновладельческие («белые») слободы, наделенные всевозможными податными льготами. Иван III начал решительную борьбу с иммунитетными привилегиями белослободчиков [70]. Продолжили ее Василий III и Иван IV.

Организация ремесленников в городах имела черты корпоративного устройства, напоминавшего западноевропейские цехи. Так, Кузьма и Демьян считались покровителями кузнецов, а церкви, посвященные этим святым, были их патрональными. Процесс имущественного расслоения на посаде приводил к появлению городской бедноты, кормившейся случайными заработками, наймом в мастерских и железоделательном производстве, на соляных варницах и водном транспорте. Одновременно складывается посадская верхушка и возникают богатые купеческие семьи. В конце XV в. в зарождавшемся

Сольвычегодске обосновались первые Строгановы, ставшие позднее крупнейшими торгово-промышленными людьми. Купцы-сурожане Саларевы, торговые люди Таракановы, Сырковы, С. Хозников, И. И. Афанасьев, Ф. Р. Сузин, И. В. Подушка составляли верхушку купечества. Многие из них стали основателями купеческих фамилий, сохранивших торговое могущество на протяжении всего XVI в. Большинство из них входили в высшую купеческую корпорацию — гостей. Они вели крупную оптовую торговлю со странами Запада и Востока. Корпорация «суконников» закупала сукна и другие товары на Западе. Купечество широко привлекалось для выполнения внешнеторговых поручений государя и сбора торговых пошлин (как правило, отдававшихся «на откуп»). Правда, сведений об участии наиболее богатой части купечества (гостей) в финансово-административной деятельности для конца XV в. нет. Во главе купеческих корпораций стояли старосты. Купцы стремились войти в состав феодальной знати и приобретали для этого землю [71]

Столицей единого Русского государства была Москва — естественный экономический, культурный и политический центр страны. Территория ее к началу XVI в. достигала современного Бульварного кольца. Заселялось и Заречье (Замоскворечье). Москва принадлежала числу крупнейших европейских городов. Имперский посол Герберштейн, побывавший на Руси в 1517 и 1525 гг считал, что число дворов в ней достигало 41,5 тыс. М. Меховский писал в 20-е годы XVI в., что Москва была «вдвое больше тосканской Флоренции и вдвое больше, чем Прага в Богемии» [72]. Центром торгово-ремесленной жизни города был Большой посад. Он занимал территорию позднейшего Китай-города. Основные магистральные улицы столицы вели на Тверь (Тверская), Дмитров (Дмитровка), Волоколамск, Новгород. Москва тем самым контролировала центры старинных удельных и когда-то независимых в экономическом административном отношении княжеств. Через дорогу на Можайск и Смоленск (Арбат) Москва была связана с Великим княжеством Литовским. Из Заречья дороги шли на юг (Ордынская), а также на Серпухов, Коломну и Калугу.

Москва стала крупнейшим торговым центром страны. Итальянец Контарини (1476 г.) так описывал зимний

торг на Москва-реке: ...строят лавки для разных товаров, и там происходят все базары... Ежедневно на льду реки находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и всяких других необходимых товаров. В течение всей зимы эти товары не иссякают... чистое удовольствие смотреть на это огромное количество ободранных от шкур коров, которых поставили на ноги на льду реки» [73]. Москва вела оживленную торговлю со странами Востока и итальянскими колониями в Крыму. Через Новгород и литовскую границу в столицу поступали товары ливонских и других северо- и западноевропейских городов.

Состав населения столицы отражал черты, присущие феодальному городу той эпохи. В Кремле жил великий князь и его ближайшее окружение, так как Москва являлась центром управления государством. Там же находилось и митрополичье подворье, ибо Москва давно была и центром церковной жизни страны. Число церквей и монастырей здесь было непомерно велико. В Москве и подмосковных селах жили представители феодальной знати, входившие в великокняжеский двор. Но основную массу столичного населения составляли, как и в других городах, черные ремесленники и торговцы. Социальные антагонизмы выступали в Москве в наиболее обнаженной форме. Именно поэтому столица была очагом особенно острых форм классовой борьбы.

В управлении Москвой сохранялись черты неизжитого наследия удельных времен. Так называемая третная система управления вела происхождение от совместного управления городом сыновьями Ивана Калиты. Она была ликвидирована Иваном III, да и то не полностью: «третной наместник» (наряду с большим московским) продолжал существовать и в более позднее время [74]

Превращение Москвы в столицу единого Русского государства сделало необходимым перестройку политического центра города — Кремля. Взамен обветшавших и снесенных старых соборных зданий в конце XV в. были построены кафедральный Успенский и великокняжеский Благовещенский соборы, в 1505 г заложили Архангельский. Марк Фрязин при участии Антонио Солари возвел Грановитую палату, где происходили торжественные приемы иностранных послов заседания Боярской думы. В 1491—1508 гг. была перестрое-

на и жилая часть Государева дворца. В 1485 г. строительство новых крепостных укреплений началось с южной стороны Кремля, выходящей к Москве-реке. В 1491—1492 гг. были построены восточные укрепления, а к 1495 г. строительство треугольника кремлевских стен было завершено[75]. Но возведение всей оборонительной системы закончилось уже при Василии III. Бурный подъем экономики России на рубеже XV—XVI вв., нашедший наглядное выражение в жизни ее столицы, создавал реальные предпосылки для завершения объединительного процесса в стране.

ОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

Падение ордынского ига в 1480 г. имело для истории России во многом определяющее значение. Оно свидетельствовало о том, что на востоке Европы созидается мощное государство, которое способно противостоять натиску наследников Чингис-хана. Отныне это государство отряхнуло прах зависимости от ханов и приступило к решению стоявших перед ним важнейших задач, и прежде всего к завершению объединительного процесса.

К началу 80-х годов наряду с Великим княжеством Московским в Северо-Восточной Руси существовали два великих княжества (Тверское и Рязанское) и одна феодальная республика (Псков). Самостоятельная Тверь представляла особую опасность, поскольку тверские князья упорно искали поддержку своему противостоянию московским государям в Великом княжестве Литовском, в состав которого входила значительная часть исконных русских земель. Сложность состояла и в том, что основные земли Северо-Восточной Руси, которые находились под верховной властью Ивана III, были как бы исполосованы уделами его родичей. Ростов находился «до живота» (смерти) во владении его матери княгини Марии (в иночестве Марфы). В Угличе и Волоколамске княжили его братья Андрей Большой и Борис, проявившие «шатость» во время событий 1480 г. Вологда находилась в распоряжении Андрея Меньшого, а

Верея и Белоозеро были княжением двоюродного брата Ивана III Михаила Андреевича[1].

Удельные родичи были связаны с Иваном III серией договорных грамот. Они признавали его старейшинство, обязывались придерживаться его внешнеполитической ориентации и участвовать в военных акциях против его врагов. Все это так. Но договоры оставались только договорами и могли быть в любое время нарушены. Включение в состав единого государства последних независимых или полузависимых государственных образований после 1480 г. стало основной политической задачей, без успешного решения которой невозможно было приступить к борьбе за воссоединение русских земель с более грозным противником — Великим княжеством Литовским. После того как ордынский хан Ахмат отошел с Угры, тем самым признав свое поражение, 28 декабря 1480 г. Иван III вернулся из Боровска в Москву[2]. Здесь его ожидал сюрприз. В столицу прибыли послы двух крамольных братьев великого князя — Андрея Большого и Бориса Волоцкого, которые ожидали уплаты по векселю. Ведь за участие в общерусской борьбе с Ахматом Иван III обещал им выделить дополнительные земли из наследия умершего в 1472 г. брата Юрия.

Ивану III пришлось выполнить взятые им обязательства. Он пожаловал Андрея Большого Можайском, Андрея Меньшого — Серпуховом, а Бориса — Суходолом и селами Марии Голтяевой. Впрочем, это было только предварительное соглашение. Докончания Ивана III с Андреем и Борисом, заключенные в феврале 1481 г., рисуют несколько иную картину. Можайск Андрей Большой получил (по предварительному варианту речь шла о Калуге). Села Голтяевой упоминаются и в докончании Бориса. А вот о Суходоле и речи уже не шло. Аппетиты братьев урезали. В формуляр докончаний внесены были лишь небольшие поправки. Докончания 1481 г. носили временный характер. Разработкой формуляра подобных документов правительство занялось в 1481—1482 гг. Но великий князь потерял не так уж много, тем более что приобрел он в то время больше. 5 июля 1481 г. умер Андрей Васильевич Вологодский (Меньшой). По завещанию этого бездетного князя весь его удел перешел к Ивану III[3].

Первой ласточкой наступления на права удельных князей был договор 4 апреля 1482 г. Ивана III с кн. Михаилом Андреевичем Верейским. Согласно его тексту, князь завещал после своей смерти Белоозеро великому князю[4]. Это было значительным ущемлением прав сына Михаила Андреевича — Василия. Осенью 1483 г. кн. Василий вместе с женой бежал в Литву. Поводом был следующий эпизод. Выдав племянницу замуж за кн. Василия, Софья Палеолог отдала ей в приданое «саженье», принадлежавшее когда-то первой жене Ивана III. Однако после женитьбы сына — наследника престола — Ивана Ивановича на Елене Стефановне (начало 1483 г.) Иван III пожелал одарить сноху драгоценностями матери Ивана Молодого. Поэтому он решает отобрать «саженье» у жены Василия Верейского. Узнав об этом, Василий бежал в Литву[5]. Эпизод интересен не только для истории отношений Ивана III с удельными князьями, но и для понимания роли при великокняжеском дворе самой Софьи.

После побега кн. Василия Иван III 12 декабря 1483 г. заключил последнее (пятое) докончание с его отцом[6]. Согласно его тексту, теперь уже кн. Михаил обязывался передать весь свой удел после смерти Ивану III. Это обязательство было закреплено в завещании князя, составленном летом 1485 г. Формула об Иване III как душеприказчике в завещаниях удельных князей, по словам Л. В. Черепнина, «создавала правовую основу для подчинения последних»[7]

В начале 80-х годов изменилась ситуация и в Рязани. В январе 1483 г. умер великий князь рязанский Василий Иванович. Он был женат на сестре Ивана III — Анне и придерживался промосковской политики. Старший сын Василия — Иван после смерти отца получил великое княжество, а младший — Федор — удел в Перевитеске, Старой Рязани и треть Переяславля. Через полгода после смерти отца Иван Васильевич Рязанский заключил с Иваном III докончание, аналогичное московско-рязанскому договору 1447 г. Рязанский князь признавал себя «молодшим» по сравнению с московским государем (своим дядей) и лишался самостоятельности в сношениях с Ордой[8] Последний пункт был особенно важным: от позиции рязанского князя зависела безопасность центральных районов России в случае ордынско-московского конфликта. В целом

же Рязань низводилась на положение обычного удельного княжества, и Иван Васильевич лишь номинально мог считаться великим князем (преимущественно во внутрирязанских делах). Фактической правительницей в Рязани была вдова княгиня Анна.

Число удельных князей продолжало уменьшаться. Зимой 1482/83 г. в «железех» на Вологде, где обычно содержались опальные княжата, умер старинный враг Василия Темного серпуховско-боровский князь Василий Ярославич. 4 июня 1485 г. скончалась княгиня — вдова Мария (в иночестве Марфа), передав вторую половину Ростова сыну — Ивану III [9].

Бурные события происходили в 1483—1486 гг. во Пскове. Еще 6 мая 1483 г. горожане пожгли дворы у посадников. В 1484 г. почему-то «в крепость» посадили крестьян («смердов»), но неясно, государственных — что скорее всего — или частновладельческих. Об их выступлении в летописях ничего не говорится. И вместе с тем посадников «из заповеди закликаша, что грамоту новую списали и в ларь (архив Пскова. — *А. З.*) вложили на сенех со князем Ярославом, а Псков того не ведает». 13 июня дело дошло до того, что посадника Гаврила «убиша... всем Псковом на вечи». Тогда же «смерда» казнили. В сентябре в Москву для разъяснения псковских событий прибыли посадник Григорий Яковлевич Кротов с боярами. Они просили Ивана III, чтобы он «отдал своея нелюбкы, что казнили смердов; и он въсполевся, велел смердов отпустити, а посадников откликати и животы отпечатати, а князю Ярославу добити чолом» [10].

Таким образом, государь держал сторону князя Ярослава Оболенского (псковского наместника) и смердов. Вернувшись во Псков, посадники доложили об этом на вече, но «псковичи, чорные люди, тому веры не няше». Итак, противниками Ярослава и смердов выступают посадники и псковские черные (посадские) люди. Следующее посольство (декабрь) посадника Якова Ивановича успеха не имело, ибо боярское руководство, «ехавши биша чолом князю великому, а смердов не отпустя, ни посадников не откликав». Летом 1485 г. в Москву опять приехали посадники, чтобы продолжить разговор о смердах. На этот раз делегацию возглавил Иван Агафонович. Иван III не любил повторять то, что уже однажды говорил, и заявил, что делегация

явилась «бездельно», велел отпустить смердов, вернуть «животы», «добити чолом» князю Ярославу и прислать смердов в Москву. Решительная позиция Ивана III грозила тяжелыми последствиями. У всех был в памяти новгородский пример. Поэтому «оттоле начат быти брань и мятеж велик межю посадникы, и бояры, и житьими людьми: понеже сии вси въсхотеша правити слово князя великого, смердов отпустити, а посадников откликати, а мертвая грамота, списанаа на них, выкынути, а князю Ярославу добити чолом о печаловании». Очевидно, мятеж «черных» людей вспыхнул потому, что верхушка Пскова решила капитулировать. В конце концов Иван III настоял на своем. В Москву прибыло посольство от «молодых» «черных» людей с согласием выполнить требования государя. Посольство Ивана Агафоновича 1486 г. просило, чтобы Иван III держал Псков «по старине». Псковичи покаялись в том, что «били смердов, чрез повеление великого князя». Великий князь милостиво их простил [11]. Итак, Псков был приведен к покорности. Иван III решительно поддержал тех, кто был заинтересован в «смердах».

В 1483—1484 гг. сходные события произошли в Новгороде, где Иван III «ополелся» на «житьих людей», обвинявшихся в «уклонении» к Литве.

В середине 80-х годов главным вопросом для Ивана III была ликвидация тверской занозы. Тверь накануне падения переживала трудные времена. Небольшое по размерам, княжество к тому же распадалось на уделы. В начале 60-х годов там были Зубцовский и Холмский уделы. Не вполне ясно положение князей Микулинских и Дорогобужских. Вероятно, князь Михаил, как и Иван III, вел борьбу за объединение княжества, что вызывало недовольство тверской (и особенно удельной) знати. Возможно, ему подчинялся Кашин. В 60-е годы начались переходы тверских княжат на московскую службу. Уже тогда в Москву перебрался «князь-изгой» Данила Дмитриевич Холмский (Холм, очевидно, находился во владении его старшего брата Михаила). Кн. Данила стал одним из виднейших полководцев московского государя. В 1469 г. он участвовал в походе на Казань, в 1471 г. фактически возглавлял поход на Новгород, в 1474 г. принес присягу на верность Ивану III, в 70-х годах наместничал во Владимире, в 1480 г. командовал войсками на Оке. Женат он

был на дочери И. И. Заболоцкого и выдал свою дочь за видного боярина Ивана Владимировича Ховрина. Словом, связи его с Москвой стали нерасторжимыми. В мае 1476 г. на московскую службу перешла большая группа тверских бояр, среди них — Григорий Никитич Бороздин, его брат Иван Никитич Жито (с кашинцами), Василий Данилов, Василий Семенович Бокеев, трое «Карповичи», Дмитрий Иванович Киндырев и иные «с многие»[12]. Все они стали надежной опорой Ивана III в борьбе с Тверью.

К 80-м годам резко обострились в Тверском княжестве и классовые противоречия, вылившиеся в антицерковное движение. Еретическое вольномыслие в Твери имело давнюю традицию, восходя во всяком случае к XIV в. Около 1461—1477 гг. архимандриту Тверского Отроча монастыря Вассиану пишет послание о Троице его брат Иосиф Волоцкий. Послание было недвусмысленно направлено против еретиков, которые хотели «троицю утаити». Став тверским епископом, Вассиан в 1483 г. устанавливает культ мощей епископа Арсения, который прославился решительной борьбой с ересью. Это было ответом «церкви на выявившееся в Твери религиозное брожение»[13]. Широтой религиозных взглядов отличался и выдающийся тверской купец-путешественник Афанасий Никитин.

В такой обстановке Михаил Борисович вынужден был отказаться от конфронтации с Москвой и поддерживать с нею добрососедские отношения. Он был связан с Иваном III как родственными связями (московский государь в первом браке был женат на его сестре), так и договорными. Его ближайший сподвижник кн. М. Д. Холмский в 1471 г. выдал дочь за кн. Бориса Волоцкого. По докончанию 1462—1466 гг. Михаил Борисович хотя и признавался «братом» Ивана III, но обязывался поддерживать его внешнеполитический курс, особенно борьбу с Ордой. Этой линии тверской князь старался придерживаться неукоснительно. Его воеводы участвовали в двух походах на Новгород: в 1471 г. в их числе был кн. Ю. А. Дорогобужский, в 1477 г. с «тверской силой» ходили кн. М. Ф. Телятевский и кн. М. Б. Микулинский. Михаил Тверской высылал своих воевод (в том числе кн. М. Д. Холмского и И. А. Дорогобужского) и для борьбы с Ахматом в 1480 г. Так продолжалось до 1483 г. Еще в январе

этого года в Твери был милостиво принят посол Ивана III — П. Г Заболоцкий, сообщивший о свадьбе наследника престола Ивана Ивановича и Елены Стефановны[14]. Этот брак представлял известную опасность для бездетного тверского князя. Иван Иванович приходился (по женской линии) ему племянником, а жена князя Ивана была племянницей первой супруги тверского князя. Словом, князь Иван приобрел еще больше прав на наследование Тверского княжества.

Но вот в феврале 1483 г. скончалась супруга Михаила Борисовича (дочь литовского князя Семена Олельковича)[15], и тверской князь решил, не теряя времени, по традиции обратиться к Литве и жениться на «внуке» (родственнице?) великого князя Казимира. Брак должен был сопровождаться заключением литовско-тверского союза, который в тех условиях приобретал антимосковскую направленность. Согласно договору (повторявшему аналогичное докончание 1449 г.)[16], тверской князь обязывался стоять «за один» с Казимиром против всех его недругов, что ввиду приближавшейся русско-литовской войны означало и против Москвы. 10 октября 1483 г. в Тверь прибыл посол Ивана III — В. Гусев. Он привез известие о рождении у Ивана Ивановича первенца Дмитрия. Настойчивое напоминание тверскому князю о его возможных московских наследниках вызвало в новой обстановке резкую реакцию. По приказу Михаила Гусев был выслан из Твери[17]. Это означало фактический разрыв отношений с Москвой. Очевидно, к тому времени союзный литовско-тверской договор был уже составлен или во всяком случае велись переговоры о его заключении, и князь Михаил рассчитывал в случае начала военных действий с Москвой на литовскую помощь.

План «мирного» присоединения Твери оказался под угрозой провала. После тщательной подготовки Иван III зимой 1484 г. «разверже» мир с Тверью. Причинами объявлялись намерение Михаила «женитися... у короля» и заключение с ним договора («целова ему»). О ходе дальнейших событий существуют две версии. Согласно псковской, московские воеводы с «множеством вои» «плениша всю землю их (литовского и тверского великих князей. — *А. З.*) и взяша 2 города и сожгоша». После этого князь Михаил и запросил мира. Официальная московская летопись сообщает, что послана была

всего-навсего «порубежная рать» и тверской князь запросил мира, просто узнав об этом. Л. В. Черепнин предпочитает вторую версию, считая первую основанной на недостоверных слухах[18]. Рассказ Псковской летописи представляется более вероятным. В московском варианте о действиях рати не говорится ни слова. Умолчание очень странное.

Во всяком случае военная демонстрация возымела действие, а Казимир от выполнения своих договорных обязательств уклонился. Князю Михаилу пришлось капитулировать. В октябре — декабре 1484 г. было заключено новое московско-тверское докончание[19]. И хотя в его основу был положен договор 1462—1464 гг., в текст внесены были существенные изменения. Теперь Михаил Борисович переставал считаться «братом» Ивана III, а становился его «меньшим братом», т. е. из великих князей фактически низводился на положение удельного. Он отказывался от всяких претензий на новгородские земли (в частности, на новоторжские). Сношения с Ордой ставились под контроль великокняжеской власти. Наконец, Михаил Борисович обязывался порвать докончание с Казимиром.

Однако докончание 1484 г. закрепило только передышку. Михаил Борисович не намерен был примириться со столь унизительными условиями договора, а Иван III понимал необходимость окончательного решения тверского вопроса. Прошло немного времени, и москвичи перехватили гонца тверского князя к Казимиру. Иван III отреагировал немедленно. Несмотря на челобитья епископа Вассиана и кн. Михаила Холмского, пытавшихся смягчить великокняжеский гнев, началась подготовка к решающему походу на Тверь[20].

Весной 1485 г. из Москвы вернулась в Рязань правительница княжества вдова Анна. Ее возвращение можно связать со стремлением Москвы укрепить свои позиции в вассальных княжествах накануне тверского похода. Летом того же года старший сын Анны Иван женился на дочери кн. Василия Бабич-Друцкого — Аграфене. В июле в Новгород отправлен был гонец к наместнику Якову Захарьичу с распоряжением идти ратью на Тверь. Походу придан был общерусский характер. В нем приняли участие братья Ивана III Андрей и Борис. Возможно, в случае успеха великий князь обещал выделить часть тверских уделов как Борису и

Андрею, так и Михаилу Андреевичу Верейскому[21]. 21 августа 1485 г. Иван III во главе огромного войска в сопровождении братьев выступил в поход. «Нарядом» (пушками) руководил Аристотель Фиораванти. Причиной похода объявлялось то, что князь Михаил посылал грамоты к Казимиру, поднимая его на Русь[22].

Судьба Твери была предрешена, тем более что Казимир не имел сил поддержать союзника. Это сразу же поняли многие представители тверской знати, сохранявшие дотоле верность князю Михаилу. Началась новая волна побегов из Твери. Летом 1485 г. на московскую службу перешли удельные князья А. Б. Микулинский (женатый на дочери кн. Михаила Верейского) и И. А. Дорогобужский. Иван III щедро их наградил. Кн. Иосиф Андреевич получил в вотчину-кормление Ярославль, а кн. Андрей Борисович — Дмитров. Впрочем, Дмитров кн. Андрей потерял уже на следующий год, а Иосиф лишился Ярославля к апрелю 1496 г.[23]

Московский летописец с известным преувеличением сообщает, что к Ивану III прибыли «бояре вси... тверьскии служити», ибо у них было много обид на князя Михаила «о землех»[24]. 10 сентября 1485 г., подойдя к Твери, рать подожгла тверские посады. Следующей же ночью князь Михаил, «видя свое изнеможение», бежал в Литву, а его бояре били челом Ивану III[25]. Кампания была закончена. 12 сентября к Ивану III приехал епископ Вассиан Тверской с боярами. Ворота города были открыты. 15 сентября государь с наследником Иваном въехал в Тверь.

Верный своей осторожной политике, Иван III, как и в случае с Новгородом, не спешил предварять события. Он создал в Твери какое-то подобие удела во главе с Иваном Ивановичем (фактически он поставлен был «на великом княжении на тферском»). Вместе с тем он «бояр тверских много и князей на Москву свел». Наместником при Иване Молодом оставлен был боярин В. Ф. Образец-Добрынский. Покинув Тверь, 29 сентября Иван III прибыл в Москву[26]. Вскоре Казимир прислал в столицу весть, что князь Михаил якобы бежал из Литвы на московский рубеж. Сразу же на пограничье были выставлены заставы. Во главе их поставили кн. И. Ю. Патрикеева и Юрия Захарьича «с силою». Они стояли под Старицей до рождества. От «языка» узнали, что тверского князя подговаривали его

бояре, стремясь сами бежать от него. Но замысел Михаила вернуть свою «отчину» остался неосуществленным, и он повернул снова в Литву[27]. Зимой 1485 г. в заточение на Вологду был брошен ближайший сподвижник тверского князя кн. М. Д. Холмский, якобы «про то, что покинул князя своего у нужи, а целовав ему, изменил». Тогда же «поимал» Иван III и мать тверского князя (ее отправили в заточение в Переславль)[28].

Триумфальная победа над Тверью означала конец затяжной борьбы со старинным соперником Москвы в деле объединения русских земель. С ликвидацией самостоятельности Тверского Великого княжества Московское превращалось в общерусское. Это было закреплено и в титулатуре. Уже в июне 1485 г. Иван III именовался государем «всея Руси»[29]. Теперь этот титул стал употребляться повседневно. Создание единого Русского государства тем самым получило официальную санкцию. Новый титул великого князя означал не только итог и закрепление предшествующего объединительного процесса. Ведь русские земли входили в состав Великого княжества Литовского, а Казимир считал себя не только великим князем литовским, но и великим князем русским[30]. Поэтому, провозглашая себя великим князем «всея Руси», Иван III как бы заявлял свои претензии на верховное господство над всеми русскими землями, в том числе и входившими в состав Великого княжества Литовского. Неизбежность столкновения с Литвой была очевидной.

Победа над Тверью привела к дальнейшему наступлению Ивана III на права его удельных братьев. После смерти Михаила Андреевича (9 апреля 1486 г.) Верея и Белоозеро перешли к Ивану III. 20 августа 1486 г. он заключил новое докончание с братом Борисом, а 30 ноября — с Андреем. В том же году была составлена и копийная книга, содержавшая докончания Москвы с Тверью и Рязанью и послужившая основой для договоров государя с братьями[31]. Иван III отныне признавался не только «старейшим» братом удельных князей, но и их «господином», великим князем «всея Руси». Братья окончательно отказывались от претензий на земли, недавно присоединенные Иваном III (в том числе на владения Андрея Вологодского, Михаила Верейского и Тверь).

Но и после составления докончания Ивана III с к Андреем Углицким их отношения оставались напряженными. В конце 1487 г. боярин Андрея Углицкого Образец сообщил князю, что Иван III хочет его «поймать». Можно понять испуг брата московского государя и его первоначальное решение бежать из Москвы, где он тогда находился. Но все же он решил пойти на риск и спросить о причинах гнева у самого державного владыки. Иван III поклялся «богом и землею и богом силным, творцом всея твари» (клятва довольно необычная для ортодоксального православного человека), что у него и мысли подобной не было. Выяснилось, что это «пошутил» некий Мунт Татищев, которого кн. Андрей держал в «нелюбках». За ложь шутнику хотели было вырезать язык, но митрополит его «отпечаловал»[32].

Эхом борьбы с удельно-княжескими порядками были события зимы 1488 г. Тогда на торгу были биты кнутом чудовский архимандрит кн. Василий Ухтомский за подделку данной грамоты в Спасо-Каменный монастырь на вклад земли после смерти князя Андрея Вологодского. Кн. Василий в свое время составлял и текст самой духовной кн. Андрея[33].

Укрепил свои позиции Иван III и на северо-востоке страны — в районах, издавна связанных с Новгородом. И здесь он был верен политике «поэтапного» включения земель в состав государства. Так, в Перми вплоть до 1505 г. правила местная княжеская династия, признававшая вассальную зависимость от Москвы[34]. На склонах Среднего Урала располагалось племенное княжество вотяков (манси), а на Оби обитала югра (остяки, ханты). Пелымские (мансийские) князья находились в даннических отношениях к Перми. В 1481 г. пелымский князек Асыка осадил Пермь и убил одного из пермских князей (Михаила Ермолича). В ответ на это в 1483 г. на Асыку «да и в Югру на Обь великую реку» совершен был большой поход северной рати (вологжан, устюжан, белозерцев и др.), который возглавили И. И. Салтык и кн. Ф. С. Курбский. В результате Асыку удалось разбить. Воеводы побывали на реках Тавде, Иртыше и Оби. В декабре того же года на Выми при участии пермского епископа Филофея был заключен мир и югорские князья принесли присягу (шерть) Ивану III[35].

Вскоре была приведена к покорности и Вятка. В марте 1486 г. вятчане осадили Устюг. В 1487/88 г. готовился ответный поход, были поставлены заставы, присланы войска. 11 июня 1489 г. под Хлынов отправилась большая рать во главе с кн. Д. В. Щеней. В ней участвовали не только москвичи, но и жители северорусских земель (вологжане, устюжане, белозерцы и др.), а также татары. В результате похода вятчане и арские князья были приведены к крестному целованию[36]. Вятка была окончательно присоединена к Русскому государству.

И все же успехи объединительной политики не были достаточно прочными. Условия для полного экономического и политического слияния земель в единое целое еще не созрели, а удельные традиции имели еще прочные корни. Все это осложнялось положением при великокняжеском дворе. Там противоборствовали две группировки феодальной знати. Одна из них сделала своим знаменем наследника престола Ивана Ивановича Молодого (род. 15 февраля 1458 г.). Средоточием другой стало окружение второй супруги Ивана III «грекини» Софьи Палеолог, у которой 26 марта 1479 г. родился сын Василий, а 23 марта 1480 г. — Юрий. Еще Контарини (1476 г.) сообщил, что Иван Иванович «в немилости у отца, так как нехорошо ведет себя с деспиной», т. е. с Софьей. Но эта немилость была временной. В 1477 г. Иван Иванович выступает соправителем отца[37].

Во время стояния на Угре Софья бежала на Белоозеро, ко двору тамошнего князя Михаила Андреевича, что вызвало крайнее неудовольствие у части московской знати. Среди тех, кто поддержал Софью, были В. Б. Тучко-Морозов, А. М. Плещеев и дьяк В. Долматов. Раздражение вызывали и другие советники Ивана III, которые рекомендовали ему бежать от Ахмата («те бо беша бояре богати... думаючи бежати прочь»). Среди них летописец называет И. В. Ощеру и Г. В. Мамона. К их совету якобы одно время склонялся Иван III (слушая «злых человек, сребролюбцев, богатых и брюхатых»). Побег в 1483 г. в Литву кн. Василия Верейского, связанного родственными узами с Софьей, также ухудшил ее положение. Словом, в 80-е годы фигурой номер один после великого князя был Иван Иванович. В декабре 1482 г. на Русь прибыла дочь молдавского

господаря Стефана Великого, ставшая женой Ивана Молодого. В 1483 г. Иван Иванович «пошел на свою отчину в Суздаль». 10 октября 1483 г. у него родился сын Дмитрий[38]. В 1485 г. наследник престола был пожалован великим княжением в Твери, хотя после лета 1489 г. он прав на Тверь лишился[39] В надписи так называемой Буслаевской псалтыри Иван III и Иван Иванович именуются «самодержцами Русской земли»[40]. Оба соправителя названы в надписи на золотом корабельнике, отчеканенном во всяком случае до 1484 г.[41]

В 1483 г. были распущены послужильцы из дворов ряда крупных бояр: В. Б. и И. Б. Тучко-Морозовых, М. Я. Русалки-Морозова, И. И. Салтыка, И. В. Ощеры и др. Осенью 1485 г. И. Б. и В. Б. Тучко были пойманы[42]. Возможно, их опала и роспуск боярских дворов связаны с укреплением позиций Ивана Ивановича и ухудшением положения при великокняжеском дворе Софьи. К 1490 г. положение осложнилось. Наследник престола Иван Молодой заболел «камчюгою в ногах» и, несмотря на все старания доктора «мистро Леона», вызванного Софьей из Венеции, 7 марта 1490 г. скончался. Нерадивого врача казнили на Болвановьи (22 или 24 апреля). В литературе высказываются догадки, что наследник престола пал жертвой династической борьбы. Что-нибудь определенное на этот счет сказать трудно. Правда, позднее Курбский писал, что наследник был погублен Иваном III и Софьей[43]. Но насколько можно верить столь пристрастному к Софье писателю?

Тем временем семья Ивана III все увеличивалась: в 1481—1490 гг. Софья родила еще трех сыновей и трех дочерей[44].

Но кто же после смерти Ивана Молодого станет наследником престола — малолетний Дмитрий-внук или сын Софьи Палеолог княжич Василий? За спиной первого стояла его мать Елена Стефановна, за спиной второго — Софья Палеолог. Борьба между этими двумя властными женщинами, опиравшимися на различные придворные группировки, еще предстояла. Сначала чаша весов как будто склонялась в пользу Василия. Во всяком случае после разгрома новгородских еретиков он к октябрю 1490 г. получил право распоряжаться в тверских землях (безусловно, в Зубцове), хотя без титула великого князя. В сентябре 1491 г. Иван III ре-

шает произвести описание земель в Тверской земле «по-московскы в сохи». Для этой цели в Тверь, Старицу, Зубцов, Клин, Холм, Новый городок, Кашин были посланы писцы[45]. С. М. Каштанов считает, что примерно в то время Василий был лишен тверского княжения. С 1492 г. в противовес ему Иван III начинает выдвигать внука Дмитрия[46]. Борьба претендентов на московский престол только начиналась.

С наступлением на тверскую обособленность С. М. Каштанов связывает и окончательное решение углицкого вопроса. Клялся-то клялся в 1487 г. великий князь, что зла иметь на Андрея не будет, но что-то между братьями не сложилось. Развязка наступила в 1491 г. 19 сентября Андрей Васильевич в очередной раз приехал в Москву. Не успел он осмотреться, как на следующий же день был схвачен и посажен на казенном дворе в «железа». За его детьми на Углич послали В. И. Патрикеева («да с ним многых детей боярскых»). Княжичи Иван и Дмитрий Андреевичи также были схвачены и заточены в Переславле, где их держали в «великой истоме». Велено было «поимать» и бояр кн. Андрея. Припомнили князю все — и его сговор с братьями Борисом и Юрием, и переписку с Казимиром, и то, что он не послал своих «воев» на ордынских царевичей. Иными словами, Андрей обвинялся в нарушении докончания с Иваном III. Князь Андрей умер «в железех» на том же казенном дворе в ноябре 1493 г. Одновременно послан был боярин Данила Иванович за кн. Борисом на Волок. В Москву прибыл князь 7 октября «в тузе» (печали) со своими детьми. Ему удалось добиться помилования «ради неухищренного нрава», и 10 октября он уехал восвояси «в радости»[47].

Итак, к 1491 г. на Руси были ликвидированы все уделы, кроме Волоцкого. Впрочем, дальнейшие события показали, что до конца удельной системы было еще далеко.

Внешнеполитическая ситуация в 80-е годы для России складывалась благоприятно. Расстановка сил была предельно ясной. Москве и Крыму противостояли Великое княжество Литовское и ордынские наследники Ахмата («Ахматовы дети»). Добрососедские отношения с Крымом обеспечивали России мир на южных рубежах страны, а частые вторжения крымских войск в

пределы Великого княжества Литовского создавали там тревожную обстановку.

Новым фактором, существенно повлиявшим на судьбу Восточной Европы, было значительное усиление Османского султаната. Подчинив Сербию и Валахию, османы вторглись в Центральную Европу. Султан Баязид II (1481—1512) после захвата Килии и Белгорода (Аккермана) принудил Стефана Великого в 1489 г. признать протекторат султана над Молдавией. В орбиту османского влияния попал и Крым. Османско-крымская опасность сдерживала попытки Казимира противоборствовать с Иваном III. Зато государь «всея Руси» успешно налаживал дипломатические связи с соседями Казимира, окружая его кольцом союзников. Неудачей окончились и дипломатические усилия Казимира добиться разрыва московско-крымского союза[48]. Не оказал существенного влияния на отношения Менгли-Гирея с Москвой и переход на русскую службу его братьев Нур-Доулата с сыном Бердибеком и Айдара в феврале 1480 г. Айдар той же весной отправлен был в заточение на Вологду, Бердибек был зарезан каким-то татарином, а Нур-Доулат получил в кормление Касимов, где и умер около 1491 г.[49]

Показателем действенности русско-крымского союза были продолжавшиеся набеги крымских войск на земли Литовского княжества и Польши, особенно на Подолье Волынь (осень 1480 г.)[50] Положение Казимира осложнялось и тем, что в самом Литовском княжестве было неспокойно. В 1480—1481 гг. возник очередной заговор княжат при участии Ю. Гольшанского, Михаила Олельковича, Ф. И. Бельского, которые хотели перейти на сторону Ивана III со своими владениями по р. Березину. Михаил Олелькович в 1470 г. небольшое время княжил в Новгороде. Королю удалось раскрыть заговор и 14 августа 1481 г. казнить Гольшанского и кн. Михаила[51]. Ф. И. Бельский бежал на Русь, где получил в кормление пограничные с Литвой волости Демон и Мореву[52]. До 15 августа 1482 г. выехал на Русь и кн. И. Глинский[53]. Когда посольство Богдана Саковича в 1482 г. изложило Ивану III требования Казимира передать ему Великие Луки и Новгород, это было пустой декларацией[54].

Новый дипломатический шаг Ивана III (посольство Юрия Шестака в марте 1482 г.) содействовал тому, что

Менгли-Гирей совершил опустошительный набег на Украину, в результате которого 1 сентября 1482 г. был сожжен Киев. Обеспечив себе южный фланг, Иван III мог обратить внимание и на восточный. В связи с известиями о «шатости» Алегама в 1482 г. русские войска предпринимают поход к Казани. Акция задумана была серьезно. В походе участвовала и артиллерия, которой руководил Аристотель Фиораванти. Но войска дошли только до Нижнего Новгорода, так как, узнав о движении русских, казанский царь подчинился Ивану III[55]. Замирение оказалось кратковременным. В 1485 г. на Казань посланы были войска кн. В. И. Оболенского и Юрия Захарьича, которые поставили на место Алегама его младшего брата малолетнего Мухаммед-Эмина[56]. Он пробыл в Казани недолго и в конце 1485 — начале 1486 г., спасаясь от преследования противников, бежал в Москву. В Казани снова воцарился Алегам. Вскоре в столицу Русского государства прибыла депутация казанской знати. Казанцы жаловались, что «меншицин сын» (Алегам) хотел их «перетеряти», но они «в поле убежали»[57]. Реакция Ивана III была скорой и однозначной: весной 1486 г. под Казань направлена была рать князей В. Оболенского и В. Тулупа, которая снова водворила на престол Мухаммед-Эмина[58].

Обстановка осложнилась в 1487 г., когда энергичная мать Мухаммед-Эмина — Нур-Салтан вышла снова замуж, но на этот раз за самого Менгли-Гирея. Это создавало опасность прочного крымско-казанского союза. Как раз в то время беспокойный Алегам в союзе с ногайцами снова захватил Казань, изгнав оттуда младшего брата. И вновь Мухаммед-Эмин обратился с просьбой о помощи к Ивану III. 11 апреля (по другим данным, 24 апреля) на Казань были посланы крупные силы во главе с князьями Д. Д. Холмским, И. А. Дорогобужским, А. В. Оболенским, С. И. Ряполовским и др. 18 мая войска прибыли под Казань. Осада города была длительной, но успешной. 9 июля Алегам сдался на милость победителей. 20 июля в Москву пришла весть, что Казань взята. На престол был опять посажен Мухаммед-Эмин. Алегама удалось схватить и отправить в заточение на Вологду. Его мать, братьев и сестер сослали в Карголом на Белоозеро. Крамольных князей и уланов казнили. Участников похода (бояр и

детей боярских) Иван III щедро наградил («изжаловал»)[59].

Казанское взятие 1487 г. было событием огромного значения. Хотя тогда и не последовало непосредственного включения Казани в состав Русского государства, но с тех пор, несмотря на противодействие части татарской знати, Казань входит в фарватер русской политики. Наиболее дальновидные князья и мурзы начинают понимать несомненные выгоды для себя союза с могущественной Россией.

Благоприятно для Русского государства складывались и отношения с соседями на северо-западе. Война с Ливонией 1480—1481 гг. завершилась победным походом русских войск. Он начался в феврале 1481 г. и продолжался четыре недели. Взяты были города Каркус и Тарваст, а также посад г. Феллина. 1 сентября 1481 г. между воюющими сторонами было заключено перемирие сроком на 10 лет. По традиции русскую сторону представляли Новгород и Псков, ливонскую — Орден и дерптский епископ. Договор 1481 г. в основных чертах повторял предыдущее соглашение между сторонами (1474 г.). Он должен был обеспечить необходимые условия для беспрепятственной торговли русских купцов в Ливонии. Перемирие с Ливонией неоднократно подтверждалось (в 1484, 1485, 1487, 1489 гг.). 15 февраля 1491 г., когда десятилетний срок перемирия истекал, в Москву прибыл посол магистра Семен Борг (Семион Вармцарь). Но переговоры затянулись. Новый договор удалось подписать только в 1493 г. Он повторял условия договора 1481 г. и содержал пролонгацию перемирия еще на 10 лет[60]. Таким образом, в 80-х годах русско-ливонские отношения развивались в общем нормально.

Иван III заинтересован был в сохранении дружественных торговых связей с ганзейскими городами. В 1487 г. Дерпт и Ревель заключили договор с Новгородом, т. е. по существу с Русским государством. Он должен был гарантировать беспрепятственную торговлю обеих сторон, что отвечало их взаимным интересам. В 1488 г. новгородский наместник распорядился установить контроль над торговлей ганзейцев солью и медью. Ганзейские купцы в начале 1489 г. прибыли в Москву и обратились с жалобой к Ивану III. Но их

обращение реальных последствий не имело[61]. Назревал конфликт, ибо действия ганзейцев противоречили интересам русских купцов, на страже которых неукоснительно стоял государь.

Крупных успехов русская дипломатия добилась на юго-западе. Зажатые между Османским султанатом, Польшей и Империей, Венгрия и Молдавия искали себе союзника в лице московского государя, понимая его все возрастающую роль в восточноевропейских делах.

В апреле 1480 г. молдавский господарь Стефан III (1457—1504) направил посла в Москву, а оттуда выехал «человек молодой» к его двору. Переговоры шли о союзе между державами, который должен был закрепить брак дочери Стефана Елены и сына Ивана III — Ивана Молодого. В апреле 1481 г. в «Волохи» снова были отправлены послы вместе с побывавшими в Москве посланниками Стефана. Послы А. М. и П. М. Плещеевы вернулись в Москву вместе с долгожданной Еленой Стефановной в декабре 1482 г. Свадьба ее с наследником русского престола состоялась в январе 1483 г. Сохранилось послание Стефана Ивану III, написанное около 1484 г. Затем сведения о русско-молдавских отношениях на некоторое время обрываются. Положение Молдавии резко ухудшилось. К 1485 г. османы совершили ряд набегов в глубь страны. На следующий год Стефан попытался найти поддержку у Казимира. В 1489 г. он признал зависимость от Турции. С 1490 г. снова начался интенсивный обмен посольствами. В феврале 1490 г. в «Волохи» посылался Прокофий (Скурат) Зиновьевич (его брат Иван в 1482 г. входил в состав посольства А. М. Плещеева). Затем в августе 1490 г. состоялась миссия И. Д. Лихарева, который вернулся в январе 1491 г. с молдавским послом Стецко. Наконец, в июле 1491 г. Прокофий Зиновьевич вновь отбыл ко двору Стефана[62].

Налаживались отношения с венгерским королем Матвеем Корвином (1458—1490). В 1482 г. от него прибыло посольство. С ответной миссией отправлен был выдающийся дипломат дьяк Федор Курицын, вернувшийся до августа 1485 г.[63] Он привез от короля докончальные грамоты, содержавшие утверждение «братства и любви» между державами.

Усилившийся натиск Османского султаната заставил в конце концов искать контактов с Россией и мо-

гущественную Империю. Империя в то время также вела напряженную борьбу с Матвеем Корвином, который летом 1485 г. даже взял имперскую столицу — Вену. В 1486 г. Москву посетил эмиссар императора Фридриха III и его сына Максимилиана — Николай Поппель. В Империи отчетливо не представляли себе далекой Московии, считая ее чуть ли не вассалом Польши. Первый визит Поппеля оказался безрезультатным. К имперскому агенту в Москве отнеслись с подозрением. Не большего достиг Поппель и во время второй миссии в январе 1489 г. Иван III решил сам его не принимать и доверил переговоры кн. И. Ю. Патрикееву, кн. Д. В. Щене и Якову Захарьичу. Заявления Поппеля о «любви и дружбе» как-то не гармонировали со стремлением Империи взять под покровительство Ливонский орден. Настороженно отнеслись в Москве и к сватовству к одной из дочерей Ивана III (мужем ей прочили маркграфа Баденского). Наконец, уж полной бестактностью и совершенным непониманием реального положения вещей было предложение Ивану III королевской короны, принятие которого превратило бы Россию в вассала Империи. Федору Курицыну было поручено прочесть декларацию, в которой четко заявлялось о полном суверенитете власти русского государя. Впрочем, от продолжения переговоров в дальнейшем Москва не отказывалась [64].

В марте 1489 г. Поппель был отпущен. Вместе с ним императору отправили посольство во главе с Юрием Траханиотом. Суть его переговоров с Георгом фон Турном (Делатором), уполномоченным для этой цели императором Фридрихом, не известна. Оба они вернулись в Москву, где фон Турн 18 июля 1490 г. был удостоен великокняжеской аудиенции. Турн стремился добиться односторонней помощи России римскому королю Максимилиану в борьбе за возвращение ему Венгерского королевства. В 1490 г. умер Матвей Корвин, и венгерская корона досталась сыну Казимира Владиславу Чешскому. Это приводило к новой расстановке политических сил в Центральной и Восточной Европе. Союз двух Ягеллонов упрочил свои позиции. Во время переговоров с фон Турном вопрос о том, кто станет венгерским королем, не был еще окончательно решен, но реальная опасность польской кандидатуры существовала. Поэтому интересы Империи и России в данном

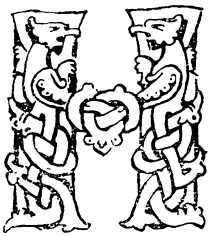
случае совпадали, и Иван III согласился заключить союзный договор с Максимилианом. Составлен был проект договора, который Юрий Траханиот и дьяк Василий Кулешин повезли к Максимилиану. Утвердив договор, Максимилиан 23 июня 1491 г. отпустил послов в обратный путь[65] Однако Пресбургский мир Максимилиана с Владиславом (7 июля 1491 г.) сделал нереальным русско-имперский договор.

Значительно более успешными были русско-итальянские связи, опиравшиеся на давнюю традицию торговли России с итальянскими колониями в Крыму и греко-итальянское окружение Софьи Палеолог. Женитьба Ивана III способствовала новым выездам «фрягов» на Русь, известным еще до вступления его на престол. В свите Софьи прибыли Юрий и Дмитрий Траханиоты, ставшие видными дипломатами и деятелями культуры. Приезжали архитекторы, пушечники, мастера-рудознатцы, врачи. В 1485 г. из Царьграда выехал Иван Раль с детьми, грек из Мореи, принадлежавший к ближайшему окружению Палеологов. В том же году в Милан и Венецию отправился Юрий Траханиот. 24 июня 1486 г. Ивану III написал дружественное письмо миланский герцог Джан Галеаццо Мариа[66].

В 1487/88 г. в Венецию были посланы дети Ивана Раля Дмитрий и Мануил Ралевы. Они прибыли в Венецию 3 сентября 1488 г. с богатыми подарками и сообщением о блистательной казанской победе. 18 ноября они присутствовали на папской мессе в Риме. В 1490 г. успешно выполнив миссию, Ралевы вернулись. С ними приехал брат Софьи Палеолог Андрей Фомич (уехал обратно зимой того же года) и большая группа мастеров: Пьетро Антонио Солари (будущий строитель Кремля), его ученик Замантонио, пушечник Яков, серебряник Христофор с двумя учениками из Рима, Альберт Немчин из Любека, Карл с учениками из Милана, грек Петр Ранк, органист чернец Иван Спаситель (в 1493 г. перешел в православие, женился и был пожалован селом) и лекарь «мистро» Леон Жидовин из Венеции. Старейшиной мастеров был Петр Фрязин. Следующее посольство в Милан и Венецию отправилось в мае 1493 г. С миссией поехали Мануил Ангелов и дьяк Данила Мамырев. Приезд русских послов в декабре 1493 г. Лодовико Моро, миланский правитель, стремился использовать для повышения своего престижа[67].

Вернулись послы в 1494 г. с мастером-оружейником Пьетро и тремя миланцами, один из которых, Алоизио Каркано, был крепостных дел мастер. Мирные торговые и культурные связи России и Италии на рубеже XV—XVI вв. приносили обильные плоды.

Присоединение Твери, решение казанской проблемы, ликвидация уделов, успехи внешней политики были и сами по себе фактами большого исторического значения. Но в ходе объединительного процесса 80-х годов одновременно закладывались предпосылки для решения важнейшей проблемы — борьбы за возвращение русских земель, находившихся под эгидой великого князя литовского. Правда, для того чтобы приступить к этому делу, необходимо было привести к покорности возможного союзника Литвы — Новгород, все еще проявлявший признаки самостоятельности.



НОВГОРОДСКАЯ КРАМОЛА

Присоединение Новгорода к Русскому государству в 1478 г. не означало полного слияния новгородских земель с Северо-Восточной Русью. Огромные пространства Великого Новгорода включали территорию, по размерам превосходившую Великое княжество Московское. Границы старинных новгородских владений доходили до Северного Ледовитого океана и Уральского хребта. Новгород, как центр международной торговли, соперничал с самой столицей России — Москвой. В условиях неизжитой феодальной обособленности земель Новгород сохранял специфическую социальную политическую структуру, порожденную особенностями его экономико-географического положения и многовековой истории. Не был еще разрушен фундамент былой новгородской вольницы — крупное боярское, купеческое и владычное землевладение.

В 1478 г. Иван III торжественно обещал не рушить эту основу могущества новгородской знати. Власть в Новгороде принадлежала отныне наместникам, присылавшимся из Москвы. Но авторитет новгородского владыки оставался непоколебленным. Речь шла не только о реальном авторитете, но и о реальном участии архиепископа в новгородской жизни. Так, когда в городе строили в 1489/90 г каменный детинец, треть средств дал Геннадий, а две трети — государь. Владыка актив-

но участвовал в строительстве города. Рассказывая о возведении укреплений в 1502 г., летописец подчеркивал, что оно происходило при архиепископе Геннадии и «старостах новгородских» И. Елизарове, В. Тараканове, Ф. Салареве[1].

В Новгороде сохранились монетный двор и денежная система («новгородки»), лишь приравненная к московской. Отличалась от московской и система обложения с новгородской «обжой» как окладной единицей. Наместники под покровительством Москвы обладали правом дипломатических сношений и заключения договоров с северными и северо-западными соседями (Ливонией, Ганзой, Швецией, Данией). При заключении договора с Ганзой в 1487 г. по повелению наместников «крест целовали» бояре Григорий Михайлович и Кузьма Остахенович и купеческие старосты Иван Елизарович и Никита Леонтьевич[2].

Словом, новгородская проблема в 1478 г. не была решена. 26 октября 1479 г. Иван III выехал в Новгород. Все началось с «поимания» 19 (или 24) января 1480 г. архиепископа Феофила, с которым были связаны воспоминания о былой независимости Новгорода. Объяснялась эта мера тем, что «не хотяше бо той владыка, чтобы Новгород был за великим князем» Это обвинение вызывает сомнения, но конфискация половины монастырских волостей в Новгороде в 1478 г. явно не могла прийтись по нраву Феофилу. Он был смещен и отправлен в Чудов монастырь, где и умер через два с половиной года[3]. Расправившись с архиепископом Иван III 13 февраля вернулся в Москву. Сохранилось глухое сведение Волоколамского летописца, что в 1479/80 г. великий князь «поимал... новгородцов»[4]. В какой степени оно достоверно, не ясно.

После стояния на Угре в 1480/81 г. Иван III «поимал» боярина Василия Казимира с братом Яковом Коробом, Михаила Берденева и Луку Федорова. Но до 1483 г. государь не нарушал в целом договоренности с новгородским боярством и в их вотчины «не вступался». Около 1482 г. закончился первый этап переписи («старого письма»), которая должна была учесть наличный фонд земель. Период решительного наступления на новгородское боярство Г. В. Абрамович датирует 1483—1488 гг.[5]

В конце 1483 г. у новгородцев произошел конфликт с новоназначенным архиепископом Сергием, который вынужден был оставить престол. Тогда же поступил донос «на новгородци от самих же новгородцев» о «ссылке» бояр с Литвой. Человек 30 «больших и житьих людей» были схвачены, а их дома разграблены. От казни бояр спасло, видимо, то, что даже на пытке от них не удалось получить признания в измене. Опала постигла и некую «Настасью славную», и Ивана Кузьмина, что «бегал в Литву да вернулся обратно». 17 недель в Новгороде стояла «застава ратная». Боярство было окончательно разгромлено. Возможно, о том же событии говорят и другие летописи, сообщая, что зимой 1483 г. «поимал князь великий болших бояр новогородцкых и боярынь, а казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместья на Москве по городом; а иных бояр, которые коромолу держали от него, тех велел заточити в тюрмы по городом». Устюжский летописец сообщает, что в июле 1484 г. великий князь «поимати велел многих боляр новогородских в Новегороде и розвел и весь Новъгород одолел и за себя взял»[6]. Возможно, «выводы» 1483—1484 гг. связаны были с подготовкой тверского похода, с необходимостью иметь прочные тылы. Тогда же начался второй этап составления «старого письма».

Не прошло и трех лет, как гнев великого князя снова обрушился на новгородцев. Опала совпала по времени с началом преследования Геннадием еретиков. Типографская летопись помещает известия о репрессиях против новгородской знати сразу же после записи о том, что зимой из Новгорода привели «боле седми тысящ житих людей на Москву, занеже хотели убити Якова Захарича, наместника новгородцкого, и инных думцев много Яков пересече и перевешал»[7] В Иоасафовской, Никоновской и других летописях говорится, что в 1486/87 г. Иван III перевел во Владимир «лучших гостей новогородцких пятьдесят семей». Отголосок «выводов» новгородского купечества имеется в сообщении, отправленном из Дерпта в Ревель 25 июня 1487 г.[8]

Следующая волна «выводов» падает на 1488 г. В Типографской летописи сообщается, что зимой 1489 г. (дата неверна, надо: 1488 г.) опала коснулась «житьих людей». Причиной ее опять был обговор: «об-

говору деля, что наместники и волостели их продавали и кои на них продаж взыщут, ини боронятца тем, что рекши, их думали убити». Иван III вывел «житьих людей» «по инным городом, а многих пересечи велел на Москве, что и думали Юрья Захарьича убити». Как видим, имя наместника, вызвавшего негодование, здесь иное. Но Юрий действительно в 1488 г. наместничал в Новгороде. На место выведенных поселили в Новгороде «на житье» москвичей и жителей иных городов. В других летописях запись о «выводах» датируется зимой 1488 г.: тогда Иван III «переведе... многых бояр и житьих людей, гостей, всех голов болши тысячи, и жаловал их на Москве, давал поместья, и в Володимери, и в Муроме, и в Новегороде Нижнем, и в Переславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме и по иным городом; а в Новгород в Великый на их поместья послал московскых многих лутших гостей и детей боярскых и из иных городов»[9].

Итак, в 1487—1488 гг. в Новгороде разыгрались бурные события[10]. Самовластные действия наместников вызвали протест, очевидно затронувший не только верхние слои Новгорода, но и широкие круги населения. Поговаривали даже о намерении убить наместников. Скорый на расправу Яков Захарьич перевешал зачинщиков. Но этим дело не ограничилось: 7 тыс. «житьих людей» было выведено зимой 1487 г., а еще 1 тыс. купцов и «житьих людей» — зимой 1488 г. Их земли были розданы в поместья купцам и детям боярским из других городов. Согласно подсчетам Г В. Абрамовича, в Новгороде в 1476—1481 гг. было конфисковано 19,3 тыс. обеж земли, в 1483—1486 гг. еще 12,3 тыс., а к 1489 г. великокняжеский фонд земель уже превышал 70 тыс. обеж[11]. Так было покончено с боярским и купеческим землевладением в Новгороде. Впрочем, есть сведения, что там в январе 1499 г. еще какие-то церковные и монастырские земли были розданы в поместье[12]. В 1495 — 1505 гг. происходила новая перепись земель в Новгороде, которая должна была подвести итог земельной реформе. Тогда ввели «твердое количество окладных единиц», установили единый размер окладной единицы (обжу приравняли к 15 десятинам), а Новгородскую землю разделили в административном отношении на пять частей — пятин[13] Тем самым единство Новгородской земли было значительно ослаблено.

Состав новых помещиков был довольно пестрым. Это были и представители московской знати (особенно до 1488 г.), но в основном рядовые дети боярские и послужильцы из распущенных боярских дворов (последних, по данным Г. В. Абрамовича, было 13,7 %). Поместья давались небольшие, права распоряжения урезывались. Словом, если на первых порах новые помещики могли быть довольны своими пожалованиями, то позднее они, их дети и внуки с завистью смотрели на более богатых и знатных родичей, т. е. становились очагом недовольства.

Постепенно жизнь в Новгороде налаживалась. Развернулись крупные строительные работы, причем не только церковные. В 1483 г. была построена каменная трапезная, в 1484 г. — церковь Ризположения. Особенное внимание уделялось военно-оборонительным сооружениям. В 1484 г. начали строить каменный детинец, как бы бастион в центре Новгорода. Сооружение «граканенного» было завершено в 1489/90 г. Деревянная стена вокруг всего Новгорода была построена в 1502 г.

Власть в городе все более и более сосредоточивалась в руках наместников. Сначала их число доходило до четырех. В январе — феврале 1481 г. на владычной стороне наместничали кн. Ярослав Васильевич Оболенский и кн. Иван Васильевич Булгак, на купеческой — Иван Зиновьевич и кн. В. Ф. Шуйский (в 1481—1482 гг. Шуйский наместничал с Г. В. Морозовым)[15]. Шуйские и, возможно, Морозовы были и раньше связаны с Новгородской республикой[16]. Вскоре число наместников сократилось вдвое (о наместниках в 1483 — первой половине 1485 г. известий нет). Посылка в Новгород двух наместников (вместо обычного одного) отвечала исторически сложившейся структуре города, состоявшего из двух «сторон», не давала возможности сконцентрировать власть в этом крамольном городе в одних руках.

Упрочение власти наместников связано с деятельностью в середине 80-х годов Якова и Юрия Захарьичей (из старомосковского рода Кошкиных-Кобылиных), последовательных проводников московской политики. Яков Захарьич ездил с Иваном III в Новгород в конце 1479 — начале 1480 г. и имел полное представление о политике государя. Наместничал Яков Захарьич с августа 1485 по июнь 1493 г. (в 1487—1489 гг. — с бра-

том Юрием, с 1490 г. — с П. М. Плещеевым). Проводя жесткий правительственный курс, наместники не забывали и о личном обогащении. Якову Захарьичу в Вотской и Шелонской пятинах принадлежало 800 коробей земли. Его брат Василий женился на дочери посадника Василия Никифорова, убитого новгородцами за его преданность Москве. Прозвище «Ляцкий» Василий Захарьич получил от Лядского погоста Шелонской пятины, где располагались его владения. Были у него земли и в Деревской пятине. Наместники распоряжались судебно-административными делами, им докладывались полные на холопов грамоты, не проходили мимо них и важнейшие церковные дела. Заключали они и договоры с иностранными державами и возглавляли новгородскую рать в общерусск походах. Наместники получали значительные кормы с местного населения. Дворцовые земли находились в распоряжении дворецкого (в 1495 г. — Василия Михайловича Волынского, а в 1499 г. — его брата Ивана) [17]

По мере укрепления власти наместников падала реальная власть архиепископа. Впрочем, авторитет его был достаточно высок. После «поимания» Феофила временно установилось церковное безвластие: при живом, хотя и опальном, владыке государь не решался назначить его преемника. 17 июля 1483 г. состоялись выборы на архиепископский стол. Жребий пал на старца Троице-Сергиева монастыря Сергия (одним из трех кандидатов был чудовский архимандрит Геннадий). Эта промосковская креатура вызвала неудовольствие новгородцев («не хотяху новгородци покоритися ему, что он не по их мысли ходить»). Сергий якобы говорил, что «от Москвы прииде к гражданом, яко пленеными». Недовольны были тем, что Сергий «многы игумены и попы исъпродаде и многы новыя пошлины введе». 27 июля 1484 г. он оставил архиепископию. Поговаривали, что пастырь сошел с ума. Сергий пробыл в Новгороде всего 10 месяцев [18]

На место Сергия 12 декабря 1484 г. избран был чудовский архимандрит Геннадий, прибывший в Новгород весной (в «мясоед») 1485 г. Злые языки говорили, что за поставление Геннадий заплатил Ивану III 2 тыс. руб. Новый владыка зарекомендовал себя верным исполнителем воли Ивана III, поддержав его в 1481/82 г. в споре с митрополитом Геронтием [19]. С инте-

нем Геннадия — властного церковно-политического деятеля, не брезгавшего никакими средствами в борьбе с противниками,— связана решительная борьба с новгородской «крамолой», развернувшаяся с 1487 г. когда наносился решительный удар по новгородской землевладельческой и купеческой знати. Думается, связь этих событий отрицать трудно.

В Новгороде с XIV в. сложилась прочная традиция религиозного вольнодумия. В 1375 г. там казнили «стригольников» дьякона Карпа с товарищами[20] Ересь получила распространение и во Пскове. «Стригольники» выступали против церковной иерархии, как поставленной «по мзде», и некоторых таинств православной церкви. Связь вспыхнувшей в конце XV в. в Новгороде ереси со «стригольнической» видна не только из сходства учений, но и из того, что Геннадий одного из еретиков (Захара) прямо называет «стригольником»[21].

Наиболее обстоятельный рассказ о появлении ереси находится в «Сказании о новоявившейся ереси» Иосифа Волоцкого (предисловие к его «Книге на еретики», т. е. «Просветителю», написанное в начале XVI в.). Иосиф сообщает, что в свите литовского князя Михаила Олельковича в Новгород в 1470/71 г. прибыл некий «жидовин именем Схариа», который был «изучен всякому злодейства изобретению, чародейству же и чернокнижию, звездозаконию же и астрологы, живый в граде Киеве». Вот от Схарии-то и от других иудеев, пришедших из Литвы, и началась ересь. Схария «прелсти попа Дениса и в жидовство отведе». Денис же привел к нему протопопа Алексея с Михайловой улицы. Оба они «научиша жидовству» своих жен и детей. Алексей совратил в ересь своего зятя Ивана и его отца попа Максима «и многих от попов и от диаков и от простых людей». Денис «научи» протопопа софийского Гавриила, а тот Гридю Клоча. Последний обратил в новую веру Григория Тучина, «его же отец бяше в Новегороде велику власть имеа». С этого и началось широкое распространение ереси в Новгороде[22].

В рассказе Иосифа Волоцкого настораживает назойливое стремление связать еретиков с эмиссарами из Литвы, что для новгородцев грозило самыми тяжелыми последствиями. Попытка отыскать корни вольнодумия в «жидовстве» не может не показаться крайне тенден-

циозной, учитывая прочные местные традиции ереси. Поэтому вопрос о роли Схарии является одним из наиболее спорных в литературе. Если А. И. Клибанов о Схарии не упоминает вовсе, то Я. С. Лурье признает рассказ о нем недостоверным, ибо ни в одном достоверном источнике сведений о нем нет. Он считает, что легенда о «жидовстве» новгородских еретиков позднего происхождения, так как Геннадий ее не знает[23]. Ряд исследователей возражают против критического подхода Я. С. Лурье к тексту «Сказания»[24].

Проблема, на наш взгляд, имеет две стороны. Первая — вопрос о реальном существовании Схарии и его роли в зарождении ереси. Вторая — удельный вес иудаизма в круге идей новгородских еретиков. Первогонитель еретиков архиепископ Геннадий действительно не называет имени Схарии. Но это понятно. В 1480 г. Денис (ученик предполагаемого Схарии) был взят в Москву ко двору Ивана III, а писать о его учителе в конце 80-х годов было невозможно. Я. С. Лурье сравнивает «Сказание о новоявившейся ереси» и «Послание о соблюдении Соборного приговора 1504 г.», написанные Иосифом Волоцким, с посланиями Геннадия Прохору и Иоасафу и делает вывод, что еретики первоначально (Геннадием) обвинялись в «мессалианстве», а позднее (Иосифом) — в «жидовстве». Однако уже Геннадий разоблачает еретиков как «жидовская мудрствующих» и знает некоего «жидовина» (под которым можно понимать Схарию) при князе Михаиле Олельковиче[25]. Словом, отрицать реальное существование Схарии достаточных оснований нет.

Возможно, Схария Иосифа Волоцкого — «Захарья евреянин», «Захарья Скара жидовин», который упоминается в грамотах Ивана III. В них речь идет о Захарии Гвизольфи, «таманском князе», отец которого происходил из аристократической генуэзской фамилии, а мать была черкешенкой. С 1483 по 1500 г. Иван III неоднократно приглашал его поселиться в Москве, но тот предпочел двор Менгли-Гирея. В 1496 г. инок Савва писал, что «жидовин Захарья Скара» пытался обратить в свою веру посла в Крым Д. В. Шеина[26]. Г М. Прохоров предположил, что Гвизольфи мог быть караимом и «жидовином» называли его по вере[27]. Пребывание Схарии в Киеве в 1470/71 г. весьма вероятно. Оно было не измышлено, а использовано Иосифом Волоцким

для подкрепления обвинений еретиков в «иудействе». Можно привести и еще некоторые соображения о возможности распространения реформационных настроений в окружении кн. Михаила Олельковича. Исследователи считают, что ко времени княжения Михаила в Киеве относятся элементы Ренессанса в украинской культуре конца XV в.[28] Кстати, сестрой Михаила Олельковича была мать Елены Стефановны, связанной с кружком московских еретиков[29]

Появившись в начале 70-х годов XV в., новая ересь долгое время оставалась невыявленной. Зная печальный опыт предшественников, еретики предпочитали держать свои взгляды в тайне. Вскоре движение перекинулось в столицу. После поездки Ивана III в Новгород в 1479/80 г. вместе с ним в Москву приехали два лидера новгородских еретиков — Денис и Алексей. Первый стал протопопом кафедрального Успенского собора, второй — священником придворного Архангельского. Знал о еретичестве обоих попов Иван III — сказать трудно. Иосиф Волоцкий говорит, что вначале в Москве они «еще не смеюще проявити ничто же». Впрочем, тайно пропаганду они вели[30].

Источники позволяют определить круг новгородцев, обвинявшихся в еретическом вольномыслии. В 1487 г. Геннадий называет еретиком попа Наума, в январе 1488 г. — Гридю Клоча. В феврале 1488 г. в грамоте Ивана III среди еретиков упомянуты семеновский поп Григорий, никольский поп Герасим (Ерасим, Ереса), сын Григория дьяк Самсон и дьяк Гридя борисоглебский. В октябрьских посланиях Геннадия 1490 г. названы также поп Денис, протопоп Гавриил с Михайловой улицы (у Иосифа — «Гавриил Съфейский»), умерший уже протопоп Алексей (бывший ранее попом с Михайловой улицы), чернец псковского Немчинова монастыря Захар, подьячий Алексей Костев, что жил на поместье. Наконец, в соборном приговоре 1490 г. (и в послании митрополита Зосимы) названы дополнительно попы Максим и Василий, дьякон Никольской церкви Макар, дьяки Васюк и Самуха. Василия Иосиф называет попом Покровским, а Васюка — Сухим, Денисьевым зятем. К этим 16 новгородцам надо добавить еще 11 лиц, которых (кроме ряда перечисленных выше) знает Иосиф Волоцкий. Это зять протопопа Алексея — Иван Максимов (сын еретика попа Максима), боярин Григо-

рий Михайлович Тучин, Лавреш, Михаил Собака, поп Федор Покровский, Яков Апостольский, Иван Воскресенский, Юрий Семенов сын Долгово, крылошане Авдей и Степан и Евдоким Люлиш «и инех многых»[31]. Всего, следовательно, 27 человек[32].

Приведенные сведения показывают, что основную массу еретиков, известных гонителям, составляли представители белого духовенства — священники, дьяконы, крылошане. Кроме них непосредственно в движение были вовлечены 1 боярин, 1 подьячий и 1 монах. Социальный состав еретиков отлично рисует в 1489 г. один из сподвижников архиепископа Геннадия — Тимофей Вениаминов: «В то лето здесе в преименитом ту Неуполес (Новгороде. — *А. З.*) мнози священники и диакони от простых людий диаки явилися скверниители на веру непорочную». По словам самого Геннадия, «та прелесть здесе распростреляся, не токмо в граде, но и по селом. А все от попов, которые еретики ставили в попы». Немного позднее (начало 90-х годов) Иосиф Волоцкий писал суздальскому епископу Нифонту: ...отступиша убо мнози от православныя и непорочныя... веры... ныне и в домех, и на путех, и на тръжищих иноци и мирьстии и вси сомнятся, вси о вере пытают...»[33]

Несмотря на реальную возможность преувеличения со стороны ревнителей правоверия, картина остается однозначной. Вольномыслие охватило широкие круги городского населения, затронуло даже деревню. Идеологом ереси было белое духовенство, что характерно для средневековья. По словам Ф. Энгельса, сельские и городские священники, «несмотря на свое духовное звание... разделяли настроения бюргеров и плебеев. Участие в движениях того времени, являвшееся для монахов исключением, для них было общим правилом. Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения...[34].

О радикальном характере взглядов новгородских еретиков, свойственном плебейскому направлению средневековых ересей, можно судить по обвинениям их гонителей. Согласно Геннадию, еретики отрицают божественность Христа и богоматери, признают только Ветхий завет, не верят в чудотворцев, не хотят поклоняться кресту и иконам. Примерно то же повторил и соборный приговор на еретиков 1490 г. Говорили также о надругательствах над святынями («святыя иконы щеп-

ляли и огнем сжигали», а «иной крест зубы искусали») [35] Возможно, ревнители православия сознательно сгущали краски, но методика определения степени достоверности рассказов обличителей еще в полной мере не разработана [36]. Однако борьба велась с реальными противниками, а главное, с целью воздействовать на массы сочувствующих вольнодумцам, поэтому было необходимо опровергать действительные взгляды еретиков [37].

История обнаружения и разгрома ереси сводится к следующему. В 1487 г., в разгар движения против самоуправства наместника Якова Захарьича, Геннадий в послании к влиятельному церковному деятелю епископу Прохору Сарскому сообщает, что им обнаружена в Новгороде ересь. Некий поп Наум «покаялся» и рассказал о ереси архиепископу. Тот сразу же «послал грамоту да и подлинник к митрополиту, что Наум поп сказывал, да и тетрати, по чему они молились по-жидовскы». Геннадий излагал также основные прегрешения еретиков. Очевидно, ответа не последовало. А тем временем ересь приняла широкие размеры. Обеспокоенный положением в Новгороде, Геннадий в январе 1488 г. пишет краткое послание другому видному иерарху — суздальскому епископу Нифонту. В нем он упомянул о посылке грамоты Прохору и грамот и «подлинника» великому князю и митрополиту. Как бы оправдываясь, что он сначала не сообщил о ереси самому Нифонту, Геннадий просит «посмотреть» об этом в его послании Прохору. Его беспокоит, что начатому делу «обыск... не крепок чинитца», а это создает впечатление, что «еретикам ослаба пришла». Поэтому архиепископ просит Нифонта подействовать на великого князя и митрополита, чтобы «тому делу исправление учинити» [38]

Нифонт давно был связан с окружением Софьи Палеолог, решительной противницы ереси. В бытность игуменом Кирилло-Белозерского монастыря у него в 1478/79 г. произошла «брань» с архиепископом ростовским, которого поддерживал Иван III. Сам же Нифонт ориентировался на белозерско-верейского князя Михаила Андреевича (близкого к Софье). В 1482 г. Нифонт был переведен из Кириллова на Симоново и 9 декабря 1484 г. стал епископом суздальским, пользуясь покровительством митрополита Геронтия, фрондирующего против Ивана III. Тем временем Геннадий велел ерети-

ков «имати да подавати на поруку, и те еретики, поручников выдав, да збежали к Москве» [39]

Время наступления выбрано было удачно. В феврале 1488 г. Геннадию направляют грамоты Иван III и митрополит Геронтий, сообщая о мерах, принятых против еретиков, бежавших в Москву. В присутствии государя состоялось заседание церковного собора (без участия Геннадия). Отцы собора решили, что попы Григорий Семеновский и Герасим Никольский и попов сын Самсон «дошли (достойны. — *А. З.*) градские казни, потому что на них есть свидетельства в твоем списке». Их подвергли наказанию и отослали с архиепископским боярином кн. И. Кривоборским к Геннадию, чтобы тот также наказал их. Если же они не покаются, их следует передать в руки Якова и Юрия Захарьичей, которые предадут их «градской казни». Имущество виновных должно было быть переписано и, очевидно, конфисковано. Дьяк Гридя был отослан к Геннадию без наказания, так как на него не было другого «свидетельства», кроме оговора попа Наума, которому, вероятно, особого значения не придавали. Впрочем, о Гриде Геннадий должен был произвести специальный розыск. Архиепископу следовало продолжать дознание о ереси.

В общем-то Иван III, соблюдая видимость покровителя чистоты православия, не склонен был раздувать дело о ереси. Его, скорее всего, представляли как досадное недоразумение. Один из летописцев писал, что зимой 1487 г. в Москве «биша попов новугородских по торгу кнутьем, присла бо их из Новагорода к великому князю владыка Генадей, что пьяни поругалися святым иконам; и посла их опять ко владыце». В этом сообщении важно не только известие об иконоборчестве еретиков, но и представление о них как об обычных пьянчугах. Позднее Иосиф объяснял мягкость наказания еретиков тем, что Геронтий «боящеся державного» [40]

Но дело о ереси на этом не закончилось. В феврале 1489 г. Геннадий пишет послание бывшему архиепископу ростовскому Иоасафу (в миру кн. Оболенский). Иоасаф стал архиепископом из игуменов Белозерского Ферапонтова монастыря после смерти Вассиана Рыло (23 марта 1481 г.) и сразу вместе с Геннадием энергично поддержал Ивана III в споре с митрополитом. Так что Иоасаф был единомышленником Геннадия. Совершенно неожиданно летом 1486 г. он покинул свой стол, а 15 января

на его место назначен был Тихон. Геннадий писал, что со времен крещения «ни слуху не бывало, чтобы быти в Руси какой ереси», а сейчас она распространилась по всей стране. Выполняя распоряжения великого князя, Геннадий вместе с наместниками Яковом и Юрием Захарьичами провел новое расследование, но еретики «всех своих действ позаперлись». Впрочем, были и такие, кто покаялись «да и действа свои писали сами на себя своими руками». Среди них был Самсон, которого пытал великокняжеский сын боярский. Результаты обыска Геннадий направил в Москву — великому князю и митрополиту. Однако «вы,— писал Геннадий Иоасафу,— положили то дело ни за что, как бы вам мнится, Новъгород с Москвою не едино православие». Геннадий советовал Иоасафу в интересах общего дела примириться с Иваном III. Говорили, что бывший архиепископ отказался даже ехать к «державному», несмотря на его неоднократные вызовы [41]

Стремясь мобилизовать силы церковников на борьбу с вольномыслием, Геннадий просил Иоасафа организовать ему встречу с виднейшими церковными деятелями Паисием Ярославовым (близким к А. Меньшому) и Н. Сорским, тесно связанным с Кирилловым монастырем. Знакомый с ересью только по грамотам Геннадия, игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин в 80—90-е годы пишет большое послание иконописцу Дионисию, в котором подвергает суровому обличению еретиков [42]. Тревога Геннадия из-за того, что в Новгороде и Москве было разное православие, имела реальные основания. В мае 1489 г. умер митрополит Геронтий. Более года кафедра оставалась вакантной. В начале сентября 1490 г. митрополитом избрали архимандрита симоновского Зосиму. На поставлении присутствовали адресаты посланий Геннадия — Нифонт Суздальский, Прохор Сарский, а также Тихон Ростовский и Филофей Пермский. Геннадий ограничился тем, что прислал «повольную» грамоту с согласием на избрание [43]. Позднее Иосиф Волоцкий обвинит Зосиму в еретичестве, но он, вероятно, просто занимал умеренную позицию по отношению к ереси [44]. Во всяком случае 17 октября Зосима вынужден был созвать церковный собор, который осудил еретиков [45].

К собору Геннадий написал два послания. В первом — архиепископ сообщает Зосиме, что он по распо-

ряжению государя и Геронтия произвел розыск о еретиках и список с изложением его результатов отправил в Москву. Но «Геронтий, митрополит, о том великому князю не подокучил, да тем еретиком конца не учинили». А Денис и Гаврила тем временем служат в московских церквах. Геннадий настаивает, чтобы на соборе были прокляты и те еретики, которые сбежали в Литву. Если же государь не казнит еретиков, то «как ему с своей земли та соромота свести» В послании членам освященного собора Геннадий сообщает, кроме того, о показаниях дьяка Самсона (данных под пыткой) на самого дьяка Федора Курицына. Архиепископ призывал членов освященного собора стать крепко за правую веру [46].

Собор был созван весьма представительный. На нем присутствовали кроме Зосимы архиепископ Ростовский, епископы Нифонт Суздальский, Симеон Рязанский, Вассиан Тверской (в миру кн. В. И. Оболенский), Прохор Сарский, Филофей Пермский, троицкий игумен Афанасий, а также, возможно, и Паисий Ярославов и Нил Сорский. По сообщению Никоновской летописи и Степенной книги, в нем якобы участвовал и княжич Василий «вместо самодержавного отца своего». С. М. Каштанов убедительно показал недостоверность этого известия, появившегося, вероятно, из-за путаницы с соборами (Василий присутствовал на соборе 1504 г.). На соборных заседаниях Ивана III не было, но он «в свое место прислал бояр своих — князя Ивана Юрьевича (Патрикеева. — *А. З.*), Юрья Захарьича, Бориса Васильевича (Кутузова. — *А. З.*), диака своего Андрея Майка». Великий князь согласился на проведение собора в силу ряда причин. Разномыслие, отражавшее рост социальных противоречий в стране, было ему не по нутру. Приближалась война с Литовским княжеством, а многие еретики именно там находили себе пристанище. Это также было опасно, как и вообще литовские связи новгородцев. Недаром Геннадий в октябре 1490 г. решительно от них отмежевался: «Ниже к Литвы посылаю грамоты, ни из Литвы ко мне посылают грамот, ни пакы литовские ставленики служат в моей архиепископьи» [47] 7 марта 1490 г. умер наследник престола Иван Иванович, при дворе которого свила глубокие корни ересь. Вопрос о том, кто будет теперь наследником — сын Ивана Ивановича Дмитрий или княжич Василий, в 1490 г. еще не был решен, но чаша весов склонялась

вначале к сыну Софьи Палеолог и ее союзникам из числа ревнителей православия.

Итак, собор состоялся. Его участники прежде всего изгнали из Архангельского собора Дениса (Алексей к тому времени умер). Затем расследовалось дело девяти еретиков: Захара, Дениса, протопопа Гавриила, попов Максима и Василия, дьякона Макара, дьяков Гриди и Васюка (зятя Дениса) и Самухи. В палату к Зосиме пришел Иван III «с многыми своими боляры и дьакы» и велел в присутствии обвиняемых прочесть материалы, присланные Геннадием. Выслушал он и показания московских свидетелей. По его указу Зосима сообщил, что́ говорят о ереси священные правила. В соответствии с ними Зосима и собор отлучили еретиков от церкви по обвинению в хуле на Иисуса Христа, богоматерь, святые иконы. Денис составил особое покаяние. Теперь дело было за великодержавной властью. И вот тут-то Иван III проявил непоследовательность. Он не только не выдал головою московских еретиков из окружения Елены Стефановны (в том числе Федора Курицына), но и не произвел никакого «градского» наказания новгородских еретиков. Они были просто переданы Геннадию. В 1490 г. Геннадий с завистью писал Зосиме об испанской инквизиции и препроводил в Москву речи имперского посла Г фон Турна про «шпанского короля, как он свою очистил землю» от еретиков [48].

Геннадий решил произвести впечатление на мятежных новгородцев. Он велел за 40 «поприщ» от Новгорода посадить еретиков задом наперед на лошадей, надеть им на головы «шлемы берестены остры, яко бесовьскыа, а еловци мочалны, а венци соломены, с сеном смешаны, а мишени писаны на шлемех чернилом: «Се есть сатанино воиньство!» И повеле водити по граду, и сретающимь их повеле плевати на них, и глаголати: «Се врази божии и христианьстии хулници!»» Затем шлемы еретиков были сожжены. Некоторых из них отправил в заточение и изгнание сам Иван III. Вскоре (очевидно, от мучений) умерли Денис и Захар. В одной из новгородских летописей рассказывается, что расправа была более жестокой: Геннадий «овех велел жечи на Духовском поли, а инех торговой казни предати, а овех в заточение посла, а инии в Литву збежали, а инии в Немцы» [49] Таков был финал первого этапа борьбы воинствующих церковников с ересью.

Новгородская ересь была одним из наиболее ярких проявлений классовой борьбы в Русском государстве конца XV в. Она переплеталась с растущим недовольством политикой подавления, которую неуклонно осуществляли в Новгороде московские наместники в 80-е годы. Но значение новгородской ереси этим не исчерпывалось.

Еретики сыграли заметную роль в оживлении общественной мысли и литературы в России. Сами сочинения новгородских еретиков до нас не дошли. Трудно сказать, были ли они вообще. Но по посланиям Геннадия можно, хотя бы приблизительно, установить круг чтения и литературно-публицистических интересов новгородских вольнодумцев. Это прежде всего библейские книги Ветхого завета, подвергавшиеся всевозможным толкованиям (псалмы, например, еретики «правили пожидовскы»)[50], житие папы Сильвестра (современника императора Константина) и слова александрийского патриарха Афанасия против ариан. Эти церковно-полемические сочинения содержали информацию о взглядах древних еретиков и, очевидно, с напряженным вниманием изучались новгородцами. Особый интерес для них могло представлять обширное послание византийского патриарха Фотия болгарскому князю Борису-Михаилу об осуждении ересей на семи вселенских соборах. Критика Козмой Пресвитером болгарских еретиков-богомилов, обвинявшихся в месальянстве, в какой-то степени перекликалась с выступлением Геннадия против новгородских вольнодумцев. Сочинение Козмы было распространено в Новгороде. Примыкали к этой литературе и сборники изречений библейских мудрецов — «Притчи Соломона» и «Иисус Сирахов», а также сборник изречений греческого драматурга IV в. Менандра. «Мудрости Менандра» принадлежат к памятникам внецерковной литературы. Среди многочисленных афоризмов Менандра содержались и такие весьма сомнительные, с точки зрения ортодоксов, изречения, как «Всегда благо и более всего человеку мудрость», «Ум наш себе комуждо в бога место», «Велико есть богатство человеку ум»[51].

Памятником философской литературы была «Логика» — компиляция трактатов еврейского мыслителя Моисея Маймонида (XII в.) и арабского ученого Аль-Газали (конец XI — начало XII в.). «Логика» была

своеобразной энциклопедией философской мысли и давала представление об античном и арабском материализме. Из богословских сочинений, приписывавшихся Дионисию Ареопагиту (легендарному современнику Христа), еретики могли почерпнуть неоплатонические идеи, которые примерно в то же время использовали итальянские гуманисты [52].

Итак, даже отрывочные сведения о книгах, читавшихся еретиками, говорят не только о реформационных устремлениях вольнодумцев, но и о поисках ими реальных философских и естественнонаучных знаний, о гуманистической направленности их интересов. Вынужденный вести с ними ожесточенную полемику, Геннадий и его окружение способствовали распространению тех же книг, что читали еретики [53]. Все это пробуждало новые интересы, оживляло научную, философскую мысль и жажду познания.

ГРАННАЯ ВОЙНА

Собственно говоря, точно установить начало войны России с Великим княжеством Литовским невозможно. Формально она никогда не объявлялась, а пограничные стычки не утихали на протяжении 80-х годов.

Исследователей ставила в тупик политика Казимира IV, пассивно ждавшего развязки, когда столкновение двух крупнейших восточноевропейских держав стало неизбежным. Одни историки пытались объяснить ее особым пристрастием короля к интересам Польши и забвением нужд Литвы[1], другие — его недальновидностью[2]. Очевидно, дело было в бессилии королевской власти. Литовское княжество представляло собой бурлящий котел. Политикой польского короля и католической церкви в Литве были недовольны не только массы русских, украинских и белорусских крестьян и горожан, но и подавляющее большинство православных княжат, самовластно распоряжавшихся огромными владениями. В обстановке внутренних неурядиц и постоянных вторжений в глубь страны войск Баязида и Менгли-Гирея Казимир IV вынужден был больше полагаться на сложную дипломатическую игру и политику «умиротворения», рассчитывая, вероятно, если не предотвратить, то во всяком случае отсрочить час решительного столкновения с «Московией».

Попытки Казимира IV создать антирусскую коалицию существенных результатов не дали. Менгли-Ги-

рей прочно придерживался союза с Иваном III, а «Ахматовы дети» были союзником весьма ненадежным. А тут в 1484 г. султан взял крепости Килию (в устье Дуная) и Белгород (в устье Днестра), приобретя тем самым опорные пункты для дальнейшего продвижения на территорию владений Казимира. Баязид считал Килию воротами к молдавским и венгерским землям, а Белгород — к польским, русским (входившим в состав Литовского княжества) и татарским, во всяком случае до района Северного Причерноморья[3] В 1486—1491 гг. польско-литовские войска постоянно сражались с турецкими и татарскими. Так, Хроника Быховца рассказывает, что в 1486 г. Стефан III сообщил Казимиру о вторжении войск Баязида в молдавские земли и просил помощи. Казимир с польской и литовской шляхтой направился к Коломые, где встретился со Стефаном. Узнав о движении польско-литовских войск, турки повернули обратно[4]. В 1487 и 1491 гг. королю удалось разбить татарские войска, вторгшиеся в Правобережье. Постоянные столкновения *«Ахматовых детей» с Менгли-Гиреем в конце 80-х — начале 90-х годов хотя и не* принесли существенного облегчения Казимиру, но все же сдерживали активность крымского хана. Да и сама Большая Орда раздиралась усобицами наследников Ахмата, которые при случае не прочь были пограбить и земли союзников.

На господаря дружественной России Молдавии Казимир мог рассчитывать до поры до времени только в борьбе с турками. Но после заключения Польшей 23 марта 1489 г. двухлетнего перемирия с Турцией Стефан увидел, что полагаться на действенную помощь короля в борьбе с османской опасностью он не может.

Внешняя политика России в 80-х годах была гораздо целеустремленнее и успешнее. Русское правительство понимало, что в борьбе за воссоединение русских, украинских и белорусских земель вооруженного столкновения с Литовским княжеством ему избежать не удастся. Не склонный ни к каким военным авантюрам, Иван III вел тщательную и долговременную подготовку к предстоящим испытаниям на прочность молодого государства. К началу 90-х годов относятся крупные успехи в ликвидации политического пестрополья в стране. Два потенциальных союзника Казимира — Тверь и Новгород были приведены к покорности. Ивану III

удалось ликвидировать основные удельные княжества и свести к минимуму роль уделов великокняжеских родичей в политической жизни страны. В 1485 г. он стал государем «всея Руси», провозгласив тем самым задачу объединения всех русских земель под своей эгидой. Проведены были крупные военные мероприятия: испомещение служилых людей в Новгороде, создание артиллерии, строительство крепостей.

Благоприятно складывалась для России и внешнеполитическая ситуация. Ливонский орден не рисковал затевать каких-либо вооруженных акций против Ивана III. В союзнических отношениях с Москвой состояли Крым, Венгрия и Молдавия. После перехода на Русь князей Ф. И. Бельского и И. Глинского (1481—1482 гг.) многие православные княжата Юго-Западной Руси только и ждали случая, чтобы последовать их примеру.

Во время частых обменов посольствами между Иваном III и Казимиром IV в 80-е годы вопрос о «порубежных делах» становился основным. Спорных дел действительно было много. В середине XV в. под двойным управлением находились Ржев, Торопец и Великие Луки. «Ржевская дань» издавна шла «королю его милости и к Новгороду и Москве». Положение изменилось после присоединения Новгорода. Московские наместники отказались пропускать на Луки тиунов Казимира. В новгородско-литовском договоре 1440—1441 гг. строго регламентировалась дань, шедшая с торопецких волостей Казимиру. Но с начала 80-х годов враждебный Казимиру кн. Ф. И. Бельский, который сидел в Мореве, не только норовил не пускать туда слуг Казимира для сбора дани, но и совершал «наезды» на другие торопецкие волости. Словом, с 1478 г. никаких даней Казимир не получал. Владения вяземских князей подвергались в 1487—1488 гг. систематическим нападениям со стороны кн. Андрея Васильевича (Углицкого), владевшего Можайском, и Ивана Ивановича Молодого, распоряжавшегося Тверью [5]

Не лучше для Казимира складывалась ситуация и в «верховских княжествах». Князья Воротынские, Трубецкие, Мосальские издавна служили «на обе стороны», хотя по договору 1449 г. с Василием II Казимир и не имел права увеличивать поборы с их владений. Переходы Одоевских и Воротынских на русскую службу начались рано, и в 1487 г. князья Иван Васильевич «с

братьею» и Петр Семенович Одоевские вместе с Иваном Михайловичем Перемышльским (Воротынским) нападали на Мезецк. Осенью 1487 г. Иван Михайлович владел Воротынском со своими дядями Дмитрием Семеном «по третям», а также Перемышлем (Семен еще захватил Мосальск и Серпейск, а Дмитрий — Серенск и Бышковичи)[6].

Словом, не было, пожалуй, ни одного спокойного участка на весьма неопределенной границе между Великим княжеством Литовским и Русским государством. Иван III предъявлял серьезные претензии Казимиру IV. В ответ на жалобы, изложенные в начале октября 1487 г. литовским посольством Тимофея Мосальского, русские представители заявили контрпретензии на действия мезецких князей, а Михаилу Кляпику-Еропкину, отправившемуся в Литву в январе 1488 г было поручено сказать, что действия князя Андрея Углицкого вызваны «татьбами, разбоями и наездами» вязьмичей. Был составлен и реестр убытков, которые понесли русские купцы в Литовской земле от грабежей. Новые посольства Т Мосальского (март 1488 г.) И. Плюскова (декабрь 1488 г.), а также М. Кляпика в Литву (март 1489 г.) ни к чему не привели: стороны говорили на разных языках. В июле 1489 г. Мосальскому было твердо заявлено, что Великие Луки и Ржев — «вотчина наша, земля Новогородская», поэтому король не должен в них вступаться, а жалобы на действия детей Семена Одоевского и других верховских князей, служивших Ивану III, вызваны самоуправством их родичей, служивших Казимиру[7]

Впрочем, пристально следивший за ходом событий на юго-западе страны Иван III сам руководил военными действиями в этом районе. Так, весной 1489 г. он отправил кн. В. И. Патрикеева с 11 воеводами на Воротынск. Они увели в полон 7 тыс. человек, но затем литовские воеводы пришли «изгоном» и побили кн. Василия. В походе против русских войск участвовали Дмитрий и Семен Федоровичи Воротынские[8].

Ситуация резко изменилась к зиме. В декабре 1489 г. начался массовый переход верховских князей на русскую сторону[9] Первым покинул Казимира IV Дмитрий Воротынский, который еще весной как его воевода сражался с русскими войсками. Тогда же перешел на русскую службу Иван, а позднее и его братья

Андрей и Василий Васильевичи Белевские[10]. Переход князей был совершен с их «вотчинами». Протесты Казимира, представленные в 1490—1491 гг. посольствами С. Петрашкевича и В. Хребтовича, не дали никаких результатов. Впрочем, Иван III не пошел тогда на разрыв отношений с Казимиром. После смерти Матвея Корвина венгерскую корону получил Владислав Ягеллон, что усилило позиции Казимира[11].

А тем временем пограничные столкновения в верховьях Оки не прекращались. Весной 1492 г. вспыхнул конфликт между князьями Одоевскими. Старший из них — Федор Иванович — служил Казимиру. Он владел половиной Одоева и Новосилем. На долю трех его двоюродных братьев — Ивана Сухого, Василия Швиха и Петра, служивших Ивану III, приходилась лишь половина Одоева. Братья-разбойники, воспользовавшись отъездом Федора к Казимиру, захватили весь удел. «Люди» кн. Д. Воротынского, а с ними «колужане» и «перемышляне» «пустошили» земли в окрестностях Брянска. На все эти действия князей (в том числе и кн. Ивана Белевского) жаловался Войтех Клочко, прибывший с посольством в Москву в мае 1492 г. Тогда же в Литву выехал Иван Никитич Берсень-Беклемишев. Надо сказать, что территориальные претензии к Литве были довольно скромные. Речь шла о городах Хлепень и Рогачев. Разумеется, Луки, Ржев и Холм рассматривались как старинные новгородские (а теперь, следовательно, московские) волости. Вотчины Одоевских, Воротынских и Белевских княжат должны были стать частью земель Русского государства, ибо княжата перешли на службу к Ивану III. Но Беклемишеву не удалось изложить Казимиру IV эту умеренную программу, призванную положить конец порубежным сварам. 7 июня 1492 г. польский король и великий князь литовский умер[12].

Снова резко изменилась внешнеполитическая ситуация, но на этот раз в пользу Ивана III. В Литовском княжестве было неспокойно, часть знати собиралась выбрать великим князем Семена Михайловича (Олельковича) Слуцкого. Но вскоре королем польским стал Ян Ольбрахт, а князем литовским — Александр Казимирович (30 июля). Расчленение верховной власти, конечно, ослабляло позиции Великого княжества. Этим и решил воспользоваться Иван III. После окончания

первоочередных дел в стране (ликвидация Углицкого удела и реформа в Твери) он перешел к активной борьбе с Литвой. В августе 1492 г. на Любутск и далее к Мценску он послал войска под командованием кн. Федора Телепня Оболенского. Города были взяты, их крепости сожжены, любутский наместник Б. С. Александров, мценские и любутские бояре полонены. Поход рассматривался как карательная экспедиция за набеги жителей этих городов [13]. На северо-западном театре военных действий были взяты города Хлепень (принадлежавший кн. Михаилу Дмитриевичу Вяземскому [14]) и Рогачев, на которые претендовал Иван III [15].

Успехи русских войск вызвали новые переходы западнорусских княжат. Так, покровительство Ивана III принял Семен Федорович Воротынский, захвативший при выезде города Серпейск и Мезецк. В августе 1492 г. он и его племянник Иван Михайлович сожгли г. Мосальск и полонили мосальских князей. В августе — октябре в Москву отъехал со своей вотчины кн. Андрей Юрьевич Вяземский. Осенью же, «изымав» своего брата Семена и кузена Петра Федоровича Мезецкого, перешел на сторону Ивана III кн. М. Р. Мезецкий. Его сестра была замужем за кн. Андреем Углицким. В 1494 г. князь Семен был по русско-литовскому договору отпущен на литовскую службу, на которой продолжали находиться братья Петра — Федор Сухой и Василий. В помощь верховским князьям были посланы крупные вооруженные силы во главе с известными полководцами кн. Д. Д. Холмским и Яковом Захарьичем [16].

Столь энергичный натиск заставил Александра Казимировича задуматься над дальнейшими перспективами войны и срочно выехать поближе к театру военных действий. С 13 по 20 сентября 1492 г. он пробыл в Минске. Александр хотел склонить русского государя к миру неожиданным и смелым предложением — выдать за него замуж дочь Ивана III Елену. Со сватовством к Елене и предложением заключить договор в ноябре в Москву прибыло посольство Станислава Глебовича, первое после восшествия на престол Александра. Послы молчали о верховских князьях, но протестовали против захвата Хлепня, Рогачева и сожжения Мценска, Любутска и Мосальска. Предложение о сватовстве было заманчивым. Оно сулило Ивану III новые возможности для закрепления приобретенных земель и

давало шанс на наследование всего Великого княжества Литовского[17] Впрочем, шанс шансом, а реальность реальностью. Поэтому Иван III настаивал на урегулировании спорных территориальных вопросов как предварительном условии для переговоров о браке.

Несколько ранее, в июле 1492 г., для установления союзнических отношений Александр отправил посольство к Менгли-Гирею. Стремясь нейтрализовать эти его действия, Иван III в сентябре направил в Крым К. Заболоцкого, а в «Волохи» — И. А. Плещеева[18]. Впрочем, и сам крымский хан предпочел добрую войну с Литовским княжеством, сулившую ему полон и прибытки, худому миру, и крымская акция Александра успеха не имела.

В декабре 1492 г. «пойман» был кн. Ф. И. Бельский «на Луху» (на Средней Волге), где он (очевидно, после 1489 г.) получил вотчину-кормление вместо близкого к порубежью Демона[19]. Схваченный, вероятно, незадолго до того кн. Иван Лукомский показал, что Бельский собирался бежать в Литву[20]. Кн. Федора отправили в заточение в Галич, где он и пробыл до 1497 г. (в этом году его освободили и женили на дочери княгини Анны Рязанской)[21]. Впрочем, самого Лукомского постигла страшная участь. Его обвинили в том, что он по поручению Казимира должен был убить или опоить зельем Ивана III. Зелье у него обнаружили, и в январе 1493 г. Лукомский был сожжен в клетке ниже моста через Москву-реку. Торговой казни подверглись двое смольнян-лазутчиков. Эпизод с Бельским и Лукомским не имел влияния на дальнейший ход литовско-русских отношений.

Александр хотел вести переговоры с «позиции силы». Поэтому зимой 1492 г. он посылает под Серпейск и Мезецк войска смоленского воеводы Юрия Глебовича, а также кн. Семена Ивановича Стародубского и друцких князей. Семен Иванович — сын давнишнего врага Василия II Ивана Можайского, бежавшего в Литву в 1454 г. Здесь он получил огромное Стародубское княжество и был женат на сестре князей Семена и Дмитрия Федоровичей Воротынских. Поход, в котором принимал участие его сын Семен, начался удачно. Горожане Серпейска и Можайска сдались литовским воеводам. Но тогда в ответ Иван III отправил войско во главе с кн. Федором Васильевичем Рязанским и Инкой Измайловым (воеводой брата кн. Федора — Ивана).

В походе приняли участие и верховские князья. 29 января 1492 г. из Москвы выступили войска кн. М. И. Колышки-Патрикеева, кн. А. В. Оболенского и др. На Луки был послан кн. Д. А. Пенко, в Можайск — кн. В. И. Патрикеев. Из Твери вышла рать кн. Д. В. Щени, из Новгорода — Якова Захарьича, из Пскова — кн. В. Ф. Шуйского. Узнав о приближении русских войск, Юрий Глебович и Семен Иванович бежали. Мезецк сдался на милость победителей и поэтому был пощажен. Серпейск и Опаков были взяты и сожжены. Более 500 полоняников брошено было в заточение. Одновременно войска князей Д. В. Щени и В. И. Патрикеева осадили и взяли Вязьму. Ее жители принесли присягу на верность Ивану III, поэтому их оставили в покое [22].

Успехи русских войск были столь значительны, что в начале 1493 г. Александр ожидал их дальнейшего продвижения в глубь Литовского княжества и отдал распоряжение Юрию Глебовичу готовить Смоленск к обороне. Но со взятием Вязьмы, Мезецка, Серпейска и Опакова военные действия Ивана III против Литвы практически прекратились. 5 января 1493 г. в Литву была послана миссия Д. Загряжского, сообщившего о переходе на русскую сторону князей С. Ф. Воротынского, А. В. и В. В. Белевских, М. Р. Мезецкого и А. Ю. Вяземского [23]. Ответа на посольство не последовало.

Видя полный провал военной демонстрации, Александр в марте 1493 г. отправил ко двору Яна Ольбрахта посольство с просьбой о помощи против «московита». Но время шло, ответ от короля все не приходил, и литовскому князю пришлось возобновить дипломатический зондаж. В марте — июне велась переписка с новгородскими наместниками, а в конце июня — начале июля Москву посетила миссия Андрея Олехновича и Войтеха Яновича. В ходе переговоров обсуждались и вопросы о судьбах верховских князей и о территории, занятой русскими войсками. Александр настаивал, чтобы русский государь «отпустил доброволне» С. Ф. Воротынского, А. В. и В. В. Белевских и М. Р. Мезецкого, вернул Вязьму и другие города. Но Иван III отвечал, что Воротынские и другие верховские княжата — «наши слуги старые» как и вяземские княжата, они «служили предком нашим» [24].

Твердая позиция Ивана III стала возможной не только благодаря военным победам, но и в результате укрепления внешнеполитического положения Русского государства на Востоке и Западе. В 1490 г. Москву посетили послы из Чагадая. Зимой 1491/92 г. прибыло посольство Мурата от иверского (грузинского) царя Александра[25]. Так закладывались основы дружественных сношений, которым суждено было в дальнейшем сыграть значительную роль в формировании связей между народами Руси, Кавказа и Средней Азии. Упрочилась позиция России и на северо-западе страны. В 1491 г. кончался срок 10-летнего перемирия с Ливонией, и из Нарвы в Москву прибыло посольство для его продления. Весной 1492 г. для обеспечения безопасности русских рубежей на реке Нарове была заложена крепость Ивангород, увековечившая в названии имя государя. Этот мощный бастион располагался прямо против Нарвы. А тем временем переговоры с Ливонией затягивались. Все же в марте 1493 г. мирный договор (аналогичный предшествующему) был заключен. В июне в Москву прибыл посол датского короля договариваться «о братстве». С ответной миссией были отправлены опытный дипломат Д. Ларев и Д. Зайцев. Русско-датский договор о дружбе, заключенный 8 ноября 1493 г. стал началом русско-датского союза, направленного против Швеции, которая продолжала удерживать старинные новгородские земли в Карелии[26].

В мае 1493 г. состоялся обмен посольствами с врагом Ягеллонов мазовецким князем Конрадом. Он сватался к дочери Ивана III, а русские послы В. Г Заболоцкий и дьяк В. Долматов должны были выяснить, насколько серьезна решимость Конрада бороться с Казимировыми детьми[27] В феврале 1492 г. в Москву прибыло молдавское посольство Мушата и вернулся ездивший к Стефану Прокофий (Скурат) Зиновьевич. В сентябре 1492 — октябре 1493 г. состоялось ответное посольство И. А. Плещеева. В мае 1493 г. в Италию поехал с дипломатической миссией Микула Ангелов[28].

Только отношения с Империей находились в состоянии застоя. После миссии фон Турна (ноябрь 1491 г.) к Максимилиану вторично отправился Юрий Грек (Траханиот), а также ездили М. Кляпик Еропкин и Иван Волк Курицын. Вернулись они в июле 1493 г. Переговоры не дали никаких реальных результатов.

Максимилиан, занятый войной с Францией, стремился придерживаться Пресбургского договора с Владиславом Ягеллоном (7 ноября 1491 г.), а Иван III не склонен был вступать в антиосманскую лигу, чего добивался император[29].

К осени 1493 г., когда в Москву прибыло посольство Войтеха Яновича, внешнеполитические позиции России были прочными. Надежды же на польскую помощь у Александра постепенно рассеивались. Войтех был озабочен получением «опасной» (гарантирующей безопасный проезд) грамоты для «великого» посольства Литвы. Это фактически означало согласие литовской стороны на обсуждение русских предложений о мире. В состав посольства, прибывшего в Москву 17 января 1494 г., входили троцкий воевода Петр Янович, Станислав Янович, Войтех Янович и писарь Федор Григорьевич. Действуя согласно наказу, составленному на сейме в ноябре 1493 г., послы настаивали на возобновлении договора 1449 г. В крайнем случае Александр «милостиво» соглашался поступиться Новгородом, но требовал за это признания его прав на Ливонию. Великие Луки, Ржев, Торопец, Чернигов он также рассматривал как земли, подвластные Литовскому княжеству. Подобная программа была совершенно нереальной. Позднее (то ли получив известие об отказе Польши поддержать Литву в войне с Россией, то ли руководствуясь секретными инструкциями) литовское посольство стало уступчивее. Послы выражали готовность «поступиться» никогда не принадлежавшими Литовскому княжеству Новгородом, Псковом и Тверью, но настаивали на возвращении всех земель, перешедших к России в ходе войны. В свою очередь представители Ивана III говорили о претензиях на Смоленск и Брянск, находившихся тогда под властью Литовского княжества[30]

После длительных переговоров литовские представители приняли почти все русские условия. 5 февраля 1494 г. мир был заключен. На следующий день состоялось заочное обручение Александра Казимировича и Елены Ивановны. Через месяц в Литву направилось представительное посольство во главе с князьями С. И. Ряполовским и В. И. Патрикеевым и дьяком Ф. Курицыным. Оно присутствовало на ратификации договора Александром и 25 мая вернулось в Москву. Договор устанавливал союзнические отношения между

державами по формуле: «А кто будет мне друг, то и ему друг, а кто мне недруг, то и ему недруг». Иван III обязывался «не вступаться» в вотчину Александра, в том числе в Смоленск, Мценск, Брянск и другие города. Александр отказывался от претензий на Новгород, Тверь и Псков, а также на владения вяземских, хлепеньских и верховских (Воротынских и др.) князей. Итак, за Россией закреплялись основные приобретения, сделанные в ходе войны. Уступка Мценска, Мезецка и Любутска не меняла общей картины. Правда, часть мезецких князей продолжала состоять на литовской службе, что грозило постоянными пограничными раздорами. Не ставил под сомнение Александр и особые права России на Рязань. Литовский князь готов был даже признать новый титул Ивана III (государь «всея Руси»), и только по недосмотру послов он не попал в окончательный текст договора [31].

Значение мирного договора для России было велико. Граница с Литовским княжеством на западе значительно отодвигалась. Создавалось два плацдарма для дальнейшей борьбы за русские земли: один был нацелен на Смоленск, а другой вклинивался в толщу северских земель. Александр, ратифицируя договор, мог обольщаться мыслью о крупном дипломатическом успехе. Территориальные потери были для него не столь уж значительными, ибо касались прежде всего земель «служебных князей», являвшихся очагом беспрерывных мятежей и беспорядков. Зато благодаря своему браку Александр, видимо, рассчитывал приобрести союзника на Востоке, который поможет справиться с опустошительными татарскими вторжениями. Если подобные надежды у литовского князя были, то уже ближайшее будущее показало, что он глубоко заблуждался.

В августе 1494 г. Москву посетило посольство Яна Хребтовича с целью уточнить условия вступления в брак Елены Ивановны. Главнейшим из них для Ивана III было обязательство Александра «не нудить» (принуждать) будущую жену к переходу в католичество. Дело было не только в великой княгине. Оставаясь верной православию, она была представительницей Москвы во враждебном стане, как бы центром притяжения всей массы русского, украинского и

белорусского населения (от княжат до крестьян и мещан). Александр же рассчитывал склонить княгиню к католичеству и тем самым избежать неприятных проблем, связанных с разноверием супругов. Словом, давая гарантии не принуждать жену к перемене веры, он вряд ли намеревался их выполнять. Но так или иначе 15 января 1495 г. с большой свитой Елена Ивановна покинула Москву и через месяц прибыла в Вильно. 3 февраля отправлен был «на прожитье» к Елене (а по существу для надзора за соблюдением условий ее жизни в Литве) кн. В. В. Ромодановский. Уже в августе в Литву послали Б. В. Кутузова с напоминанием литовскому князю, чтоб тот «не нудил» свою супругу перейти в католичество[32]. Завязывался новый узел противоречий, который литовскому князю придется безуспешно распутывать долгие годы.

Знающему возможности России и Литовского княжества и конкретные условия, сложившиеся в 1493 г. может показаться странным, почему Иван III прекратил военную конфронтацию с Александром и согласился заключить мирный договор на условиях, которые могли быть и более оптимальными. Позднее Иван III выражал недовольство участниками переговоров кн. С. И. Ряполовским и кн. В. И. Патрикеевым за их «высокоумничанье». Возможно, дело было в том, что в 1494 г. князья не добились лучших условий мирного договора. Можно было бы также предположить, что Ряполовский и Патрикеев были сторонниками литовско-русского сближения[33] и поэтому отказались от более энергичного давления на литовских представителей. Можно попытаться найти ключ к пониманию условий договора 1494 г. и в обычной осторожности Ивана III, предпочитавшего химерам возможных благ реальные политические результаты. Но было и еще одно обстоятельство, которое не следует забывать.

Иван III принадлежал к числу политиков, которые отличаются методичностью в решении поставленных задач. Очевидно, время решительного столкновения с Литвой, по его мнению, еще не наступило. Перед началом нового натиска на Западе необходимо было обеспечить северные и северо-западные рубежи. Постройка Ивангорода в 1492 г. была первой ласточкой нового курса внешней политики России. Улучшились от-

ношения с Данией. В 1494 г. вернулось посольство, которое привезло русско-датский договор. В начале 1494 г. Иван III начал решительную борьбу с ганзейскими торговыми привилегиями в Новгороде. Ганзейцы лишались права «колупать» (пробовать) приобретаемый воск и требовать наддачу к мехам, которые они покупали у новгородцев[34].

Борьба против ганзейской торговой монополии в конце XV в. была общеевропейской: ее, в частности, вели Англия и Дания. К тому же Ганза являлась союзником Швеции, а в 1494 г. Иван III вел интенсивную подготовку к войне за карельские земли, некогда захваченные шведами. Поэтому удар по Ганзе был направлен и против Швеции. 18 сентября в Москву прибыли ганзейские представители — Томас Шрове (из Дерпта) и Готшалк Реммелинкроде (из Ревеля). Начались трудные переговоры. Ганзейцы жаловались на самовластные действия новгородских наместников. В ответ им предъявили претензии Дмитрия и Мануила Ралевых, которым во время их проезда через Ревель причинен был значительный материальный ущерб. Едва ганзейские представители отправились в обратный путь, как 14 ноября их схватили в Бронницах и доставили под стражей в Новгород. Шрове вскоре отпустили, а Реммелинкроде был задержан. Стало известно, что в Ревеле ганзейцы сожгли одного русского (его обвинили в содомском грехе), а другого сварили в котле (он обвинялся в подделке монет). Эта весть переполнила чашу терпения государя, и он распорядился «поимать» ганзейцев в Новгороде, конфисковать их товары, а Ганзейский двор закрыть[35].

Шведский хронист Олай Петри (умер в 1552 г.) объяснял закрытие Ганзейского двора происками датского короля. Тенденциозность этого сообщения очевидна. В русско-датском договоре 1493 г. и в других источниках нет и намека на какие-либо попытки Дании повлиять на ганзейскую политику Ивана III, которая определялась его стремлением защитить интересы купечества. Но конечно, торговые и дипломатические отношения с Данией при этом учитывались[36]. Нельзя сбрасывать со счетов и общее недоброжелательное отношение великого князя к Новгороду, а также его стремление ослабить экономические позиции основного

торгового конкурента Москвы. Ликвидация Ганзейского двора укладывается в систему мероприятий Ивана III по борьбе с «новгородской крамолой» в 80—90-е годы.

Ливонская политика Ивана III существенно отличалась от ганзейской. Иван III последовательно придерживался курса на укрепление мирных отношений с Ливонией. С этой целью 28 апреля 1495 г. в Венден (Цесис) прибыло русское посольство. Впрочем, «у страха глаза велики». В ливонских правящих сферах под влиянием успехов русского оружия усиленно муссировались слухи о возможности вторжения в Ливонию. Некий Иоганн фон Ункель писал 29 мая 1494 г. в Ревель, что, по словам епископа и новгородского наместника, Иван III готовится напасть на Ливонию и поручил греку Мануилу (Ралеву) вербовать кораблестроителей. Вряд ли речь шла о подготовке нападения на Ливонию, но вот к войне со Швецией Россия действительно готовилась. К этому времени относятся первые попытки создать флот на Балтике. Летом 1494 г. под Выборгом захвачено было русское судно, хорошо приспособленное к плаванию вдоль берегов Балтийского моря[37].

Еще по Ореховецкому договору 1323 г. Новгород уступил Швеции три погоста — Яскы (Яскис), Огреба (Эйрепя) и Севилакша (Саволакс). Теперь же Иван III решил их вернуть. Обстановка ему благоприятствовала, ибо как раз в то время назревало открытое столкновение датского короля Иоганна со шведским правителем Стеном Стуре. Возможно, летом 1495 г. Иоганн дал русским послам обещание поддержать их территориальные претензии. В июне 1495 г. в Карелии появился с чисто разведывательной целью сравнительно небольшой (человек 400) отряд русских войск. В августе под Выборг направлены были уже более крупные соединения под командованием кн. Д. В. Щени, новгородского наместника Якова Захарьича и псковского князя В. Ф. Шуйского. 8 сентября началась осада города, безрезультатно продолжавшаяся три месяца. Но даже противники осаждавших писали, что они под Выборгом «показали свою мощь», имея в виду успешные действия русской артиллерии[38]. 25 декабря войска вернулись.

Поход вызвал тревогу при дворе Стена Стуре. Готовя новую экспедицию против Швеции, Иван III 20 октября 1495 г. вместе с Дмитрием-внуком и сыном Юрием выехал в Новгород под предлогом «посмотрити свояя отчины». Софья Палеолог с княжичем Василием были оставлены в Москве. 17 ноября Иван III прибыл в Новгород, а 17 января 1496 г. в южную часть Финляндии отправилась рать кн. В. И. Патрикеева и А. Ф. Челяднина. По словам летописца, «сиа зима велми люта бысть. Мразы быша велицы и снегы, а на весне... поводь зело велика бысть». И все же воеводам удалось сначала уничтожить небольшой шведский отряд под Нишлотом, затем выйти на побережье Ботнического залива и сжечь Тавастгусту. 24 февраля двинулось в поход огромное войско (40 тыс. человек) Стена Стуре. Но В. И. Патрикеев и А. Ф. Челяднин уклонились от решительной битвы и 6 марта с большим полоном вернулись, «землю Неметцкую сотвориша пусту». 20 марта Иван III выехал из Новгорода в Москву [39].

Следующее вторжение в «Каянскую землю» произошло весной 1496 г. Рать князей И. Ф. и П. Ф. Ушатых отправилась морем из устья Северной Двины. Обогнув Мурманский Нос, она вступила в Лапландию и двинулась в глубь Северной и Центральной Финляндии. Опустошающие военные действия происходили в районе «девяти рек». Местное финское население, жившее по берегам реки Лиминги, било челом «за великого князя». В октябре воеводы вернулись в пределы Русского государства. По Вологодско-Пермской летописи, 24 апреля 1496 г. послан был осаждать Выборг В. И. Патрикеев. Несмотря на значительные военные успехи, все эти рейды не принесли решающих побед, а закрепить их результаты не удалось. Шведы попытались ответить контрударом. 19 августа 1496 г. они появились «из-за моря» на 70 кораблях под Ивангородом и начали осаду. После бегства воеводы кн. Юрия Бабича крепость была взята, разграблена и сожжена. Однако уже 1 сентября к Гдову двинулись псковские войска, и шведы сочли за лучшее спешно покинуть развалины крепости. Прошло всего 12 недель, и бастионы Ивангорода были восстановлены [40]

Однако шведам было не до войны с Россией:

назревал вооруженный конфликт с Данией. Союз же Иоганна с Россией был серьезным фактором, влиявшим на политику Стена Стуре. Датский посол Давыд Кокен вместе с русским уполномоченным подьячим Григорием Истомой отправились ко двору Иоганна (вскоре после Рождества 1496 г.). Рассказ о плавании Истомы вокруг Скандинавии сохранил С. Герберштейн[41]. Швеция спешила заключить мир. В феврале 1497 г. на р. Нарове, у Ивангорода, должен был произойти «съезд» шведских и псковских представителей, но он не состоялся. Перемирие (сроком на шесть лет) было заключено в Новгороде в марте[42]. Передышка нужна была обеим сторонам. Иван III начал подготовку к борьбе с Литвой. К тому же осложнилось и его внутриполитическое положение. Стен Стуре должен был готовиться к войне с Данией. Впрочем, Стуре был разбит, а Иоганн в ноябре 1497 г. был коронован в Стокгольме. Победа Иоганна превращала Швецию из противника России в ее союзника.

Беспокойно было на юго-восточных рубежах России. В 80—90-х годах не прекращались раздоры среди казанской знати. Часть влиятельных князей (в их числе Калимет) хотела вступить в соглашение с тюменским (шибанским) ханом Мамуком, чтобы свергнуть с престола Мухаммед-Эмина. В мае 1496 г. пришла весть, что Мамук «со многою силою» выступил к Казани. Ему навстречу Иван III направил рать во главе с кн. С. И. Ряполовским. Это произвело отрезвляющее действие: Мамук, «слышав силу великого князя в Казани многу», не решился продолжать движение. Но как только в начале сентября Мухаммед-Эмин отпустил русских воевод, Мамук снова «прииде ратью под Казань со многою силою ногайскую и с князи казаньскыми» и царь, опасавшийся измены своих князей, «выбежа из Казани сам и с царицею и с остаточными князи своими».

В ноябре он прибыл в Москву. Это, конечно, внесло некоторые изменения в планы Ивана III. «Убавив свейских воевод», весной 1497 г., когда вопрос о перемирии со Швецией был решен, он послал к Казани войска кн. Семена Даниловича Холмского и Федора Ивановича Палецкого. Дело кончилось тем, что Мамук бежал из Казани (вскоре он умер), а на казанском престоле посадили не Мухаммед-Эмина, потеряв-

шего доверие местной знати, а его младшего брата Абдул-Летифа. За верную службу русскому государю Мухаммед-Эмин получил в «кормление» Серпухов, Каширу и Хотунь[43]. Для Ивана III он оставался «запасной картой» в его казанских планах. Казанский вопрос был на время решен. Дальнейшая реализация внешнеполитической программы Ивана III была задержана обострением борьбы за власть при его дворе.

ОБЩЕРУССКИЙ СУДЕБНИК

Ликвидация основных удельных княжеств и военные победы позволили Ивану III заняться укреплением политических, правовых и идеологических основ единого Русского государства. Выработка общерусского законодательного кодекса — Судебника 1497 г. и коронование Дмитрия Ивановича как наследника престола (1498 г.) были важнейшими правительственными мероприятиями тех лет.

Судебник 1497 г. дошел до нас в одном списке, впервые опубликованном К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым[1], а его 3—7-я и 9—16-я статьи — в переводе на латинский язык С. Герберштейна. Состоит он из 68 статей[2].

Судебник был закончен («уложен») в сентябре 1497 г. Об этом прямо говорится в его заголовке: «Лета 7006-го месяца септемврия уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим». В Типографской летописи под 7006 г. говорится: «Того же лета князь великый Иван Васильевичь... и околничим и всем судьям, а уложил суд судити бояром по судебнику». Иное понимание заголовка предложил Л. В. Черепнин, считавший, что в сентябре 1497 г. только «началось рассмотрение Судебника в Боярской думе, а в феврале 1498 г. он был обнародован». Но глагол «уложить»

означает утвердить, постановить. Черепнин обратил внимание на то, что во время коронования Дмитрия Ивановича (февраль 1498 г.) «внимание главных действующих лиц,— великого князя и митрополита,— не раз обращалось к вопросам суда». Так, Иван III говорил Дмитрию: «Люби правду и милость, и суд правой»[3]. Если даже связывать эту трафаретную фразу с Судебником (в чем полной уверенности не может быть), то она могла быть произнесена и после издания кодекса. Во всяком случае летописи ни слова не говорят об утверждении Судебника в феврале 1498 г. Второй довод Черепнина — неразрывное соединение в Типографской летописи записи об издании Судебника с рассказом о венчании Дмитрия-внука[4]. Нам представляется, что последовательное хронологическое изложение событий в летописи говорит только о том, что Судебник был составлен в том же году (7006), когда происходила коронация Дмитрия-внука, а не о непосредственной связи событий.

Следующее наблюдение Черепнина касается существа заголовка Судебника, который, по его мнению, относится только к 1—3-й статьям. Действительно, перед 4-й статьей Судебника (как и перед некоторыми другими) есть особый заголовок. Но заголовок Пространной редакции Русской Правды («Суд Ярославль Володимеричь. Правда Русськая») покрывает во всяком случае первую часть памятника (ст. 1—52), а не первые две статьи, хотя новый заголовок («О убийстве») помещен уже перед 3-й статьей, а первые две (как и первые три в Судебнике 1497 г.) лишены особого подзаголовка.

Л. В. Черепнин считал, что содержание Судебника 1497 г. шире заголовка, ибо в самом памятнике говорится о суде не только бояр и окольничих, но и наместников, волостелей и других судий. К тому же и Судебник 1550 г. (в отличие от предшествующего кодекса) в заголовке подробно перечисляет всех судей[5]. Возможно, заголовок дошедшего до нас списка Судебника 1497 г. дан в сокращенной редакции. В пользу этого предположения (только одного из возможных) говорит сопоставление текстов (см. на стр. 112).

В заголовке Судебника 1550 г. состав судей мог быть расширен включением в него дворецких, казна-

Судебник 1497	Типографская летопись	Троицкий летописец № 365	Судебник 1550 г
...уложил... с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим.	...околничим и всем судьям, а уложил суд судити бояром по судебнику, Володимера Гусева писати.	...придумал з бояры и уложил суд судити и бояром, околничим, а у боярина быти дияку, а судити по Судебнику по великого князя.	...с своею братьею и з бояры сесь Судебник уложыл: как судити бояром, и околничим, и дворецким... и всяким судьям

чеев, наместников и других лиц. Текст же «всяким судьям» мог находиться в протографе Судебника 1497 г. (ср. в Типографской летописи: «всем судьям»)[7], а мог быть добавлен и в 1550 г. Не ясно, были ли в архетипе Судебника 1497 г. слова «придумал з бояры» (есть в Типографской). Возможность этого не исключена. Итак, вывод о составлении Судебника в сентябре 1497 г. остается непоколебленным.

В старой литературе (включая и С. Б. Веселовского) общепринятой была предложенная Н. М. Карамзиным интерпретация текста Типографской летописи, согласно которой составителем Судебника 1497 г. был Владимир Гусев («по Судебнику Володимера Гусева»). Находка А. Н. Насоновым Троицкого летописца № 365 и установление сборного характера рукописи Типографской Синодальной летописи, где вклеен лист, подтвердили гипотезу Я. С. Лурье и Л. В. Черепнина о том, что Владимир Гусев не имел никакого отношения к написанию Судебника и что слова «Володимера Гусева писати» являлись пометой в тексте протографа Типографской Синодальной летописи, переписчик которой предполагал внести в летописный рассказ запись о казни Владимира Гусева (такая запись помещена в Троицком летописце непосредственно после рассказа о составлении Судебника).

В заголовке Судебника 1497 г. говорится, что памятник составлен великим князем «с детми своими и с бояры». В этой формулировке отсутствуют великокняжеские родственники, в их числе дети Бориса Волоцкого (ср. Судебник 1550 г., где есть «с своею братьею») и «князья». Обычно в летописных записях о походах и в великокняжеских грамотах о «ездоках» «князья» упоминаются перед боярами, ибо стоят выше их на

сословно-иерархической лестнице. В данном же случае ясно, что удельные и служилые князья в таком важнейшем общегосударственном деле, как составление Судебника, участия не принимали.

Но если не Владимир Гусев, то кто же на самом деле был создателем Судебника? Л. В. Черепнин установил круг лиц, которые в конце XV в. ведали отправлением судопроизводства при дворе Ивана III. Это — кн. Иван Юрьевич Патрикеев, дьяки Василий Долматов и Василий Жук [8]. Все они, а также дьяк Федор Курицын, по гипотезе Л. В. Черепнина, могли быть составителями Судебника. Их участие вполне согласуется с тем, что Патрикеевы входили в группировку знати, поддерживавшую Дмитрия-внука. И действительно, в августе 1497 г., т. е. накануне утверждения Судебника, явно наблюдается усиление позиции Елены Стефановны и Дмитрия при великокняжеском дворе. Среди названных Черепниным дьяков видный дипломат и мыслитель Федор Курицын — один из наиболее влиятельных сторонников Дмитрия-внука. В служебной карьере Василия Третьяка Долматова (близкого к отцу Дмитрия-внука Ивану Молодому) после 1502 г. (т. е. после падения группировки Елены Стефановны) наступил перерыв: в источниках он снова упоминается только весной 1509 г., когда произошло новое возвышение Вассиана (Василия Ивановича) Патрикеева при дворе. Это говорит за то, что Долматов входил в окружение Дмитрия-внука и был близок к Патрикеевым. Аналогичный перерыв был и в карьере Василия Жука (после декабря 1499 г. и до мая 1506 г.) [9] Следовательно, составление Судебника 1497 г. — одно из мероприятий Ивана III и правительственного кружка Елены Стефановны, которые были направлены на укрепление великокняжеской власти.

Наиболее обстоятельное исследование об источниках Судебника 1497 г. принадлежит перу Л. В. Черепнина. Вслед за С. В. Юшковым и другими учеными он установил близость этого кодекса к уставным грамотам XIV—XV вв., Русской Правде, Псковской Судной Грамоте (ПСГ) [10] и его связь с судебной практикой конца XV в.

По мнению Черепнина [11], источниками Судебника были: «Указ наместником о суде градскым» (ст. 37—45, 65, 67), памятник со статьями о боярском

суде, основанный на указе наместникам (ст. 1—8, 15—20, 26—29); вставки редактора Судебника (ст. 9, 68); памятник со статьями о великокняжеском суде (ст. 21—24) [12]; сборник-руководство для решения поземельных дел (ст. 46—63, 66), часть статей которого восходила к ПСГ и Пространной Правде (ст. 46—49, 51, 52, 58, 59, 66); прототип губной грамоты начала 90-х годов XV в. (ст. 10—14); «Указ о езду» (ст. 30); «Указ «о недельщиках»» (ст. 31—36) [13].

Черепнин предполагал, что до нас не дошел раздел Судебника 1497 г. о суде с удельными князьями, отразившийся в Записи о душегубстве, духовной Ивана III и ст. 100 Судебника 1550 г. По его мнению, в первой половине XV в., при Софье Витовтовне, составлен был особый судебник, переработанный в середине XV в. в Запись о душегубстве. В Записи действительно говорится о мероприятиях правительства Софьи в области законодательства: учинила то кнеини великая София при Иоане при Дмитреевиче, что судья за ними ставится». Речь идет о том, что «вси дворы и дворцовыи великие кнеини и уделных князей, всих суживал наместник болшей, судии за ними не бывало» [14]. Но не ясно, говорилось ли об этом в особом Судебнике или речь шла об отдельном постановлении (типа наместничьей уставной грамоты).

По М. Н. Тихомирову, речь шла только о подчинении наместничьему суду всех городских дворов без изъятия, т. е. об ограничении права удельных князей. По Л. В. Черепнину, «действия И. Д. Всеволожского сводились не к ограничению прав удельных князей, а к их расширению за счет умаления прав большого наместника». Ст. 7 Записи говорит, что «по старине» все дворы судил большой наместник, а «судии за ними не бывало». Софья же постановила, что «судья за ними ставится». Черепнин считает, что речь идет об участии на суде великокняжеского наместника «иного удельно-княжеского судьи». В духовной Ивана III содержится категорическое постановление: «судит наместник болшей» [15]. Следовательно, получается, что Иван III возродил «старину», существовавшую до княгини Софьи: ни о каком «судье» за наместником в духовной не сообщается [16].

Запись о душегубстве И. И. Смирнов считал «если не непосредственным источником, то историческим пред-

шественником» ст. 100 Судебника 1550 г. Черепнин видел «в некоторых случаях... полное совпадение» между обоими памятниками и на этом основании предполагал, что «ст. 100 Судебника Ивана IV (возможно, в несколько иной, менее полной форме) существовала уже в XV в.»[17]. Однако сходство Записи со ст. 100 Судебника 1550 г. проявляется только в некоторых правовых сюжетах (о суде волостеля удельных князей в их подмосковных селах), а следов текстологической близости памятников обнаружить не удается. Достаточных данных для принятия тезиса о бытовании ст. 100 в XV в. нет.

Приняв тезис о бытовании ст. 100 Судебника 1550 г. в XV в. Л. В. Черепнин полагал, что Судебник 1497 г. мог делиться на 100 статей, пять или шесть из которых и составляли текст, позднее давший ст. 100 Судебника Ивана IV. Деление сохранившегося текста Судебника 1497 г. на 94 статьи, предложенное Черепниным, спорно. Так, он ст. 2 о суде бояр над жалобниками делил на две (об обязанности судить жалобника и об отсылке в соответствующие инстанции тех, кого «непригоже управить»). Но обеим частям статьи соответствует одна (7-я) статья Судебника 1550 г., т. е. юрист середины XVI в. рассматривал их как единое целое.

Ст. 26, выделенную киноварным заголовком «О срочных», он расчленяет на четыре, хотя все они связаны единством сюжета и соответствуют одной (41-й) статье Судебника 1550 г. То же самое относится к статьям Судебника 1497 г. (по нумерации Черепнина) 29 и 29а и ст. 45 Судебника 1550 г.; ст. 31 и 31а (1497 г.) и ст. 47 (1550 г.) и др. С другой стороны, ст. 100 Судебника 1550 г. приписана к протографу памятника позднее основного текста, так что при его составлении статей не могло быть, т. е. Судебник 1497 г. (в этом смысле) не мог послужить «образцом для Судебника 1550 г. и для Стоглава», как полагал Черепнин[18]

Нормы же права Записи о душегубстве (упоминание о «посулах», о докладе удельно-княжеских волостелей их господину, а не великокняжескому наместнику) значительно старше Судебника 1497 г.

Наконец, в заголовке Судебника 1497 г. нет племянников Ивана III, а других удельных князей тогда

не существовало. Поэтому особой статьи об удельном суде не могло быть как по юридическим причинам[19] так и фактически: из удельных князей живы были только братья Федор Волоцкий и Иван Рузский. Вряд ли была необходимость специально для них создавать уложение.

Выявляя предполагаемые источники Судебника 1497 г., Л. В. Черепнин обратил внимание на параллели в его статьях. Действительно, нормы права и судебные штрафы, взимавшиеся во время боярского суда, соответствовали нормам наместничьего суда. Имеющийся параллелизм, по Черепнину, вызывался тем, что в распоряжении составителя Судебника 1497 г. были два разновременных источника: указы о боярском и наместничьем суде. Наличие в обоих рядах двух абсолютно идентичных статей об отпускной грамоте (ст. 18 и 42) он объясняет механическим характером сводки разновременных источников. Но в обеих статьях (18-й и 42-й) говорится и о наместничьем и о боярском докладе. Если бы они принадлежали к разным памятникам, то в одной из них, входящей в комплекс статей о боярском суде (ст. 18), речь должна была бы идти о боярском докладе, а в другой, входящей в гипотетический устав о наместничьем суде (ст. 42),— о наместничьем. Этого на самом деле нет. Далее, Л. В. Черепнин усматривает различие в двух комплексах статей о полевых пошлинах (ст. 47 и 38) и заключает, что «раздел о наместничьем суде возник ранее, чем раздел о суде центральном, и что первый был использован в качестве источника последнего». Он также прав, когда констатирует, что невозможно считать раздел о московском боярском суде «источником раздела о суде наместничьем», но что вместе с тем можно обнаружить «ряд текстуальных совпадений и общий принцип конструкции» обоих разделов[20]. Все это так. Но вот бытование обоих разделов Судебника 1497 г. как самостоятельных памятников с необходимостью не вытекает из приведенных выше соображений.

Нормы боярского суда	Нормы наместничьего суда
Ст. 1—3, 4, 6, 7	Ст. 38
8	» 39
15, 17	40
18	42
20	43
29	» 44

Если исходить из факта наличия уставных наместничьих грамот XIV—XV вв. (ср. Двинскую уставную грамоту (ДУГ) 1397 — 1398 гг. и Белозерскую уставную грамоту (БУГ) 1488 г., то скорее всего именно памятники этого типа были источниками раздела о наместничьем суде. Ведь в ст. 38 настойчиво повторяется, что наместник и его судебно-административные агенты берут судебные пошлины «по грамоте» (трижды!) или «по грамотам». На основе юридической практики и создавались нормы судопроизводства наместничьего, а отсюда и боярского суда. Вот, например, казус ст. 4—5, когда стороны, досудившиеся до поля, «у поля не стояв, помиряться» или «не помирятся» и платят соответствующие пошлины боярину и дьяку. Казус восходит к практике наместничьего суда: когда стороны «досудятся до поля, да помирятся», наместнику следовало «имати по грамоте». Действительно, в БУГ есть случай, когда «досудят наместники и тиуны о рубле до поля, а восхотят ся помирити, и они дадут наместником гривну с тиуны и с доводчики за все пошлины»[21]. И размер пошлин — гривна (равнялась 2 алтынам и 8 деньгам) — соответствует ст. 4 и 38 Судебника 1497 г. В Судебнике казус дан в двух вариантах: «у поля не стояв» и «у поля стояв», но пошлины одни и те же.

Казус ст. 38 о поле «в заемном деле или в бою» соответствует БУГ:

Статья 38 Суде	БУГ
А побиются на поли в заемном деле, или в бою, и ему имати противень против исцева[22]... то ему и с тиуном.	А побиются на поле, и наместники велят на виноватом истцово доправити, а на себя велят взяти противень противу истцова, а то им с тиуны...[23]

Некоторые изменения в разделе о боярском суде связаны главным образом с необходимостью регламентировать шкалу пошлин боярам, окольничьим, дьякам и недельщикам[24].

Итак, ст. 1, 3—9, 15, 17, 18, 20, 29 Судебника не представляют собой самостоятельного памятника, а появились при составлении законодательного кодекса в целом и основывались на разделе Судебника о наместничьем суде, восходящем к уставным наместничьим грамотам. Нормы ст. 37 восходят к тексту кормленых грамот. Б. Н. Флоря полагает, что в Судебнике 1497 г.

статья дошла в дефектном виде, а ближе к первоначальному текст Судебника 1550 г.[25]

К памятнику, содержащему нормы боярского суда, Л. В. Черепнин относит также статьи: 2 (связанную со ст. 4), 16 и 19 (связанные также с окружающим их текстом) и предположительно 26—28, развивающие тему о судебных пошлинах, поднятую в ст. 15, которая, по его мнению, входила в тот же памятник. Он прав, говоря о взаимосвязи названных статей и их окружения. Но если само окружение не составляет особого памятника, то и ст. 2, 16, 19, 26—28 не восходят к нему, а вместе с другими возникли при кодификации норм права в 1497 г. Ст. 45 и 65 Черепнин относил к указу о наместничьем суде. В ст. 65 говорится, что наместники должны «имати пошлины по сему списку». Это указание Черепнин трактует как ссылку на особый «указ» (ст. 37—44). Но речь могла идти просто о самом Судебнике. Обратив внимание на порядок статей в Судебнике 1550 г., где ст. 74 (соответствующая ст. 65 Судебника 1497 г.) помещена после ст. 60 (ей соответствует ст. 39 Судебника 1497 г.), 65 (ст. 40), 67 (ст. 41) и, добавим от себя, 71 (ст. 43 предшествующего кодекса), Черепнин объяснял эту последовательность тем, что «ст. 65 является составной частью названного указа»[26]. Во всяком случае ясно, что составитель Судебника 1550 г. непосредственно использовал текст кодекса Ивана III, так что ссылка на порядок статей не может иметь какого-либо отношения к проблеме структуры гипотетического «указа». Последовательность статей в Судебнике 1550 г. объясняется систематизацией материала, проделанной составителем этого памятника, и только.

К тому же предполагаемому «указу» Л. В. Черепнин относил еще ст. 64 и 67 Судебника 1497 г. На основании «пропуска» Тверской земли в ст. 67 он датировал весь «указ» временем до присоединения Твери (до 1485 г.). Тверская земля как вотчина Ивана III упоминается уже в августовском докончании 1486 г. великого князя с Борисом Волоцким и в ноябрьском — с Андреем Углицким[27] Но должна ли вообще присутствовать Тверская земля в ст. 67? Здесь находим только Московскую и Новгородскую земли. Ни Твери, ни Пскова, ни бывших удельных княжеств статья не упоминает. Если следовать логике Черепнина, то в 1497 г.,

когда статья вошла в Судебник, Тверь не была присоединена к Москве[28]. Отсутствие Твери в ст. 67 может быть объяснено ее особым положением как своеобразного удела наследника престола княжича Василия[29]

Л. В. Черепнин считал, что «по содержанию и тематике» ст. 10—14 Судебника 1497 г. отличаются от ст. 8 и представляют собой как бы «краткий кодекс уголовно-процессуального характера». В них не упоминается о боярине и дьяке, которые ведут процесс, по ст. 8, зато в самой общей форме говорится о судье. В них перечисляются не судебные пошлины, а различные виды татьбы. Все это так, но не дает еще оснований видеть в ст. 10—14 особый кодекс или устав[30] Ведь даже сам Черепнин рассматривал их как разъяснение ст. 8, а оно могло быть сделано и в период кодификации, т. е. в 1497 г. Источником ст. 10—14 были нормы обычного права, частично известные юридическим памятникам XIV—XV вв. Так, тезис «татю веры не няти» (ср. ст. 14: «татиным речем не верити») встречается в ст. 60 ПСГ О «доправлении» «истцова» на виноватом (ср. ст. 10 Судебника: «исцево на нем доправя») говорит ст. 10 БУГ. Смертная же казнь ворам-профессионалам (ст. 11 Судебника) навеяна нормами права, известными ст. 8 ПСГ и ДУГ

Ст. 9 Судебника 1497 г. о смертной казни «государского убойца», крамольника, церковного вора и вообще «ведомых лихих людей» Черепнин считал вставкой составителя общерусского кодекса. То, что текст статьи был создан кодификатором, справедливо. Источником его были нормы, известные ст. 7 ПСГ («А кримскому татю и коневому, и переветнику, и зажигальнику, тем живота не дати»). Но и ст. 10—13 Судебника генетически восходят к нормам следующей за ней ст. 8 ПСГ. Последовательность использования норм ПСГ (в ст. 14 Судебника есть следы ст. 60 ПСГ) говорит за то, что весь изучаемый раздел Судебника (т. е. ст. 9—14) принадлежит перу одного составителя, т. е. создателю самого кодекса.

Сопоставляя время создания списков «Повести о Дракуле» с этапами реконструируемой законодательной деятельности правительства, Черепнин заключил, что список «Повести» 1490 г. был написан в то же время, когда создавался «прототип позднейших губных гра-

мот» (т. е. ст. 10—14 Судебника 1497 г.). И в данном случае речь идет только о догадке. Да, по «Повести», Дракула выступает борцом против татьбы и разбоя[31]. Конечно, предполагаемый автор «Повести» (Федор Курицын) мог участвовать в создании Судебника 1497 г. и других законодательных актов. Но все это не дает оснований для установления реальной связи весьма гипотетического «прототипа губных грамот» с отдельными списками «Повести». Ведь речь идет даже не о текстологической близости памятников, а только о том, что в обоих развивался вопрос о душегубстве и татьбе. Самое большое, на что уполномочен исследователь источниками,— это сказать, что в конце XV в. данная тема волновала современников.

Черепнин считал, что статьи 30 («Указ о езду») и 31—36 («О неделщиках указ») были самостоятельными актами княжеского законодательства, на что «указывает самое их название: «указ»». Довод не достаточен: словом «указ» могло обозначаться просто великокняжеское распоряжение, помещенное в Судебник[32]. Есть же в нем ст. 39, озаглавленная «О татех указ», которую сам Черепнин не выделял в особый акт «о татьбе», а включал в «Указ о наместничьем суде».

Ст. 21—24 Судебника, как тонко подметил Л. В. Черепнин, имеют текстуальное сходство со ст. 3, 15—17. Вместе с тем, полагал он, ст. 21—24 не являлись органичной частью раздела о боярском суде. Заголовок «О великом князе» (перед ст. 21) нарушает, по его мнению, «общую архитектонику окружающего текста, распадающегося на ряд статей, посвященных различным разновидностям документов»[33]. Переоценивать степень четкости структуры Судебника и особенно значение его заголовков вряд ли следует. Так, среди распоряжений о грамотах помещена ст. 19 «О неправом суде». Ее заголовок не соответствует заголовкам ст. 15—18, хотя сюжет ст. 19 с ними сходен. Скорее всего ст. 21—24 возникли под пером составителя Судебника по образцу норм, известных уставным грамотам и практике великокняжеского суда, т. е. как и другие аналогичные постановления. К сожалению, сравнительного материала очень мало (всего две уставные наместничьи грамоты XIV—XV вв.), а реальный фонд правых грамот характеризует тяжбы по земельным делам. Все это не позволяет с достаточной полнотой проследить влия-

ние реальной административной и судебной практики на нормы Судебника 1497 г.

По Черепнину, «сборник» законов о поземельном праве (ст. 46—63, 66) составлен был около 1491 г., когда к Москве был присоединен Звенигород. Ст. 63 устанавливает трехлетнюю давность иска, а по великокняжеским земельным искам известна шестилетняя. В правой звенигородской грамоте около 1462—1469 гг. дело решается в пользу Сторожевского монастыря, так как истец не возбуждал процесса более пяти лет («шостой год как... не искал»). Отсюда Черепнин заключил, что шестилетняя давность иска была заимствована из звенигородской практики[34]. Но в Звенигороде бытовала не шестилетняя, а пятилетняя давность иска. Эта практика была известна и Пскову (ст. 9 ПСГ)[35]. Поэтому нет оснований считать ст. 63 Судебника порожденной лишь звенигородской практикой. Трехлетняя давность упоминается в ст. 20 «Правосудия митрополичья», а шестилетняя, очевидно, является нововведением Судебника. Отсюда отпадает и датировка «сборника», предложенная Черепниным. Источниками последнего раздела Судебника были нормы Русской Правды, Псковской Судной Грамоты, текущего княжеского законодательства (уставные грамоты) и судопроизводства. Это наглядно видно из следующей таблицы:

Судебни	Источн
Ст. 46	Ст. 56 ПСГ, ср. 46
47	47 »
48	20
49	» 21
50	Судебная практика
51	Ст. 22 ПСГ
52	36 »
53	80 ПСГ, 3 ДУГ
54	40 »
55	» 54 ПП
56	Нововведение, возможно основанное на практике
57	Практика, отраженная в великокняжеских грамотах и в ст. 42 ПСГ
58	Ст. 105 ПСГ
59	» 109
60	Судебная практика, развивающая нормы ст. 91—93 ПП и ст. 15 ПСГ
» 61	Обычное право, имеющее корни в ст. 71—73 ПП

Ст. 62	Ст. 4 ДУГ и 18 БУГ, имеющие корни в ст. 71—73 ПП
63	Судебная практика, имеющая параллель в ст. 9 ПСГ
64	Судебная практика, имеющая соответствие в ст. 3 НСГ и ст. 5 проекта договора Новгорода с Казимиром IV 1470/71 г.[37]
65	Судебная практика
66	Ст. 110 ПП

Таким образом, воздействие на текст Судебника 1497 г. норм права, бытовавших в конце XV в. и частично занесенных в известные памятники (ПСГ, ПП, ДУГ, БУГ), несомненно. Следы тех же памятников есть и в других частях кодекса, которые, по Черепнину, принадлежат составителю Судебника в целом (ср. ст. 9 Судебника и ст. 7 ПСГ). Это также выдает единый почерк разновременных, как кажется Черепнину, составных частей кодекса.

Словом, нет достаточных оснований для гипотезы об особом «сборнике» законов по земельным делам (как и других предполагаемых «указов»). К тому же в условиях незавершенного процесса объединения земель законодательная практика XIV—XV вв. не знала общегосударственных законов, за исключением весьма специфической Записи о душегубстве. Законодательная инициатива правительства проявлялась в актовом творчестве, в распоряжениях, адресованных представителям местных властей (уставные и указные грамоты), в льготных пожалованиях вотчинникам (иммунитетные грамоты) и в договорных соглашениях с удельными, служилыми князьями и землями (докончания). Завещания (духовные) великих и удельных князей касались преимущественно порядка наследования землями и имуществом. Оценка факта отсутствия общегосударственных «уставов» до издания Судебника 1497 г. помогает понять, насколько большую работу пришлось провести русским кодификаторам конца XV в.

Основной проблемой, которой посвящен Судебник 1497 г., была организация судопроизводства на всей территории государства (исключая уделы) и регламентация судебных пошлин представителем, осуществлявшим суд в центре и на местах. Судебнику известны три типа суда: суд великого князя и его детей (ст. 21), суд бояр и окольничих (ст. 1 и др.) и суд наместников и

волостелей (ст. 20 и др.). Решения первого из них, как суда высшей инстанции, носили окончательный характер. Сложнее обстояло дело с боярским и наместничьим судом. Ст. 1 Судебника говорит, что на суде бояр и окольничих («судити суд бояром и околничим») присутствуют дьяки. Ее пафос состоит в запрещении взяток («посулов») за судопроизводство и «печалование» и провозглашении нелицеприятного суда («судом не мстити, не дружити никому»). Впрочем, о нелицеприятном суде речь шла в законодательстве и ранее (ст. 3 ПСГ). «Посулы» же в XIV—XV вв. допускались (как плата за отправление суда). Их знают и ст. 6 ДУГ и Запись о душегубстве. Только в ПСГ (ст. 4, 9а) появляются первые запреты «тайных посулов», а Новгородская Судная Грамота (НСГ) (ст. 26) налагала запрет на взимание «посулов» «докладщиком». Постановление Судебника об отмене «посулов» и введении нормированных судебных пошлин — крупный шаг в создании судебного аппарата единого государства.

Ст. 1 Судебника говорит о суде бояр как о суде первой и высшей инстанции, если судьями первой инстанции были наместники и другие лица местного аппарата. По мнению С. И. Штамм, в ст. 1 имеется в виду Боярская дума как судебная инстанция [38]. Это соображение не вполне точно. «Бояре», присутствовавшие на судебном разбирательстве, могли и не быть членами Боярской думы. К тому же Судебник говорит не о суде Думы, как таковой, а о боярах и окольничих как судьях. На процессе, как правило, был один судья, иногда — два [39]. О судебной деятельности Думы (или, точнее, большинства ее членов) сохранилось всего одно свидетельство: «Приговор боярский, что приговорили... бояре» в 1520 г. о ржи, украденной дьяконом Спиридоном Павловым [40] В данном случае бояре как высшая судебная инстанция разбирали материалы процесса, судьями на котором выступали наместники и тиуны.

Институт «печалования» (ходатайства перед великим князем о каком-либо лице) постепенно терял значение. В Судебнике 1550 г. он даже не упоминался, оставаясь прерогативой высших церковных властей. Установление обязательности присутствия на боярском суде дьяков опиралось на давнюю традицию и санкционировало возросшую роль великокняжеской канцелярии в судопроизводстве.

Ст. 2 Судебника 1497 г. утверждала, что боярин-судья должен был решать все дела, по которым к нему обращались «жалобники» («жалобников от себе не отсылати, а давати всемь жалобником управа в всемь»), за исключением тех случаев, когда решение мог вынести только великий князь или когда к боярину обращались лица, подведомственные другому администратору («а которого жалобника, а непригоже управити, и то сказати великому князю, или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати»). Важнейшей проблемой, обсуждавшейся в литературе в связи с этой статьей, было сложение приказного аппарата.

Так, И. И. Смирнов писал: ...принцип суда по приказам намечается уже и в Судебнике 1497 г. Но здесь он еще подчинен старой форме суда и выступает лишь в виде своего рода дополнения к старому боярскому суду». С. И. Штамм считает, что «уже во времена Судебника 1497 г.» отдельные отрасли управления были «приказаны отдельным людям». На наш взгляд, прав Л. В. Черепнин, согласно которому «в статьях 1—2 нет данных, указывающих на оформление приказной системы» [41].

Обычно слова «к тому... которому которые люди приказаны» трактуют как указание на определенное ведомство (приказного типа). Так, А. Г Поляк писал, что ст. 2 Судебника «впервые в русском законодательстве выражает попытку регламентировать деятельность лиц, возглавляющих какую-либо отрасль центрального управления. Боярин, ведавший ею, ограничивает круг подсудных ему дел или лиц той отраслью управления, которой он занимается». С этим трудно согласиться. Ни о каких «подсудных» боярину делах в ст. 2 не говорится. Речь идет только о людях, «приказанных» ему. Скорее всего, под ними подразумевалась дворцовая челядь (конюхи, сокольники, псари и т. п.). Дворцовым чинам (конюшему, сокольничему, дворецкому и др.) подведомственны были также «люди», жившие на территории их путей (крестьяне и бортники). Вот их-то и имеет в виду ст. 2 Судебника 1497 г. [42] При ее переработке в ст. 7 Судебника 1550 г. закон прямо говорил о жалобнике «приказу» боярина, дворецкого, казначея или дьяка. Но это было уже время складывания приказной системы.

В Судебник 1497 г. проводится последовательная регламентация пошлин за все виды судебной деятельности великокняжеских администраторов, от боярина до недельщиков (ст. 3—7, 15—17, 21, 38, 40, 41, 44, 45 и др.). Ст 4 кодекса устанавливает единообразные судебные пошлины: от рублевого дела с виноватого взыскивалось в пользу боярина 2 алтына, дьяка — 8 денег (в случае если дело выше рубля или ниже, то по соответствующему расчету). Итак, от 200 денег (1 руб.) пошлина платилась в размере 10% (20 денег), что соответствовало старинной десятине. Эта пошлина не была нововведением. По БУГ, гривна (20 денег) шла наместнику с тиунами за судопроизводство [43].

Обобщая практику суда в различных местностях Русского государства, Судебник 1497 г. придавал ей общерусское значение. *Судебные прерогативы феодальной аристократии были регламентированы и сокращены.* Отныне *на суде в обязательном порядке должны* были присутствовать дьяки (ст. 1). Суд на местах должен был проходить в присутствии целовальников из среды местной администрации (дворский, староста) и зажиточных («лучших») людей (ст. 38). Тем самым закладывались предпосылки земской реформы, осуществленной в середине XVI в. [44] Впредь свидетели («послухи») должны были быть очевидцами событий, а не давать показания, основываясь на слухах (ст. 67).

Согласно ст. 18, 20, 42, 43 Судебника 1497 г., наряду с боярами, пользовавшимися кормлениями с правом «боярского суда» (окончательного решения дел), существовали судьи из числа кормленщиков без этого права, т. е. дела, которые они вели, докладывались в Москве [45]. Согласно ст. 42, кормлением «с боярским судом» мог быть пожалован не только боярин, но и сын боярский. Это — свидетельство постепенного роста политической активности и влияния на государственный аппарат верхних слоев дворянства.

Ответом на обострение классовой борьбы было введение суровой системы наказаний, отразившейся в ряде статей Судебника. В ст. 8, 9 и 39 определенная категория правонарушителей обозначена понятием «ведомый лихой человек» (С. Герберштейн переводил manifest malefactore как «явные злодеи»). «Лихой человек» упоминается еще в духовной грамоте кн. Семена Ивановича 1353 г.: «...а лихих бы есте людей не слушали».

В грамоте митрополита Симона (после 1496—1499 гг) содержится предписание для «лихих... людей». Понятие «ведомого (известного) лихого человека» связано с понятием татя, совершившего воровство второй раз (за преступление обоих лиц полагалась смертная казнь: ср. ст. 9 и 11; ср. ст. 13: «тать ведомой, и преж того неодинова крадывал»)[46]. Но не только: Судебник придавал большое значение показанию под присягой. Ведомым татем мог быть признан вор, пойманный с поличным впервые, если пять или шесть свидетелей удостоверяли, что он «преж того неодинова крадывал» (ст. 13). Появление понятия «ведомого лихого человека» свидетельствует не только об усложнении самого процесса установления преступления, но и о том, что число преступлений в стране увеличилось[47] и государство встало на путь решительной борьбы с правонарушителями.

По ст. 9 Судебника, смертной казнью карался «государский убойца» (скорее всего, как и в ст. 18, речь шла об убийстве владельца холопа)[48]. Статья вводила смертную казнь и для «коромольника», т. е. для заговорщика, мятежника (С. Герберштейн переводил: «предатель крепости»). В сходной ст. 7 ПСГ речь шла о «переветнике (изменнике). В Судебнике употребляется гораздо более сильное выражение. Буквально через три месяца как бы в прямом соответствии со ст. 9 были казнены за заговор Владимир Гусев с товарищами. Наконец, смертная казнь, по ст. 9, распространялась на церковного и головного татя, «подымщика»[49], «зажигальника»[50] и вообще на всякого «лихого человека». Суровое наказание церковному татю объясняется необходимостью укрепить благочиние в обстановке роста реформационного движения. Пройдет сравнительно мало времени после церковных соборов «на еретиков» и создания ст. 9 и 10 Судебника, как запылают костры, на которых будут сожжены русские вольнодумцы.

Судебник ввел серьезные изменения в сложившуюся практику наказания татей сравнительно со ст. 8 ПСГ и с ДУГ Отныне казнился вор, совершивший не третью кражу (как было ранее), а вторую (ст. 11), а также вор, признанный ведомым татем, даже если он впервые попался с поличным (ст. 13). Показаниям («речам») вора на суде не доверяли, но обыск по ним проводили (ст. 14). Все это говорит об усилении «татьбы»

(которая связана с ростом сопротивления народных масс феодальному гнету) и о расширении карательных функций образующегося единого государства.

Из вопросов, касающихся социальных отношений, Судебник уделяет внимание прежде всего праву поземельной собственности и зависимому населению. В конце XV в. в основных чертах завершилось освоение земель Северо-Восточной Руси. В связи с этим бурно протекал процесс размежевания освоенных земель, утверждения на них права феодальной собственности. Все это вызывало и многочисленные поземельные споры, о которых хорошо известно из правых грамот. Размежевание земель становилось делом государственной важности. Ст. 61 устанавливала обязанность огораживания пашен и покосов, нанося тем самым серьезный удар по остаткам общинных сервитутов, за которые крестьяне вели длительную борьбу с феодалами. Ст. 62, повторяя нормы уставных грамот, провозглашала запрет истребления межевых знаков и вводила суровые наказания за нарушения права поземельной собственности[51]. Ст. 63 утверждала единообразный срок подачи жалоб по земельным делам: более короткий (трехлетний), когда речь шла о споре между частными лицами, и более длинный (шестилетний), когда дело касалось великокняжеских земель. В последнем случае срок был увеличен по сравнению с существовавшей практикой (с пяти до шести лет). Правительство, нуждавшееся в сохранении и расширении государственного фонда земель, проявляло особую заботу именно о нем. Судебник, устанавливая строго определенный срок подачи жалоб о захваченных землях, тем самым санкционировал захват крестьянской земли феодалами, происшедший за три — пять лет до его издания. Классовый смысл этой меры совершенно очевиден.

В связи с ростом ценности земель Судебник устанавливал порядок наследования не только имущества — «статка» (как соответствующие ст. 91—93 Пространной Правды), но и земли[52].

Ст. 57 «О христьянском отказе» вводила единовременный для всего государства срок, в течение которого крестьянам разрешалось покидать своего господина. Срок этот (за неделю до Юрьева дня осеннего, т. е. 26 ноября, и неделю после этого дня) был связан с окончанием сельскохозяйственных работ. Не в инте-

ресах феодала было отпускать крестьян раньше. В случае ухода от хозяина крестьянин должен был уплатить ему «пожилое», т. е. плату за пользование господским двором (за четыре года жизни у хозяина платилась полная стоимость двора, за три — три четверти стоимости, за два года — «полдвора», за год — «четверть двора»). В Новгородской земле «пожилое» в среднем приближалось к сумме годовых повинностей феодалу («в лесех») или к двойному годовому доходу господина («в полех») [53]

Ст. 57 была подготовлена практикой взаимоотношений крестьян с феодалами во второй половине XV в. До нас дошло восемь грамот 50—70-х годов XV в. Троицкого, Кириллова и Ферапонтова монастырей, содержащих упоминания о сроках крестьянского отказа (Юрьевом дне). В Псковской земле, по ст. 42 ПСГ сроком было 14 ноября, т. е. Филиппово заговенье (Псков находился севернее, и сельскохозяйственные работы там заканчивались ранее, поэтому и срок выхода был несколько более ранним). Вводя единовременный срок крестьянского выхода и устанавливая твердые размеры «пожилого», правительство сделало шаг по пути утверждения крепостного права [54].

Тем не менее статья о Юрьевом дне трактуется в литературе иногда несколько прямолинейно. Исследователи часто отвлекаются от конкретно-исторической обстановки. В самом деле, как тогда могли «водворить» крестьянина-беглеца господину, когда общегосударственный аппарат не был еще сформирован? Практически это было невозможно. Поэтому в статье нет санкции (наказания) за уход крестьянина в неурочное время. Возникает и другой вопрос — а куда бежал крестьянин? В условиях слабого освоения внутренних земель далекие земли были для крестьян недоступны. Работы Н. Н. Масленниковой[55] и других исследователей показали, что даже позднее крестьяне уходили в соседние деревни и волости, т. е., как правило, место их переселения было известно. Это, конечно, сдерживало нарушение ими закона. Следует иметь в виду и прочность традиционного мировоззрения, коренящегося в религиозно-патриархальных представлениях русского крестьянина. Этот традиционализм и мешал ему покидать насиженные места (без крайней необходимости), и был

одним из важных устоев, на которых держалась его законопослушность.

В Судебнике были подведены итоги развития холопьего права. Холопству посвящено несколько статей. Основная из них — 66-я — говорит об источниках холопьих отношений: «О полной грамоте. По полной грамоте холоп. По тиуньству и по ключю по сельскому холоп з докладом и без докладу, и с женою и с детми, которые у одного государя; а по городцкому ключю не холоп; по робе холоп, по холопе роба, приданой холоп, по духовной холоп». Ст. 66 развивает нормы ст. 110 Пространной Правды: «Холопство обелное трое: аже кто хотя купить до полугривны... поиметь робу без ряду... тивуньство без ряду или привяжеть ключь собе без ряду...» Покупка холопов (оформленная полной грамотой), женитьба на рабе и тиунство остаются источниками холопства и в Судебнике. По ст. 110 Пространной Правды, холопом становился человек, который «поиметь робу без ряду». О переходе в холопство женщины, вышедшей замуж за холопа, закон специально не говорил,— это было само собой разумеющимся фактом. Ст. 66 Судебника 1497 г. подтвердила принцип «по робе холоп, по холопе роба». Он хорошо известен по актам XIV—XV вв.[56] Вместе с тем основным источником теперь считается покупка холопа: именно поэтому вся статья и озаглавлена «О полной грамоте». Плен все более переставал являться средством пополнения состава невольной челяди. По мере развития товарно-денежных отношений и обнищания крестьянства продажа в холопы (и их перепродажа) становилась все более важным источником установления холопьих отношений. Если основной целью ст. 110 Пространной Правды являлось ограничение некоторых видов холопства, то в ст. 66 Судебника 1497 г. перечисляются все основные его виды (не упоминается плен: очевидно, он не всегда приводил к холопству). Поэтому здесь мы находим и «приданих» холопов, и холопов по духовной. Если Пространная Правда знает «ряд» (устный и, возможно, оформленный «рядной» грамотой) как средство ограничения холопства, то «грамоты» (полная и др.), по Судебнику 1497 г., фиксируют несвободное состояние холопа. Подтверждение Судебником норм Русской Правды, касающихся полного (обельного) холопства, Л. В. Черепнин объяснял тем, что статьи княжеских духовных

грамот об отпуске на волю «людей» по смерти князей вызывали различную реакцию со стороны феодалов и крестьянства: для первых это была перерегистрация их людей, «для холопов — одно из средств борьбы с крепостническим строем». Распоряжения княжеских духовных можно рассматривать не только как перерегистрацию холопов: они просто не содержали сведений об отпуске основной части «людей». К тому же они касались только судеб великокняжеских и удельнокняжеских холопов. Все это не позволяет принять раскрытие содержания ст. 66, предложенное Черепниным. И вместе с тем Л. В. Черепнин глубоко прав в том, что «Судебник 1497 г. ...констатирует не изживание «полного» холопства, а стремится использовать сложившиеся юридические нормы данного вида зависимости в интересах господствующего класса феодалов» [57]

Формулу «а по духовной холоп» Л. В. Черепнин истолковывал в том смысле, что «сама по себе духовная грамота землевладельца не может стать для холопа документом, на основе которого он вправе требовать освобождения (ведь в завещаниях часто говорилось об отпуске на свободу холопов в общей форме, а не поименно). Чтобы «полный» холоп получил по суду освобождение, он должен был представить отпускную своего господина» [58]. Черепнин прав, считая, что, только оформив «свободу» отпускной, холоп становился вольным человеком. Но духовная давала для этого надежный материал, на который холоп мог ссылаться: в завещаниях назывались поименно или освобожденные лица, или те, кто передавался наследникам при отпуске остальных на волю. Формула Судебника утверждала завещательную волю феодала, а не отменяла ее. Практика отпуска на свободу по завещанию части дворцовой челяди порождала у холопов иллюзию получения воли после смерти господина, несмотря на передачу их по духовной наследникам. Теперь же законодательство, строго стоя на страже интересов феодалов, разбивало эту иллюзию. И вместе с тем четкое определение казусов, влекущих за собой похолопление (по полной и духовной и другим грамотам), свидетельствовало о стремлении правительства ввести в какое-то законодательное русло нормы холопьего права, его обособить, а это уже было шагом к его ограничению.

Конечно, ст. 66 определяла не все виды полного

холопства. Так, известно, что «головою» выдавался истцу тать, у которого не было имущества, чтобы возместить «истцово». В соответствии с нормами Русской Правды следовало «выдавати головою на продажу» купца, который пропил или иным каким-либо способом («безумием») сгубил чужой товар (ст. 55 Пространной Правды).

В Судебнике есть и явные следы ограничений источников холопства. Так, дети холопа, не живущие у феодала, могли и не становиться холопами. Но если так, то наследственное холопство фактически имело тенденцию к замене его личным: только добровольно живущие с отцом дети оставались в неволе. По ст. 55 Судебника, на свободу отпускался холоп, выбежавший из плена. С. В. Юшков справедливо полагал, что это новое постановление, не основанное ни на практике, ни на каком-либо раннем законе [59]. Напряженные войны конца XV в., а особенно татарские набеги, во время которых «полонили» мирных жителей Руси (как крестьян, так и холопов) и холопов-воинов, заставили правительство принять меры, чтобы холопы, попавшие в «полон», имели реальный стимул к возвращению на родную землю.

Особенно важен вопрос о сельском и городском «ключе». Поступление вольных людей в холопы по сельскому «ключу», т. е., очевидно, в состав слуг феодала, живших в его селах, нашло отражение в формулах полных грамот: «ему даютца на ключ в его сельцо на Махру... а по тому ключю далися ему в холопи», «дался... на ключ за те денги» и т. п. [60] Б. Д. Греков, ссылаясь на «Книгу ключей Волоколамского монастыря» (середина XVI в.), писал, что по сравнению с Древней Русью понятие «ключ» изменилось: теперь им «называлась служба по какой-либо из специальностей». С этим согласиться трудно. В «Книге ключей» говорится о передаче «ключей-сел» слугам-ключникам в управление: «Ключ Ивановский — Алеше Рукину, как было за Гришею за Попом, срок Юрьев день». То есть понятие «ключ» не изменилось. Греков недоумевал, почему в этой книге «записаны уже не холопы, а вольные слуги», и предполагал, что либо Волоколамский монастырь приравнивался к городу, либо все случаи подходили под формулу «а по сельскому ключю без докладныя не холоп» [61]. Но монастыри просто никогда не владели холопами. Заметим также, что эта формула есть только в Судебнике 1550 г., а «Книга

ключей» начинается с 1547 г. По Судебнику 1497 г и «без докладу» ключники на селе тоже становились холопами.

Часть сельских ключников по своему социальному положению все более сближалась с крестьянами. Б. Д. Греков привел красочный пример из писцовой книги Деревской пятины 1495 г., рисующий хозяйство ключника Якушки Ивашкова. Он сеял рожь и косил сено. Ему помогал «захребетник». Ивашков «фактически уже не холоп» [62]. Но процесс «окрестьянивания» сельских ключников еще не завершился, ибо, по Судебнику 1497 г., они считались холопами.

Черепнин связывал изменение в положении городских ключников «с массовым роспуском московским правительством боярских послужильцев в конце XV в.». Это замечание можно дополнить наблюдениями над духовными грамотами. В XV в. верхушка холопов-слуг получала освобождение, как правило, по великокняжеским грамотам. Сложившаяся практика получила законодательное подтверждение в Судебнике 1497 г. По А. Г Поляку, норма о городском «ключе»— первый шаг «к установлению льгот по отношению к городскому населению», а Судебник гарантировал «наймиту-горожанину охрану от угрозы похолопления» [63]. Состав и происхождение городских ключников XV в. пока изучить не удается, а поэтому заманчивая гипотеза Поляка еще не может быть обоснована конкретным материалом.

Ряд статей Судебника 1497 г. касается порядка оформления грамот на холопов и пошлин с них. Ст. 17, 23 и 40 близки по теме: они говорят о пошлинах в пользу великокняжеских администраторов.

Ст. 17	Ст. 23	Ст. 40
О холопией о правой грамоте. А с холопа и с робы от правые грамоты и от отпустные боярину имати от печати с головы по девяти денег, а дьяку от подписи по алтыну с головы, а подьячему, которой грамоту правую напишет или отпустную, с головы по три денги.	А с холопа и с робы печатнику имати от правые грамоты с головы по девяти денег, а дьяку имати от подписи с головы по алтыну, а подьячему, которой грамоту напишет, имать с головы по три денги.	А с холопа и с робы от правые грамоты и от отпустные имати боярину или сыну боярьскому, за которым кормленье с судом з боярским, от печяти з головы по полутретья алтына. А дьяк его от писма з головы по три денги.

Черепнин верно отметил различие между ст. 17, 20 и 43: первая говорит о боярском суде, вторая — о докладе в высшую инстанцию (см. разницу между ст. 15 «о правой грамоте» и ст. 16 «о докладном списке») и третья — о наместничьем суде [64].

С. И. Штамм полагала, что, по Судебнику 1497 г., «холопы становятся субъектами права», и при этом ссылалась на ст. 17, 23, 40, где упоминаются пошлины «с холопа и с робы от правые грамоты и от отпустные». По ее мнению, речь здесь идет о выдаче холопу «правой грамоты» и тем самым — о предоставлении ему права «отвечать и искать на суде» [65]. Это явное недоразумение. В Судебнике говорится о судебных делах, о холопах, а не о выдаче им как истцам или ответчикам правых грамот: «с холопа» означает плату за каждого холопа, о котором идет судебное разбирательство, а не выплату пошлин самим холопом. Нормы пошлин определялись общими установлениями Судебника (см. ст. 15, 16), но пошлина шла не «с головы», а с «рубля». «Голова» холопа, следовательно, оценивалась в один рубль — это самая низкая расценка холопа на рынках Руси XV в.

Ввиду особой важности холопьих дел тиуны кормленщиков, по ст. 41, лишались права выносить по ним окончательные решения без «доклада» государю, т. е. самому кормленщику (соответствующая норма содержится в договорах князей с Новгородом). К тому же выдача «правых» и «отпустных» тиунами могла вызывать недоверие центрального правительства, потому что сами тиуны происходили из холопьей среды. При оформлении полных и докладных взимались таможенные пошлины — тамга и осмничее или одна тамга [66]. Эта пошлина шла в пользу монастырей или наместников [67] Продажа холопов производилась иногда «по своей воле без пристава», но обычно в присутствии пристава наместника или князя [68].

Е. И. Колычева выделяет три периода в истории оформления полных грамот. В первый период (первая половина XV в.) их составление поручалось разным писцам, дьякам и другим лицам; во второй — лицам, ответственным за сбор тамги (таможенным дьякам); в третий (в Москве — с 80-х годов, повсеместно — примерно с 1510 г.) — ямским дьякам [69].

Две статьи Судебника еще более ограничивали выдачу отпускных грамот:

Ст. 18	Ст. 42
О отпустной грамоте.	
А положит кто отпустную без боярского докладу и без диачей подписи, или з городов без наместнича докладу, за которым боярином кормление с судом боярским, ино та отпустнаа не в отпустную, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишет, и та отпустнаа грамота в отпустную.	А положит кто отпустную грамоту без боярского докладу и без дьячьей подписи или з городов без наместничя докладу, за которым кормление за сыном боярьским с судом с боярьским, и та отпустная грамота не во отпустную, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишеть, и та отпустнаа грамота во отпустную.

Итак, отпускные, составленные в центральном аппарате и на местах, но без записи о докладе, не признавались документами, имеющими юридическую силу. В то время полные грамоты также обычно давались «с докладу» наместниками великому и удельным князьям[70]. За «отпустной», составленной не дьяком, а самим хозяином («государем»), сохранялись все права достоверного юридического основания для освобождения холопа. Но наместники и волостели, лишенные права боярского суда, вообще не имели права составлять отпускные. Они не могли и выдавать холопов (очевидно, беглых) в «полницу» господину. Этот порядок распространялся и на тиунов, имеющих кормление «с судом боярским».

Ст. 20	Ст. 43
О наместниче указе.	
А наместником и волостелем, которые держат кормлениа без боярьского суда, холопа и робы без докладу не выдати, ни грамоты беглые не дати; також и холопу и робе на государя грамоты правые не дати без докладу, и отпустные холопу и робе не дати.	Наместником и волостелем, которые держать кормление без боярьского суда, и тиуном великого князя и боярьскым тиуном, за которыми кормлениа с судом з боярьскым, холопа и робы без доклада не выдати и отпустные не дати...

Не вполне понятно одно место ст. 9, говорящее о смертной казни «церковному татю и головному», а также «государскому убойце» и другим преступникам (ср.

ст. 10: «опроче церковные татбы и головные»). Обычно ссылаются на перевод С. Герберштейна («похитители людей») и при этом полагают, что речь идет о лице, крадущем холопов[71]. Однако Черепнин, опираясь на одно из судебных дел[72], считает, что в подобных случаях смертная казнь не применялась, а «головная татьба» — это воровство, сопровождавшееся убийством (ср. термин «головник» ПСГ означавший убийцу)[73]. Объяснение привлекает логичностью, хотя не вполне ясно, можно ли с точки зрения норм древнерусского языка переводить «головную татьбу» как «татьба с убийством». Поэтому толкование термина как кража людей (для продажи в холопство) представляется более логичным.

В Судебнике 1497 г. около 12 статей посвящено вопросам о холопах. Это составляет почти $^1/_6$ всего текста памятника (в Пространной Правде (ПП) — около $^1/_5$ всего текста, примерно 40 статей из 121). И все это при том, что юридический кодекс конца XV в. не отменял, а развивал предшествующее законодательство ПП, которое по-прежнему оставалось одним из руководств для судей. Большое внимание к холопьему вопросу можно объяснить только тем, что дворовая челядь феодала еще играла значительную роль в социальной структуре общества. В целом же Судебник подводил итог и многовековому развитию холопьего права на Руси. В основных чертах это право оставалось непоколебленным. Юридические устои оказались более архаичными, чем хозяйственная практика XV в. Но все же жизнь пробивалась сквозь закоснелые нормы общерусского законодательства. Изменения состояли не столько в каком-либо «смягчении» холопьего бесправия, приближении несвободных слуг по правовому положению к основной массе населения, сколько в фиксации и ограничении самих источников пополнения челяди. Впрочем, все эти новшества законодательства намечаются как бы пунктиром. Жизнь шла за его пределами. В XIV—XV вв. положение холопа-страдника сближалось с положением крестьянина в хозяйственной жизни. Оба они входили в состав населения господской вотчины. К XVI в. в быту отпочковывается новая категория холопов — «кабальные люди». Эти «служилые холопы» трудом в хозяйстве феодала погашали проценты («росты») по взятой ими ссуде. На практике

кабальное холопство было не наследственным, а пожизненным (до смерти феодала). Этот вид зависимости еще не известен Судебнику 1497 г., но именно он в дальнейшем вытеснил «полное холопство», знаменуя новый шаг к изживанию остатков рабства на Руси.

Если сравнить кодекс Древней Руси — Пространную Правду с Судебником Ивана III, то явственны будут серьезные изменения, происшедшие в социально-политической структуре общества. В Пространной Правде четко прослеживаются следы обычно-правовых общинных институтов (кровной мести, дикой виры, участия верви в розыске преступника и т. п.). Подобные следы практически отсутствуют в Судебнике. Это не значит, что в жизни их не было. Речь идет о том, что их влияние на правовые нормы и организацию судопроизводства резко упало. Основное внимание в Русской Правде уделялось штрафам, шедшим первоначально потерпевшему, а затем и в пользу государства, за различные формы оскорблений, телесные повреждения, кражи (продажи и уроки), убийство (головничество и вира). Главными фигурами закона были князь, потерпевший и правонарушитель. Судебник же в первую очередь уделяет внимание пошлинам за организацию судопроизводства, которые шли теперь не главе государства, а его администраторам. Одной из причин появления Судебника было именно расширение судебного аппарата. Составителей Судебника преимущественно интересует новое в судебной практике. Памятник не касается вовсе штрафов — ни за оскорбления, ни за драки, ни за кражи, как бы подразумевая, что здесь все продолжает регламентироваться старым законодательством. Зато об убийстве он говорит, вводя строжайшую кару — смерть вместо прежней виры (ст. 7—9).

Социальная структура общества ко времени создания Судебника упростилась. Законы Древней Руси знали смердов, рядовичей, закупов, изгоев, холопов и простых общинников-людинов. Теперь же законодатель имел дело только с холопами (ст. 17 и др.), крестьянами (ст. 57) и свободным человеком вообще. Все формы отношений, вытекающие из договоров займа и найма, передаются на усмотрение самих сторон и изымаются из ведения великокняжеской власти.

Судебником не исчерпывалось все законодательство. Нормы церковного суда записаны были в Кормчей и княжеских уставах (Владимира и Ярослава). Да и Русская Правда все время находилась в поле зрения юристов, поскольку многие ее нормы сохраняли действенность и использовались в текущем судопроизводстве. О жизненности института «сочения следа» (по нормам ст. 77 Пространной Правды) даже в XVII в. писал В. Г Гейман. Большой интерес к Русской Правде проявился и в том, что ее текст часто переписывался (вместе с другими законодательными актами) именно в изучаемое время. Так, около 25 списков Пространной Правды датируется XIII—XV вв., причем 15 из них падают на конец XV в., когда в Москве происходили кодификационные работы. Нормы важнейшего законодательного памятника Древней Руси интересовали юристов не только как источник для создания общерусского законодательного кодекса, но и как материал для практического судопроизводства[74].

Создание Судебника 1497 г. — заметная веха в истории русского законодательства. В ряде стран Европы (в том числе в Англии и Франции) общегосударственных кодексов еще не существовало. Именно поэтому имперский посол С. Герберштейн, побывавший в начале XVI в. в Москве, перевел на латинский язык значительную часть Судебника. Он представлял большой интерес для немецких юристов, составивших только в 1532 г. общегерманский свод законов[75].

ЗАГОВОР ВЛАДИМИРА ГУСЕВА

Прошло только три месяца после утверждения Судебника 1497 г., как в Москве произошли чрезвычайные события. Наиболее ранняя и подробная их версия содержится в памятниках, основанных на летописном своде, составленном около 1500 г.: в так называемом «Отрывке летописи по Воскресенскому списку» и Новгородском своде 1539 г.[1]

В 1500 г. у власти еще был Дмитрий-внук и виновником событий прямо назывался княжич Василий: «В лето 7006 декабря восполелся князь великий Иван Васильевичь всеа Русии на сына своего, на князя Василья, и посади его за приставы на его же дворе того ради, что он, сведав от дьяка своего, от Федора Стромилова, то, что отец его, князь великий, хочет пожаловати великим княжением Володимерским и Московским внука своего, князя Дмитрея Ивановича, нача думати князю Василью вторый сатанин предотеча Афанасий Аропчонок; бысть же в думе той дьяк Федор Стромилов, и Поярок, Рунов брат, и иные дети боярские, а иных тайно к целованию приведоша». Итак, выясняется, что коронация готовилась до раскрытия заговора Владимира Гусева, а его фактическим главой был княжич Василий, посаженный в конечном счете «за приставы». Заговорщики хотели, чтобы Василий

«отъехал» от своего отца, что было одной из обычных форм удельного протеста, и собирались «казна пограбити на Вологде и на Белеозере и над князем над Дмитреем израда учинити». Расправа была жестокой: заговорщиков «казниша... на Москве на реце по низ мосту шестерых, Афонасу Яропкину руки да ноги отсекли и голову ссекоша, а Поярку, Рунову брату, руки отсекше и голову ссекоша, а дьяку Федору Стромилову да Володимеру Елизарову, да князю Ивану Палецкому Хрулю, да Щевью Скрябина, сына Стравина, тем четырем главы ссекоша, декабря 27; и иных многих детей боярских велел князь великий в тюрьму пометати». Заговор, следовательно, был многочисленным. Активную роль в нем играла и жена Ивана III — Софья Палеолог, на которую государь наложил «опалу» за то, что «к ней приходиша бабы с зелием; обыскав тех баб лихих, князь великий велел их казнити, потопити в Москве-реке нощию, а с нею с тех мест нача жити в брежении». Далее в «Отрывке» идет краткое сообщение о коронации 4 февраля Дмитрия Ивановича [2].

Последовательность событий, по Уваровской летописи (свод 1518 г., восходящий к своду 1508 г.), такова: в декабре 1497 г. государь «по дияволю действу въсполеся» на Василия и Софью и «в той опале» 27 декабря казнил шестерых названных выше детей боярских; затем говорится о коронации Дмитрия-внука. Итак, виновником оказывается не княжич Василий, а зломудрый дьявол. Сходный рассказ помещен в Холмогорской летописи. В Типографской летописи известие о коронации Дмитрия совмещено с заметкой о Судебнике («суд судити бояром по судебнику, Володимера Гусева писати»), а после изложения апрельских событий 1498 г. есть запись о казни В. Е. Гусева с товарищами, но нет сведений об опале на Василия Ивановича. Составитель Степенной книги, отмечая пожалование Василия Новгородом и Псковом в 1499 г. и прощение Софьи, вскользь упоминает, что за два года до того Иван III «некоих ради людьских крамол, гнев имея на них», «благословил» Дмитрия-внука великим княжением. В дополнительном тексте Хронографа о поставлении Дмитрия, опале Василия и Софьи и казни Гусева говорится без объяснения причин. Аналогичное сообщение приводится в одном Кирилло-Бе-

лозерском летописце. В Волоколамском летописчике говорится лишь о казни «Федора Страмилова с товарыщи». В кратком Погодинском летописце есть только запись о коронации. В Тверском сборнике сообщается лишь о казни В. Гусева с товарищами[3]

Существует несколько попыток объяснить события 1497 г. и определить состав сторонников Дмитрия-внука. По Н. М. Карамзину, верному официальному монархическому взгляду, дьяк Ф. Стромилов и «некоторые безрассудные молодые люди» уверили «юного Василия», что «родитель его хочет объявить внука наследником», и предложили ему «погубить Дмитрия». Будущий монарх оказывался ни при чем — все объяснялось «безрассудством» его не в меру горячих доброхотов. С. М. Соловьев пытался найти в этих событиях некую закономерность и считал, что князья и бояре поддержали Елену Стефановну, «на стороне же Софии и сына ее Василия мы видим только детей боярских и дьяков». Эта точка зрения на долгое время утвердилась в литературе. Ее придерживались, в частности, И. И. Смирнов и автор этих строк[4].

Первым подверг критике традиционный взгляд С. Б. Веселовский, показавший, что В. Гусев (которого он продолжал считать составителем Судебника) и его сподвижники были связаны с удельными дворами. По Я. С. Лурье (впервые разорвавшему связь Гусева с Судебником), этот деятель был «представителем феодального блока, пытавшегося привлечь Тверь на свою сторону». Итак, построение Соловьева было как бы перевернуто: Софья и Василий становились знаменем аристократических кругов, а Дмитрий и Елена — лидерами дворянства. Эту оценку расстановки сил принял и К. В. Базилевич. Л. В. Черепнин связывал настроения Гусева с углицким удельным двором и считал его казнь продолжением «удара, нанесенного Иваном III по углицкой самостоятельности» в 1491 г. К этому же мнению склонился и Д. Феннел, связывающий возвышение Дмитрия-внука со стремлением Ивана III заручиться союзом со Стефаном Великим. По Феннелу, группировка княжича Василия была пробоярской. Принимая эту гипотезу, Д. Файн отмечает, что звезда Дмитрия взошла, когда Стефан вступил в войну с Польшей и Литвой. Софья, по его мнению, больше, чем Елена Стефановна, была заинтересована в мирных

отношениях с Литвой, ибо ее дочь была литовской великой княгиней, а племянница бежала туда вместе с кн. Василием Верейским. Проримские связи Софьи также способствовали ее примирительным настроениям, ибо Рим, стремясь к организации антиосманской лиги, был заинтересован в мире России с Литовским княжеством. Точку зрения Д. Феннела позднее разделили Я. С. Лурье и С. М. Каштанов. В 1497 г. Иван III выдает жалованные грамоты на земли Ростовского, Углицкого и Вологодского уездов и расширяет владения волоцких князей в Тверской земле. Это мероприятие, по мнению С. М. Каштанова, продиктовано было стремлением нейтрализовать здесь влияние Василия. К перечисленным уездам он добавляет и Белоозеро, недавнее владение верейского князя. Победа Дмитрия-внука, по Каштанову, по-видимому, «имела ясно выраженную антиудельную направленность и означала торжество самодержавия»[5] К его возвышению привела реальная опасность, грозившая Ивану III со стороны княжича Василия. И. Б. Греков считает группировку Дмитрия-внука «протурецкой»[6].

Чтобы разобраться в событиях, обратимся к биографическим сведениям о сторонниках княжича Василия. Отец Владимира Гусева — Елизар некоторое время (1448 г.) находился при дворе кн. Ивана Андреевича Можайского, а в 1478 г. был боярином кн. Андрея Васильевича Меньшого. Его дети не занимали видного положения. Юшка Елизаров — человек из «Тферьские земли» сына Ивана III — Ивана Молодого (1488 г.). Осенью 1492 г. он бежал в Литву. Младшие братья Владимира — Василий и Михаил — служили кн. Юрию Ивановичу Дмитровскому[7].

О самом Владимире Гусеве известно немного: в 1483 г. он ездил с миссией в Тверь. Существуют три попытки объяснить рассказ Тверской летописи 1483 г. о том, как Михаил Борисович «выслал... вон» В. Гусева, приехавшего в Тверь «с поклоном» от Ивана III. По мнению С. Б. Веселовского, «оскорбительный прием относился, конечно, не лично к Вл. Гусеву, а к московскому великому князю». Я. С. Лурье в ранней работе построил сложную конструкцию, согласно которой Гусев приехал в Тверь, чтобы привлечь кн. Михаила на сторону феодального блока, боровшегося с Иваном III. Поэтому Михаил Борисович (как верный союзник

Москвы) и выслал Гусева. Но в летописи Гусев выступает послом именно великого князя, и Михаил Тверской «поклона не приал» от Ивана III. Л. В. Черепнин заметил, что, по А. Н. Насонову, летописный свод, содержащий это известие, был отредактирован в Москве в годы возвышения Дмитрия-внука, и заключил, что составитель свода просто «пытался набросить на Гусева подозрительную тень»[8].

Скорее всего, рассказ 1483 г. перелагает ответственность за тверской поход 1485 г. с московского князя на тверского, обосновывая необходимость присоединения Твери и как бы подтверждая права Дмитрия на тверской престол. Ведь летописец специально отметил, что тверское княжение получил отец Дмитрия — Иван Молодой. Кстати, наместником в Твери стал двоюродный брат Гусева — Василий Федорович Образец-Добрынский. Это, конечно, не свидетельствует ни о «крамольных намерениях» Гусева, ни о стремлении летописца очернить посла Ивана III.

В 1495 г. В. Гусев, как «сын боярский», входил в свиту, сопровождавшую княгиню Елену в Литву, наряду с другими, более видными представителями знати, не имевшими отношения к заговору 1497 г. Черепнин писал, что на политическое мировоззрение Гусева могло оказать влияние «пребывание в Литве, где находились некоторые русские изгнанники (удельные князья)», и что он «мог оказаться в курсе» планов восстановления феодальной раздробленности. Все это могло быть, но могло и не быть. Скорее всего, следует присоединиться к более осторожному из суждений Черепнина, что «вряд ли можно сделать какие-либо прочные выводы для понимания позднейшего дела Гусева» из факта его участия в посольстве 1495 г.[9] Выше было показано, что В. Гусев не имел никакого отношения к Судебнику 1497 г., а слова «Володимера Гусева писати» в Типографской летописи являются, как справедливо полагают Я. С. Лурье и Л. В. Черепнин, пометой, введенной в текст. В Типографской летописи слиты два источника: материалы свода 1497 г. о челобитьи Ивана III митрополиту и запись Троицкого летописца, в котором дата «в лето 7005» должна относиться только к сообщению о Судебнике, а не к коронации Дмитрия (7006 г.). Находка А. Н. Насонова показала, что датировка Судебника 7006 г. в Типографской ле-

тописи просто ошибка и нет оснований относить утверждение Судебника к 1498 г.

С. Б. Веселовскому принадлежит много тонких наблюдений по генеалогии и службам участников заговора. В частности, он обратил внимание на то, что Еропкины служили при удельных дворах. Происходили они из измельчавших смоленских князей, бежавших в начале XV в. на Русь. Андрей Еропкин служил Борису Волоцкому, но был почему-то лишен им вотчины (до 1477 г.). Афанасий числился в свите во время поездки Ивана III в Новгород в 1495 г. Крупным дипломатом был Михаил Степанович Кляпик-Еропкин, ездивший в 1492—1493 гг. к императору Максимилиану. К середине XVI в. многочисленные Еропкины владели землями в Волоколамском, Клинском, Воротынском и Можайском уездах [10].

Кн. Иван Иванович Хруль Палецкий накануне казни был, очевидно, очень молодым человеком, ибо его отец служил воеводой даже в 1507—1512 гг. Младший брат Ивана Хруля — Борис был боярином Андрея Старицкого и казнен «торговой казнью» в 1537 г. [11]

Как и А. Еропкин, из семьи измельчавших смоленских князей происходил Щавей Скрябин-Травин. Иван Иванович Салтык-Травин участвовал в 1483 г. в походе «на вогуличей», а в 1489 г. — на Вятку. До 1497 г. (около 80-х годов) его двор был распущен, а его послужильцев испоместили в Новгороде. Сохранилась духовная Салтыка 1483 г. Отец Щавея был его двоюродным братом. Брат Щавея Иосиф, покинув новгородское поместье, постригся в монахи до 1500 г. Щавей, как и А. Еропкин, в 1495 г. находился в свите Ивана III во время поездки в Новгород. Григорий Пырей и Иван Отава Осокины-Травины (двоюродные братья Щавея) в том же году входили в свиту княгини Елены. Их отец Иван Григорьевич Осока в 1496 г. получил половину Зубцова в кормление от князя Василия Ивановича [12]. Связи с Василием у Осокиных установились, следовательно, давно.

Одним из верных сподвижников Василия II и Ивана III был Иван Дмитриевич Руно, по происхождению человек неродовитый. Около 1483 г. он попал в опалу, и его послужильцы были испомещены в Новгороде [13].

О его брате Поярке, кроме летописной записи 1497 г. ничего не известно. Дьяк Федор Стромилов происходил из старинной дьяческой фамилии[14]. В 90-е годы он был дьяком Василия Ивановича, тогда великого князя тверского[15]

С. Б. Веселовский считал, что дело Гусева было раздуто, многие (возможно, и сам Гусев) были оклеветаны, ибо «по неосторожности или из побуждений карьеры вмешались в семейное дело великого князя» К иному выводу пришел Черепнин, обратив, в частности, внимание на то, что в 1492 г., «очевидно, в связи с арестом и заточением в тюрьму за год перед этим князя Андрея Васильевича Углицкого с семьей» бежал в Литву Юшка Гусев. Кн. Андрей был «пойман» осенью 1491 г. Его арестовал кн. Василий Иванович Патрикеев — противник княжича Василия и его окружения. Никаких прямых данных о связи «поимания» кн. Андрея с бегством Ю. Гусева осенью 1492 г. нет. Черепнин ссылается только на предположение А. А. Шахматова о том, что Типографская летопись за эти годы (1482—1528) составлялась в Угличе, и делает вывод, что заговор «имел какое-либо отношение к антиправительственным кругам, действовавшим в Угличе»[16].

Однако связь Синодального списка Типографской летописи с Угличем обнаруживается только в пределах 1521—1526 гг. До 1497 г. список совпадает со сводом 1497 г. — митрополичьим (по мнению К. Н. Сербиной) или ростовским (по гипотезе А. А. Шахматова и Я. С. Лурье). Так или иначе, но угличский характер записи 1497 г. в Типографской летописи о Гусеве не может считаться доказанным. Андрей Углицкий умер в заточении в ноябре 1493 г. Пожалуй, самым сильным доводом против гипотезы о близости к нему Гусева являются сведения Типографской летописи и свода 1497 г. о том, что Иван III призвал митрополита и епископов, «прося у них прощения о своем брате, князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею, его уморил»[17] Этот рассказ помещен в Типографской летописи после упоминания о Гусеве в связи с Судебником и перед записью о его казни. Описанные же события происходили поздней осенью 1497 г. т. е. до опалы Гусева. Вряд ли, посмертно восстанав-

ливая память Андрея Углицкого, великий князь казнил бы его сподвижника.

С. Б. Веселовский и Л. В. Черепнин на основании рассказа о родословии Чертовых из митрополичьего формулярника начала XVI в.[18] пытались выяснить происхождение Ф. Стромилова. Оттуда известно, что Алексей Попов, вероятно дед Ф. Стромилова, и Никита Константинович Добрынский, родной брат деда В. Гусева, выступали союзниками Ивана Андреевича Можайского. В этой связи многозначительно упоминание свода 1500 г. о том, что княжич Василий предполагал в 1497 г. бежать на Белоозеро, т. е. в одну из вотчин верейских князей. Все это делает весьма вероятным предположение о связи княжича Василия и заговорщиков с силами, поддерживавшими верейского князя. Поэтому трудно согласиться с Черепниным, что «вряд ли можно допустить действенную общность интересов Василия Ивановича и партии Гусева»[19].

Итак, Владимир Гусев и его соратники хотя и происходили из знатных фамилий, но все же были «детьми боярскими», т. е. по положению не принадлежали к наиболее близкому окружению Ивана III. Родичи Гусева были связаны с верейским удельным двором, который пользовался покровительством Софьи Палеолог. Известно также, что греки Дмитрий и Юрий Траханиоты, из свиты царьградской княжны, поддерживали тесный контакт с главой воинствующих церковников новгородским архиепископом Геннадием. Больше ничего сколько-нибудь определенного о социальной базе заговорщиков сказать нельзя.

Не составляет особых затруднений выяснить ту среду, которая поддерживала политические притязания Дмитрия-внука. Еще его отец Иван Молодой после присоединения Твери был пожалован тверским княжением. По матери Иван был внуком великого князя Бориса Александровича, а его жена была двоюродной сестрой супруги последнего тверского князя Михаила Борисовича. Иван Молодой, следовательно, мог считаться как бы законным преемником князя Михаила. Поэтому Тверь надолго стала опорой семьи Ивана Ивановича. Кстати, в судебных делах, решавшихся этим князем, принимал участие после возвращения из Венгрии Федор Курицын. После смерти Ивана Молодого (март 1490 г.) Тверь была передана не его

малолетнему сыну, а Василию Ивановичу (он выдавал и подтверждал тверские грамоты в октябре 1490 и в 1490/91 гг.). Правительство повело решительную борьбу с остатками тверской обособленности. Комплекс идей, развивавшихся в кругу Дмитрия-внука, имел тверское происхождение (великий князь тверской в середине XV в. называл себя «царем» и выпускал монеты с изображением двуглавого орла[20]). Утверждение в Твери московских порядков в правление княжича Василия (с 1490 г.), конечно, не могло прийтись по вкусу сторонникам сохранения тверских вольностей. И совершенно естественно, что свои чаяния они связывали с именем Дмитрия Ивановича, «законного» претендента на тверское княжение.

Группировка Дмитрия-внука имела прочную опору в среде высших бюрократических дельцов столицы, затронутых еретическим вольномыслием. Ее лидером был фактический глава складывавшегося центрального ведомства внешних сношений (будущего Посольского приказа) дьяк Федор Курицын. Изучение тверской среды, поддерживавшей еретический кружок Ф. Курицына и Елены Стефановны, помогает установить преемственность вольнодумных идей. В год тверского взятия (1485 г.) «еретик» Иван Черный (вероятно, по распоряжению Ивана III) переписал «Еллинский летописец» в связи с возросшим интересом к предыстории величия Москвы. Отмечая этот факт, Л. В. Черепнин поставил вопрос: не делал ли Иван III «попытки приблизить к себе и тверских еретиков»? К сожалению, конкретных данных об их составе нет, но благожелательное отношение великого князя в 80—90-е годы XV в. к их высоким покровителям несомненно[21].

Для понимания событий 1497 г. следует вернуться к рассказу о покаянии Ивана III в смерти Андрея Углицкого. В Типографской летописи он помещен после сообщения о «поимании» В. Гусева под 7006 г., а в своде 1497 г. — под 26 октября 7005 г. С. М. Каштанов установил, что дата свода 1497 г. ошибочна, а собрание иерархов состоялось вскоре после 26 октября 1497 г. («немного времени» после Дмитриева дня). В сентябре — октябре 1497 г. Василий Иванович еще выдавал жалованные грамоты. Судя по Хронографу, Иван III обвинял Василия в причастности к заговору В. Гусева перед церковными иерархами, а собор, по

Каштанову, состоялся в конце октября — начале ноября 1497 г. Следовательно, именно этим временем и следует датировать опалу княжича[22]. В дарственной записи 1 мая 1498 г. на Евангелии в церковь «в Ружках» (замосковная волость Черна) Василий продолжал называться «великим князем всеа Русии». Правда, текст записи известен по списку XVII в., так что мог быть интерполирован. Установленное Каштановым время начала опалы на княжича Василия (август 1497 г.) помогает выяснить ее тесную связь с составлением Судебника (сентябрь), т. е. уверенно искать его творцов в окружении Дмитрия-внука.

Изучение событий 1497—1498 гг. показывает, что в последние годы правления Ивана III вспыхнула борьба тех же сил, которые выступали на арене политической жизни во время феодальной войны. Тогда Москве противостоял галицко-углицко-верейско-новгородский блок при благожелательном нейтралитете Твери. В 1497—1498 гг. победу одержали силы, которые нашли поддержку в тверской группировке придворной знати, а силы, опиравшиеся на удельное княжье и новгородское окружение архиепископа Геннадия, потерпели поражение. Последовавшее затем падение Дмитрия-внука ускорено было крахом надежд на союз России с его могущественным дедом Стефаном Великим.

НАСЛЕДИЕ АВГУСТА-КЕСАРЯ

Казнь В. Гусева и «поимание» княжича Василия в декабре 1497 г. были ответом Ивана III на недовольство возвышением при его дворе группировки, опиравшейся на Дмитрия-внука. Чтобы упрочить его позиции и обеспечить преемственность трона, 4 февраля 1498 г. в Москве состоялся торжественный обряд коронации, во время которого Дмитрия Ивановича провозгласили великим князем московским и всея Руси и «возложиша» на него «бармы Манамаховы и шапку». Как известно, «шапка Мономаха» * была выполнена среднеазиатскими мастерами; она с XIV в. хранилась в московской казне («шапка золотая» упоминается в завещании Ивана Калиты). Теперь ей суждено было символизировать преемственность власти русских государей от византийских императоров. Процедура коронования тщательным образом изложена в летописях [1].

Церемония происходила в Успенском соборе. На ней кроме Ивана III присутствовали митрополит, весь

* „Шапка Мономаха", согласно „Сказанию о князьях владимирских", была даром византийского императора Константина Мономаха (1042—1055) великому киевскому князю Владимиру Мономаху (1053—1125), что символизировало передачу власти византийских императоров, наследников римского императора Августа (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.), русским великим князьям. — *Прим. ред.*

освященный собор, дети великого князя (без Василия), бояре и толпы простого люда, стоявшего, очевидно, на Кремлевской площади. Сначала Иван III разъяснил, что коронация соответствует старинной традиции, согласно которой великие князья давали княжение «сыном своим первым». А поскольку его сын Иван Иванович умер, то он и решил благословить великим княжением его сына, а своего внука Дмитрия. Последующую процедуру проводил митрополит. Коронованного соправителя Ивана III «воздравиша» дети Ивана III (Василия и его матери на церемонии не было), а также «боляре вси и вси людие». В конце митрополит прочел наследнику поучение, в котором призывал его любить «правду и милость, и суд праведен». При выходе из Успенского собора, а также перед Благовещенским и Архангельским соборами Дмитрия осыпал золотыми и серебряными монетами князь Юрий Иванович.

В связи с коронацией Дмитрия Ивановича возникают литературно-публицистические сочинения, которые сыграли определяющую роль в формировании идеологии самодержавия в XVI в. Прежде всего это «Чин венчания Дмитрия-внука»[2]. Его мотивы вошли в аналогичный чин, разработанный в 1547 г. для коронации Ивана IV на царство, и в более поздние памятники подобного содержания[3]. Чин был составлен по образцу обряда венчания византийского наследника престола. Обращает на себя внимание титул Ивана III — «самодержец всея Руси», который как бы приравнивал русского государя к византийскому императору, равно как и к императору германскому[4]. Впервые «государем и самодержцем всея Руси» Иван III был назван в «Извещении о пасхалии» митрополита Зосимы (1492 г.) — программном документе окружения Дмитрия-внука[5]. Затем эта формула повторилась во время поставления на митрополию Симона. В сентябре 1495 г. Симон обращался к Ивану III со словами «самодержавный государь»[6] Незадолго до коронации (в июле 1497 г.) на великокняжеской печати впервые появляется двуглавый орел — византийский и имперский государственный герб[7] Так Россия заявила о своем равенстве с крупнейшими державами древности и современной Европы.

С событиями 1498 г. связано создание памятника, который в переработанном позднее виде получил

название «Сказание о князьях владимирских». Впрочем, в литературе полного единомыслия по этому вопросу нет. По мнению Р. П. Дмитриевой, в основу памятника было положено «Послание» бывшего киевского митрополита Спиридона-Саввы, который после 1482 г. выехал из Литвы на Русь, где был заточен в Ферапонтов монастырь (во всяком случае находился там в 1503 г.). Свое «Послание» он составил около 1511—1522 гг. Первая редакция «Сказания», по мнению Р. П. Дмитриевой, возникла еще до смерти Василия III. В конце ее было помещено «Родословие литовских князей». Вторую редакцию, составленную в связи с коронацией Ивана Грозного, сопровождает (как правило) чин его венчания на царство. А. Л. Гольдберг полагает, что в 10—20-х годах XVI в. была создана некая исходная редакция рассказа об Августе и Мономахе — Протограф I «Сказания». В результате его поздней переработки возникли «Послание» Спиридона-Саввы и Протограф II «Сказания» (источник Чудовской повести и некоторых других памятников). «Сказание» же в дошедшем до нас виде возникло в связи с коронацией Ивана IV [8].

Однако построения Р. П. Дмитриевой и А. Л. Гольдберга сталкиваются с непреодолимыми трудностями.

Прежде всего «Сказание» идеологически обосновывает венчание великого князя «мономаховым венцом» (вторая его редакция и кончается «Чином венчания»), а Василий III никогда коронован не был. Зато в 1498 г. был венчан его политический противник — внук Ивана III Дмитрий. Поэтому «Сказание» вряд ли могло возникнуть в окружении Василия III. В самом деле, зачем в кругах, близких к Василию III, создавать произведение, в котором содержался по существу апофеоз его врага — Дмитрия-внука? Столь неудобную для своего построения ситуацию А. Л. Гольдберг пытается разрешить следующим образом. Регалии так или иначе, но все-таки находились в руках Василия III, а в «Послании» говорится, что «мономаховым венцом» венчаются все великие князья владимирские, «яко же и сей волный самодержъц и царь Великыа Росия Василие Иванович» [9]. Значит, венчался и Василий III. Но ничего подобного на самом деле не было. Ни о какой коронации Василия не говорят ни летописи, ни Герберштейн. Не знают подобного факта «Сказание» и

«Повесть»[10] Следовательно, перед нами явный домысел Спиридона-Саввы, свидетельствующий о позднем происхождении его «Послания». В ранних вариантах произведения, легшего в его основу, ничего подобного не должно было быть. Регалии действительно находились в распоряжении Василия III, но и только.

Обращение к рукописной традиции усиливает сомнения. Одной из древнейших сохранившихся рукописей, содержащей «Сказание»[11], является Чудовский список начала 40-х годов XVI в.[12] Он дает текст, начинающийся с разделения вселенной Августом-кесарем (этот рассказ получил в литературе название Чудовской повести) и сопровождающийся как «Чином венчания Дмитрия-внука», так и «Родословием литовских князей». В сборнике не содержится памятников позднее конца XV в. Гольдберг предполагает, что составитель «Повести» специально отыскивал произведения, близкие по теме, и нарочно поместил «Чин венчания» после отредактированного им произведения. Получается так, что в 20—30-х годах XVI в. составитель Чудовского сборника считал необходимым подобрать памятники, возникшие не позднее конца XV в. Такую задачу вряд ли мог ставить перед собой переписчик. Р. П. Дмитриева считала Чудовскую повесть соединением «Послания» Спиридона-Саввы и «Сказания»[13].

Но «Повесть» скорее можно считать произведением, из которого возникли как «Послание» Спиридона-Саввы, так и само «Сказание о князьях владимирских». Прежде всего в «Повести» отсутствуют все те погрешности, на основании которых Р. П. Дмитриева считала «Сказание» переработкой «Послания» Спиридона-Саввы («Святослав» вместо «Всеслава», отсутствие текста «и Киринея Сирии властодержца положи»)[14]. Вместе с тем «Повесть» по сравнению с «Посланием» имеет ряд лучших чтений[15]. В «Повести» Ирод — «аскалонитянин» (выходец из Аскалона), в «Послании» он — «от Аманит» (амонитяне — союзники идумеев, к которым принадлежал Ирод). Но и этого мало. В «Послании» при упоминании о Владимире Святославиче добавлено: «нареченный в святом крещении Василие». Этих слов нет ни в «Повести», ни в «Сказании». Скорее всего, это позднейшая приписка, сделанная в угоду Василию III, носившему то же имя, что и Владимир (во крещении).

Позднейшее происхождение «Послания» видно и из его структуры. После рассказа о походе князя Владимира Всеволодовича на Фракию, оканчивающегося словами: и сиа о сих тако», помещен большой отрывок об отпадении от православия папы Формоса в 6553 г. (1045 г.). После переходной фразы: «И сиа о сих. Мы же пакы на предлежащее поидем» — автор возвращается к старой теме и сообщает о том, что Константин Мономах отправил к Владимиру посольство с царским венцом. Следовательно, текст о папе Формосе — явная вставка, разбивающая единый рассказ. И действительно, в Чудовской повести и в «Сказании» первой редакции он помещен в конце памятника, после известия о том, что Владимир получил царский венец от Мономаха, а во второй редакции «Сказания» о папе вовсе не говорится.

Сличение текстов убеждает, что нет ни одного случая, когда бы можно было отдать предпочтение «Сказанию» как памятнику более древнему, чем «Повесть». Вместе с тем известно примерно два десятка случаев близости «Повести» с «Посланием», говорящих о первичности «Повести» и вторичности «Сказания»[16] Если бы «Повесть» представляла собой компилятивное соединение «Сказания» и «Послания», то в ней должны были бы обнаружиться текстологические швы. Однако и этого нет.

Я. С. Лурье допускает, что Чудовская повесть могла возникнуть в связи с венчанием Дмитрия-внука. Но вместе с тем он присоединяется к выводу Р. П. Дмитриевой о соотношении Чудовской повести и «Послания» и подкрепляет его следующим аргументом. По «Посланию», император отправил Владимиру Мономаху наряду с царским венцом и «кацию, иже от злата аравийска исковану», и «измирну со многими благовонными цветы Индийские земли», и «ливан». Чудовская повесть упоминает только «чепь злату, иже от арависка злата исковану». По мнению Лурье, цепь не могла быть заменена кадильницей («кацией»), ибо позднейший автор мог просто не понять слова «кация», а обратная замена естественна[17] Вполне логичный ход рассуждения, но ему может быть противопоставлен не менее естественный. Автор-церковник (Спиридон-Савва) решил заменить «цепь» атрибутом, хорошо ему известным,— «кацией».

Отсутствие в Чудовской повести первой части «Сказания», носящей церковно-исторический характер, также показывает первичный характер этого произведения. Дело в том, что в «Сказании» дважды говорится о египетской царице Клеопатре, причем вторично она появляется (во второй части произведения) уже после того, как было сказано о ее смерти[18] Перед нами следы соединения двух рассказов. К тому же первая часть «Сказания» неудачно связана со второй, по тексту которой оказывается, что царская порфира не римско-византийского, а египетского происхождения. Это противоречит всему идейному замыслу сочинения. Кстати, «Чин венчания» Дмитрия «шапкой Мономаха» из Чудовского сборника, как показал Я. С. Лурье, явно первоначального происхождения (в поздних редакциях — просто «шапка»)[19] Таким образом, Чудовская повесть дает первоначальный текст «Сказания». Вопрос о времени присоединения к нему текста с рассказом о разделении вселенной Ноем нуждается в доследовании. Не исключено, что он связан с творчеством Спиридона-Саввы.

Интересны источники «Родословия литовских князей» в «Послании», «Сказании» («Родство») и «Повести». Р. П. Дмитриева установила, что Спиридон-Савва приводит отрывок из «Предисловия» инока Исайи к переводу (1371 г.) псевдо-Дионисия Ареопагита. А так как этот отрывок в «Родстве» из первой редакции «Сказания» и Чудовской повести дан в сокращении, то вывод о более раннем происхождении «Родословия» у Спиридона-Саввы может быть доказанным. Вопрос состоит только в том, восходит ли текст «Родства» Чудовской повести (и первой редакции «Сказания») непосредственно к «Посланию» или к «Родословию» как к памятнику, существовавшему независимо от «Послания». Впрочем, если все же считать «Послание» более древним памятником, то возможно, что его первооснова возникла в связи с коронацией Дмитрия-внука. Ведь последний опирался на тверские круги, из которых вышел и Спиридон[20].

Я. С. Лурье, а вслед за ним и Р. П. Дмитриева отметили наличие тверских мотивов в «Родословии», помещенном Спиридоном-Саввой. «Смысл рассказа Спиридона,— отмечает Лурье,— прославление великих князей тверских»[21]. По Спиридону, именно Михаил Твер-

ской выдает свою сестру Ульяну за Ольгерда, из-за чего последний и нарекся «князем» (по «Сказанию» и «Повести» не понятно, почему тверскую княжну выдает за Ольгерда московский князь Семен)[22]. Вероятно, тверскими симпатиями Спиридона-Саввы объясняется и то, что первое «отречение» от опального Спиридона поспешили взять от тверского епископа (1488 г.), а после него — от других владык. Лурье полагает, что «в основе «Послания о мономаховом венце» Спиридона-Саввы лежит какой-то памятник тверской литературы XV в.», ссылаясь на то, что изложение истории Литвы в «Послании» обрывается на середине XV в.[23] С его наблюдением можно согласиться, но с оговоркой, что речь идет не о всем «Послании», а только о «Родословии литовских князей», которое в него включено.

Аргумент против того, чтобы считать Чудовскую повесть первоначальной редакцией «Сказания», на первый взгляд можно усмотреть в наличии в ней следов влияния литературных памятников, которых нет у Спиридона-Саввы. Действительно, он не мог бы «вычленить» из своего текста те части «Повести», которые восходят к другим произведениям. Но дело-то в том, что следы других памятников обнаруживаются не в самой «Повести», а в «Родословии литовских князей» по Чудовскому списку, которое могло первоначально существовать и независимо. Ведь было же у Спиридона-Саввы «Родословие» тверского происхождения. Поэтому ссылки на «Предисловие» инока Исайи, «Начало государей литовских», «тверскую» и «московскую» версии сами по себе ничего не говорят.

Остаются два момента — близость «Повести» к летописи (датировка событий) и к Хронографу по великому изложению. Но здесь надо иметь в виду жанровые особенности «Повести» и «Послания». Первое произведение носит черты исторического повествования, второе — церковно-литературный трактат. К тому же нет достаточной уверенности, что у составителя «Повести» был особый источник летописного происхождения. Ведь в ней есть всего две даты — призвания Рюрика в Новгород (6370 г.) и крещения Руси (6496 г.), хорошо известные любому книжнику[24], а следов текстологической близости с летописью в обоих случаях «Повесть» не обнаруживает. Фрагмент о встре-

че Августа с Иродом действительно восходит к Хронографу по великому изложению, причем текстологически он ближе к этому памятнику в «Повести», а не в «Сказании». Здесь есть дата, встречающаяся в летописях (5457 г.), но она могла появиться и в результате обыкновенных хронологических выкладок по данным Хронографа.

Теперь необходимо выяснить время и обстоятельства появления «Повести». Весь ее смысл сводится к тому, чтобы доказать преемственность власти русских государей от римских и византийских императоров. Ее кульминация — венчание Владимира Всеволодовича «веньцом царским» Константина Мономаха. Торжественное венчание «шапкой Мономаха» впервые состоялось в 1498 г., а вторично — только в 1547 г. Возникает вопрос о связи этого события со «Сказанием». В Чудовском сборнике отсутствуют какие-либо сочинения, возникшие позднее конца XV в., а вместе с «Повестью» идут «Чин венчания Дмитрия-внука»[25] и «Родословие литовских князей»[26].

А. Л. Гольдберг обратил внимание, что в «Сказании» (и во всех сходных памятниках) говорится, что Август «поставил» «Пруса» в городах по реке Висле — в Марборке, Торуне, Хвойнице, Гданьске. Эти города упоминаются в дипломатических сношениях России с Пруссией в 1529 г.[27] Отсюда Гольдберг делает вывод, что рассказ об Августе был создан тогда, когда вопрос о прусских городах был актуален, т. е. в связи с русско-прусским договором 1517 г. Гданьск и другие города перешли к Польше по Торуньскому договору 1466 г., о чем прекрасно знали в конце XV в. («что за Казимиром, за королем Полским, Прусская земля Гданеск да Хвойници, да Турун и иные городы»). В 1493 г., в обстановке русско-литовской войны, интерес к этим городам в Москве обострился («те городы прусьские, что король поимал Гданеск и Торун и иные городы... мочно ли опять взяти назад»). Предполагался брак дочери Ивана III с Конрадом Мазовецким, союзником прусского магистра, и военный союз мазовецкого князя с Иваном III, направленный против Ягеллонов. Союз должен был привести к установлению протектората России над Прусским орденом. Иван III отправил к магистру послов с наказом прямо заявить о готовности великого князя способствовать

возвращению ордену городов, уступленных Польше («городов своих, даст бог, достанете государя нашего оборонью»)[28]. В Москве переговоры с послом Конрада вел Федор Курицын, а с посольством литовского великого князя в 1494 г. — В. И. Патрикеев, т. е. именно те лица, в окружении которых, думается, и сложилась Чудовская повесть.

Следовательно, обстановка в 1493 г., когда в Пруссию была послана миссия, не в меньшей мере соответствовала идеям «Сказания», чем в 10—20-е годы XVI в.[29] Отсутствию упоминания Мальборка в посольских делах 80—90-х годов XV в. не следует придавать особого значения, ибо он мог скрываться под обобщением «и другие городы». На «Сказание», конечно, повлиял не конкретный дипломатический документ, а знание итогов Торуньского договора 1466 г. Согласно «Повести», предком Рюрика выступал «Прус», что, по мнению А. Л. Хорошкевич, давало русским государям основание претендовать на верховное главенство над Пруссией. Она обратила также внимание, что в Чудовской повести ничего не говорится о происхождении русской династии от варягов (шведов), и логично связала этот факт с русско-шведской войной 1496 г.[30]

Проблема разделения церквей, по А. Л. Гольдбергу, была актуальной именно в 20-е годы XVI в., что якобы подкрепляет предложенную им датировку «Сказания»[31]. Однако проблема эта существовала и в конце XV в., и особенно тогда, когда противники Елены Стефановны и ее окружения связаны были с прокатолическими элементами. Кстати, рассказ о папе Формосе в «Послании» разрывает текст единого повествования.

«Родословие», как бы продолжающее «Повесть», кончается упоминанием сыновей И. Ю. Патрикеева — Василия Косого и Ивана Мунынды, в то время как в «Послании» называется и монашеское имя В. И. Патрикеева — Вассиан[32]. Следовательно, протограф «Родословия литовских князей» и «Повесть», очевидно, были написаны еще до опалы и пострижения В. И. Патрикеева, т. е. до 1499 г.[33] А. Л. Гольдберг, чтобы отвести это самое простое предположение, создает следующую цепь умозаключений. Светское имя Патрикеева попало в чудовское «Родословие» под влиянием «Начала государей литовских» (никаких данных в пользу этой чис-

то умозрительной догадки он не приводит). В первом варианте «Родословия литовских князей» (якобы основанного на «Начале») нет черт текстологического сходства с Чудовским списком[34]. К тому же вовсе не известно, когда возникло само «Начало».

Составителя «Повести» следует искать в окружении Дмитрия-внука, коронованного «шапкой Мономаха». Близок к Дмитрию-внуку был и В. И. Патрикеев, а к последнему — будущий митрополит Варлаам, припиской которого кончается чин венчания («Помилуй мя, грешного Варлама»). О. И. Подобедова пишет, что «родословная литовских князей могла бы быть объяснена интересом Патрикеевых к литовскому правящему дому в пору исполнения ими дипломатических поручений при дворе литовского князя». Воздействием окружения Дмитрия-внука объясняется, очевидно, переработка тверского варианта «Родословия литовских князей» в промосковском духе. Заметим, что в Чудовском сборнике находится соборное определение о еретиках (1490 г.), написанное от имени митрополита Зосимы[35]. Позднее Иосиф Волоцкий самого Зосиму считал покровителем «еретика» Федора Курицына и его сподвижников, группировавшихся около Дмитрия-внука.

Тесная связь первоначального текста «Сказания о князьях владимирских» с окружением Дмитрия-внука может быть обоснована и еще одной группой наблюдений. В Воскресенской летописи сохранилась славяно-молдавская хроника («Сказание вкратце о молдавских государех»), в которой доказывается происхождение молдаван от римлян. Исследователи основательно датируют ее 80-ми годами XV в., считая ее последние записи (во всяком случае 7005 и 7017, точнее, 7012 г.) позднейшими приписками. А. В. Болдур полагает, что хроника была написана около 1480 г., во время переговоров о браке Елены Стефановны с Иваном Ивановичем, и допускает, что Елена Волошанка «в борьбе с Софией ссылалась на славяно-молдавскую хронику»[36]. Это весьма правдоподобно.

В самом деле, византийскому происхождению Софьи в хронике были как бы противопоставлены более древние предки Елены, вышедшие из самого Рима. При этом молдаване имели перед «испроказившимися» греками то преимущество, что сохранили православную

веру в борьбе с католичеством (в окружении Софьи и Геннадия известны доминиканец Вениамин и вообще лица, сочувствовавшие католичеству). Вывод же А. В. Болдура, что славяно-молдавскую хронику изготовили именно в 1480 г., не представляется доказанным. Ее мог привезти из своей миссии в Венгрию Федор Курицын (1482—1485 гг.), на обратном пути посетивший Стефана III: ведь привез же он рассказы о Дракуле. В хронике обнаруживается влияние именно венгерской летописи. Но особенно интересны сходные мотивы хроники и «Сказания о князьях владимирских». В обоих произведениях правящие династии выводятся из Рима, а их врагом выступает папа Формос и католичество.

Итак, первоначальный текст «Сказания о князьях владимирских» (Чудовская повесть) сложился в связи с венчанием Дмитрия на престол. Коронации 1498 г. придавалось важное политическое значение, ибо она должна была способствовать укреплению самодержавной власти. Л. В. Черепнин даже связывает с коронацией публичное оглашение текста Судебника 1497 г.[37] Во всяком случае связь этих двух событий несомненна. «Сказание о князьях владимирских» и связанные с ним памятники («Чин венчания», «Родословие литовских князей») утверждали суверенный характер власти великих князей. Р. П. Дмитриева справедливо отмечает, что попытка связать происхождение русских государей с римским императором Августом отражала гуманистический интерес к римской истории, характерный для эпохи Возрождения.

«Сказание» в первоначальной редакции с его чисто светским содержанием и идеологическим обоснованием великокняжеской власти противостояло «Повести о белом клобуке», возникшей в окружении новгородского архиепископа Геннадия. Если «Повесть о белом клобуке» отстаивала претензии воинствующих церковников на светскую власть, то «Сказание», сложившееся в кругу политических противников Геннадия и кружка Софьи Палеолог, укрепляло идеологические основы великокняжеской власти. Подобное же противоборство идей можно найти в «Родословии литовских князей» и в «Сказании о Мамаевом побоище» (основной редакции). Если в первом памятнике Ольгерд выступает положительным героем, то во втором (возникшем в

церковных кругах) он предстает как союзник Мамая вместо реального Ягайлы.

В отличие от передовых европейских стран в России конца XV — начала XVI в. гуманистические идеи только зарождались. Процесс высвобождения человеческой личности из пут церковной идеологии не был завершен. В русском реформационно-гуманистическом движении неизмеримо бо́льшую роль играло дворянство, чем бюргерство. Поэтому духовной диктатуре церкви противопоставлялось суверенное государство во главе с мудрым монархом. Эти идеи мы и находим в «Сказании о князьях владимирских» и в «Повести о Дракуле». Позднее они получили развитие в посланиях Федора Карпова и сочинениях Ивана Пересветова.

ПАДЕНИЕ КНЯЗЕЙ ПАТРИКЕЕВЫХ И РЯПОЛОВСКОГО

Торжественная коронация в феврале 1498 г. не означала перехода к Дмитрию-внуку сколько-нибудь заметной доли власти. Удела он не получил. Не известно и жалованных грамот, выданных им в этом году. Сохранились только сведения о том, что тогда Дмитрий Иванович судил поземельные дела в Белозерском, Вологодском, Переславском, Костромском и Бежецком уездах. Людвиг фон Зансгейм из Кенигсберга (август 1500 г.), упомянув о смерти Ивана Молодого и о Дмитрии-внуке, добавлял, что «с этим внуком имеет старый государь русских все управление страной один в своих руках и не хочет других двух своих родных сыновей к управлению или разделу страны допустить»[1] Думается, роль Дмитрия Ивановича как соправителя здесь преувеличена[2]. За пышным титулом «великий князь московский, новгородский и владимирский» реально скрывалось не так уж много.

Постепенно претензии Дмитрия-внука на власть росли. Он все чаще пользовался титулом великого князя «всея Руси» (ранее в грамотах он именовался просто великим князем)[3] Но в 1499 г. Дмитрий был устранен от реального управления страной. В актах этого года

нет сведений о его участии в судопроизводстве. Падение влияния Дмитрия-внука, судя по дипломатическим материалам, определилось в середине 1499 г., хотя формально он продолжал считаться соправителем[4]. Ясных сведений о судьбе княжича Василия в 1498 г. нет.

Внешнеполитическая ситуация складывалась в то время следующим образом. 1497 год прошел сравнительно спокойно. В феврале 1498 г. в Москву вернулся после завершения миссии в Стамбуле М. А. Плещеев. Надежды на установление союзнических или добрососедских отношений с могущественной Оттоманской Портой окрепли, хотя окружение султана было недовольно упорным стремлением Плещеева соблюдать предписанный ему в Москве ритуал, не соответствовавший церемониалу, принятому при султанском дворе. Успешно развивались и московско-крымские отношения. В августе 1498 г. в Крым было отправлено посольство кн. С. В. Ромодановского. Иван III сообщал крымскому хану, что он может рассчитывать на него в случае войны с Литовским княжеством. Развивались нормально и отношения со Стефаном. Весной 1498 г. в Молдавию отправилось посольство Ф. Аксентьева. В 1498 г. велись переговоры и между Менгли-Гиреем и Стефаном[5].

Зато с Литвой все было неопределенно. Летом 1497 г. в ответ на сожжение Бряславля польский король Ольбрахт и литовский великий князь Александр Казимирович организовали большой поход против Стефана Молдавского[6]. Узнав об этом, 19 августа Иван III послал в Литву П. Г Заболоцкого и Ивана Волка Курицына с требованием, чтобы Александр «не рушил докончания» с Русью и в походе не участвовал[7]. Из-за противодействия «панов» Александр вернулся восвояси, но отправил с Ольбрахтом С. П. Кишку, кн. С. И. Стародубского и В. И. Шемячича. Осада молдавской столицы Сучавы привела только к разгрому польских войск в конце октября. Ольбрахт «едва утече» к русским князьям (которые в бою так и не участвовали) и вернулся «с великим срамом». Побито было до 40 тыс. человек[8].

В феврале 1498 г. в Литву направлен был И. И. Телешов с жалобами на задержку русских послов, возвращавшихся из Стамбула. В марте прибыл литовский посол Василий Бокей, который изложил жалобы на

действия «слуг» Ивана III князей Воротынских. Посольство кн. В. В. Ромодановского (март 1498 г.)[9] должно было подтвердить верность России договору 1494 г. и добиться признания за Иваном III титула великого князя «всея Руси». Иван III просил также Александра Казимировича, собиравшегося, по слухам, «ити ратью» на Стефана, воздержаться от похода. Посольство было безрезультатно. От признания титула «всея Руси» литовский великий князь уклонился. Зато, очевидно, именно из польско-литовских кругов проникло в Западную Европу наименование России «Московией», которое как бы ограничивало претензии Ивана III на все русские земли, под чьим бы суверенитетом они ни находились[10]. Не успел кн. Ромодановский вернуться в Москву, как он был «пойман» вместе с тверитином Андреем Коробовым.

Весной 1498 г. в Стокгольм к датскому королю Иоганну отправилось посольство, посетившее летом 1498 г. и Копенгаген. Иван III добивался возврата карельских погостов, на что Иоганн (теперь уже шведский король) не склонен был соглашаться. Союз с Иоганном Иван III хотел закрепить браком княжича Василия с дочерью короля Елизаветой[11].

Положение Польши и Литовского княжества было много тяжелее. Весной 1498 г. османские войска опустошили Подолье и Галицию, уведя в полон до 100 тыс. человек. Летом в нападении принимал участие и Стефан. Осенью последовало новое вторжение войск Баязида. Для обсуждения мер борьбы с османской угрозой летом в Польше побывали послы Владислава Ягеллона. В блок против османов вошел и Стефан, но союзником он был ненадежным. Надежда Ивана III на прочный союз с ним поэтому не оправдалась. Это, конечно, подрывало его доверие к дочери Стефана — Елене. Все эти события происходили в обстановке непрекращавшихся взаимных обид и жалоб Ивана III и Александра. В июле 1498 г. в Литву направился посол А. Голохвастов. Он должен был указать на недопустимость грабежей, которым подвергались русские купцы. Со своей стороны литовский посол С. Кишка жаловался на обиды, чинимые Литовскому княжеству союзниками Ивана III — Менгли-Гиреем и Стефаном[12].

В январе 1499 г. резко обострилась ситуация в самой России. Официальный летописный свод (редакции

1508 г., сохранившейся в своде 1518 г.) сообщает: «В лето 7007-го генваря князь великии велел поимати бояр своих, князя Ивана Юриевичя з детми, да князя Семена Ивановичя Ряполовского; и велел казнити князя Семена Ивановичя Ряполовского, отсекоша ему главу на реце на Москве, пониже мосту, февраля 5, во *вторник; а князя Ивана Юриевичя* пожаловал от казни, *отпустил* его в черньци к Троици, а сына его, князя *Василя Ивановичя Кривого*, отпустил в монастырь в Кирилов на Белоозеро». Вскоре после этого, «марта 21, в четверк, пожаловал князь великии Иван Василевичь всея Русии сына своего, князя Василия Ивановича, нарекл его государем великим князем, дал ему Великыи Новгород и Псков, великое княжение»[13].

В продолжении Хронографа редакции 1512 г. сразу же после сообщения о коронации Дмитрия следует текст: «Велел князь великий поимать бояр своих, князя Ивана Юрьевича з детми, да зятя его, князя Семена Ряполовского, велел казнити, головы ссечи, а князя Ивана да сына его, князя Василья, в чернцы отпустил лета 7007-го генваря. Того же лета князь велики Иван пожаловал сына своего князя Василья, а нарек его великим князем и дал ему Новгород Великий и Псков»[14]. В данном случае известие Хронографа восходит к своду 1508 г. (или одному из сходных).

Близок к своду 1508 г. и текст Вологодско-Пермской летописи. После краткой записи о том, как Иван III в феврале 1498 г. «посади на великое княжение внука своего, князя Дмитрея Ивановича», идет сообщение о «поимании» кн. Ивана Юрьевича с детьми и о казни кн. Семена Ряполовского. Различия сообщений Вологодско-Пермской, Уваровской и сходных летописей сводятся к следующему: в ВПЛ нет точной даты событий; в ней говорится, что Патрикеевых «упросил... у смертные казни митрополит Симан да владыкы»; имеется добавление, что Патрикеевых повелено было «на Москве постричи в железех»; весь рассказ завершает новая запись: «Того же лета, апреля, поимал князь великий Иван Васильевич князя Василья Ромодановского да Ондрея Коробова тферитина»; пожалование Новгородом сына Ивана III — Василия датируется 29 июня[15].

В Типографской летописи запись о «поимании» очень лаконична и идет после сообщения о казни В. Гу-

сева: «Лета 7000 седьмаго поимал князь великый кня-
Ивана Юрьевича да его детеи, князя Василья, да князя Ивана, да зятя его, князя Семена Ряполовского, месяца генваря 31 день, и стят бысть князь Семен Ряполовский месяца февраля 5 день на память святыа мученици Агафьи»[16]. Здесь о поставлении Василия Ивановича на великое княжение новгородское нет ни слова, но точно датируется арест Ряполовского и говорится о том, что он был зятем И. Ю. Патрикеева. В Устюжском своде только сказано: «В лета 7006. Князь великий Иван Васильевичь поимал в ызмене князя Ивана Юрьевичя и сына его, Василья Косово, да князя Семена Ивановичя Ряполовского». Сходны записи и в кратких летописцах[17]

Причин опалы князей Ряполовского и Патрикеевых источники не излагают. Правда, в грамоте Ивана III русским послам (май 1503 г.) содержится предупреждение: вы бы во всем себя берегли; а не так бы есте чинили, как князь Семен Ряполовский высокоумничал [с] князем Васильем, княжим Ивановым сыном Юриевича». Иван III имел в виду посольство С. И. Ряполовского и В. И. Патрикеева в Литву, завершившееся заключением мирного договора и браком литовского великого князя Александра с дочерью Ивана III Еленой. В чем состояло «высокоумничанье» (своеволие) Ряполовского, можно только догадываться. Глухие сведения о казни С. И. Ряполовского и пострижении В. И. Патрикеева приводит А. Курбский. Наконец, Степенная книга отмечает, что 21 марта 1499 г. Иван III «нарек... государем и великим князем» сына Василия, и далее сообщает: «Малым бо пред сим, яко за два лета, некоих ради людьских крамол, гнев имея на них... Потом же великий князь испыта подробну вся преже бывшая крамолы, их же ради повеле князя Симиона Ряполовскаго казнити смертным посечением. Князя же Ивана Юрьевича и сына его князя Василья Косово для моления митрополича и владык милость над ним сотвори: смерти не предастъ их. И отпущени бывше и во иноческий чин облекошася, богоугодно поживе в разная времена и к богу отидоша»[18] Итак, в Степенной книге возвышение Василия и казнь Ряполовского тесно связаны между собой.

В духе Степенной книги интерпретировали события Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев. Последний писал:

«Летописцы говорят глухо, не объявляют, в чем состояли крамолы, измена Патрикеевых и Ряполовского; но нет сомнения, что эта измена и крамолы состояли в действиях их против Софии и ее сына в пользу Елены и Димитрия внука». Против подобной оценки событий выступил Я. С. Лурье, отвергающий сообщение Степенной книги как позднейшее, считая, что оно возникло тогда, когда нужно было приписать Вассиану Патрикееву близость к давним врагам Василия III. Поэтому Лурье не видит связи между опалами 1499 г. и известием о приближении княжича Василия. Он обращает внимание на то, что «в начале княжения Василий III оказывал покровительство Патрикееву», но, по его мнению, опала на Патрикеевых вообще не связана с возвышением Василия Ивановича. О причинах ее он не пишет, ссылаясь только на посольские дела [19].

Приведя сведения о длительной связи Патрикеевых с московским великокняжеским домом, Л. В. Черепнин обратил внимание на участие И. Ю. и В. И. Патрикеевых в 1495—1499 гг. в решении поземельных споров и пришел к выводу, что «в выработке проекта Судебника 1497—1498 гг. Патрикеевым принадлежала основная роль». Причины их опалы Черепнин связывал с «намечавшейся русско-литовской войной». Это важное наблюдение он подкрепляет сведениями о том, что «И. Ю. Патрикеев являлся сторонником русско-литовского сближения». Патрикеевы, по его мнению, «принадлежали к партии Елены Стефановны, высказывавшейся против войны с Литвой. В рецензии на книгу Черепнина автор этих строк считал Патрикеевых «противниками централизаторской политики Ивана III» и их падение объяснял «борьбой Ивана III против реакционного боярства», т. е. против сторонников Дмитрия-внука [20]. Эта характеристика, данная в 1952 г., в настоящее время представляется ошибочной.

Гипотезу Я. С. Лурье принял К. В. Базилевич, хотя прямо на него не ссылался. Опалу на Ряполовского и Патрикеевых, «убежденных сторонников примирения и сближения с Литвой», Базилевич также не связывал с династической борьбой. По его мнению, в лице этих княжат «Иван III встретил оппозицию своим планам, касавшимся вооруженной борьбы за русские земли с литовским господарем». В рецензии на книгу Базиле-

вича И. И. Смирнов отстаивает версию Степенной книги, считая, что «князья Ряполовские и Патрикеевы представляли собою самые верхи феодальной аристократии», которые «рассчитывали использовать малолетнего внука Ивана III — Дмитрия для захвата власти в свои руки». Подробный рассказ Степенной книги, по его мнению, раскрывает то, что «стремились скрыть ранние летописные своды». Он иллюстрирует свою мысль ссылкой на аналогичный рассказ о боярском мятеже 1553 г. Царственной книги позднейшего (сравнительно с Никоновской летописью) происхождения. Смирнов не считает слишком большую самостоятельность и Ряполовского, и Патрикеевых в дипломатических делах причиной их опалы: казнь С. И. Ряполовского в 1499 г. не могла быть карой за «высокоумничанье», допущенное пять лет назад, в 1494—1495 гг.[21]

Н. А. Казакова, как и И. И. Смирнов, считает, что «не доверять рассказу Степенной книги... нет никаких оснований». В умолчании летописей первой половины XVI в. о связи дела Патрикеевых с борьбой партий при дворе Ивана III она видит «влияние заинтересованных лиц», в руках которых «находилась власть и волей которых определялись в значительной степени содержание и направленность летописных известий». Но вряд ли можно придавать такое значение источнику, составленному спустя 60 с лишним лет после событий. Текст Степенной книги представляет собой простое осмысление ранних летописных рассказов; он не дает новых деталей, которые бы свидетельствовали об использовании авторами не дошедших до нас источников. Мысль Казаковой о связи Ряполовского и Патрикеевых с окружением Дмитрия-внука заслуживает внимания. «Опала Патрикеевых — Ряполовских,— пишет она,— была данью возвышающемуся Василию, но публичное объявление о причинах опалы (выступление Патрикеевых и Ряполовских в 1497 г. против Василия на стороне Дмитрия) могло бросить тень политического подозрения на Дмитрия» и поэтому не попало в летописи, составленные в 1500 г., до опалы Дмитрия. Отсутствие причин опалы в поздних летописях Казакова объясняет тем, что они писались тогда, когда Вассиан Патрикеев стал фаворитом великого князя и напоминать о былой враждебности Патрикеевых Василию было неудобным[22].

Последнее звено построения Н. А. Казаковой рушится уже потому, что в основе Уваровской летописи находится летописный свод 1508 г., составленный в ту пору, когда Вассиан еще не пользовался покровительством Василия III. Летописец просто отредактировал текст записи 1499 г., не внося в него новых подробностей[23]. Казакова привела материал, говорящий о близости Патрикеевых к Федору Курицыну, лидеру группировки Дмитрия-внука. Так, Ф. Курицын ездил вместе с С. И. Ряполовским и В. И. Патрикеевым в мае 1494 г. в Литву для переговоров о мире. Он, как и Патрикеевы, принимал литовских послов в августе 1494 г. В 1497 г. Курицын и Патрикеевы присутствовали на отводе земель, промененных Иваном III волоцким князьям Федору и Ивану Борисовичам[24]. Отмечает Казакова и следы влияния еретической идеологии на творчество Вассиана Патрикеева. Основной причиной опалы Патрикеевых, по ее мнению, «явилось участие их в династической борьбе на стороне Дмитрия»[25].

«Династический кризис» привлек внимание видного английского исследователя Д. Феннела. Вслед за рядом советских исследователей он, как и Дж. Файн, отвергает показание Степенной книги как источник для выяснения существа событий 1499 г.[26] Феннел не считает достаточными сведения о близости Патрикеевых и Ф. Курицына, чтобы говорить об их поддержке Елены и Дмитрия во время династического кризиса. Приведенные Л. В. Черепниным данные о поддержке Патрикеевыми борьбы Василия II и Ивана III с их удельными противниками также, по его мнению, не дают еще материала для характеристики их позиций во время событий 1497—1499 гг. В конечном счете Феннел делает неожиданный вывод, что Ряполовский и Патрикеевы симпатизировали оппозиции, возглавленной Софьей и княжичем Василием, а их опала в 1499 г. — удар по группировке Софьи Палеолог.

Доводы Д. Феннела следующие. Василий Иванович, взойдя на престол, приблизил к себе Вассиана Патрикеева. Мог он, следовательно, симпатизировать ему и раньше. Но приближение Вассиана произошло не в начале правления Василия III, а около 1510 г., т. е. после разрыва великого князя с иосифлянами. Факт, на который ссылается Феннел, говорит против его по-

строения: Вассиан в первые годы княжения Василия III находился в опале. Второй его довод заключается в том, что за опальных в 1499 г. ходатайствовал митрополит Симон, а поскольку он был противником еретиков, то должен был поддерживать Софью и Василия. С Симоном обстоит дело не так просто. В 1498 г. Симон «благословил» Дмитрия на великое княжение. В январе 1499 г. по его же «благословению» Иван III секуляризировал земли в Новгороде. Близость Симона к группировке Дмитрия-внука, казалось бы, несомненна. Он подтвердил и духовную И. Ю. Патрикеева. Но это только на первых порах. На соборе 1503 г. Симон решительно выступил в защиту монастырского землевладения. В 1504 г. он возглавлял собор, который осудил еретиков. Послание Симона о соблюдении соборного приговора написал Иосиф Волоцкий[27] Митрополит покровительствовал волоцкому игумену и позднее, до ухода с кафедры (1511 г.). Во всяком случае ясно, что для характеристики позиции Симона в 1499 г. нельзя привлекать сведения 1503—1511 гг., относящиеся к совершенно иной политической обстановке. Колебания митрополита отражали изменения в соотношении сил при дворе.

Есть одно сообщение, заслуживающее специального анализа,— это рассказ Типографской летописи и свода 1497 г. о том, как Иван III призвал к себе митрополита и епископов и начал просить «у них прощениа о своем брате, князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею, его уморил». Л. В. Черепнин обратил внимание на недописанную в летописи фразу «Того же лета Симону-митрополиту», помещенную после записи о Судебнике и перед рассказом о «челобитьи» Ивана III. Сопоставив ее с митрополичьим формулярником, он высказал предположение, что «митрополит Симон имел основания ходатайствовать в 1497 г. перед Иваном III за лиц, замешанных в заговоре детей боярских»[28]. Предположение интересное, но нуждающееся в дополнительных доказательствах. Во всяком случае позицию Симона в 1497—1499 гг. нельзя считать провасильевской. Она была более аморфной.

Последний довод Феннела — это казнь кн. В. В. Ромодановского, происшедшая месяц спустя после опалы на Патрикеевых и С. И. Ряполовского. Отец последнего, Иван Андреевич Ряполовский, был родным братом

деда Ромодановского — Федора Андреевича Стародубского. Сам же В. В. Ромодановский служил одно время боярином князя Михаила Андреевича Верейского, а сын последнего — Василий был женат на племяннице Софьи Палеолог. В 1484 г., опасаясь ареста, он бежал в Литву[29] К сожалению, интересное наблюдение Феннела не имеет однозначного объяснения, ибо неизвестно, что послужило причиной опалы Ромодановского. Одновременное «поимание» «тверитина» Андрея Коробова, может статься, говорит о протверских симпатиях Ромодановского, а отсюда о близости Коробова и Ромодановского к Дмитрию-внуку.

Казнь В. В. Ромодановского — одно из следствий отказа от мирной политики по отношению к Литовскому княжеству, сторонником которой он, очевидно, являлся. В феврале 1495 г. Ромодановский был отправлен в качестве боярина в Литву вместе с дочерью Ивана III и Софьи — Еленой. Посольство возглавлял С. И. Ряполовский. Вернулся Ромодановский осенью того же года. В марте 1498 г. его снова направили с посольством в Литву. Попытка упрочить мирные русско-литовские отношения не увенчалась успехом. В разрядах есть запись, помещенная под сентябрем 7007 (1498) г. о походе к Казани[30]. После нее дан разряд, в котором перечислены четыре воеводы: С. И. Ряполовский, В. В. Ромодановский, С. Карпов, А. Коробов, что свидетельствует о близости Ромодановского и Коробова к Ряполовскому. Сохранил ли Ромодановский старые семейные связи с Софьей в 90-е годы, сказать трудно. Итак, попытку Феннела включить С. И. Ряполовского и Патрикеевых в состав окружения Софьи Палеолог нельзя считать удачной[31].

С. М. Каштанов считает, что в основе рассуждения Я. С. Лурье о Степенной книге лежит «теоретически неприемлемая посылка о бóльшей достоверности ранних источников по сравнению с поздними, хотя нередко бывает и наоборот»[32]. Конечно, сведения любого позднего памятника могут оказаться достоверными, если будет выяснен их источник, который мог быть осведомлен о происшедшем в далекие от позднего памятника времена. В общей же форме прав Лурье, ибо обычно показания современников заслуживают предпочтения. Но опираться на Степенную книгу, каким бы соблазнительным ни казалось ее известие, все же нельзя, ибо

нет оснований считать, что по интересующему нас поводу памятник обладал каким-то «особым» (древним) источником информации. Каштанов, доверяя показаниям Степенной книги, примыкает к тем исследователям, которые связывают Патрикеевых и Ряполовского с Дмитрием-внуком. Думается, что для этого есть достаточно данных помимо Степенной книги. П. Нитше подчеркивает, что летописи не связывают опалу Патрикеевых с династической борьбой[33].

Вслед за К. В. Базилевичем и другими исследователями А. Л. Хорошкевич считает, что причина опалы Патрикеевых и Ряполовского «не перипетии династической борьбы, а неудача во внешней политике России по отношению к Великому княжеству Литовскому». Опальные княжата, по ее мнению, принадлежали к окружению Елены и были сторонниками замирения с Литвой. Их вина состояла в том, что они в 1494 г. не смогли (из-за простой оплошности) закрепить за Иваном III титул государя «всея Руси» в грамоте о «греческом законе» Елены (хотя в проекте он содержался). Ромодановский пострадал также потому, что в 1498 г. не добился признания Александром этого титула[34]. Соображения Хорошкевич заслуживают внимания, но не исчерпывают всех причин опалы князей.

Биография князей И. Ю. и В. И. Патрикеевых достаточно обстоятельно изучена Л. В. Черепниным и Н. А. Казаковой. Это были крупные политические деятели, близко стоявшие к великокняжескому престолу, решительные сторонники укрепления власти государя. Достаточно вспомнить, что накануне падения (в 1498 г.) И. Ю. Патрикеев был фактическим главой Боярской думы. Биография кн. С. И. Ряполовского изучена хуже. Известны два князя Семена Ивановича Ряполовских. Один носил прозвище Хрипун, другой — его племянник. Казнен был последний. В литературе обычно оба Семена Ивановича смешиваются[35].

Семен Хрипун еще в 1446 г. выступал верным сподвижником Василия Темного в борьбе с его противниками. Известия о нем идут до конца 70-х годов[36]. Боярином он никогда не был, ибо сохранял остатки суверенных прав в Стародубе. Иное дело — племянник Семена Хрипуна. Впервые он появился на исторической сцене около 1467—1474 гг. с прозвищем Моло-

дой как послух в грамоте влиятельного боярина В. Б. Тучко-Морозова. В казанском походе 1487 г. он возглавлял передовой полк и находился на Вятке. До 19 августа 1491 г. выступает душеприказчиком у А. М. Плещеева. В том же году именно ему поручили «поимать» князя Андрея Углицкого, а кн. В. И. Патрикееву — детей опального брата Ивана III. Содружество с В. И. Патрикеевым продолжалось и далее. В 1494 г. они неоднократно ездили в Литву для переговоров о заключении мирного договора и его ратификации. В том же году Семен Молодой упоминается впервые и как боярин, что связано с выполнением им важных государственных поручений. В 1495 г. был в Новгороде в составе двора Ивана III. В 1496—1498 гг. он — участник крупных военных акций против Казани. В хронографическом списке бояр 1498 г. Семен Молодой назван четвертым по счету. В 1497/98 г. покупал земли в Суздальском уезде. Женат был на дочери кн. И. Ю. Патрикеева[37] Карьера С. И. Ряполовского, сумевшего за 12—13 лет превратиться в крупнейшего политического деятеля, типична для временщиков. Ее печальный конец также не является исключением из общего правила.

Обращает внимание еще один факт. В 1498 г. влияние группировки Патрикеевых в Боярской думе было, можно сказать, определяющим (5 бояр из 12). К ней принадлежали кроме И. Ю. и В. И. Патрикеевых и С. И. Ряполовского князья Д. В. Щеня и И. В. Булгак, вскоре умерший. Остальные члены Думы происходили из княжат ярославских (Семен Романович, Д. А. Пенко) и оболенских (П. Нагой и А. В. Оболенский) и из старомосковской нетитулованной знати (Яков и Юрий Захарьичи и А. Ф. Челяднин).

Историю падения С. И. Ряполовского и Патрикеевых обычно начинают с событий, происшедших задолго до 1499 г.,— с участия этих вельмож в заключении русско-литовского мира 1494 г. В том, что Ряполовский и Патрикеевы были решительными сторонниками литовско-русского сближения, как будто сходится большинство исследователей. Потомок Ольгерда — И Ю. Патрикеев и его друзья пользовались доверием литовских послов[38]. В 1503 г. Иван III возмущался

«небрежением нашему имени», допущенным Ряполовским и В. И. Патрикеевым, т. е., по мнению великого князя, его уполномоченные могли добиться большего успеха (в первую очередь территориальных и престижных уступок) во время переговоров. Однако в начале XVI в. Иван III смотрел на условия мира иначе, чем при его заключении в 1494 г. В 1495—1498 гг. положение Патрикеевых и Ряполовского при дворе было еще достаточно прочным. Как отмечалось, С. И. Ряполовский и В. В. Ромодановский сопровождали в Литву Елену Ивановну. В октябре 1495 г. С. И. Ряполовский, М. Я. Русалка-Морозов и В. И. Патрикеев отправились вместе с великим князем в Новгород. В январе — марте 1496 г. В. И. Патрикеев и А. И. Коробов участвовали в походах против «свейских немцев». В августе там же находился и В. В. Ромодановский. С. И. Ряполовский в мае 1496 г. отправлен был под Казань [39].

Попытка решить вооруженной силой давнишний спор со Швецией была оборотной стороной заключения мира с Литовским княжеством и договора о союзе с Данией (1493 г.). Н. В. Синицына обратила наше внимание на деятельное участие в войне со Швецией В. И. Патрикеева (он фактически руководил всеми русскими силами, осаждавшими Выборг). Это, по ее мнению, свидетельствует о том, что Патрикеевы активно поддерживали программу мира с Литовским княжеством и войны со Швецией, т. е. были близки к группировке Елены Стефановны и Дмитрия-внука [40]. В мае 1496 г. С. И. Ряполовский, А. И. Коробов и другие воеводы выполняли важные поручения Ивана III. Они были посланы с войском под Казань оказать помощь Мухаммед-Эмину. В сентябре они выехали в Москву [41]. В июне 1497 г. отец и сын Патрикеевы вместе с Ф. Курицыным присутствовали на обмене земель Ивана III волоцкими князьями Федором и Иваном Борисовичами. Около февраля 1498 г. И. Ю. Патрикеев «Москву держал», т. е. был московским наместником [42].

Вопрос об участии В. И. Патрикеева в решении поземельных споров представляется очень сложным. Правые грамоты, упоминающие «князя Василия Ивановича», не имеют точной датировки. В то время жили три князя Василия Ивановича, которым могла принадле-

жать высшая судебная санкция. Это — сын Ивана III, В. И. Патрикеев и В. И. Голенин (последний разбирал поземельные споры главным образом в начале XVI в.). Поэтому придется разобрать все акты, имеющие отношение к их деятельности. «По грамоте княж Васильева Ивановичя» один суд по земельным делам московской митрополии вершил С. Д. Кроткого. Речь здесь идет о сыне Ивана III, «ибо судья рекся доложити государя великого князя... и перед князем Василием Ивановичем судья Семен Данилов список положил». Вторая подпись на грамоте сделана великим князем Дмитрием в марте 1498 г. Грамота 1495—1499 г. суда кн. Василия Ивановича также имеет в виду, очевидно, сына Ивана III, а не В. И. Патрикеева, ибо у него на суде были бояре кн. Иван Юрьевич (Патрикеев) и Юрий Захарьич[43]: отец не мог быть «судным мужем» на процессе, разбиравшемся его сыном.

В архиве Троице-Сергиева монастыря встречаются акты с прямой ссылкой на В. И. Голенина. Так, в меновной от декабря 1499 г. на земли Московского уезда упоминается «писец великого князя князь Василий Ивановичь». В. И. Голенин проводил описание московских земель как раз в этом году. В судном списке 1499—1502 гг. называется судья «писец князь Василий Ивановичь Голенин». Грамота докладывалась великому князю «всеа Русии» Василию Ивановичу. В. И. Голенин назван и в актах 1503—1504 гг. В одном подтверждении акта И. А. Голубцов отождествил судью «князя Василия Ивановича» с В. И. Голениным, исходя из того, что акт относился к Переславскому уезду, где в 1504 г. Голенин был писцом. Но в 1504 г. уже не было в живых Ф. Курицына, который вместе с кн. Василием Ивановичем подписал подтверждение. С. М. Каштанов убедительно доказал, что речь должна идти о княжиче Василии[44].

Целую группу грамот, датированных 1495—1499 гг.[45], И. А. Голубцов связал с В. И. Патрикеевым. Однако определенных данных для этого нет: речь может идти и о сыне Ивана III[46] (например, в грамоте от апреля 1496 г. о размежевании ярославских земель[47], явно выданной будущим Василием III). Три ярославские грамоты около 1495—1497 гг.[48] непосредственно связываются с ним. Так, в двух из них прямо говорится,

что «судья рече доложити государя великого князя», а далее речь идет о кн. Василии Ивановиче. Великим князем мог быть назван только княжич Василий. Кн. Василия Ивановича, руководившего отводом на Белоозере в 1492 г., И. А. Голубцов отождествляет с Голениным, составлявшим там писцовые книги. Однако С. М. Каштанов установил, что и в данном случае речь идет о княжиче Василии[49]. Нет достаточных оснований связывать с Патрикеевым и грамоту 1497—1498 гг. на суздальские земли[50]. Итак, можно с уверенностью сказать, что в решении поземельных споров В. И. Патрикеев, как и С. И. Ряполовский, в 1495—1498 гг. участия не принимал. Эти молодые и энергичные деятели проводили тогда большую часть времени в походах, посольствах, при дворе, а не занимались разбором поземельных кляуз.

Данные о судопроизводственной деятельности И. Ю. Патрикеева, московского наместника, многочисленны[51]. Атмосфера секуляризационных мероприятий Ивана III, бесспорная причастность к ним И. Ю. Патрикеева подкрепляют гипотезу о близости к кругу Дмитрия-внука Патрикеевых и Ф. Курицына, являвшегося одним из вдохновителей великокняжеской политики в 90-е годы XV в.

Есть еще одна нить, позволяющая распутать сложный клубок окружения Патрикеевых. В одном летописце помещены лаконичные сведения о том, что в Кирилловом монастыре «постригся Майков друг Иван Гаврилов сын Заболотскаго» и что в 1502—1503 гг. «Нилов брат Андрей преставися». Так как фамилия Нила Сорского была Майков («Нил пореклу Майков»), а известного дьяка Ивана III — Майка звали именно Андреем, то исследователи делают естественный вывод, что Нил был братом Андрея Майкова («родом от великого града Москвы скорописец, рекше подъячий»). Андрей Федорович Майко — один из старейших государевых деятелей при дворе Ивана III. Он начал карьеру в качестве дьяка в последние годы правления Василия Темного и некоторое время находился в окружении его вдовы княгини Марии. В поземельных делах редко принимал участие, зато принадлежал к наиболее видным дьякам Боярской думы. Вместе с Ф. Курицыным участвовал в литовских переговорах 1494 г., ездил с миссией в Литву в 1495 г. и занимался решением ли-

товских дел вплоть до 1501 г. В 1497 г. решившись посмертно восстановить добрую память кн. Андрея Васильевича, Иван III послал к митрополиту как своих доверенных лиц боярина Дмитрия Владимировича и Андрея Майка [52]

Не менее интересна фигура И. Г Заболоцкого. Во второй половине XV в. Заболоцкие принадлежали к высшей московской знати. Двоюродный дядя Ивана Гавриловича — Григорий Васильевич Заболоцкий был боярином в первые годы правления Ивана III [53]. Его дети исполняли важные правительственные поручения. Константин ездил в августе 1492 — апреле 1493 г. с посольством в Крым [54]. В 1493 г. к князю мазовецкому Конраду был отправлен третий из братьев — Василий (Асанчук) [55]. В июле 1498 г. для ведения переговоров «с немцами» ездил К. Г Заболоцкий и Волк Курицын. Петр и Василий принимали участие в приемах литовских послов в 1494 г., а Константин и Алексей — в январе 1495 г. Получив чин окольничего, Петр Заболоцкий в 1495 г. сопровождал княгиню Елену в Литву, а затем вместе со своими братьями Василием и Алексеем — Ивана III в Новгород, в августе 1497 г. был отправлен послом к Александру. Позднее (1498—1499 гг.) П. Г Заболоцкий был послан писцом во Владимир и тогда же судил поземельные дела. Его брат Константин в 1497—1498 гг. описывал Юрьев и также в конце XV в. судил поземельные споры. В 1490—1491 гг. их троюродный брат — Василий Михайлович Чертенок-Заболоцкий описывал Ростов и тоже выступал судьей. Дети боярские Петр Федорович Черленого и Иван Александрович Данилов Заболоцкие находились в свите Елены в 1495 г. [56]

Следовательно, это были представители все той же придворной знати (к которой принадлежали Ряполовский и Патрикеевы), занимавшиеся решением важнейших внешнеполитических и внутренних задач. Заболоцкие были связаны с Ряполовским и Патрикеевыми не только совместной службой при дворе, но и дальним родством. Так, двоюродный брат С. И. Ряполовского — Василий Мних был женат на дочери Ивана Ивановича Заболоцкого (троюродной сестре боярина Григория Васильевича Заболоцкого). Деятельность Василия Асанчука обрывается в 1499 г., т. е. тогда же, когда был казнен С. И. Ряполовский. Константин Гри-

горьевич стал окольничим в 1503 г., умер после 1512 г.[57]

Заслуживает внимания следующий момент. 14 марта 1499 г. Иван III выдал грамоту митрополичьему дому на беспошлинный провоз рыбы по территориям, среди которых были Белоозеро и Переславль, подсудные Дмитрию Ивановичу в 1498 г.[58] Таким образом, в год возвышения княжича Василия и опалы Ряполовского и Патрикеевых правительство Ивана III сокращало объем земель, на которые распространялись полномочия Дмитрия-внука.

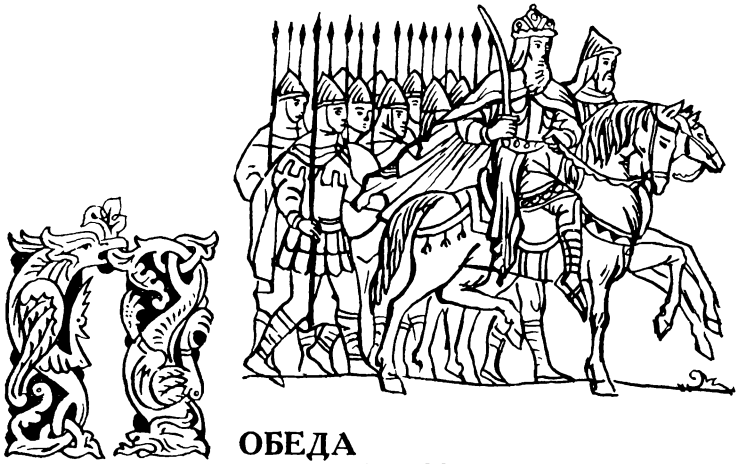
Итак, в 90-е годы XV в. именно С. И. Ряполовский, Патрикеевы и их окружение (Заболоцкие, дьяк Ф. Курицын, Андрей Майко) осуществляли курс политики Ивана III. Его кульминацией была коронация Дмитрия-внука в 1498 г. Падение С. И. Ряполовского и Патрикеевых означало поражение той политической линии, за осуществление которой боролись Ф. Курицын и его сподвижники.

Но вернемся к анализу рассказа свода 1508 г. о событиях 1499 г. В распоряжении исследователей есть более ранний вариант летописной записи (1499 г.), составленный до окончательного торжества княжича Василия. Свод 1539 г. (представленный списком Дубровского и некоторыми другими) сохранил текст великокняжеского свода 1500 г.[59] Известия о казни С. И. Ряполовского и опале Патрикеевых, о пожаловании Василия Ивановича хотя и помещены здесь ошибочно под 7001 г., но сохранили наиболее раннюю (конца XV в.) версию великокняжеского летописания, которая позднее подверглась тщательному редактированию[60]. Так, в редакции 1508 г. опущены наименование И. Ю. Патрикеева «московским наместником» и известие о том, что митрополит Симон «печаловался за опальных». Важно замечание свода 1500 г. о том, что в 1499 г. Иван III Василию Ивановичу «вины... отдал». Я. С. Лурье справедливо полагает, что «трактовка опалы Василия в 1497—1498 гг. как заслуженного наказания за «вину» могла иметь место в официальной летописи только до 1500—1502 гг. (когда Дмитрий был лишен звания великого князя Московского и всея Руси и наследником стал Василий)»[61].

Но не менее существенны еще два обстоятельства. В своде 1539 (1500) г рассказ о пожаловании Василия идет непосредственно за сообщением об опале на

Ряполовского и Патрикеевых, тогда как в Уваровской и сходных летописях он перебивается другими сведениями. Следовательно, позднее первоначальная связь событий была нарушена. В поздних летописях сняты детали, которые рисуют опальных в выгодном свете. После утверждения княжича Василия у кормила правления не поощрялась даже тень симпатии к опальным вельможам. Не случайно Иван III счел уместным сослаться на «дурной пример» «высокоумничанья» С. И. Ряполовского в 1503 г. Судьба рассказа 1499 г. в летописании начала XVI в. является еще одним доказательством того, что опала на Патрикеевых связана с возвышением княжича Василия и началом конца «эры Дмитрия-внука» при дворе Ивана III.

Непосредственная причина падения Ряполовского и Патрикеевых — крах политики умиротворения. Мирный договор 1494 г. не принес решения больной проблемы русско-литовских отношений. Значительная часть русских и белорусских земель продолжала оставаться в пределах Великого княжества Литовского. Задача их воссоединения в едином государстве отвечала насущным интересам России. В таких условиях после 1495 г. С. И. Ряполовский и Патрикеевы были фактически устранены от переговоров с князем Александром. Весь 1498 год, предшествовавший падению этих когда-то всесильных вельмож, наполнен русско-литовскими спорами, которые разрешились в конечном счете только новой войной. Таковы были обстоятельства, вызвавшие в 1499 г. падение С. И. Ряполовского и Патрикеевых и приход к власти Василия Ивановича.



ОБЕДА ПРИ ВЕДРОШИ

В 1498 г. Ивану III стала ясна неизбежность новой русско-литовской войны. Ее дипломатической подготовкой наполнен был весь 1499 год. Надо было попытаться добиться укрепления русско-датского союза, а при случае и вернуть карельские погосты. Весной 1499 г. в Данию прибыло посольство во главе с новгородским дворецким И. Волынским, Т Долматовым и дьяком Б. Паюсовым. В Москву в феврале 1500 г. прибыл датский посланник Енс Андерсон («каплан именем Иван»). 2 апреля посольство покинуло русскую столицу вместе с Юрием Старым Траханиотом и Т Долматовым и вернулось с датским послом Давыдом Кокеном в августе 1501 г. В 1499—1500 гг. обсуждался вопрос и о браке княжича Василия с датской принцессой Елизаветой, и о карельских погостах. Датский (он же шведский) король Иоганн не склонен был принимать окончательное решение по этим вопросам (а к тому же в феврале 1500 г. Елизавета была помолвлена с курфюрстом бранденбургским)[1]. Сложную дипломатическую игру вел в 1499 г. король Иоганн с Ливонским орденом, пытаясь лавировать между враждебными сторонами. Словом, переговоры с Россией затягивались.

Напуганная все возраставшим могуществом России,

Ливония разрабатывала план антирусской коалиции из Дании, Ганзы, Тевтонского ордена, Империи, Ватикана и, конечно, Польши. Реализовать эти планы не удалось. У Тевтонского ордена были свои счеты с Польшей. Датский король не хотел разрывать дружеских связей с Россией. Ватикан и Империя были заняты проектами создания антитурецкой лиги, в которую они надеялись вовлечь и Россию. Одновременно, чтобы помешать оснащению русской армии, в Ливонии принимаются решения о запрете продажи русским оружия, благородных металлов и даже лошадей[2].

Верным союзником Ливонии была Ганза, но она не имела реальных сил для участия в войне, а тем более с Россией. Таким образом, антирусскую коалицию создать не удалось. Когда же Александр Казимирович в 1500 г. предложил ливонскому магистру Плеттенбергу заключить военный союз против России, этот план не вызвал у него особого энтузиазма (памятно было стремление Ягеллонов подчинить Тевтонский орден). И только позднее, когда вопрос о войне с Россией был решен (январь 1501 г.), союзный польско-ливонский договор был подписан в Вендене (21 июня 1501 г.). Ливония бросила вызов России.

На восточных рубежах страны было тревожно. Весной 1499 г. силами русской рати из северных земель был совершен большой поход в Югорскую землю (на реку Сосьву и низовья Оби). В походе, совершенном на лыжах, участвовали также вымские князья Петр и Василий. Во время похода князь Петр был убит, но воеводам удалось привести вогуличей к «роте» (присяге). Поход прокладывал пути, по которым в дальнейшем началось интенсивное продвижение русских за Урал[3].

В марте 1499 г. пришла весть от Абдул-Летифа, что Мамуков брат Агалак вместе с Ураком (по слухам, до 80 тыс. человек) идут на Казань. В помощь казанскому царю двинута была рать кн. Ф. И. Бельского, кн. Семена Романовича Ярославского, Юрия Захарьича и кн. Д. В. Щени. Узнав о ее приближении, ногайцы бежали. В поисках полона и наживы осенью 1499 г. они появились под Козельском. Их действия не меняли общей картины взаимоотношений России со странами Востока, которые продолжали оставаться дружественными. В наполненном событиями марте 1499 г.

Москву посетило посольство из далекой Шемахи с предложением от Махмуд-султана «о любви». Особенное значение имело также упрочение отношений с Османским султанатом. В том же месяце к Баязиду выехало посольство А. Голохвастова с наказом закрепить добрососедские отношения с Портой, начало которым положила миссия М. А. Плещеева 1496 г. Иван III заверял султана в готовности установить дружественные отношения и разрешить беспрепятственные поездки турецких купцов на Русь. Но дальше заверений дело не пошло. «Россия и Турция, Иван III и Баязид,— писал К. В. Базилевич,— осторожно присматривались друг к другу, не давая никаких лишних обещаний» [4].

Наконец, в марте 1499 г. в «италийские страны» направили опытного дипломата Д. Ралева с дьяком М. Карачаровым (Венеция в том же месяце заключила мир с Турцией). Послы побывали в Неаполе и Венеции и 11 марта 1500 г. присутствовали на торжественной мессе папы Александра VI. Возвращались они в Москву в сопровождении большой группы пушечников, серебряников и крепостных дел мастеров. Но в Молдавии они были задержаны (из-за опалы Елены Стефановны) и попали на Русь только в ноябре 1504 г. [5]

Литовское княжество в 1499 г. предпринимало серьезные усилия, чтобы по возможности обеспечить себе прочные позиции в соседних странах. Согласно подписанной 24 июля 1499 г. Городельской унии, между Литовским княжеством и Польшей устанавливался «вечный союз» и определялся порядок избрания польских королей и великих князей литовских. Но практически эта уния дала Александру Казимировичу немногое. Занятая своими внутренними и внешними делами, Польша не могла оказать ему существенной поддержки в грядущей войне с Иваном III. Летом и осенью 1500 г. в пределы Польши совершали набеги татары, да и сам король собирался в поход против турок [6] Только союз с Ливонией и ногайским ханом Ших-Ахмедом мог принести некоторую оттяжку русских сил с литовской границы. Неустойчивым было и внутреннее положение Великого княжества, раздиравшегося противоречиями между группировками русской (православной) и литовской (католической) знати. Упорное сопротивление Елены Ивановны переходу в католичество вызвало раздражение руководства като-

лической церкви, усилившего притеснения православного населения Литовского княжества. Особенной рьяностью отличался епископ Иосиф, ставший в мае 1498 г. митрополитом киевским.

Подготовка к новой войне с Литовским княжеством проходила в обстановке постепенного усиления власти княжича Василия. 21 марта 1499 г. он провозглашается великим князем новгородским и псковским. В кругах, близких к новгородскому архиепископу, это известие, надо полагать, было встречено с ликованием. Еще бы! Власть в Новгороде переходила к сыну их верной союзницы в борьбе с ересью Софьи Палеолог. Соединение в один удел со своим старинным недругом Новгородом (означавшее к тому же потерю независимости) псковичи встретили отрицательно, послав весной бить челом Ивану III «и внуку ево Дмитрию Ивановичю, чтобы держали отчину свою в старине». Приезд Василия ожидался, по слухам, около 24 августа или около 30 ноября[7], но так и не состоялся. Иван III решил не жаловать Псковом Василия, а оставить все «по старине». В Пскове остался собственный князь (А. В. Оболенский). Не получил княжич Василий и титула великого князя «всея Руси»: его по-прежнему именовали просто великим князем.

Рассказ о пожаловании княжича Василия титулом великого князя Новгорода и Пскова помещен в летописях под 21 марта[8]. В Вологодско-Пермской летописи он датирован 29 июня. К этому тексту восходит и запись Краткого Погодинского летописца, помещенная под 29 июля. С. М. Каштанов считает, что речь идет о разных событиях, но тексты обоих вариантов очень близки[9]:

Свод 1518 г.	ВПЛ
Того же месяца, марта 21, в четверк, пожаловал князь великий Иван Василевичь всея Русии сына своего князя Василья Ивановича, нарекл его государем великим князем, дал ему Великыи Новгород и Псков великое княжение.	Того же лета, июня в 29, князь великии Иван Васильевич пожаловал своего сына князя Василья великим княжением, Новым городом и Пьсковом, и нарече его великим князем, и благословиша его митрополит Симан и епископи на великое княжение Новогороцкое.

Одним из источников сведений ВПЛ за 90-е годы было московское летописание[10]. Так что есть все осно-

вания считать и рассказ 1499 г. восходящим к записи официальных летописей от 21 марта 1499 г. Датировки же в ВПЛ часто сбивчивы (например, о казни С. И. Ряполовского говорится под 1497/8 г.).

Соображения С. М. Каштанова о том, что 29 июля Василий Иванович получил Новгород и Псков в княжение «вторично», основаны на известии об июльской поездке к Ивану III псковских послов с просьбой не назначать им Василия в князья. Но в грамоте 14 июля назван великим князем Дмитрий-внук[11] Назначение Василия новгородским князем само по себе не отменяло коронацию Дмитрия 1498 г. Во Пскове же решение 21 марта не было проведено в жизнь, а псковские посольства не имели отношения к Новгороду. Итак, Василий Иванович провозглашен был новгородским и псковским князем один раз — 21 марта 1499 г., но Пскова в княжение так и не получил.

Сохранилось глухое сообщение одного краткого летописца, что 29 июля 1499 г. Иван III предполагал дать уделы сыновьям Юрию (Дмитров) и Дмитрию (Углич). Государь стремился ценой уступок сыновьям сохранить баланс равновесия между двумя основными группировками при дворе. В письме ливонского магистра Вальтера фон Плеттенберга (конец января 1500 г.) сообщалось: «Великий князь московский со своими сыновьями находится во вражде; причина этого заключается в том, что он хотел своего внука иметь наследником в качестве великого князя, но это ему его собственные сыновья, которых он имеет от этой гречанки, не хотят разрешить. Эта вражда и неприязнь удерживает великого князя; иначе бы он давно напал на эту страну (Ливонию)»[12]. В целом (если исключить планы нападения Ивана III на Ливонию) картина нарисована правильно. Проект создания уделов в 1499 г. остался нереализованным. Война властно вмешалась в планы государя.

30 мая 1499 г. вяземский наместник кн. Б. М. Туреня-Оболенский переслал Ивану III из Смоленска известие, что там «стала замятня велика межи латыны и межи нашего христьянства... на православную веру». К тому же и Александр «неволил... великую княгиню Олену в латынскую проклятую веру». 6 июня в столицу прибыл литовский гонец дьяк Григорий Горе-

мыка с сообщением, что княгиня Елена больна. Посольство Станислава Кишки (август 1499 г.) сообщило, что, поскольку молдавский господарь прислал к Александру послов ради мира и дружбы, Польша и Литва берут на себя обязательство «боронить» нового союзника от султана. Литовский великий князь возмущался тем, что его тесть договаривается с Менгли-Гиреем о военных действиях против него. Русские представители (среди них казначей Дмитрий Владимирович, Ф. Курицын и другие дьяки) особенно досадовали на принуждение Елены перейти в католичество. Если судить по дипломатическим документам, то и в декабре 1499 г. ничто существенно не омрачало отношения между Иваном III и его зятем. 19 декабря он послал в Литву И. Г Мамонова с сообщением о письме Менгли-Гирея, в котором говорилось о его мирных переговорах с Литвой [13]. А тем временем происходили события, которые фактически означали переход к открытой конфронтации между Иваном III и Александром.

Все началось с отъезда к Ивану III кн. С. И. Бельского вместе с «отчиной» в конце 1499 — начале 1500 г. В грамоте Александру Иван III объяснял, что князя принуждали перейти в католичество («пришла нужа о греческом законе»). 12 апреля 1500 г. Бельский прибыл в Москву. На сторону Ивана III перешли Мценск и Серпейск. Обеспокоенный Александр в начале марта 1500 г. через посла, смоленского наместника С. Кишку, направляет своему тестю протест против того, что он взял на службу мценских бояр, серпян и кн. Семена. Но 23 апреля протест был отклонен [14].

В русских летописях рассказывается о начале войны под 1499/1500 г. Узнав о принуждении дочери к переходу в католичество, Иван III якобы послал с протестом в Литву кн. В. В. Ромодановского и дьяка В. Кулешина. Александр отвечал, что «его дщери к римскому закону не нудит». «После того» из-за религиозных притеснений перешел на русскую службу С. И. Бельский. В этом рассказе есть хронологическая неувязка: послы ездили в Литву в марте 1498 г., когда о «римском законе» и Елене речь не шла, а в апреле 1499 г. Ромодановский был «поиман» и в 1499/1500 г. послом быть не мог. Летопись излагала официозную версию, далекую от истины [15].

В апреле в Москву от князей Семена Ивановича Стародубского и Василия Ивановича Шемячича Новгород-Северского пришло известие, что они из-за гонений на православие хотят перейти на службу к Ивану III. Сразу же в Литву были направлены И. И. Телешов с сообщением об «отказе» государю северских князей и Афанасий Шеенок со «складной» (или «разметной») грамотой об объявлении войны Литовскому княжеству. Не ясно, зачем при полном разрыве дипломатических отношений было посылать Телешова с сообщением об «отказе» северских князей. Посольство вызвало в свою очередь посылку литовских представителей[16]. Так или иначе, но 8 мая, одновременно с посылкой Телешова, из Москвы двинулся с войсками Яков Захарьич, который вскоре взял Брянск, а затем привел северских князей к крестному целованию. Князья Семен и Василий перешли на сторону Ивана III вместе с огромными владениями. Так рисуют начало войны русские источники[17]

Сходно изложены события в литовской хронике Быховца. Иван III якобы предварительно вел тайные переговоры со стародубским и новгород-северским князьями о переходе на службу и заключил с ними договор. После этого посланы были войска Якова Захарьича; узнав о взятии Брянска, князья Семен и Василий приехали к Якову Захарьичу на реку Контовт (?), где и присягнули русскому государю[18].

Военные действия развернулись на всем протяжении русско-литовской границы. На юге вместе с Василием Шемячичем и Семеном Стародубским сражалось московское войско Якова Захарьича и вспомогательные отряды бывшего казанского царя Мухаммед-Эмина (с великокняжескими воеводами братьями Иваном и Федором Палецкими). Города на юге сдавались один за другим. Радогощ, Гомель, Новгород-Северский перешли на сторону Ивана III. На службу к русскому государю перешли и князья Трубецкие и Мосальские[19]. Население городов открывало ворота русским войскам. Основная рать сосредоточивалась на смоленском направлении. Ее первоначально возглавлял Юрий Захарьич, который весной 1500 г. взял Дорогобуж. Затем этому воеводе были приданы тверские войска Д. В. Щени, а с юга направились полки Семена Стародубского, Василия Шемячича и Якова Захарьича. На Луках на-

ходились с новгородцами А. Ф. Челяднин, а также кн. Федор Волоцкий и Иван Рузский. В начале 1500 г. Иван III послал в Псков Микулу Ангелова, извещая о подготовке войны с Литовским княжеством. Псковичи провели мобилизацию, и их конная рать во главе с кн. Александром Владимировичем Оболенским двинулась «у пособие» великим князьям Ивану и Василию[20].

Центром обороны Александра стал Смоленск — ключевая крепость на пути к Вильно. На этом направлении и должны были развернуться основные военные действия. Кульминационным пунктом их стала битва при реке Ведроши, «у Елны» (Тип.). Сохранилось несколько рассказов об этой битве, одной из крупнейших в русской военной истории феодального периода. Кроме официальной версии летописей (о битве «на Миткове поле на речке на Ведроши»)[21] интересны сообщение Кирилловского летописца (о битве «на реце на Полме»), рассказ Типографской летописи, записки Герберштейна, свидетельство Устюжского летописца (битва у реки Тросны) и запись Пространной редакции разрядных книг («на реке на Полмене в Тишинове»; в Щукинском списке — «Полме на поле в Тишинове»)[22]. Есть и литовская версия — Хроники Быховца (битва в районе Ельни, вблизи деревни Ведроши)[23].

Тщательное изучение этих источников и географических данных привело С. М. Каштанова к следующим выводам. Узнав о падении Брянска (после 3 мая 1500 г.) и о переходе на русскую сторону князей Семена и Василия, Александр отправил войска гетмана Константина Ивановича Острожского к Смоленску. Сам же Александр «со всеми людьми Великого княжества Литовского» пошел к Минску, затем к Борисову, где «простоял немало времени». Прибыв в Смоленск и получив известие, что Юрий Захарьич стоит на Ведроши «с очень небольшим числом людей», гетман направился вместе с смольнянами к Дорогобужу и подошел к Ельне. Здесь он от «языка» узнал, что войско Юрия Захарьича действительно было небольшое, но «третьего же дни» к нему прибыли на помощь «другие большие воеводы», в их числе князья Д. В. Щеня и И. М. Воротынский (Перемышльский). Все они стояли под Дорогобужем (очевидно, западнее). Не поверив

этому, Острожский двинулся вперед и прошел от деревни Лопатино к Ведроши. Лопатино располагалось в 10 км юго-западнее Алексина (Ведроши). Речушка Ведрошь, где находилась одноименная деревня, впадала в реку Селню, приток Росны (Тросны) [24].

Наступило время битвы, которая должна была определить исход войны. Сначала сражение складывалось успешно для Острожского. Ему удалось разбить передовой отряд русских, который переправился к основным силам на правый берег Ведроши. Но и за рекой литовские войска продолжали громить остатки передового отряда, не успевшие отойти к войску, находившемуся за Тросной. Затем военные действия временно прекратились, и противники «стояша много дни» по обе стороны Тросны. Наконец, перейдя по мосту через Тросну, гетман вступил в бой с главными силами русских, которые возглавлял кн. Д. В. Щеня. Удар, нанесенный засадным полком, оказался решающим. Битва продолжалась шесть часов. Литовцы не выдержали натиска и поспешно отступили. Уничтожив мост через Тросну, русские начали добивать остатки их отрядов на левом берегу реки. Окончательное уничтожение литовской армии произошло на небольшой речушке Полме (впадающей южнее устья Селни в Росну). Именно здесь 14 июля 1500 г. и были взяты в плен гетман и другие литовские воеводы. Пытаясь хоть как-то оправдать поражение, Хроника Быховца утверждает, что в битве 3,5 тыс. литовцев противостояли 40 тыс. русских. Но доверять этим цифрам нельзя. По Новгородской IV летописи, в плен попало 500 литовцев и 5 тыс. человек было убито; по Вологодско-Пермской, было убито свыше 30 тыс. человек [25]. Факт остается фактом: цвет литовского воинства или погиб, или попал в плен.

Битва при Ведроши — блистательная победа русского оружия. В ней нашли продолжение лучшие традиции русского военного искусства, восходившие к Куликовской битве.

На фоне событий решающего этапа русско-литовской войны неожиданным диссонансом звучит сообщение Погодинского летописца о том, что «князь Василей, сын великого князя Ивана, хотя великого княжения, и хотев его истравити на поле на Свинском, у Самьсова бору, и сам побежа в Вязьму с воими (С. М. Каштанов читает: «своими». — *А. З.*) и совет-

ники. А князь великий нача думати со княгинею Софиею, и возвратиша его, и даша ему великое княжение под собою, а князя Дмитрея поимаша, и с материею княгинею Еленою». Обычно это сообщение истолковывается как побег княжича Василия. Факт побега полуопального Василия ничего удивительного не представляет. В сходных случаях в 1480 г. пытались отъехать братья Ивана III — Борис и Андрей. С. М. Каштанов считает, что Василий бежал (в конце апреля — начале мая 1500 г.), недовольный стеснением своих прерогатив в Новгороде. Д. Феннел связывает недовольство княжича с секуляризацией владычных земель, проведенной в Новгороде в 1499 г.[26]

Можно было бы полагать, что Василий, «хотя великого княжения», просто решил воспользоваться сложной обстановкой, чтобы добиться отстранения от власти своего противника — Дмитрия. Речь могла бы идти о стремлении окончательно отстранить Дмитрия-внука (позиции которого были еще достаточно сильны)[27] от управления страной. Но очень не ясны слова «хотев его исправити». Каштанов считает, что Василий хотел «исправить» (погубить) отца на Свинском поле, которое находилось в Самцовской волости («Самьсов бор») Дорогобужского уезда, у речки Рословки, где стоял Рославль. А именно к нему и Ельне перед битвой ходили русские войска[28]. Поэтому Каштанов пишет, что «на Свинском поле состоялось какое-то столкновение войск, поддерживавших Василия, с частью войск Ивана III. Василий мог опираться только на литовские войска». Это столкновение, по его мнению, окончилось поражением Василия, «который попал в Москву, вероятно, в качестве пленного». Бой на Свинском поле он датирует временем стояния на Росне (Тросне)[29]. В этом объяснении есть неясности. Получается, что вместо наказания за измену Василий был пожалован великим княжением[30]. И как мог княжич «исправить» Ивана III на Свинском поле, когда там великого князя не было вовсе?

Представляется более убедительным иное истолкование текста. Скорее всего, погубить на Свинском поле пытались литовцы Василия, который пришел туда с войсками. Именно от них он и бежал в Вязьму. Если так, то картина проясняется. Ко времени битвы в этот район со всех сторон стягивались русские войска. Воз-

можно, и княжич Василий двинулся к Рославлю (Дорогобужу). Узнав о движении навстречу литовских войск (которое, вслед за С. М. Каштановым, можно отнести ко времени стояния на Тросне), он бежал в Вязьму. И это объяснение гипотетично, но оно позволяет обойтись без натяжек, которые приходится допускать, принимая версию об «отъезде» княжича Василия от Ивана III.

Весть о разгроме литовских войск при Ведроши была встречена с ликованием в Москве («бысть тогды радость велия на Москве»)[31]. Резонансом победы было взятие Путивля 6 августа 1500 г. войсками Якова Захарьича, северских князей Василия и Семена и Мухаммед-Эмина. В плен попал и наместник города кн. Богдан Глинский. 9 августа псковичи кн. А. В. Оболенского взяли Торопец. Все это время Александр находился под Борисовом, ожидая дальнейшего разворота событий. 6—8 августа он был в Обольцах (ныне в Толочинском районе Витебской области), а с 14 сентября по 6 октября — в Полоцке[32].

Несмотря на сложное положение на востоке (ногайцы продолжали беспокоить восточные окраины государства: под Казанью три недели стояли Муса-мурза и Ямгурчей-мурза), у Ивана III был план совершить зимний поход на Смоленск. Поэтому 29 сентября 1500 г. в Крым выехал Иван Мамонов с наказом уговорить крымского хана нанести удар по Литовскому княжеству. Однако условия суровой зимы не позволили Ивану III осуществить свой замысел — «снеги выпали велики да и корму коньского» оказалось мало. Поход не состоялся, но Смоленск оставался главной целью военной кампании и весной 1501 г.[33]

Поражение при Ведроши поставило Александра Казимировича на край катастрофы. Война с Россией проходила в обстановке непрекращавшихся вторжений крымских полчищ (в 1500 г. Юго-Западная Русь дважды — весной и осенью — подвергалась набегам). Поэтому Польша не могла оказать существенной помощи своему союзнику. «Ахматовы дети» могли разве что несколько сдержать наступательный порыв Менгли-Гирея. Но Иван III делал все, чтобы поддержать крымского хана. Когда в начале августа 1501 г. Менгли-Гирей сообщил, что выступает в поход на Ших-Ахмеда, то великий князь сразу же послал в поддержку

кн. В. Ноздроватого и Мухаммед-Эмина на ордынские улусы. Должны были поддержать этот поход и рязанские князья[34].

Стефан Молдавский сохранял в русско-литовском конфликте нейтралитет. К началу 1501 г. положение его дочери при дворе Ивана III заколебалось, и молдавский господарь выжидал дальнейшего хода событий. Одновременно он стремился, чтобы Менгли-Гирей вступил в мирные переговоры с Литовским княжеством[35] В условиях постоянной турецкой угрозы ему было важно обеспечить себе поддержку всех трех Ягеллонов (венгерского, польского и литовского).

Не имея реальных сил для противоборства на ратном поле, Александр усилил дипломатическое давление на Ивана III. В январе 1501 г. в Москву прибыл посол венгерского короля Владислава Ягеллона — Матиас, призывавший Ивана III к миру с зятем. Реальных результатов посольство не дало. 21 февраля приехало посольство от Яна Ольбрахта и Александра[36]. Польский король угрожал войной, если Иван III откажется замириться с Александром, и требовал возвратить Литве захваченные города. Иван III решительно заявил, что эти города — его исконная отчина, начать же мирные переговоры согласился. Готов он был воздержаться и от военных действий до мирного урегулирования спорных вопросов. Миролюбивая программа русского государя отвечала его осторожному политическому курсу[37].

Два обстоятельства удерживали Ивана III от новых военных акций в Литве. Первое — сложность внутриполитической ситуации. Второе — надвигавшаяся война в Ливонии. В мае 1501 г. произведена была диспозиция полков на случай, если «каково будет дело от немец». Летом 1501 г. в Дерпте (Тарту) арестовано было 150 русских купцов. Это был прямой вызов. В Псков 1 августа прибыли дополнительные силы воевод кн. В. В. Шуйского и кн. Д. А. Пенко. 22 августа русские полки вышли из Пскова по направлению к Ливонии. 26—27 августа у Острова границу перешли войска ливонского магистра Плеттенберга, которые должны были соединиться с литовцами. Целью похода, очевидно, было взятие Пскова. Но Александру тогда было не до Ливонии. 17 июня 1501 г. умер польский король Ян Ольбрахт, и сейм, заседавший в

Петрокове (в августе — октябре), принял решение об избрании литовского великого князя польским королем[38].

27 августа на реке Серице (в 10 км от Изборска) Плеттенберг вступил в бой с русскими войсками без литовской помощи. По немецким данным, его войско насчитывало 4 тыс. конных рыцарей и 2 тыс. пеших кнехтов, а всего (с обозом, артиллерией, обслугой) — до 80 тыс. человек. Русских же было 30—40 тыс. Думается, прав К. В. Базилевич, считавший эти цифры по меньшей мере неточными. Он определял русскую рать всего в 6 тыс. воинов. Сражение окончилось победой ливонцев, но ничего реального она им не принесла. Изборск устоял. Взятие Острова 7 сентября (где погибло до 4 тыс. человек) было последним успехом ливонцев. В отместку за рейд Плеттенберга Иван III 18 октября направил в Ливонию псковские войска кн. А. В. Оболенского, а также «царя тотарского с тотары» (очевидно, Мухаммед-Эмина). Поход начался 24 октября. В сражении с войсками дерптского епископа под Гельмедом 24 ноября Оболенский был убит. Исход битвы не ясен. Большинство немецких источников пишет об успехе немцев, но летописи и ревельский бургомистр Ганс Шер говорят о победе русских. Одна хроника даже сообщает, что из 90 тыс. русских, участвовавших в сражении, в плен попало и было убито 1500 человек (по Плеттенбергу, убито было 2 тыс. русских, а у епископа — 200 человек). Примечательно, что во время похода к русской рати присоединялись отряды эстонских крестьян (численностью по 100—200 человек), ненавидевших немецких поработителей[39].

На литовском же театре военных действий положение было более или менее стабильным. Весеннее вторжение 1501 г. Менгли-Гирея в литовские земли было сорвано действиями «Ахматовых внуков». Осенью происходили только разрозненные столкновения. Так, 4 ноября северские князья безуспешно осаждали Мстиславль, хотя и причинили некоторый урон литовцам (было убито 7 тыс. человек). От наступления на Смоленск ввиду войны в Ливонии пришлось временно отказаться. Согласно Быховцу, в результате ответных действий Ших-Ахмеда зимой Польше удалось добиться на короткий срок подчинения Новгорода-Северского и нескольких других городов[40].

Положение Ливонии во время войны было тяжелым. Страна раздиралась усобицами между различными церковно-государственными образованиями, классовой и национальной борьбой между немецкими господами и эстонско-латвийскими крестьянами. Тевтонский орден, занятый противоборством с Польшей, не склонен был вступать в войну с Россией (посылка 200 кнехтов в Ливонию летом 1502 г. носила символический характер). Папа римский Александр VI не терял надежды на привлечение Ивана III к антиосманской коалиции и уж, конечно, далек был от того, чтобы провозгласить «крестовый поход» на Русь. Александр Казимирович только и мечтал заключить мир с тестем. Плеттенберг вынужден был продолжать войну с Иваном III практически один на один[41].

1502 год начался вторжением ливонских войск из Нарвы. Под Ивангородом погиб наместник И. А. Лобан-Колычев (март). Убито было, по русским сведениям, всего 20 человек, а по ливонским — 200. В марте же ливонцы двинулись и к Пскову. Но даже такую небольшую крепость, как Красный городок, они взять не смогли[42]. Летом дело ограничилось мелкими порубежными стычками.

Весна 1502 г. не привела к существенным переменам и на литовском театре военных действий. Летом обстановка для Литовского княжества изменилась к худшему. Союзнику Ивана III Менгли-Гирею удалось в июне разгромить Ших-Ахмеда, нанеся как бы завершающий удар по Большой Орде. Крымские царевичи в августе совершили набег в район Луцка, Львова, Бряславля-Люблина и Турова. Разорен был большой район Правобережной Украины и частью Польши. Осенью того же года ряд городов на Днестре был взят Стефаном Молдавским. Долго откладываемый поход на Смоленск начался 14 июля. После «Свинского поля» Иван III не склонен был ставить старшего сына во главе войск. По каким-то причинам он не назначил командующим и Юрия Ивановича, а предпочел следующего по возрасту 20-летнего Дмитрия Жилку. При нем воеводами были приставлены опытные военачальники Яков Захарьич, кн. А. В. Ростовский и др. Общерусский характер начинания подчеркивался участием северских князей Семена и Василия, кн. Федора Ивановича Рязанского,

Ивана Борисовича Рузского и Федора Борисовича Волоцкого. С войсками шла и артиллерия[43].

Поход начался тогда, когда Александр Казимирович намеревался сам двинуться против Ивана III. Он нанял несколько тысяч наемников и прибыл в Минск (где находился с 7 августа по 9 сентября 1502 г.). Здесь он получил весть о движении к Смоленску Дмитрия Жилки. Впрочем, осада Смоленска результата не дала, «понеже крепок бе» город. К тому же «многые дети боярские подступали под град и в волости отъежщаа, грабили без его (Дмитрия. — *А. З.*) ведома, а его не послоушашя». Дело ограничилось разорением волостей вплоть до Полоцка и Витебска и взятием Орши. Александр отправил к Смоленску старосту жемайтского Станислава Яновского «со всею силою Великого княжества Литовского» и иноземных наемников. Войско подошло к Орше и, взяв ее, перешло Днепр. Узнав об этом, Дмитрий Жилка снял осаду Смоленска и 23 октября вернулся. Многие дети боярские за непослушание были биты кнутом и брошены в тюрьмы[44]. Важнейшей причиной неуспеха под Смоленском была недостаточность артиллерийского обеспечения. Уроки похода 1502 г. были позднее учтены Василием III, и через 12 лет город был взят.

Воспользовавшись тем, что русская рать была занята осадой Смоленска, Плеттенберг решил нанести сильный удар по Пскову. 2 сентября ливонские рыцари безуспешно пытались взять Изборск, а 6 сентября вышли к Пскову. И тут их ждала неудача. После трехдневной осады города ливонцы отступили. В погоню за ними отправились полки новгородских наместников князей Д. В. Щени и В. В. Шуйского. Сражение у озера Смолина (13 сентября) сложилось для русских неудачно. Летописи пишут, что сеча была «не велика». Получив известие о бегстве немцев, русские бросились их преследовать, нарушив порядок в полках. Весть оказалась ложной, и немцам удалось побить «не многих» людей. Ливонцы хвастливо считали сражение «самой большой, трудной, главной битвой господ Ливонии с русскими». По ливонским данным, их войско насчитывало 25 тыс. человек, а в битве участвовали 5 тыс. ливонцев. Им противостояли 18 тыс. русских. И все же Псков взять не удалось. Зимой 1502 г. в Литовскую землю совершен был рейд войск князей Семена Старо-

дубского и Василия Шемячича[45]. Больше никаких активных действий на обоих фронтах не производилось.

Итоги военных действий за 1501—1502 гг. можно оценить как установление известного равновесия сил. Александр Казимирович и Плеттенберг не имели реальных возможностей для продолжения войны с Россией, стареющего Ивана III все больше начинали беспокоить вопросы престолонаследия и внутреннее положение страны. Это создавало условия для начала мирных переговоров. В 1503 г. Иван III «начат изнемога-»[46] С миром надо было спешить.

В декабре 1502 г. Александр Казимирович прислал к Плеттенбергу посла с предложением направить представителей в Смоленск, чтобы они вместе с литовскими уполномоченными возобновили мирные переговоры. 29 декабря в Москву прибыл посол Владислава Ягеллона — Сигизмунд Сантай (выехавший летом). Он привез Ивану III грамоту от папы Александра VI (ноябрь 1501 г.) и обращение к великому князю от кардинала Реджио. Венгерский король и римская курия призывали русского государя вступить в антиосманскую лигу и как можно скорее заключить мир с Литовским княжеством. Конечно, занятые русскими города и земли должны быть возвращены Литве. От вступления в лигу Иван III уклонился, вступить в мирные переговоры был готов, но одновременно решительно заявил, что «Русская земля от наших предков из старины наша отчина». 18 января переговоры окончились. Сантай остался ждать в Москве прибытия литовского посла. Стремясь успокоить союзника, Иван III в феврале 1503 г. отправил в Крым Берсеня Беклемишева, который должен был заверить Менгли-Гирея в том, что Россия не заключит сепаратного мира с Литовским княжеством. Был и еще один деликатный момент: после разгрома летом 1502 г. Ших-Ахмед решил отойти от союза с Александром и вступить в мирные отношения с Россией. В Орду был послан Д. Лихарев, а оттуда в 1502/03 г. прибыл посол Аллиар. Русский государь соглашался помочь Ших-Ахмеду «достать» Астрахань, если тот «отстанет» от союза с Литовским княжеством[47] Беклемишеву надлежало успокоить крымского хана и в связи с ордынскими планами Ивана III.

4 марта 1503 г. соединенное литовско-ливонское посольство прибыло для ведения мирных переговоров.

В него входили воевода ланчицкий Петр Мишковский, наместник полоцкий Станислав Глебович и другие представители польско-литовской знати. Ливонию представляли Иоганн Гильдорп и Клаус Гольстевер. Послы привезли три письма Елены Ивановны от 2 января Ивану III (Василию и Юрию), в которых она призывала отца и братьев заключить мир с ее мужем и уверяла, что никаким гонениям не подвергается[48]. В какой мере княгиня принимала участие в составлении этих писем, сказать трудно.

Переговоры начались со взаимных обвинений в нарушении докончания 1494 г., к условиям которого хотели вернуться литовские представители. Но времена изменились, и, конечно, об этом не могло быть и речи. Иван III заявил, что если для Александра Литовская и Лятская (Польская) земля составляют отчину, то таковою для него как для «государя всея Руси» является вся Русь[49]. Посредническая миссия Сантая не поколебала решимости Ивана III занять твердую позицию за столом переговоров.

В мирном соглашении заинтересованы были и Литва, и Русь. Но положение сторон было различным. Иван III мог довольствоваться тем, что приобрел в ходе войны (т. е. отстаивать, говоря дипломатическим языком, принцип uti possidetis — «как владеете»). Александру же приходилось добиваться возвращения потерянного (исходя из принципа status quo ante bellum), а сил у него не было. Когда переговоры о заключении мира зашли в тупик, встал (17 марта) вопрос о перемирии. Оно устраивало обе стороны. Литовское княжество могло временно согласиться de facto с печальным для него исходом войны, сохраняя de jure возможность при благоприятном ходе событий снова вернуться к решению спорных вопросов путем переговоров или на поле брани. Для Ивана III перемирие означало дипломатическое признание победы.

Территориальный вопрос был самым трудным. В первоначальный список городов и волостей, которые должны были остаться в составе Русского государства, уполномоченные Ивана III (Яков Захарьич, Г Ф. Давыдов и казначей Дмитрий Владимирович) включили даже те волости (в частности, смоленские — Рославль, Ельню, Озерище), которые не были заняты русскими. После длительных споров текст договора 28 марта был

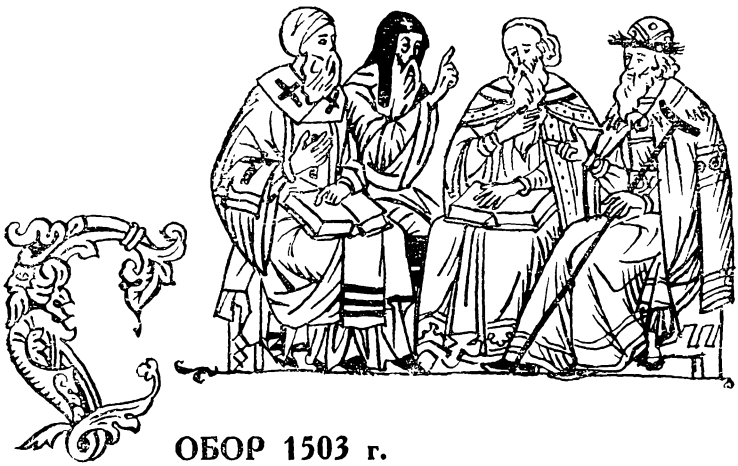
составлен. Между Иваном III, «государем всея Руси», и Александром Казимировичем устанавливалось перемирие на шесть лет (с весны 1503 по весну 1509 г.). Под власть Ивана III (формально на «перемирные лета») на юго-западе переходили Стародубское и Новгород-Северское княжества, земли князей Мосальских и Трубецких и ряд городов (в их числе — Брянск и Мценск). На центральном участке порубежья Россия приобретала Дорогобуж, а на северо-западе — Торопец и Белый [50].

Огромная территория, вошедшая в состав Русского государства, имела колоссальное экономическое и политическое значение. Она составляла почти треть земель Литовского княжества. С Россией воссоединялись не только земли, населенные русским народом, но и часть украинских и белорусских земель. Создавались возможности для установления экономических и культурных связей с основными центрами Украины и Белоруссии, подготовлялось воссоединение братских народов в составе единого государства. Мощный заслон северских княжеств стал передовым форпостом, прикрывавшим центральные районы России от опустошительных набегов Крыма. Потеря северских и других земель для княжества Литовского оказалась невосполнимой и значительно ослабила позиции этого соседа Руси, с которым борьба еще предстояла. Договор 1503 г., явившийся эхом победы при Ведроши, подготовленной предшествующей борьбой за русские, украинские и белорусские земли, был крупным успехом русской дипломатии. После утверждения докончания (2 апреля) литовские послы покинули 7 апреля Москву. Через месяц (7 мая) в Литву направилось посольство П. М. Плещеева, К. Г Заболоцкого, М. А. Кляпика-Еропкина, которое вернулось 27 сентября, привезя с собой договор, ратифицированный 27 августа Александром [51].

Одновременно велись переговоры с ливонцами, завершившиеся заключением 2 апреля 1503 г. шестилетнего перемирия. Оно было утверждено в июле. Стороны обязывались отпустить задержанных купцов (новгородцы — ревельских, а ревельские — новгородских). Сходным было и докончание Дерпта со Псковом [52]. Ничего нового в отношения между странами договоры не внесли. Ливонские требования о подписании единого

договора в Москве не были удовлетворены, равно как и территориальные претензии России. Словом, набегами на Псковскую землю Плеттенберг не смог добиться ничего, кроме возврата к положению, существовавшему до начала войны.

Докончания с Литовским княжеством, Ливонским орденом и Дерптом были только перемириями. Противоречий, существовавших между Россией и ее западными соседями, они разрешить не могли. Сразу же на литовско-русской границе начались конфликты между местными жителями и между служилыми князьями-родичами. Продолжение активной борьбы Литовского княжества и России было не за горами. Но ее начало относится уже ко времени, когда на престол взошел сын Ивана III — Василий Иванович.



СОБОР 1503 г.

Падение Дмитрия-внука в 1502 г. имело свою предысторию. Со второй половины 1500 г., формально оставаясь соправителем, он перестал допускаться к каким-либо государственным делам. Единственный раз (в феврале 1501 г.) Дмитрий упоминается в посольских делах, где он назван после детей Ивана III[1] Зато влияние княжича Василия все возрастало. В сентябре 1500 г. он именовался великим князем «всея Руси». К марту 1501 г. к нему перешло руководство судебными делами на Белоозере. Весной 1501 г. Василий, отправившись в Тверь, выдал жалованную грамоту на двор в Кашине (1 августа)[2]. Иван III снова выступил с планом женитьбы Василия на датской принцессе Елизавете, но весной 1502 г. она вышла замуж за курфюрста Бранденбурга. Судьба Дмитрия-внука была предрешена. Впрочем. Мухаммед-Эмин в 1505 г. говорил: «Аз есми целовал роту за великого князя Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дни живота нашего, и не хочю быти за великим князем Васильем Ивановичем. Великий князь Василей изменил братаничю своему, великому князю Дмитрею, поимал его через крестное целованье, а яз, Магмед-Аминь, казанский царь, не рек ся быти за великим князем Васильем Ивановичем, ни роты есми пил, ни быти с ним не хощу». 11 апреля 1502 г.

Иван III «положил опалу на внука своего, великого князя Дмитрея Ивановича, и на его матерь, великую княгиню Елену, за малое их прегрешение, с очей сосла и в крепости посади и до их смерти. Того же месяца апреля 14... пожаловал своего сына Василья, благословил и посадил на великое княжение володимерьское и московское и учинил его всеа Русии самодержцем». С. Герберштейн со ссылкой на русские источники объясняет падение Дмитрия тем, что Софья Палеолог «побудила мужа лишить монархии внука Димитрия и поставить на его место Гавриила (Василия. — *А. З.*). Ибо по убеждению жены князь заключает Дмитрия в тюрьму и держит его там» Это сообщение близко к записи Краткого Погодинского летописца: в 1500 г. «князь великий нача думати со княгинею Софьей, и возвратиша его (Василия. — *А. З.*), и даша ему великое княжение». Пожалование Василия сопровождалось проектом передачи уделов его братьям. По тому же летописцу, в 1501/2 г. «отпустил князь великий дете своих князя Юрья да князя Димитрея, на удел вь Димитров и на Углеч». Однако, очевидно, передача была лишь провозглашена, но не состоялась [3].

После окончательной победы над соперником Василий активно участвует в правительственной деятельности. Через два дня после опалы Дмитрия-внука (13 апреля 1502 г.) он совместно с Иваном III выдал жалованную грамоту на новгородские земли. 14 апреля он стал соправителем. В мае от его имени и имени Ивана III начинается строительство городских укреплений в Новгороде. К лету власть Василия Ивановича распространялась на Тверь (или по крайней мере на Кашин), Новгород и Белоозеро. Он выдал жалованные грамоты монастырям — в Бежецком Верхе (Углицкому) и на Белоозере. Сохранилось сообщение русского перебежчика, изложенное ливонскими послами в письме из Полоцка 27 января 1503 г. В нем говорилось, что тот «рассказал достоверно» о заговоре Василия с некими «могущественными господами» с целью убить великого князя. Узнав об этом, Иван III заточил сына и «различными мучительными способами умертвил других господ». Словом, «там в стране большая вражда... Но на рассказы таких перебежчиков нельзя полагаться» [4]. Исследователи считают, что речь идет о собы-

тиях 1497 г. Но возможно, в рассказах отразились и слухи о «поимании» Дмитрия-внука.

Длительные и изнурительные войны конца 90-х — начала 1500-х годов потребовали мобилизации людских и материальных ресурсов. Обострялся вопрос о военных силах, основу которых составляла дворянская конница. Обеспечение ее землей наталкивалось на все возраставшие трудности. После присоединения Твери и конфискации земель новгородского боярства правительство исчерпало основные земельные фонды, которые оно могло широко использовать для испомещения значительных масс служилых людей. Попытки расширить земельные резервы в ходе многочисленных тяжб черносошного крестьянства с монастырями-вотчинниками наталкивались на решительное сопротивление духовных феодалов. Было еще одно средство, которое отвечало представлениям московского кружка единомышленников-вольнодумцев, опиравшегося на Дмитрия-внука,— полная ликвидация (секуляризация) монастырского землевладения. Поддерживали эту идею и идеологи нестяжательства — в первую очередь Нил Сорский, опиравшийся на рядовое заволжское монашество. Один из первых опытов подобного рода был проведен в 1490 г., когда ряд земель был отписан у пермского епископа Филофея. В 1499 г. раздавались в поместья церковно-монастырские земли в Новгороде [5].

Ликвидация монастырского землевладения отвечала насущным потребностям военно-служилого люда и феодального государства. К тому же на рубеже XV—XVI вв. резко обострилась борьба крестьян за землю. По данным А. Д. Горского, в 1501—1505 гг. земельные конфликты между духовными феодалами и черным и дворцовым крестьянством составляли 84 % всех поземельных дел. Росло и число духовных феодалов, втягивавшихся в поземельные споры с крестьянством. Известны случаи и более активной борьбы крестьян со своими господами. Так, 30 июня 1503 г. разбиралось дело о поджоге двумя крестьянами деревни Спасо-Евфимьева монастыря. Ведя подготовку к широким секуляризационным мероприятиям, правительство Ивана III с середины 1502 до середины 1503 г. перестало выдавать иммунитетные грамоты духовным вотчинникам, переходя в отдельных случаях к «ружной» (денежной) системе обеспечения церкви [6].

Вопрос о том, владеть или не владеть церкви землями, был не только делом правительственной практики: он затрагивал и многовековую традицию, и систему представлений мировоззренческого характера. Его мог решить только церковный собор.

Успешное завершение войны с Литовским княжеством позволяло Ивану III и его ближайшему окружению надеяться, что им удастся преодолеть сопротивление церкви секуляризационным планам, тем более что митрополитом был безвольный Симон. Церковный собор был собран в августе — начале сентября 1503 г. Он поначалу должен был заниматься вопросами повседневного церковно-монастырского быта[7] В состав участников собора входили не только правоверные иосифляне — Геннадий и епископ Нифонт Суздальский, но, вероятно, и близкие к нестяжателям епископы — тверской Вассиан (в миру кн. В. И. Оболенский), коломенский Никон (бывший кирилловский игумен). На соборе присутствовал будущий противник Иосифа Волоцкого троицкий игумен Серапион. О позиции епископа рязанского Протасия, архиепископа пермского Никона и епископа сарского Трифона ничего определенного сказать нельзя. Собор принял решения, запрещавшие вдовым попам священствовать, инокам инокиням жить в совместных монастырях, а «святителям» взимать мзду за поставление священников[8]

Соборный приговор о вдовых попах отвечал иосифлянской программе реформ церкви (сохранилось и выступление Иосифа Волоцкого по этому вопросу)[9]. Иосифляне же добивались ликвидации практики существования совместных монастырей для монахов и монахинь[10]. Оба решения, тесно связанные между собой, находились также в русле и нестяжательских идей. Позднее Вассиан Патрикеев с явным удовлетворением писал о соборе 1503 г.: ...попов ради, иже дръжаху наложницы...»[11] Против поставления (хиротонии) священников «по мзде» (за взятки, «посулы») скорее всего выступали и нестяжатели[12] Право назначения находилось в руках высшей церковной иерархии, и злоупотребление им подвергалось нападкам еще со стороны стригольников, а в конце XV в. — новгородских еретиков. Постановление собора 1503 г. о хиротонии, таким образом, направлено было против иосифлян. Не случайно в июне 1504 г. глава воинствующих церков-

ников Геннадий отстранен был от должности именно из-за поставления «по мзде»: ...остави престол свои за немощь, неволею, понеже бо приеха с Москвы на свои престол в Новгород в Великии и начят мзду имати у священников от ставлениа наипаче пръваго, чрез свое обещание»[13]

Итак, еще до собора Геннадий взимал «мзду» за «ставление» священников. Затем (очевидно, на соборе) он дал обещание отказаться от симонии, но по возвращении его нарушил. Возможно, обвинение Геннадия в «мздоимании» лишь предлог, чтобы с ним расправиться, но сам по себе он весьма знаменателен.

После успешного окончания собора о вдовых попах Иосиф Санин был вынужден спешно покинуть Москву. Он уезжал, обнадеженный заверениями Ивана III, обещавшего произвести новый розыск еретиков. В ноябре 1503 г. умерла вдова волоцкого князя Бориса Васильевича княгиня Ульяна, опекунша своих детей — князей Ивана Рузского и Федора Волоцкого. Вскоре серьезно заболел 20-летний Иван Рузский, горячий сторонник волоцкого игумена, его крестник. Иосиф Санин немедленно возвратился из Москвы. Во время болезни Иван Борисович попросил перевести его в Волоколамский монастырь, чем были весьма недовольны его бояре, обратившиеся к великому князю с просьбой рассудить их с Иосифом. Великий князь разрешил перевести Ивана Борисовича в монастырь, но запретил постригать его в монахи, «понеже еще юн есть». Перед смертью Ивана Борисовича, когда тот составлял завещание, Иосиф не допустил никого из бояр к его постели. В эти дни борьба, конечно, шла в первую очередь за раздел наследства. Л. В. Черепнин заметил, что на духовной грамоте рузского князя имеется только одна подпись — Иосифа, и пришел выводу, что волоцкий игумен действовал в интересах Ивана III. Действительно, по духовной грамоте (ноябрь 1503 г.), Рузский удел, как выморочный, поступал во владение великого князя. Правда, в конце того же года он передал Рузу кн. Юрию Ивановичу Дмитровскому[14]. Волоцкий монастырь почти ничего не получил. Иван Борисович завещал туда село Спасское, которое в то время не попало в состав монастырской вотчины и перешло в монастырь позднее, как вклад кн. Андрея Андреевича Голенина.

Итак, Иосиф Санин после удачного разрешения вопроса о вдовых попах на соборе 1503 г. и многообещающего разговора о еретиках с Иваном III постепенно начинает склоняться к активной поддержке государя. Пока он находился в монастыре, в Москве произошло событие, которое чуть было не расстроило намечавшееся сближение волоцкого игумена и великого князя. После формального конца собора нестяжатели, побуждаемые Иваном III, подняли вопрос о монастырском землевладении. Сторонники сохранения монастырских богатств написали извещение Иосифу, тот поспешил вернуться[15] и выступил перед собором с развернутой защитой монастырского землевладения. С. М. Каштанов датирует заседания, на которых поставлен был секуляризационный вопрос, сентябрем 1503 г. (т. е. до отъезда Ивана III), поскольку в Соборном ответе на вопрос о землях употреблены формулы: «Симон... и архиепископы и епископы» и «Симон... и архиепископ и епископы». Первую он считает позднейшим искажением (на Руси в то время был только один архиепископ), а вторую — свидетельством о присутствии на секуляризационных заседаниях Геннадия, который 14 ноября уехал из Москвы «и больше не вызывался до июня 1504 г.». Но формула Соборного ответа — штамп, а не реальность (в ней не перечислены имена членов Освященного собора), а потому можно считать опиской (или корректировкой) скорее «архиепископ», чем «архиепископы». Не известно, вызывался ли Геннадий после 14 ноября в Москву или нет. Категорическое отрицание этого основано на умолчании летописей, но они не говорят и о вызове его на первые заседания собора. Свидетельство «Слова иного» о присутствии Геннадия легко объясняется его вторичным вызовом (как это было в случае с Иосифом Волоцким)[16]. Отрицать же сведения «Письма о нелюбках» и Жития Иосифа, составленного Львом Филологом, о двух этапах соборных заседаний нет оснований[17]. Житие прямо говорит о вторичном вызове Иосифа на собор.

До недавнего времени было известно лишь четыре источника, говорящих о спорах по вопросу о монастырском землевладении на соборе. Первый — Соборный ответ Ивану III[18]. Соборное решение было изложено Ивану III в послании митрополита Симона, зачитан-

ном дьяком Левашом. В нем говорилось, что со времени императора Константина «святители и монастыри грады, и власти (волости. — *Ред.*), и села, и земли дръжали, и на всех соборех святых отец не запрещено святителем и монастырем земель дръжати», так же и на Руси «до сех мест святители и монастыри грады и власти, села и земли держали». Итак, отцы собора начали с общей ссылки на практику церковно-монастырской жизни. Это не удовлетворило великого князя: из того факта, что не было канонических запрещений церкви владеть недвижимостью, прямо не следовало, что такое владение богоугодно. Тогда к великому князю пришел митрополит Симон и прочитал «список» (т. е. решение собора) с конкретными ссылками на Библию, «грамоту» царя Константина, правило Карфагенского собора, жития святых и пожалования князей Владимира и Ярослава. Этот набор доказательств древности и нерушимости церковно-монастырского землевладения приобретал значительную силу. Но и этого мало. Дьяк Леваш зачитал новое (второе) послание от имени Симона и всего собора, где содержится предупреждение, что те, кто преступит законы русских князей, «да будут прокляти в сей век и в будущий», ибо «стяжания церковная — божия суть стяжание». А. С. Павлов, а вслед за ним Г Н. Моисеева и Я. С. Лурье полагают, что в составлении ответа мог принимать участие Иосиф Волоцкий (совпадает, в частности, порядок перечисления святых, владевших землями, в ответе и в духовной Иосифа Волоцкого) [19].

Второй источник о соборе 1503 г. — краткая запись Вассиана Патрикеева: «О еже како в второе (очевидно: «второенадесятое». — *А. З.*) лето князь великий Иван Васильевичь всея Русии повеле быти на Москве святителем и Нилу, и Осифу, попов ради, иже дръжаху наложницы; паче же рещи — восхоте отъимати у святых цръквей и у монастырей» [20]

Третий — свидетельство Жития Иосифа Волоцкого, составленного Львом-Аникитой Филологом: «Бысть же и еще царскому повелению, священныя мужа с архиереи в господьствующий град събираюшу ведати о словеси: манастырем села и нивы аще не приаты суть. Некоим бо отцем, иже безмолвное и уединенное житие проходящем и любящем, и отеческая ученыа о

нестяжании чернориздем добре внявшем, поболеша о стяжении сел манастырем... И сих ради молиша самодержца, яко имуще дръзновение к нему, ради бо крепкаго их жительства и добродетели множества зело от самодержець приемлеми и почитаеми. И о сем собору събрану, не мала же разсужения добрых лишитися непшующе отци, аще и Иосифу не сущу с ними. Сего ради и паки понудиша его в град Москву взыти... Далее идет пространное рассуждение в защиту монастырского землевладения, завершающееся изложением решения собора: «Сей събор, избрав тако оправда, яко хотящим истинно спастися, несть повреждение стяжания церьковьная, иже в манастырех... И в сих... съвпрашаниих Иосиф разумно и добре, разчиняя лучшая к лучшим, смотря, обоюду ползующая...»[21] Рассказ жития явно подернут дымкой времени и говорит об умеренно иосифлянских представлениях автора (для него и Нил Сорский — «светило», жившее на Белоозере)[22]. По Житию, заседания собора 1503 г. начались по «царскому повелению», но инициатором вопроса о «стяжании сел» выступают заволжские старцы. Роль Ивана III автор фактически обошел молчанием, неопределенно заметив о «царском повелении», по которому собрались иерархи в 1503 г. Не говорил он и о выступлении Иосифа Волоцкого.

Четвертый источник — так называемое «Письмо о нелюбках» иноков Кириллова и Иосифова монастырей[23]: «Егда бысть собор при великом князе Иване Васильевиче всея Русии и при Симоне митрополите, о вдовых попех и о дияконех в лето 7012, а на том соборе были архиепископы и епископы и архимандриты и честныа игумены и честныя старцы изо многих монастырей». На соборе якобы присутствовали Нил Сорский и Паисий Ярославов. «И егда совершися собор о вдовых попех и дияконех, и нача старец Нил глаголати, чтобы у манастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием, а с ним пустынникы белозерские». На это возразил Иосиф Волоцкий, сославшийся на святых Феодосия («общему житию начялника») и Афанасия Афонского, а также Антония и Феодосия Печерских[24]. Волоцкий игумен якобы говорил на соборе: «Аще у манастырей сел не будет, како чесному и благородному человеку постричися? И аще не будет честных старцов, отколе взяти

на митрополию или архиепископа или епископа и на всякие честныя власти? А коли не будет честных старцов и благородных,— ино вере будет поколебание».

«Письмо о нелюбках» обычно приводилось как наиболее яркое свидетельство о соборе. Однако аргументация Иосифа Волоцкого в «Письме» изложена тенденциозно и не совпадает с той, которая известна по позднейшим сочинениям основателя иосифлянства. Молчат о выступлении Иосифа на соборе 1503 г. и его первые жизнеописатели. Автор «Письма», составленного в 40-е годы XVI в. ссылался как на источник сведений на рассказ Дионисия Звенигородского и Нила Полева, колебавшихся между иосифлянами и нестяжателями. Все это не позволяет рассматривать рассказ «Письма» как достоверный источник о выступлении Иосифа. У автора вообще были неясные представления о соборе: по его словам, в нем участвовал Паисий Ярославов, умерший в декабре 1502 г.[25]

Г Н. Моисеева принимает известие Вассиана о том, что инициатива постановки вопроса о монастырском землевладении на соборе 1503 г. принадлежала Ивану III, и отвергает версию «Письма о нелюбках», где спор рисуется как внутрицерковный[26] Она считает Нила Полева «последовательным иосифлянином», равно как и Дионисия Звенигородского. Отсюда делается вывод, что автор «Письма» «последовательно разделял взгляды... Иосифа Волоцкого». По Моисеевой, «стремление скрыть противоречия между иосифлянами и московскими государями и заставило Нила Полева и следовавшего за его рассказом автора «Письма о нелюбках» представить дело так, будто на соборе 1503 г. возник спор между нестяжателями и иосифлянами без всякой инициативы Ивана III». Тезис Моисеевой о «правоверно-иосифлянских» взглядах Нила Полева, Дионисия Звенигородского и автора «Письма» бездоказателен. Об их пронестяжательских настроениях говорит уже тот факт, что «Устав» Нила Сорского сохранился в двух древнейших рукописях, составителями которых были Нил Полев и Дионисий. Нил Полев уже после 1508—1511 гг. писал, что отец нестяжательства «в Сорьской пустыни мужескы подвизався». Это резко отличается от той характеристики «заволжских старцев» как пособников еретиков, которую давал Иосиф Волоцкий. В «Письме» нет и в помине духа непримири-

мости к нестяжателям, характерного для сочинений иосифлян. Его составитель пишет даже, что «Иосиф все благочинье и благоговеиньство снимал с Кирилова монастыря,— и се ныне диявол мнением не смирну вражду положи меж таких светил» [27].

С возражением Г. Н. Моисеевой выступила Н. А. Казакова. Отсутствие сведений о выступлении Нила Сорского в сочинениях Вассиана и соборном решении она объясняет тем, что эти источники «совершенно не освещают хода собора и происходившей на нем борьбы». Автор «Письма о нелюбках», наоборот, ничего не говорит ни об обстоятельствах созыва собора (что делает Вассиан), ни о его итогах (что делает соборное определение). «Письмо», по ее мнению, как бы дополняет два ранних свидетельства о соборе. В Житии Иосифа, написанном Львом Филологом, есть рассказ и о созыве собора по «царскому велению», и о споре между иосифлянами и нестяжателями. Вряд ли автор Жития Серапиона, составленного в нестяжательских кругах, стал бы повторять сведения Жития Иосифа о выступлении заволжских старцев, если б его не существовало на самом деле и оно выдумано было иосифлянами. Основной вывод Казаковой сводится к тому, что выступление Нила на соборе, созванном по инициативе Ивана III, «было согласовано с великим князем и, возможно, инспирировано им» [28].

Я. С. Лурье признал вывод Н. А. Казаковой недостаточно убедительным. Ведь в «Письме о нелюбках» сказано, что заволжские старцы «молили самодержца», а это могло быть «только в том случае, если он сам не собирался «отъымати» церковные села». «Письмо», следовательно, противоречит известию Вассиана. Нет данных и о связях Нила с великим князем. В своих сочинениях Нил нигде прямо не говорил о монастырском землевладении. И наряду с этим Лурье пишет, что «само участие Нила Сорского и особенно Иосифа Волоцкого в спорах на соборе 1503 г. или вокруг этого собора представляется достаточно вероятным». В «Письме» аргументы Иосифа и Нила «представляют собой не запись их официальных выступлений на соборе, а выражение тех мнений, которые высказывались обеими сторонами вне собора, кулуарно» [29].

Исключительный интерес представляет обнаруженное Ю. К. Бегуновым «Слово иное» — публицистиче-

ский памятник начала XVI в., посвященный собору 1503 г. и троицкому игумену (позднее новгородскому архиепископу) Серапиону[30]. «Слово» начинается сообщением о созыве собора самим Иваном III, который «восхоте... у митрополита, и у всех владык, и у всех манастырей села поимати и вся к своим соединити». Владыки и монастыри должны были быть «изоброчены» из великокняжеской казны деньгами и хлебом. Подтверждается, следовательно, известие об инициативе государя в постановке вопроса о секуляризации. Автор сообщает, что «вси ему повинушаяся», кроме игумена Серапиона. Это или обычное автобиографическое преувеличение, или предание о первом этапе соборных заседаний. Далее, в «Слове» рассказывается: «Приходит же к великому князю и Нил, чернец з Белаозера, высоким житием словый сый, и Денис, чернец Каменский, и глаголют великому князю: «Не достоить чернецем сел имети». К сим же приста и Василий Борисов, Тферския земли боярин, та же и дети великаго князя: и князь великий Василий, князь Дмитрей Углецкий присташа к совету отца своего. И дияки введеныя по великом князе глаголаху: «Не достоить чернецем сел имети». Князь же Георгий всесветлое ничтоже о сих не глаголах»[31].

Итак, на соборе действительно выступал Нил Сорский. Зато об участии Иосифа Волоцкого в соборных прениях «Слово» не упоминает. Дениса Каменского Ю. К. Бегунов отождествляет с Дионисием Звенигородским, о котором сообщало «Письмо о нелюбках». Таким образом, подтверждаются два наших наблюдения: речь Иосифа Волоцкого на соборе 1503 г. измышлена составителем «Письма о нелюбках»; Дионисий Звенигородский не был правоверным иосифлянином.

Старец Дионисий (Данила Васильевич Лупа) принадлежал к известной княжеской фамилии Звенигородских. Двоюродный брат его отца кн. И. И. Звенец — один из соратников Ряполовского и Патрикеевых. В 1475 и 1477 гг. вместе с И. Ю. Патрикеевым и С. И. Ряполовским он участвовал в новгородских походах Ивана III, в 1495 г. в качестве окольничего наряду с С. И. Ряполовским и В. И. Патрикеевым снова сопровождал великого князя в Новгород. В сентябре 1497 г. послан был с миссией к Менгли-Гирею в Крым, где и умер[32].

Не менее интересна фигура Василия Борисова. Василий и Иван Борисовы-Бороздины — видные деятели конца XV в. Они участвовали в казанском походе 1496 г. В августе 1501 г., во время одного из походов, Иван Борисович был убит. Среди тверских воевод кн. Василия Ивановича в 1492/3 г. числился Петр Борисович, а в 1501 г. — Василий Борисович[33]. Двое Борисовых входили в середине XVI в. в еретический кружок Матвея Башкина.

Известие о поддержке Василием и Дмитрием Ивановичами секуляризационных проектов Ивана III в других источниках не встречается[34]. Позиция молчаливого сопротивления Ивану III характерна для князя Юрия Ивановича — ведь последний был покровителем Иосифа Волоцкого[35] и противником княжича Василия.

Дальнейшие события, по «Слову», развивались так. Серапион обратился к митрополиту Симону: «Аз убо сел пречистыя церкви не отдаю». Геннадий сначала говорил: «...глаголете убо вы, аз бо ограблен уже прежде сего». Но потом и он «нача глаголати противу великому князю о церковных землях. Князь же великий многим лаянием уста ему загради, веды его страсть сребролюбную». Возможно, инициативная роль Серапиона в споре с Иваном III в «Слове» преувеличена в духе агиографических традиций[36] Многозначительно отсутствие в нем всяких упоминаний о выступлении (и даже присутствии на соборе) Иосифа Волоцкого. Это вполне согласуется с предположением о позднейшем происхождении «речи» Иосифа, приведенной в «Письме о нелюбках».

Далее, в «Слове» рассказывается, что крестьяне Троицкой волости Илемна пожаловались великому князю: «Конан-чернец переорал земленую межу и твою орет землю»; государь «повеле черньца представити судищу своему». В итоге разбирательства повелели Конона «кнутием бити», а с Серапиона взять 30 руб. штрафа. Это интереснейшее сведение о том, что Иван III поддерживал черносошных крестьян в их борьбе с монастырскими вотчинниками, подтверждается анализом многочисленных судебных грамот[37]. Эпизод относится ко времени после собора 1503 г. («последи же сих»)[38] В «Слове» говорится, что у Ивана III за посягательство на земли Троицкого монасты-

ря «отняло... руку, и ногу, и глаз». По летописи, великий князь заболел («начат изнемогати») 28 июля 1503 г. т. е. еще до церковного собора. Очевидно, «Слово» говорит о дальнейшем развитии болезни Ивана III.

Однако Ю. К. Бегунов полагает, что «донос илемнских людей весной 1503 г. послужил последней каплей, переполнившей чашу терпения самодержца, после чего созыв собора и постановка на нем... решения о секуляризации была неминуема»[39] С этим трудно согласиться. На соборе великий князь просто укорял Серапиона в сребролюбии — об Илемне он ни словом не обмолвился[40]

Иосифлянскому большинству удалось провалить секуляризационную программу Ивана III. Отставка главы воинствующих церковников — Геннадия и поземельные споры с Серапионом были лишь вспышками бессильного гнева великого князя на виновников постигшей его неудачи[41]

В заключение несколько слов о месте церковного собора 1503 г. в складывании сословно-представительной монархии и земских соборов как центрального органа сословного представительства. В исторической науке повысился интерес к одному из достопримечательнейших явлений XVI в. — земским соборам[42]. Для изучения самого существа структуры сословно-представительной монархии исследование ее центрального органа (земских соборов) имеет первостепенное значение.

Достаточно хорошо изучены все сохранившиеся сведения о соборах XVI в., начиная с так называемого Собора примирения 1549 г. Однако предыстория земских соборов не была предметом специального исследования. А это приводило порой к путанице между земскими соборами и другими формами «соборного представительства», в частности церковного[43].

Сложение земских соборов имеет длительную историю. Корни этого учреждения уходят в церковные соборы начала XVI в., когда светская власть начинает борьбу с церковным авторитаризмом, стремится взять в свои руки важнейший институт церковного управления. Зарождение земских, а точнее, церковно-земских соборов относится к началу XVI в. и связано с про-

цессом складывания единого Русского государства. Сама форма этого учреждения была заимствована из практики церковного управления.

Соборы первой половины XVI в. — это пока еще церковные соборы с участием великого князя, Боярской думы, дьяков. Таким был состав не только собора 1503 г. На церковный собор 1490 г., осудивший новгородских еретиков, Иван III послал «бояр своих» кн. И. Ю. Патрикеева, Юрия Захарьича, Б. В. Кутузова и дьяка Андрея Майко. На соборе 1525 г., приговорившем Максима Грека к заточению, присутствовали кроме Василия III его братья Юрий и Андрей, многие бояре, князья, вельможи, дьяки, а может быть, и «воинство», т. е. верхи московского дворянства. На соборе 1531 г., расправившемся с Вассианом Патрикеевым, кроме церковников заседали боярин М. Ю. Захарьин и великокняжеские дьяки[44]. Это еще не были земские соборы: из четырех курий в них участвовали всего две — Освященный собор и Боярская дума.

Только на «Соборе примирения» 1549 г. (первом земском соборе) впервые присутствовали представители дворянства, а на соборе 1566 г. — купечество. Пути сложения центральных сословно-представительных учреждений сходны с судьбами сословного представительства на местах. Элементы участия земских лиц «по выбору» мы находим в местных ведомствах первой половины XVI в., а губные учреждения появились около 1538 г.

То, что великокняжеская власть использует церковную, соборную форму для управления страной, имеет причины. Оба этапа сложения земских соборов (начало и середина XVI в.) падают на время напряженной борьбы с привилегиями церкви, с ее полунезависимым положением в стране. Вторгаясь в деятельность церковных учреждений, ставя их себе на службу, правительство тем самым подчиняло церковь своему контролю, что было составной частью борьбы за преодоление удельных порядков и развития государственной централизации.

Церковно-земские соборы не исчезли после появления земских соборов в их «чистой» форме. Так, к числу церковных соборов, в которых принимали участие представители светской власти, следует отнести Стоглавый собор 1551 г., собор об отмене тарханов

в 1584 г. и, возможно, некоторые другие. Но, сыграв значительную роль в формировании соборной формы представительства, церковные соборы постепенно все более и более теряли свою роль в политической жизни страны. Их функции ограничивались, а сами они постепенно вытеснялись из числа учреждений, занимавшихся вопросами государственного значения.

ПОГРОМ МОСКОВСКОЙ ЕРЕСИ

Победа воинствующих церковников на соборе 1503 г. предрешила судьбу кружка вольнодумцев, которые группировались вокруг дьяков Федора Васильевича и Ивана Волка Курицыных. Их высокие покровители — Дмитрий-внук и Елена Стефановна — уже с 1502 г. томились в темнице. Постаревший и тяжелобольной Иван III все более и более отходил от дел. Провал секуляризационного плана, которому глубоко сочувствовали вольнодумцы, порвал последнюю ниточку, связывавшую их с правителем страны — княжичем Василием, враждебно относившимся к сторонникам своего соперника — Дмитрия-внука. Рост антицерковных движений грозил потрясти самые основы власти государя. Словом, оставалось только составить обвинение и начать инквизиционный процесс по делу о ереси. Материалов накопилось достаточно.

Еще во время подготовки процесса о новгородских еретиках 1490 г. архиепископ Геннадий писал митрополиту Зосиме, что сбежавшие из Новгорода еретики обрели себе убежище в Москве. Один «начальник ереси» — протопоп Алексей — служил даже в кафедральном соборе, а другой — Денис — в Архангельском (протопоп Гаврила также служил в Москве). Позднее в «Сказании о новоявившейся ереси» Иосиф Волоцкий

прямо писал, что Алексея и Дениса взял с собой в Москву Иван III. Еретики там жили «в ослабе». Они проповедовали ересь тайно, «совратили» в нее дьяков Истому и Сверчка, книгописца Ивана Черного и купца Игната Зубова. Но к октябрю 1490 г. Алексей и Истома умерли, Денис и Гаврила были осуждены на соборе 1490 г., Иван Черный и Игнат Зубов бежали за рубеж

Дело было даже не в московских новгородцах и их нескольких единомышленниках, а в более важных персонах. Посольского дьяка Федора Васильевича Курицына впервые как еретика упомянул в своих показаниях дьяк Самсон, которого пытали в Новгороде после московского собора 1488 г. Он тогда сказал Геннадию и наместнику Якову Захарьичу, что к Федору Курицыну приходили протопоп Алексей, Истома Сверчок и Иван Черный и они «да поучаются-деи на православных». Именно Курицына Самсон считал «мозговым центром» еретиков: «Курицын началник всем тем злодеем». С Курицыным приехал «из Угорской земли угрянин, Мартынком зовут». В 1490 г. Геннадий уверенно связывал возникновение ереси не только с переездом Алексея и Дениса в Новгород, но и с возвращением Курицына из Венгрии. В начале XVI в. Иосиф Волоцкий передавал слова Ивана III, что его сноху Елену Стефановну «в жидовство свел» Иван Максимов, зять Алексея, сын еретика попа Максима, осужденного собором 1490 г. Еретиком стал и купец Семен Клепов[2]

Время распространения ереси при дворе Ивана III можно уточнить. Ф. В. Курицын в 1481/82 г. отправлен был послом к Матвею Корвину, а вернулся около 1485—1486 гг. Я. С. Лурье считает, что начало московского еретического кружка относится ко времени после 1488 г., когда в «Москву устремились на беганье» еретики из Новгорода, которые и привлекли к своей ереси Федора Курицына[3]. Это не совсем так. Иосиф Волоцкий писал, что еще Денис и Алексей «многыя души погубиша», среди них Ивана Черного и купца Игната Зубова. Связь же еретических взглядов Курицына с событиями 1488 г., как правильно считает Лурье, продиктована была упорным стремлением Иосифа Волоцкого непременно вывести московскую ересь из новгородской. В бытность Ф. В. Курицына в Молдавии и

Венгрии (1482—1484 гг.) там протекала деятельность так называемых чешских братьев. Общение с гуситами могло как-то повлиять на формирование взглядов просвещенного посольского дьяка[4]. Во всяком случае именно за рубежом Федор Курицын познакомился с легендами о Владе Цепеше, на основе которых создал «Повесть о Дракуле». Впрочем, из факта пребывания Курицына в Молдавии и Венгрии нельзя делать вывод, что еретическое вольномыслие на Руси было лишь отзвуком или эхом европейских реформационных идей[5].

Итак, ересь уже во второй половине 80-х годов XV в. распространилась в окружении Елены Стефановны, которая после смерти своего мужа (1490 г.) возглавила придворную группировку, сделавшую своим знаменем Дмитрия-внука. Гонитель же ереси — Геннадий поддержал второго претендента на престол — княжича Василия.

Братья Курицыны были видными и широко образованными политическими деятелями. Дьяк Иван Волк в 1492 г. вел переговоры с любекским первопечатником Бартоломеем Готаном. Весной того же года в составе посольства ездил к императору Максимилиану и вернулся на Русь в июле 1493 г. В конце 1495 — начале 1496 г. он сопровождал Ивана III в Новгород. Около 1495 г. подписал докладной судный список княжича Василия. Летом 1497 г. Иван Волк участвовал в переговорах с ливонцами, а в августе отправлен был в составе посольства в Литву. Иван Волк назван вторым среди великокняжеских дьяков в хронографическом списке думных чинов 1498 г.; владел землями в Клинском уезде[6].

Выдающимся дипломатом был брат Ивана Волка — Федор Васильевич Курицын. Все важнейшие переговоры конца 80—90-х годов XV в. проходили при его деятельном участии. В 1488 г. он изложил имперскому послу декларацию, обосновывавшую суверенные права русского государя, и участвовал в переговорах с венгерским послом. В 1490 и 1492 гг. присутствовал на приемах имперского посла фон Турна, в 1492 г. писал грамоту послу в Крыму К. Г Заболоцкому. В 1493 г. участвовал в переговорах с послом Конрада Мазовецкого, в марте 1497 г. вел переговоры с ногайскими послами, с 1491 по 1500 г. активно участвовал в русско-литовских переговорах. В мае 1494 г. вместе с

кн. В. И. Патрикеевым ездил в Литву сватать дочь Ивана III Елену. В конце 1494 г. вместе с дьяком А. Майко вел переговоры с ганзейцами, а в 1495 г. — с ливонцами в связи с закрытием Ганзейского двора в Новгороде. В конце 1495 — начале 1496 г., как и его брат Иван Волк, сопровождал Ивана III в Новгород. Возможно, с Ф. В. Курицыным следует отождествить «дьяка Федора», присутствовавшего на приеме послов кафинского султана[7]

Ф. В. Курицын участвовал и в различных делах по внутреннему управлению. Около 1488—1490 гг. он подписал докладную правую грамоту суда Ивана Молодого, а около 1490 г. — подтверждение княжичем Василием одной грамоты Троице-Сергиеву монастырю в Переславском уезде. В ноябре 1490 г. именно он скрепил своей подписью жалованную грамоту Ивана III пермскому епископу Филофею, предусматривавшую секуляризационные мероприятия великого князя. В июле 1497 г. Ф. В. Курицын подписал меновную грамоту Ивана III и кн. Федора Волоцкого, скрепленную печатью, на которой впервые изображен новый государственный герб, а в конце XV в. — докладную грамоту дворецкого П. В. Шестунова. Л. В. Черепнин предполагал, что Ф. В. Курицын мог участвовать в составлении Судебника 1497 г. Предположение это весьма убедительно, ибо отвечает внутриполитической ситуации конца 1497 г. В 1498 г. в списке думных чинов Федор Курицын назван третьим среди дьяков[8]. После апреля 1500 г. сведения о нем исчезают.

Из обзора деятельности Ф. В. Курицына видны не только его большая роль в политической жизни страны, но и его близость к великому князю Ивану Молодому, причастность к секуляризационным планам правительства, участие в контроле над деятельностью княжича Василия, последовательная защита им курса на укрепление власти русского государя. Но все это — из-за отрывочности и скупости сведений — скорее догадки, чем обоснованные гипотезы.

Братья Курицыны были причастны и к литературной деятельности. Иван Волк переписал Кормчую книгу[9] — сборник церковно-канонических правил. Он открывается памятником светского законодательства — «Мерилом праведным», содержащим кроме византийских и русские законы (в том числе Русскую Правду

и церковные уставы князей Владимира и Ярослава). Характерной чертой этого сборника, по мнению Я. С. Лурье, является большое число статей, посвященных еретикам[10]. С именем Ф. В. Курицына связаны два произведения — «Повесть о Дракуле» и «Лаодикийское послание».

В «Повести о Дракуле» имя автора не названо. Но из текста памятника ясно, что его создатель побывал в Венгрии, знал он и Стефана Молдавского. Самый ранний список «Повести» датируется февралем 1486 г что делает возможным авторство Федора Курицына, вернувшегося на Русь до августа 1485 г. В основу «Повести» положены рассказы о мунтьянском (валашском) воеводе Владе Цепеше, распространенные в Центральной и Восточной Европе в 80-х годах XV в. Образ главного героя «Повести» — жестокого правителя Дракулы (или Дракона, Дьявола) как бы двоится под пером автора. С одной стороны, это кровожадный, способный на садистские поступки, но умный и волевой властитель. С другой — дальновидный государственный деятель, стремящийся искоренить в своей стране всяческое зло: «И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив. Аще ль велики болярин, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатьство имел бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозен бысь»[11]. Поддерживая борьбу Ивана III за утверждение единодержавства, Ф. В. Курицын не склонен был идеализировать самовластных правителей. Но стремление Дракулы подчинить и «великих бояр», и духовенство воле государя он всячески приветствовал[12].

Ф. В. Курицыну принадлежит авторство во многом неразгаданного произведения, носящего название «Лаодикийское послание» и вызвавшего большую полемику как в советской, так и в зарубежной литературе[13] Этот небольшой (девять строк) памятник состоит из набора афоризмов. Начинается он словами: «Душа самовластна, заграда ей вера». В нем есть такие изречения: «Мудрости сила — фарисейство жителство. Пророк ему наука. Наука преоблаженная». Анализируя послание, А. И. Клибанов отмечает, что его афоризмы (частью библейского происхождения) подобраны в духе реформационных идей. Идея самовластия души, своеобразно

интерпретированная Курицыным, фактически означала утверждение человека как мерила духовных ценностей и противостояла схоластической трактовке Священного писания как памятника нормативного характера. Курицын рассматривает религию как порождение пророческого дара, а не как свод обрядов и мертвых догм. «Впервые,— пишет Клибанов,— свободе, как праву на принуждение, противопоставлялось право человека на свободу». С кругом идей «Лаодикийского послания» он связывает так называемое «Написание о грамоте» В нем говорится, что «грамота есть самовластие, умного волное разумение и разлучение добродетели и злобы». Бог дал человеку «самовластна ума». Знание делает человека свободным. Автором «Написания» мог быть также Ф. Курицын [14]. Интерес к вопросам языкознания в «Написании» гармонирует с толкованиями различных слов, помещенных в «Лаодикийском послании» после философского введения.

Идеи Ф. Курицына о свободе воли находят параллель в трактате Пико делла Мирандолы «О достоинстве человека» — одном из манифестов гуманистической мысли XV в. Много общего с «Лаодикийским посланием» есть и в сочинениях страстного поклонника Реформации — Иоанна Тритемия (1462—1516 гг.) [15].

В кружок Ф. Курицына входил и книгописец Иван Черный, который происходил из среды церковных людей — крылошан. В 1485 г. он переписал крупнейшее древнерусское историческое сочинение — Еллинский летописец, а в 1487 г. — Лествицу Иоанна Лествичника. Вскоре после этого он вместе с купцом Игнатом Зубовым бежал в Литву. Для Иосифа Волоцкого он был Черным «яко же именем, тако же и делы». «Чръны званием и деанми» — так уничижительно подписался и сам он в приписке к Еллинскому летописцу в год тверского взятия и утверждения титула «государь всея Руси» Ивана III. Время отразилось на пафосе приписки Ивана Черного к труду о судьбах крупнейших мировых держав. Он указывал, что книга была переписана «в дни благочестиваго великаго княза Ивана Василеевича владимерскаго и новогородцкаго и московскаго и всея Росия. И в дни сына его, великаго княза Ивана Ивановича всея Россиа». В приписке в духе реформационных идей подчеркивалось, что «весь закон един словом скончавается, еже любити бога и ближняго»

А. И. Клибанов подверг анализу глоссы, которые сделал Иван Черный пермской полусловицей на полях рукописей Еллинского летописца, сборника библейских книг и Книги пророчеств. Пометами «зри», «удобно», «дивно» наряду со многими иными выделялись тексты, направленные против поклонения кумирам, продажности духовенства, лжепророков (которыми еретики считали духовенство). В конце сборника библейских книг помещено небольшое сочинение, направленное против монашества. Возможно, его автора следует искать в кругу лиц, близких к Ивану Черному. Б. М. Клосс обнаружил два сборника библейских материалов (ГБЛ, ф. 304, № 728 и № 2), являвшихся источниками сборника библейских книг (ГБЛ, собр. Ундольского, № 1). Ряд помет в них также принадлежит Ивану Черному[17]. Иван Черный был не простым переписчиком: он сам составлял сборники и проверял к тому же работу других писцов.

В состав московского кружка вольнодумцев кроме братьев Курицыных, книгописца Ивана Черного, Елены Стефановны и бежавших в Москву новгородцев входили купцы Игнат Зубов и Семен Кленов, «угрянин» Мартын, дьяки Истома и Сверчок. Состав московского кружка резко отличался от новгородского. Это была среда по преимуществу дьяческой администрации, а не белого духовенства. Позднее Иосиф Волоцкий различал ересь, «которую държал Алексей протопоп», от той, «которую държал Федор Курицын». Но особую опасность для ревнителей православия представляло то обстоятельство, что покровительствовал московским вольнодумцам сам государь всея Руси, а наследником престола был сын Елены Стефановны — Дмитрий. Иосиф Волоцкий впоследствии писал о большом влиянии Федора Курицына на государя: ...того бо державный во всем послушаша». Воинствующие церковники считали еретиком и самого Зосиму, ставшего в 1490 г. митрополитом. Позднее Иосиф Волоцкий приписывал Зосиме даже отрицание загробной жизни. Митрополит-еретик якобы говорил: «А что то царство небесное? А что то второе пришествие? А что то въскресение мертвым? Ничего того несть,— умерл, кто ин, то умер, по та места и был»[18].

Словом, тревожно было в стане Геннадия и других гонителей вольнодумия. А тут еще надвигались труд-

ные времена для схоластов-богословов. В 1492 г. по древнерусскому летосчислению кончалась седьмая тысяча лет «от сотворения мира». Все расчеты церковных праздников («пасхалия») были доведены до 7000 г. Далее, как предполагалось, они не понадобятся, так как наступит конец света. Какие-то надежды с наступлением конца света связывали и еретики. Так, ересиарх Алексей якобы говорил Геннадию: «Только изойдут лета, и мы-деи будем надобны». Готовились к наступлению восьмого тысячелетия и новгородские ратоборцы с ересью. В 1489 г. грек Дмитрий Траханиот (из окружения Софьи Палеолог) в ответ на запрос Геннадия написал трактат «О летах седьмой тысячи». В нем говорилось, что «никто не весть числа веку», но все же дата «конца света» как-то должна быть связана с семеркой (ей богословы придавали сакраментальное значение): если светопреставление в 7000 г. не наступит, то надо ожидать 7007 г. и т. д.[19] Ответ, надо сказать, довольно уклончивый.

Наступило 1 сентября 1492 г., т. е. 7000 г. Солнце по-прежнему сияло над землей. Люди, как и раньше, занимались своими делами. Мир продолжал существовать. Еретики издевательски (имея на то достаточно оснований) говорили: ныне седмь тысящь прошло, а конца несть: ино и святии-деи отцы солгали»[20]. Руководство церкви вынуждено было выступить с «Изложением пасхалии» — программным документом, написанным от имени митрополита Зосимы[21]. 27 ноября 1492 г. Зосима изложил пасхалию на 20 лет «на Москве на соборе»[22]. Глухо упомянув о «еретичьствующих», митрополит повторил банальное утверждение, что никто не знает, когда наступит конец света и второе пришествие Христово, и сообщил о составлении пасхалии на следующую (восьмую) тысячу лет. Примечательно, что «Изложение» содержало апофеоз Ивану III, который громогласно провозглашался «самодержцем». Митрополит прославлял государя, которого бог поставил, как и «новаго царя Констянтина новому граду Констянтину,— Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя». Так под пером покровителя еретиков зарождалась официальная теория о Москве как наследнице Византии[23]. Вскоре она получит дальнейшее развитие в первоначальном варианте «Сказания о князьях владимирских».

Выступая против всеохватывающей власти церкви, за освобождение мысли от господства богословия, московские вольнодумцы могли рассчитывать на какой-то успех, только опираясь на власть государя всей Руси. Именно поэтому они уже с 80-х годов XV в. последовательно проводят линию на укрепление идеологических основ великокняжеской власти. В 1488 г. Ф. В. Курицын от имени Ивана III зачитал имперскому послу декларацию (скорее всего им самим и составленную), где, в частности, говорилось: «Мы божию милостию государи на своей земли изначала от бога»[24]. В этих словах четко сформулирована идея полного политического суверенитета Русского государства. Та же линия на укрепление власти русского государя прослеживается и в «Изложении пасхалии», и в «Чине венчания Дмитрия-внука», и в «Сказании о князьях владимирских». Для создания этой политической теории сторонники Дмитрия-внука широко использовали тверскую традицию: ведь отец Дмитрия — Иван Молодой был фактическим наследником последнего тверского князя.

Рост влияния Дмитрия-внука и его сторонников при дворе, а также позиция Ивана III и митрополита Зосимы встревожили главного гонителя ереси — Геннадия. Он мобилизовал все силы воинствующих церковников, чтобы путем привлечения наследия «отцов церкви» упрочить идейные позиции ортодоксов и одновременно дискредитировать вольнодумцев и их покровителя Зосиму. При дворе Геннадия сложился круг книжников, который вел большую литературно-публицистическую деятельность. Крупнейшим предприятием кружка Геннадия стал перевод полного текста Библии, выполненный в 1499 г.[25] Создание корпуса библейских книг на национальном языке — явление хорошо известное времени Реформации. В период борьбы с протестантизмом библейские книги переводили на национальные языки и воинствующие церковники на Западе. Сходная картина была в Новгороде. В геннадиевской Библии заметно влияние латинской Библии. Это объясняется авторитетом католиков в кружке Геннадия.

Организатором работ по переводу Библии был архиепископский архидьякон Герасим Поповка, принадлежавший к числу книгописцев и книголюбов (он, например, переписал «Шестокрыл»). Получил он об-

разование в Ливонии, находился в тесном общении с крупнейшими деятелями северорусского монашества. Так, Герасим послал в Кирилло-Белозерский монастырь сочинения Афанасия Александрийского, в 1489 г. — антиеретического «Сильвестра — папу римского» с доверительным письмом Иосифу Волоцкому, а в 1503 г. — в Пафнутьев монастырь «Дионисия Ареопагита»[26]. В переводе Библии принимали участие брат Герасима Поповки — Дмитрий Герасимов и доминиканец Вениамин. Д. Герасимов перевел также противоиудейские трактаты де Лиры и Самуила Евреина. В 1498—1500 гг. он вместе с толмачом Власом изготовил переводы немецкой Псалтыри. Переписал он и Афанасия Александрийского[27] К кружку Геннадия были близки братья Юрий и Дмитрий Траханиоты. В 1494 г. новгородский писец Павел Васильев в приложении к «Пятикнижию» Моисея поместил противобогомильское сочинение Козмы Пресвитера. Поддерживал тесные контакты с Геннадием игумен Досифей, основатель библиотеки Соловецкого монастыря. К 1493 г. в ней находились «Козма Пресвитер», «Сильвестр», «Дионисий Ареопагит» и «Пророчества», т. е. сочинения, которыми интересовался Геннадий в связи с антиеретической полемикой[28].

В Новгороде в 1494 г. протекала деятельность любекского первопечатника Бартоломея Готана. В 80-х годах он работал в Магдебурге, Любеке и Стокгольме. Летом 1492 г., в бытность у императора Максимилиана, Юрий Траханиот и Иван Волк Курицын договорились с ним о переезде в Россию. Прибыл Готан в Новгород, очевидно, в июле 1493 г., когда посольство Ю. Траханиота вернулось на Русь. В письме Иоганна фон Ункеля от 29 мая 1494 г. сообщалось, что Готан в то время находился в Новгороде. Любекский хронист Реймар Кок (середина XVI в.) писал, что Готан прибыл на Русь после победы над татарами (1487 г.) и был «щедро одарен великим князем», но позднее «русские у него все отобрали, бросили его в воду и утопили». Готан погиб, скорее всего, после разгрома Ганзейского двора в конце 1494 г. Готан привез в Новгород немецкие первопечатные книги (в частности, Библию и Псалтырь), с которых геннадиевски писцы и толмачи делали переводы. В Любеке он напечатал «Диалог жизни со смертью». Интерес к этой

теме обострился в связи с ожидавшимся в 1492 г. «концом света». Вопросы жизни и смерти оживленно обсуждались еретиками и их противниками. Диалог был переведен в геннадиевском кружке и стал одним из наиболее читаемых произведений («Двоесловие живота со смертью»)[29]. Очевидно, вместе с Готаном приехал в Новгород любекский доктор и астроном Николай Булев. Ему принадлежит выполненный в 1495 г. перевод астрономического трактата 1486 г.[30]

В Новгороде работал и доминиканец Вениамин — «родом словенянин, а верою латынянин». По поручению Геннадия он около 1497 г. составил трактат в защиту церковного землевладения — «Слово кратко противу тех, иже в вещи священныя... вступаются», где развивал мысль о превосходстве духовной власти над светской. Всякая власть, правда, «изволится от власти божественыа, и сице толко мирьскаа власть есть под духовною. Елико от бога духовное достоинство предположено есть, сего ради больши достоит мирьской». Царская власть должна подчиняться духовной. Всякие покушения на земельные богатства церкви недопустимы. Церкви в защиту даны два меча: «Един меч есть вещественый... тои меч достоит пастырем церковным иметь, защищение церкви своеа, даже и до своего кровопролитиа»; второй меч «есть духовный»[31]. Но теория доминиканца Вениамина не помогла — в 1499 г. церковно-монастырские земли в Новгороде были отписаны на государя.

В борьбе с митрополитом Зосимой за господство в церкви идеологи геннадиевского кружка создали «Повесть о белом клобуке», в которой развивалась мысль о новгородском епископе как фактическом главе русской церкви. В «Повести», как и в «Изложении пасхалии» Зосимы, проводилась идея о Руси как наследнице Рима времен Константина. Однако ее авторы постарались придать этой идее реакционно-клерикальный характер: власть новгородского архиепископа возвышалась над властью московского государя, а знак архиепископского достоинства — белый клобук, перешедший якобы от папы Сильвестра, становился «честнее» царского венца («понеже архангельского чина есть царьский венец, есть и духовнаго суть»). Составителем «Повести» был или Дмитрий Траханиот (что вероятнее), или Дмитрий Герасимов[32]. Ответом на «Повесть»

было создание «Сказания о князьях владимирских» (в его первоначальной основе) и чина коронации Дмитрия-внука «царским венцом» — главным атрибутом власти.

Многообразная литературно-публицистическая деятельность кружка Геннадия отражала складывание идеологии воинствующих церковников. Она питалась не только особым положением церкви как государства в государстве, но и традициями новгородской обособленности, уходящей корнями во времена феодальной раздробленности.

Ударной силой воинствующих церковников в начале 90-х годов стал игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин. Около 1488 г. Геннадий, в епархии которого находился Волоколамский монастырь, обратился к Иосифу — наряду с другими иерархами — за помощью в борьбе с ересью. Следуя примеру Геннадия, Иосиф стремился подвигнуть виднейших церковных иерархов на борьбу с еретическим вольномыслием. При этом главный удар он наносит по митрополиту Зосиме, которого резко и бескомпромиссно обвиняет в ереси. Примерно в 1492—1494 гг. он написал послание епископу суздальскому Нифонту. В нем прямо говорилось, что на митрополичьем «престоле ныне седит скверный злобесный волк, оболкийся в пастырьскую одежу, иже чином святитель, а произволением Июда предатель и причястник бесом, иже оскверни и святительский великий престол, овех убо жидовству учя, инех же содомскыими сквернами скверня». Иосиф просил Нифонта встать на защиту православия, ибо «ныне, господине, о том стати накрепко некому, опроче тебя, государя нашего». Порицал Иосиф и тех, кто говорил, что «грех еретиков осужати» [33]. Сходное послание Иосиф написал и архимандриту Евфимию (очевидно, владимирского Рождественского монастыря). В нем волоцкий игумен скорбел, что «люта зима жидовства богоненавистнаго постизает церковь... Все послание направлено против «лукавого змия», который «упився некогда от второго Ария — протопопа, глаголю, диявола». Как и в послании Нифонту, в послании Евфимию Зосима по имени не назван, но из текста явствует, что речь идет именно о нем. Пишет Иосиф Волоцкий и своему брату Вассиану, призывая его «подвигнуться» пострадать за правую веру. В 1495 г. Иосиф пишет «Сказа-

ние о скончании седьмой тысячи» (лет. — *А. З.*), позднее вошедшее в 8—10-е Слова его «Книги на еретики» («Просветителя»). Исходя из утвердившегося тогда богословского тезиса, что «всемирный конец и второе его (Христа. — *А. З.*) пришествие никто же не весть», он считает всякое мудрствование (и в первую очередь еретическое) на эту тему богопротивным[34].

Таковы были основные мотивы обличительной полемики Иосифа Волоцкого. Позитивная программа его напоминала ту, которую развивали в кружке Геннадия. Иосифу только в большей мере присущи были темпераментность и настойчивость в изложении идей, крайность суждений и широкое знакомство с богословской литературой.

В послании иконописцу Иосиф Волоцкий твердо отстаивал позиции воинствующей церкви, и в частности тезис о превосходстве власти духовной над светской. Он заявлял, что царь «божий слуга есть... Аще ли же есть царь, над человеки царьствуа, над собою же имат царствующа страсти и грехи... злейши же всех — неверие и хулу, таковый царь не божий слуга, но диаволь, и не царь, но мучитель... И ты убо таковаго царя или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавьство приводяща тя, аще мучит, аще смертию претить!» Иосиф, как и Вениамин, внушал мысль о необходимости сопротивляться «неправедному царю». Но даже праведным царям подобает «покланятися и служити телесне, а не душевне и въздавати им царьскую честь, а не божественую». Грозные речи волоцкого игумена по адресу «царя-мучителя» понятны не только в условиях внутрицерковной борьбы, но и в обстановке недовольства Иваном III со стороны волоцкого князя Бориса Васильевича, придворной обителью которого был монастырь Иосифа. Но вот в 1494 г. Борис умирает. Для Иосифа это была тяжелая утрата. Угас «четверосветлый и чюдный, он светилник весь до конца, и тмы, и дыма, и горести исполни всю Росию»,— писал он какому-то вельможе Иоанну[35]. Так как речь шла, скорее всего, о четырех удельных братьях Ивана III (Юрии, двух Андреях и Борисе), то скорбь Иосифа имела ярко выраженное проудельное звучание.

Атака на митрополита Зосиму в конце концов возымела действие. 17 мая 1494 г., воспользовавшись отсутствием в Москве князей В. И. Патрикеева и

С. И. Ряполовского и Ф. В. Курицына (отправившихся ратифицировать мирный договор с Литовским княжеством), высшие церковные иерархи сумели свести Зосиму с престола. Он оставил митрополию и ушел на покой сначала на Симоново, затем в Троицу и в конце концов на Белоозеро[36], т. е. в цитадель нестяжательства. Геннадий в 1495 г. объяснял отставку Зосимы «немощью». Владимирский летописец писал, что Зосима ушел с престола «по своей воли»[37] В своде 1518 г. (основанном на своде 1508 г) указано, что Зосима ушел «не своею волею, но непомерно пития держашеся и о церкви божии не рядяше»[38]. В своде 1497 г. и в Типографской летописи только отмечено, что Зосима ушел «не по своей воле». По Вологодско-Пермской летописи, Иван III «сослал» Зосиму с митрополии[39]

Выборы нового митрополита затянулись. Очевидно, споры вокруг различных кандидатур велись ожесточенные. Наконец 6 сентября был избран, а 22 сентября поставлен митрополитом игумен Троице-Сергиева монастыря Симон Чиж. Человек, склонный к компромиссам (судя по дальнейшей его деятельности), он не принимал активного участия во внутрицерковной борьбе. Ревнителей православия это устроить не могло. Вероятно, поэтому никто из владык не присутствовал на обеде по случаю его избрания, и Симону пришлось удовольствоваться обществом троицких монахов[40].

Кратковременный триумф Дмитрия-внука (коронация 1498 г.) вскоре сменился опалой его видных сторонников и пожалованием в 1499 г. новгородского княжения злейшему врагу еретиков — княжичу Василию. В 1500 г. сошел со сцены Ф. В. Курицын. В 1502 г. его покровители — Дмитрий-внук и княгиня Елена оказались в темнице. Уже накануне церковного собора 1503 г. (на пасху, т. е. 16 апреля) Иван III обещал Иосифу Волоцкому начать преследование еретиков. В 1504 г. Иосиф писал, что, когда он был «на Москве», великий князь «говорил со мною наедине о церковных делех. Да после того почял говорити о новгородцких еретикех... Да и сказал ми, которую дръжал Алексей протопоп ересь, и которую ересь дръжал Федор Курицин». Иван III добавил при этом: «...однолично, деи, пошлю по всем городом, да велю обыскивати еретиков да искоренити»[41].

17 апреля 1503 г. умерла Софья Палеолог[42] Смерть своей высокой покровительницы иосифляне, возможно, использовали для дальнейшего давления на великого князя. До собора 1503 г. Иосиф Волоцкий создал на основе своих антиеретических сочинений десятисловную редакцию «Книги на еретики» («Просветитель»). Книга открывалась «Сказанием о новоявившейся ереси», содержавшим историческую справку о появлении и распространении ереси на Руси. Весной 1504 г. Иосиф написал архимандриту Андроникова монастыря Митрофану и просил его воздействовать на государя, чтобы тот ускорил расследование дела о еретиках[43].

Накануне собора 1504 г. Иосиф доработал «Книгу на еретики», создав ее новую (одиннадцатисловную) редакцию. Это произведение сыграло роль развернутого обвинительного заключения. Назойливое стремление вывести ересь из враждебной Литвы должно было обеспечить вынесение смертного приговора вольнодумцам.

О соборе 1504 г. сохранилось краткое сообщение свода 1508 г. (в редакции 1518 г.): «Тоя же зимы князь великии Иван Василевичь и князь великии Василеи Ивановичь всея Русии со отцем с своим, с Симоном-митрополитом, и с епископы, и с всем собором и обыскаша еретиков, повелеша их лихих смертною казнию казнити; и сожгоша в клетке диака Волка Курицина, да Митю Коноплева, да Ивашка Максимова, декабря 27, а Некрасу Рукавову повелеша язык оурезати и в Новегороде в Великом сожгоша его. И тое же зимы архимандрита Касияна Оурьевскаго сожгоша, и его брата, иных многих еретиков съжгоша, а иных в заточение разослаша, а иных по манастырем»[44]. Сын боярский Дмитрий Коноплев еще в мае — сентябре 1503 г. ездил в свите посольства в Литву. Сожженный Иван Максимов — это тот, кто «свел в ересь» Елену Стефановну, которая находилась теперь в «нятстве» и умерла 18 января 1505 г.[45] Инквизиционные костры запылали и в Новгороде. Здесь зимой 1504 г. «архимандрита Касиана Юрьевского сожгоша, да брата его, Ивашка Самочернаго, да Гридко Квашню, да Митю Гостоселова»[46]. Сожжен был там и Некрас Рукавов. Касиан был ставленником братьев Курицыных, по их настоянию Иван III и назначил его архимандритом старшего в Новгороде Юрьева монастыря. Держался он

здесь независимо от Геннадия, «понеже помощь имеяше Федора Курицына». В период новгородской самостоятельности юрьевская архимандрия была государственным институтом, независимым от архиепископа[47]. Властный владыка Геннадий решительно боролся с этой сохранившейся и позднее традицией.

В 1504 г. ряд новгородских бояр, отправленных в свое время на жительство во Владимир и Переславль, были переведены в Москву[48]. Связано ли было как-то это решение с казнями новгородцев, сказать трудно.

Московские и новгородские костры вызывали ропот не только в народе, но и среди монашества. Иосифу Волоцкому пришлось писать специальное послание от имени митрополита о соблюдении соборного определения 1504 г. и правомерности казни еретиков как «вероотступников»[49].

Слух о казнях проник и за рубеж. Фогт Нарвы в феврале 1505 г. сообщал, что «Волк, секретарь старого великого князя, сожжен со многими другими русскими из-за некоей ереси, которая среди них распространилась. И этот (Василий. — *А. З.*) велит еретиков в любое время хватать, где их только можно выследить, и приказывает их сжигать»[50].

Казни еретиков — небывалое в русской практике явление — с негодованием были встречены в кругах духовенства, близких к нестяжателям. В ответ Иосиф Волоцкий написал ряд сочинений. В «Слове об осуждении еретиков» (позднее включено как 13-е Слово в «Книгу на еретики») порицались те, кто, ссылаясь на Иоанна Златоуста, говорили, что «не достоить никого же ненавидети или осужати, ниже невернаго, ниже еретика, и не убо достоит убивати еретика». В «Слове о благопремудростных коварствах» (источник 14-го и отчасти 1-го Слов в «Книге на еретики») Иосиф также развивает тезис о том, что царям и инокам «подобает осужати и проклинати еретики и отступники»[51]. В послании о соблюдении соборного определения 1504 г. Иосиф проводил мысль о необходимости различать «еретиков и отступников». Последних миловать нельзя, а «нынешнии же отступницы» заслуживают самой жестокой казни.

Сохранился интересный памятник, известный под названием «Ответ кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого о наказании еретиков». Он начи-

нается с изложения послания Иосифа великому князю Василию («о Кассиане, архимандрите Юрьевском, о прочих еретицех»), в котором доказывается необходимость казней еретиков. В «Ответе» же проводится мысль о необходимости миловать еретиков. Н. А. Казакова предполагает, что «Ответ» написал Вассиан Патрикеев зимой 1504 г «в период, когда уже готовилась расправа с еретиками, но еще до их казней». Ее наблюдения были обстоятельно рассмотрены и отвергнуты Я. С. Лурье. Автор «Ответа» вопрошал Иосифа, почему он «не связа» Кассиана «своею мантиею, донеле же бы он сгорел?», а сам был бы благодаря «своей святости» извлечен невредимым из «пламени». Прошедшая форма («связа... сгорел») указывает, по мнению Лурье, на то, что Кассиан уже был сожжен. Доводы Иосифа взяты из его «Слова об осуждении еретиков», т. е. «Ответ» написан был после «Слова». Наконец, разделение еретиков на «некающихся» и на «кающихся и свою ересь проклинающих», которых «церьковь божия приемлет простертыма дланми», могло быть уже после собора 1504 г., когда Иван III и Василий Иванович повелели «овех огню предати, овех же языки изрезывати и иными казньми казнити. Они же, видеша таковую свою беду, вси начаша каятися». «Ответ», считает Лурье, мог быть написан уже после 1508 г., когда Волоколамский монастырь перешел под великокняжеский патронат (Иосиф писал «государю» Василию Ивановичу: «...своего ему монастыря») [52].

Идеология нестяжательства сложилась не сразу. Первым импульсом к ее оформлению был подъем реформационного движения. Стремясь к укреплению церкви, нестяжатели первого призыва во главе с Нилом Сорским считали путем церковной реформы «умную молитву» и нравственное самосовершенствование. Дух критицизма по отношению к «писанию» должен был, по их мысли, помочь избавить церковную традицию от «плевел». Во всем этом сказывалось косвенное влияние еретического вольномыслия. Вторым толчком к оформлению нестяжательства были соборы 1503—1504 гг.: на первом из них заволжские старцы сочувствовали попыткам правительства ликвидировать монастырское землевладение, после второго — решительно протестовали против сожжения еретиков. Итак, на первом этапе «нестяжатели» выступили против теоретиче-

ских основ реформы церковного быта, предложенной иосифлянами (утверждение внешнего благочиния, палочный режим общежительных монастырей, начетничество); на втором — против практики воинствующих церковников.

Система религиозно-философских взглядов московских вольнодумцев восстанавливается с большим трудом. Не дошло даже приговора по их делу (хотя приговор 1490 г. сохранился). Иосиф Волоцкий отделял ересь новгородцев от той, которую «держал» Ф. В. Курицын. Очевидно, последняя не была столь радикальной. Вряд ли московские еретики шли дальше отрицания монашества как института, осуждения продажности церковной иерархии, а также, возможно, и критики святоотеческих преданий. Зато их влияние на развитие общественно-политической мысли и культуры несомненно. «Повесть о Дракуле» Ф. Курицына входит в круг тех памятников светской оригинальной беллетристики, которые получают распространение в конце XV в. Среди них — «Повесть о купце Басарге», повести цикла о Мамаевом побоище (в том числе «Задонщина») и др.[53] Растет интерес книжников к фольклорным мотивам, к описанию явлений природы, животного мира.

Русская гуманистическая мысль конца XV — начала XVI в., как и европейское Возрождение в целом, одним из своих источников имела античное наследие, проникавшее и непосредственно, и через патристическую философию. На Руси получили распространение сочинения псевдо-Дионисия Ареопагита, которые оказали влияние и на идеолога гуманизма Пико делла Мирандолу, и на Джордано Бруно и Николая Кузанского. Платоновские, плотиновские и прокловские тексты попадали на Русь через посредство псевдо-Дионисия. В 1495 г. итальянский гуманист Альд Мануций издал в Венеции изречения Менандра, хорошо известные в то время и на Руси среди еретиков («Мудрости Менандра»). Античные сочинения широко входят в репертуар читавшихся на Руси книг. С XIII в. в хронографы включалась так называемая псевдо-Каллисфенова «Александрия» (легендарная биография Александра Македонского), а с XV в. на Руси известен и ее сербский вариант. Троянские саги дополняются переведенной в конце XV в. Троянской историей Гвидо

де Колумны. Распространяются апокрифы о Соломоне и Китоврасе. Известна повесть о Стефаните и Ихнилате, восходящая к мотивам индийского эпоса. Все эти произведения связаны с кругом идей Предвозрождения и Ренессанса. Торжество клерикальной реакции в начале XVI в. на время приостановило распространение светской литературы на Руси. С разгромом московской ереси можно связать и загадочную судьбу великокняжеской библиотеки («либерии»), содержавшей много памятников античной литературы. Возможно, после 1504 г. она надолго была замурована в подвалах Кремля[54].

Процесс секуляризации общественной мысли, наметившийся на рубеже XV—XVI вв., отразился и в повышенном интересе к позитивным знаниям (в том числе к языкознанию, астрономии, медицине, строительному делу). В силу недостаточно интенсивного развития социально-экономических условий явления гуманизма не были сколько-нибудь значительными. К тому же их носителями были не столько торгово-ремесленные круги города, сколько дальновидные представители государственного аппарата и дворянства. Поэтому в России дело не дошло до противопоставления суверенной личности церковному мировоззрению. Речь шла прежде всего о противопоставлении самовластия монарха всевластию церковников.

В конце XV в. резко усилился интерес и к истории, причем не только русской, но и всемирно-исторической. Отзвуком этого были работа Ивана Черного над перепиской Еллинского летописца, а также создание «Сказания о князьях владимирских» (в первоначальной редакции). В «Сказании» также слышны мотивы античного наследия. При дворе Дмитрия-внука составлена была в 1498 г. особая редакция тверского летописного свода, пополненная как московскими, так и тверскими известиями. Как предположил С. М. Каштанов, при дворе Елены Волошанки в 1495 г. возник еще один летописный свод, отразивший характерные черты политики протверской политической группировки В отличие от свода 1493 г. в нем тверские бояре не называются «коромольниками», отсутствуют некоторые сведения, рисующие враждебные отношения между Россией и Литовским княжеством, и появляются материалы о русско-валашском союзе[55].

М. В. Щепкина обратила внимание на замечательный памятник древнерусского художественного шитья — пелену, на которой изображен торжественный выход Ивана III и всего его семейства во время февральской коронации 1498 г. Эта одна из первых светских картин Древней Руси возникла в окружении Елены Стефановны около 1498 г. Елена Волошанка с ее кружком гуманистов и реформаторов чем-то напоминает польскую королеву Бону, окруженную итальянскими гуманистами. Пелена Елены Волошанки — «памятник чисто светского торжества над противниками»[56]. В ней наряду с церковными мотивами обнаруживаются и светские, сочетаются приемы молдавского искусства и русского. Пелена Софьи Палеолог 1499 г. носит уже печать традиционного церковного искусства.

Отголоски политической борьбы 80—90-х годов XV в. усматривает в миниатюрах Радзивилловской летописи О. И. Подобедова. На миниатюре, посвященной убиению Андрея Боголюбского в 1175 г., изображена женщина в иноземном платье, держащая отсеченную левую руку. Сведения об участии в убийстве князя жены его сына — «болгарки» есть только в Тверском сборнике. Поэтому Подобедова считает, что список создан в тверских правительственных кругах (при дворе Ивана Молодого и Дмитрия-внука), возможно при участии Ивана Черного, закончившего в июле 1485 г. Еллинский летописец. Деятельностью книжников московского еретического кружка могло объясняться, по ее мнению, и ограниченное количество церковных сюжетов в миниатюрах. Второй этап работы над списком (конец 1497 — февраль 1498 г.) Подобедова связывает с венчанием Дмитрия-внука. В частности, изображение княжны-иноземки на миниатюре 1175 г., возможно, намекало на великую княгиню Софью — вдохновительницу заговора против Дмитрия[57]

Возрожденческие мотивы проникли и в архитектуру. В особенно яркой форме их можно обнаружить в памятниках Московского Кремля, созданных итальянскими зодчими Аристотелем Фиораванти, Марко Руффо, Пьетро Солари совместно с псковичами и москвичами. В великолепном московском ансамбле освежающее влияние итальянского Ренессанса сочетается с воскрешением национальных традиций, восходящих еще к Древней Руси. В живописи рубежа XV—XVI вв.

исследователи обнаруживают художественные отклики на религиозные споры того времени. Как показал М. В. Алпатов, с тринитарными спорами конца XV в. связано возникновение такого шедевра русской вописи, как икона «Апокалипсис». Мотивы итальянского и южнославянского искусства присутствуют в роскошных орнаментах рукописей конца XV в. (Буслаевская Псалтырь, книга Слов Григория Богослова, принадлежавшая кн. Пожарскому). Не исключено, что на некоторые из них наложили отпечаток вкусы княгини Елены Стефановны[58].

Словом, влияние московских вольнодумцев, и атмосферы религиозно-философских споров, и возросших гуманистических интересов сказалось в различных областях культуры. Искра, зажженная вольнодумцами, не угасла. На смену физически истребленному поколению еретиков конца XV — начала XVI в. в 20—30-е годы XVI в. пришли наследники их идей, продолжавшие в иных условиях борьбу с мертвящим воздействием церкви на русскую культуру.

Агония московской ереси — страница истории России последних лет правления Ивана III. Но в то время государь был далек от практического управления страной. Вся власть сосредоточивалась в руках княжича Василия, которому в конце 1503 г. и завещал престол Иван III[59] Постепенно сходили со сцены все видные деятели последних десятилетий правления его отца. Вскоре после смерти Софьи Палеолог умерла в январе 1505 г. в заточении Елена Волошанка, а в декабре — опальный архиепископ Геннадий. Не прошло и года после инквизиционного собора 1504 г., как 27 октября 1505 г. скончался и сам государь всея Руси Иван Васильевич[60].

СОЗДАНИЕ ОБЩЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

Важнейшим итогом общественно-политического развития России к началу XVI в. было завершение создания единого государства, ставшего одной из могущественнейших европейских держав того времени. На рубеже XV—XVI вв. наряду с объединением основных русских земель вокруг Москвы происходило строительство общерусского государственного аппарата. Этот процесс, имея в своей основе подспудные социально-экономические процессы, протекал медленно, но неуклонно. После присоединения Твери (1485 г.), части Рязани (1503 г.) и северских земель (1494—1503 гг.) в Северо-Восточной Руси кроме единого Русского государства существовало только два самостоятельных государственных образования — Великое княжество Рязанское и Псковская феодальная республика. Но и они находились в полувассальной зависимости от Москвы. Рязанский великий князь Василий Иванович женат был на сестре русского государя — Анне. После смерти Василия (1483 г.) его старший сын Иван в том же году признал себя «молодшим братом» Ивана III. Что же говорить о его младшем брате — Федоре,

получившем Перевитеск? После смерти бездетного Федора (1503 г.) его земли получил Иван III[1]. По смерти Ивана Васильевича Рязанского (1500 г.) опекуншей малолетнего князя Ивана стала его бабка — Анна (до смерти в 1501 г.), затем мать Аграфена.

Псков издавна поддерживал дружественные отношения с Москвой. Русский государь направлял туда князя-наместника. С Иваном III Псков координировал и свою внешнюю политику. Часть русских земель (прежде всего Смоленск) находилась еще в составе Великого княжества Литовского. Завершение объединения русских земель в единое государство оставалось важнейшей задачей, с которой вскоре успешно справилось правительство Василия III.

Единое государство, создававшееся в Северо-Восточной Руси, было многонациональным. Наряду с русским в него вошли некоторые народы Среднего Поволжья (мордва), а после присоединения Новгорода — карелы, коми и другие народы Севера. Этот факт имел огромное значение, несмотря на то что первоначально нерусские народы не составляли в количественном отношении сколько-нибудь значительной части населения страны. Традиции совместной жизни разных народов в рамках одной государственности оказали заметное влияние на дальнейшее развитие России, и в частности на ее взаимоотношения с народами Поволжья. Сильная группировка феодальной знати, ориентировавшаяся на Москву, образовалась в Казанском ханстве. Временное присоединение Казани в 1487 г. было предвестником грядущего вхождения всего Среднего и Нижнего Поволжья в состав Русского государства.

Особое место в системе феодальных образований в России на рубеже XV—XVI вв. занимало вассальное Касимовское княжество. Правительство оказывало татарским царевичам на русской службе прямую финансовую поддержку («ясак»). В свою очередь царевичи со своей конницей обязаны были нести военную службу русскому государю. Связанные родственными связями с крымскими и казанскими ханами, они представляли собой важный козырь для русского правительства как в сложной дипломатической игре, так порой и в прямых вооруженных столкновениях с Казанью, Крымом и Большой Ордой. Положение татарских царевичей на сословно-иерархической лестнице феодальной знати

в России было настолько высоким, что даже в середине XVII в. они считались «честью... бояр выше, а в думе ни в какой не бывают и не сидят». В Государеве родословце середины XVI в. татарские царевичи помещены непосредственно за потомками удельных князей московского дома [2].

Образование Касимовского княжества связано с именем сына Улу-Мухаммеда Касима, выехавшего на Русь в 1446 г. За поддержку, оказанную московскому великому князю в борьбе с Дмитрием Шемякой около 1452 г., он получил городок Мещерский (Касимов) и стал основателем этого княжества, сыгравшего важную роль в подготовке присоединения Казани. После смерти Касима (около 1469 г.) княжество унаследовал его сын Даньяр. Согласно докончаниям 1473 г. Ивана III с братьями Борисом Волоцким и Андреем Углицким, они должны были держать Даньяра «с одного», т. е. совместно. Эта же формула повторилась и в докончании 1481 г. В пользу Даньяра отчислялась определенная часть доходов как с владений удельных князей, так и с Рязани. Побывавший в 1476 г. на Руси А. Контарини писал: Иван III ежегодно посещал «одного татарина, который на княжеское жалованье держал пятьсот всадников. Говорили, что они стоят на границах с владениями татар для охраны, дабы те не причиняли вреда стране (русского князя)». Речь, очевидно, шла о Даньяре. Около 1483—1486 гг. Даньяр сошел с исторической сцены и его место занял Нур-Доулат, старший сын первого крымского хана Хаджи-Гирея. В феврале 1480 г. он выехал на Русь и принес «шерть» на верность государю. В докончаниях Ивана III с Борисом Волоцким и Андреем Углицким 1486 г. подтверждался старый порядок — держать «с одного» касимовского царевича, в данном случае — Нур-Доулата. Поскольку в походе 1491 г. против Орды участвовал его сын Сытылган, надо полагать, сам Нур-Доулат к тому времени уже умер. Сытылгану в Касимов («Царевичев городок») платился «выход» и согласно завещанию Ивана III (ноябрь 1503 г.) [3].

В конце XV в. в кормление царевичей изредка попадали и другие города. Так, после того как Абдул-Летиф изгнал из Казани Магмед-Амина весной 1497 г., тот получил в кормление Каширу, Серпухов и Хотунь. В 1502 г. роли переменились, и Магмед-Аминь отпра-

вился в Казань, а Абдул-Летиф оказался на Белоозере в заточении. Города-кормления татарских царевичей занимали промежуточное положение между вотчинами служилых князей и обычными кормлениями[4]. В отличие от Касимова в них владетели довольно часто сменялись, да и состав этих городов не был строго определенным.

В составе Русского государства находилось еще несколько полусамостоятельных образований. Василий Темный около 1461—1462 гг. создал Дмитровский удел своего сына Юрия, Угличский — Андрея Большого, Волоколамский — Бориса, Вологодский — Андрея Меньшого[5]. Существовали Ростовский удел его вдовы Марии и Белозерско-Верейское княжество его двоюродного брата Михаила Андреевича. К изучаемому времени состав удельных княжеств очень изменился. В 1472 г., после смерти кн. Юрия, его уделом завладел Иван III. В 1481 г. умер бездетный Андрей Меньшой, в 1485 г. — княгиня Марья. Их земли также унаследовал Иван III. После смерти Михаила Андреевича Иван III, согласно завещанию князя, получил и его владение (сын Михаила — Василий бежал в Литву в 1483 г.). В 1491 г. «пойман» был кн. Андрей Большой, умерший в заточении в 1493 г. В заточении находились долгие годы и его сыновья — Иван и Дмитрий. После смерти Бориса Васильевича (1494 г.) его удел был разделен между его сыновьями — Иваном (Руза) и Федором (Волоколамск). Бездетный Иван (умер в 1503 г.) оставил удел Ивану III.

Итак, уделы фактически ликвидировал еще Иван III (исключая разве что Волоколамский). Но это говорило скорее об общей тенденции развития объединительного процесса, чем о его итогах. Удельные традиции были еще сильны, а социально-экономические условия развития отдельных земель сохраняли явные черты феодальной раздробленности. В 1503 г. Иван III в завещании восстановил уделы для своих сыновей (Юрий получил Дмитровский, Дмитрий — Углицкий, Семен — Калужский, Андрей — Старицкий)[6]. По составу территории и политическому значению эти уделы уступали своим предшественникам, и их ликвидация была только делом времени.

Объединение русских земель в единое государство не означало полного их слияния ни в экономическом,

ии в политическом отношении, хотя и способствовало этому процессу. Великокняжеская власть вела упорную борьбу за полное подчинение независимых и полунезависимых земель. Одним из средств этой борьбы, как показал Л. В. Черепнин, было составление докончаний великого князя с его удельными родичами, согласно которым они признавали политический суверенитет московских государей. За изучаемое время сохранились докончания Ивана III с князьями Андреем Большим Углицким (1481, 1486 гг.), Борисом Волоцким (1481, 1486 гг.), Михаилом Андреевичем Верейским (1482 и 1483 гг.), Иваном Рязанским (1483 г.) и Михаилом Борисовичем Тверским (1481—1485 гг.)[7] Фактически тверской и рязанский князья были поставлены в ранг удельных.

Согласно докончаниям, устанавливалось полное подчинение удельных князей государю во внешнеполитических делах. Удельный князь признавал себя «братом молодшим» по отношению к сюзерену. Он во всем должен был «хотеть добра» великому князю, и в частности все «недруги» великого князя должны были стать и его «недругами». Удельные князья обязывались не заключать самостоятельно никаких докончаний и даже не вести без ведома великого князя с кем-либо переговоров («ссылаться»), особенно же с Литвой, псковичами и новгородцами, Михаилом Тверским, Ордой. Они обязаны были или сами участвовать в военных акциях великого князя, или посылать своих воевод. Так, Андрей Углицкий и Борис Волоцкий ходили в поход на Тверь в 1485 г. Борис Волоцкий посылал войска в 1491 г. на Орду. Во время войны с Великим княжеством Литовским на Дорогобуж отправлялись полки Ивана Рузского и Федора Волоцкого. В неудачном походе сына Ивана III — Дмитрия Жилки к Смоленску (1502 г.) волоцкий и рузский князья также принимали участие. Когда в 1491 г. князь Андрей отказался послать свои войска в поход на Орду, то это стало поводом к его «поиманию». Росписи (разряды) удельных войск, участвовавших в общерусских походах, хранились в Государевом архиве[8]. Чтобы сильнее привязать удельных князей к великокняжескому двору, заключались династические браки. Так, сын белозерского князя Михаила Андреевича — Василий был женат на племяннице Софьи Палеолог.

Во внутриполитических делах удельные князья были стеснены меньше. Они только обязывались не принимать к себе служилых князей и не владеть землями на территории великого княжения. В то же время Иван III привлекал их для участия в общегосударственных делах. Так, на соборе 1503 г. присутствовали его дети Василий, Юрий и Дмитрий[9]. Но участие удельных князей во внутриполитических общегосударственных делах было очень ограниченным. Великий князь с недоверием относился к их деятельности. В уделах же его родичи распоряжались полновластно, за исключением разве «сместных» (совместных) дел, которые судили судьи обеих сторон. Платили удельные князья в великокняжескую казну и «выход» (ордынский). В их ведении был суд по земельным и «разбойным» делам. Они выдавали кормленые, тарханные и несудимые грамоты своим феодалам. У них были и дворцы с дьяческим аппаратом и дворцовыми селами. Их «даньщики» и «таможники» собирали в удельную казну таможенные пошлины, дани и другие поборы. Городами и волостями управляли наместники и волостели с тиунами. Существовали и удельные боярские думы.

Непрочность этой системы в известной мере объясняется слабостью социальной базы, на которую опирались удельные князья. Их дворы, а особенно думы и дворцы состояли преимущественно не из местной знати, а из представителей старомосковских княжеских и боярских родов, как правило «захудалых» ветвей. Это должно было вызывать недовольство местных землевладельцев, не имевших возможности пробиться в непосредственное окружение удельных владык. Удельные княжата и бояре оказывались связанными родственными и иными отношениями с великокняжеской знатью. Поэтому и они не были надежной опорой своих сюзеренов. В борьбе с великокняжеской властью удельные князья, следовательно, не могли рассчитывать на активную поддержку ни знати, ни рядовых феодалов.

Своеобразным было положение Твери после ее присоединения к Москве. Она составляла как бы удел, находившийся в управлении наследника престола Ивана Ивановича. После смерти Ивана Молодого (1490) некоторое время Тверью владел княжич Василий, за-

тем его власть над Тверью была ограничена, а полностью он ее потерял в 1497 г. В Твери существовали свои бояре.

Сохраняли черты феодальной обособленности Новгород и его земли. Проведенная там аграрная реформа (уничтожение боярского и владычного землевладения и создание поместной системы) не ликвидировала многие специфические черты былой государственности.

Оставалась государством в государстве и феодальная церковь. Обладая огромными землями и податными привилегиями, церковь была одной из крупнейших социально-политических сил в стране. Она претендовала не только на идеологическое главенство, но и на активное участие в политической жизни страны. В конце XV в. складывалась идеология воинствующих церковников. В. И. Ленин так характеризовал составные части идеологии «чистого клерикализма», уходящей своими корнями в представления воинствующих церковников: «Церковь выше государства, как вечное и божественное выше временного, земного. Церковь не прощает государству секуляризации церковных имуществ. Церковь требует себе первенствующего и господствующего положения» [10]. Руководству церкви удалось провалить секуляризационные планы правительства. Задача подчинения церкви великокняжеской власти еще не была решена.

Полуудельные владения находились у так называемых служилых князей. Постепенно теряли остатки своих суверенных прав потомки ростовских и ярославских князей. В 1473/74 г. Иван III приобрел у князей Владимира Андреевича и Ивана Ивановича вторую половину Ростова. Продолжали пользоваться элементами суверенных прав князья Пенковы в Ярославле и князья Юхотские в Юхоти (Ярославль). Но постепенно они их утратили, и к началу XVI в. наиболее видные из ростовских и ярославских княжат вошли в состав Боярской думы. Переход на сторону Ивана III виднейших представителей знати Юго-Западной Руси привел к тому, что на положении служилых князей оказались Воротынские, Белевские и Одоевские, сохранившие остатки своих старинных владений в Воротынске, Одоеве и Новосили. Получили небольшие земли в Северо-Восточной Руси Бельские и Мстиславские. Отъехали на

Русь в 1499—1500 гг. князья Трубецкие, Мосальские, Семен Иванович Стародубский и Василий Иванович Шемячич Новгород-Северский [11].

Присоединение на рубеже XV—XVI вв. огромных территорий Юго-Западной Руси привело к созданию особой системы отношений этих земель с великокняжеской властью. Она не имитировала уходящую в прошлое удельную систему, но оставляла значительные суверенные права за местными властителями, так называемыми слугами. Прослойка служилых князей занимала как бы промежуточное положение между удельными князьями и князьями Северо-Восточной Руси, потерявшими суверенные права на старые земли. Владение служилых князей рассматривалось правительством не как самостоятельное княжение, а как вотчина (безотносительно к тому, получил ли слуга ее от великого князя или она перешла к нему от предков). Служилый князь не был близким родичем великого князя и не имел никаких прав (в отличие от удельного) на занятие великокняжеского престола. Права и обязанности служилого князя хорошо рисуются по докончанию 1459 г. новосильского и одоевского князя Ивана Юрьевича и его братаничей Федора и Василия Михайловичей с великим князем литовским Казимиром. Княжата обязывались верно служить Казимиру, его детям и вообще тем, кто будет в дальнейшем великим князем литовским; обещались быть «в воле» литовского князя, и в частности быть союзниками в его борьбе с врагами. Отныне без его дозволения княжата не могли вступать в договорные отношения с кем-либо. Сам же Казимир обязывался не вступать в новосильские и одоевские земли. Суд по спорным вопросам должен быть совместным — литовского князя и княжат-слуг. В условиях докончания 1459 г. было много черт, близких к договорам русского государя с удельными родичами. Иван III выступал от имени служилых в важнейших международных договорах (в частности, в договоре с Литовским княжеством 1494 г.) [12]. Служилые князья, как и удельные, участвовали со своими войсками в военных действиях Ивана III (в том числе и в русско-литовской войне начала XVI в.). Земли княжат-слуг не должны были выходить из-под великокняжеского суверенитета (даже если у княжат не будет «отрода», т. е. при выморочности владений).

Не известно, существовали ли подобные докончания русского государя со своими слугами. Но суть отношений их с великокняжеской властью напоминала те, что были изложены в докончании 1459 г. О том, что служилые князья считались рангом ниже удельных, свидетельствуют докончания Ивана III с удельными братьями, содержавшие их обязательство не принимать «служебных князей» с вотчинами. Служилые княжата не составляли единой сплоченной корпорации. Среди них выделялись Семен Можайский и Василий Шемячич, занимавшие полуудельное положение. Именно эти князья, формально числясь слугами, считались как бы патронами северских князей, часто находившихся под их командованием во время войн на юго-западе Руси [13].

Великокняжеская власть имела различные средства влияния на политику служилых князей. Одним из них была замена их земель, в результате которой слуги теряли связи с местными корпорациями землевладельцев Юго-Запада. Другим средством была опала. Сохранив на окраине Русского государства за слугами часть их старинных прав и привилегий на их вотчинных землях [14], правительство формально поставило их выше старомосковских княжат и бояр. С княжатами-слугами они местничать не могли. И вместе с тем служилые князья были отстранены от реального управления страной. Они не входили в Боярскую думу, не участвовали в переговорах с послами, не посылались наместниками. Постепенно, по мере формирования и укрепления государственного аппарата, их политическая роль уменьшалась.

Таковы те особенности в управлении отдельных земель на рубеже XV—XVI вв., которые отмечал В. И. Ленин, подчеркивая наличие сильных черт феодальной обособленности отдельных земель [15].

Центральную власть в стране осуществляли великий князь, Боярская дума, дворцовые учреждения и дьяческий аппарат. Великий князь издавал распоряжения законодательного характера (Судебник, уставные и указные грамоты и т. п.). Ему принадлежало право назначения на высшие государственные должности. Великокняжеский суд был высшей судебной инстанцией. Наиболее значительные военные предприятия возглавлялись великим князем. В изучаемое время он только дважды выступал в качестве военачальника: в походе

на Тверь 1485 г. и в 1495/96 г., когда он во главе своего двора отправился в Новгород. Последний «поход» был военно-инспекционной поездкой, только внешне повторявшей новгородские походы 70-х годов XV в. Сношения с иностранными державами также находились в компетенции государя.

И все же, несмотря на такой широкий круг политических прерогатив, великого князя всея Руси нельзя представить себе по образцу государя-абсолютиста или восточного деспота. Власть великого князя ограничивалась прочными традициями, коренившимися в патриархальности представлений о характере власти, которые имели к тому же религиозную санкцию. Новое пробивалось с трудом и прикрывалось стремлением жить, как отцы и деды. Так, при назначении на думские должности великий князь должен был считаться с традиционным кругом боярских семей и порядком назначения. С величайшим трудом семейный принцип прокладывал себе дорогу, идя на смену родовому. Великий князь не мог еще нарушить традицию выделения уделов своим детям — один из устоев структуры государства того времени, хотя с самовластием удельных братьев вел решительную борьбу.

Источники позволяют довольно наглядно представить себе государственную деятельность Ивана III, но на их основании нелегко воссоздать его внешний облик и характер. Итальянец Контарини, посетивший Москву в 1476 г., писал: «...он был высок, но худощав, вообще он очень красивый человек». Холмогорский летописец упоминает прозвище Ивана Васильевича — Горбатый. Очевидно, Иван III сутулился. Вот, пожалуй, и все, что известно о внешности великого князя. Литовский хронист писал, что это был «муж сердца смелого и рицер валечный». Несклонный к скоропалительным решениям, он прислушивался к мнению своего окружения. По словам знавшего его Ивана Берсеня Беклемишева, «против себя стречю (несогласие. — А. З.) любил». По А. М. Курбскому, он добился успеха «многаго его совета ради с мудрыми и мужественными сиглиты его; бо зело, глаголют, его любосоветна быти, и ничто не починати без глубочайшаго и многаго совета». Иван IV чтил деда, имевшего прозвище Великий, как «собирателя Руския земли и многим землям обладателя» [16].

Иван III был одним из выдающихся государственных деятелей феодальной России. Обладая незаурядным умом и широтой политических представлений, он сумел понять насущную необходимость объединения русских земель в единую державу и возглавить те силы, которые привели к торжеству этого процесса. За 40 с лишним лет его правления на месте многочисленных самостоятельных и полусамостоятельных княжеств было создано государство, по размерам территории в шесть раз превосходившее наследие его отца. На смену Великому княжеству Московскому пришло государство всея Руси. Покончено было с зависимостью от когда-то грозной Орды. Россия из заурядного феодального княжества выросла в мощную державу, с существованием которой должны были считаться не только ближайшие соседи, но и крупнейшие страны Европы и Ближнего Востока. Успехи объединительной политики и победы на поле боя были тщательно подготовлены за столом дипломатических переговоров благодаря умению Ивана III налаживать добрососедские и дружественные отношения с теми странами, которые проявляли добрую волю и миролюбивые стремления.

Все эти успехи были бы невозможны без глубокого понимания Иваном III задач и путей утверждения единодержавия на Руси. Характерной чертой его политики была осторожность и последовательность в осуществлении планов. Великий князь, понимая огромную силу традиций, коренившихся в условиях тогдашней жизни, осуществлял объединение земель вокруг Москвы без какого-либо стремления предварить события, через ряд промежуточных этапов, которые в конечном счете вели к торжеству дела централизации. Поэтому окончательное включение присоединенных территорий в состав единого государства растягивалось на несколько десятилетий. Так было с Новгородом, Тверью и Рязанью.

Для осуществления далеко идущих политических целей нужны были надежные средства. Их мог обеспечить только новый государственный аппарат, который должен был стать и орудием подчинения крестьян и посадских людей — непосредственных создателей материальных ценностей. Иван III понял значение сильной армии, которую он создал и обеспечил землей, Казны и суда как органов власти. Новая дьяческая администрат-

рация стала надежным средством повседневного осуществления великокняжеских планов.

Опираясь на многовековую традицию своих предшественников на великокняжеском престоле, Иван III — этот, по словам К. Маркса, «великий макиавеллист» не чурался ни новых людей, ни новых представлений. Он охотно использовал передовой опыт западноевропейской науки и техники, приглашал ко двору видных архитекторов, врачей, деятелей культуры, мастеров, привлекал для организации дипломатической службы знатоков-греков. Обладая прекрасным знанием людей он выдвинул и из окружавшей его среды талантливых полководцев, умных дипломатов, деловых администраторов, не считаясь подчас с перипетиями дворцовых интриг.

Иван III входил в круг наиболее значительных европейских монархов, живших на рубеже XV—XVI вв. Он оставался сыном своего времени, жестоким и подчас коварным правителем. Но когда речь шла о государственных интересах, он умел подниматься над многими предрассудками, в том числе и клерикальными. Всем этим и определяется его место в отечественной истории периода создания единого государства.

Большую роль в управлении страной играло окружение Ивана III, в котором происходила борьба между различными политическими группировками. Во всех государственных мероприятиях великий князь координировал свои распоряжения с мнением членов Боярской думы — советом феодальной знати при великом князе. Боярская дума в изучаемое время состояла из двух чинов — бояр и окольничих. Ее численный состав был небольшим. Единовременно в нее входило 10—12 бояр и пять-шесть окольничих. Боярство формировалось из старомосковских нетитулованных боярских родов (Кобылины, Морозовы, Ратшичи и др.) и княжат, давно потерявших суверенные права (Гедиминовичи, Оболенские, Стародубские). Влияние отдельных лиц и боярских семей на ход политической борьбы в разные времена менялось. Так, в конце XV в. резко усилилось влияние группировки Патрикеевых (их сторонники составляли почти половину членов Думы). Засилье в Думе княжат из окружения Патрикеевых способствовало их опале в 1499 г.

Некоторый рост численности окольничих свидетельствовал о тенденции великокняжеской власти ослабить аристократический характер Думы. Не имея пока возможности нарушить стародавние традиции формирования состава Боярской думы, великокняжеская власть использовала другие средства для обеспечения подчинения правительству феодальной аристократии. Некоторых из влиятельных княжат венчали на великих княжнах (в 1500 г. В. Д. Холмский женился на дочери Ивана III). С тех представителей знати, которые внушали опасения, брались крестоцеловальные, присяжные грамоты на верность (в 1474 г. подобная грамота была взята с кн. Д. Д. Холмского). В случае открытого неподчинения великокняжеской воле дворы знати распускались. Так было около 1483 г. со дворами И. М. и В. М. Тучко-Морозовых, И. В. Ощеры и др. Нередко бояре попадали в опалу (например, Тучковы в 1485 г.), а некоторых и казнили (в 1499 г. — кн. С. И. Ряполовского).

При назначении в Боярскую думу великий князь должен был считаться с традицией, согласно которой в Думе должны быть представлены знатнейшие семьи по принципу старшинства. Но так как очередность «кандидатов» в Думу не была установлена, то великий князь мог назначить представителя той или иной фамилии раньше, чем другой. Складывавшиеся в XV в. местнические отношения касались прежде всего старомосковского боярства, с княжатами оно не местничало, ибо на иерархической лестнице те стояли выше. Местнический счет определялся службами предков, а не родовитостью, ибо установить бо́льшую или меньшую родовитость одной нетитулованной боярской семьи сравнительно с другой было просто невозможно [17]

Боярство занимало командные позиции в вооруженных силах страны и в административном аппарате. Бояре возглавляли полки в походах, судили поземельные споры, причем некоторые выступали в качестве судей высшей инстанции. Служили бояре и наместниками в крупнейших городах. Они же возглавляли комиссии, которые вели важнейшие дипломатические переговоры (в первую очередь с Литовским княжеством). В наиболее ответственные дипломатические миссии также посылались члены Боярской думы. Термин «бояре» имел узкое и широкое значение. В широком смысле

боярами часто называли тех представителей знати, которые исполняли боярские функции: судебные («с боярским судом»), дипломатические и др. Боярами иногда назывались дворецкие, казначеи и даже дьяки. Боярство было высшей прослойкой Государева двора и играло крупную роль в политической жизни страны. Двор состоял из двух частей: «княжат» и «детей боярских» — и давал кадры военачальников и администраторов более низкого ранга, чем администраторы-бояре. Двор был основной опорой великокняжеской власти[18]

После 1485 г. и до начала XVI в. наряду с московским существовал тверской двор со своей боярской знатью (князья Телятевские, Микулинские, Дорогобужские, бояре Борисовы, Карповы, Житовы). Он являлся как бы двором наследника престола (сначала Ивана Ивановича, затем его сына — Дмитрия). По мнению Б. Н. Флори, конец политико-административной обособленности Твери следует датировать 1504 г. Чин тверских «бояр» уничтожен был вскоре после 1509 г.[19]

В период феодальной раздробленности не было существенных различий между управлением собственно княжескими (домениальными) землями и общегосударственными. До 60-х годов XV в. дворцовые земли не достигали значительного размера и управление ими не выделялось в отдельную отрасль. По мере создания единого государства и присоединения новых земель объем великокняжеского хозяйства и размеры великокняжеских земель настолько расширились, что потребовалось создать в Москве централизованный аппарат управления этими землями. Он был необходим еще и потому, что во второй половине XV в. происходило постепенное размежевание между «черными» (государственными) землями и «дворцовыми», обслуживавшими специфические нужды великокняжеского двора. Управление первыми осуществляли наместники и волостели под контролем Боярской думы, управлять последними было поручено дворецким. Дворецкие ведали судом на дворцовых территориях, обменом и межеванием великокняжеских земель, давали земли на оброк. Вместе с тем дворецкие активно участвовали в решении важнейших общегосударственных дел. В их распоряжении находился штат дьяков, постепенно специализировавшийся на выполнении различных государственных

служб. Наряду с казначеями дворецкие осуществляли контроль над деятельностью кормленщиков[20]. Дворецкие скрепляли своей подписью и жалованные грамоты. Их суд часто был высшей инстанцией, принимавшей «доклад» судей по различным делам в спорных случаях. Великокняжеские дворецкие в большинстве происходили из среды нетитулованного боярства, с давних пор связанного с Москвой. Конечно, при назначении на эту должность играли большую роль и другие важные обстоятельства (служба при великокняжеском дворе, родственные связи с придворным окружением и др.).

Первым дворецким, известным по достоверным источникам, был Иван Борисович Тучко-Морозов (1467—1475 гг.). Около 1475 г. он оставил должность, а в начале 80-х годов попал в опалу. Вероятно, сразу же вслед за ним дворецким стал кн. Петр Васильевич Великий Шестунов (прямые данные о нем, как дворецком, относятся к 1489/90 — 1506 гг.). Конюшим (возможно, еще в 70-е годы) был брат Морозова — Василий Борисович Тучко. О функциях конюших сведений мало. Позднее дворецкий считался «под конюшим первый», а кто «бывает конюшим, и тот первой боярин чином и честью»,— писал в XVII в. Г К. Котошихин. Н. Е. Носов считает, что «через ведомство конюшего великокняжеская власть первоначально осуществляла общий контроль за формированием и материальным обеспечением дворянского поместного ополчения»[21]. Подкрепить эту догадку достаточной аргументацией пока не представляется возможным, но причастность конюшего к дворянской коннице весьма вероятна. Дворцовые должности находились в руках не у княжеско-боярской знати, входившей в состав Боярской думы, а, как правило, у нетитулованных представителей старомосковских родов, издавна связанных с великокняжеской властью.

Новые задачи перед великокняжеской канцелярией (Казной) вставали по мере расширения территории государства, и постепенно функции казначея стали выделяться в особую должность. Казначеями назначались приближенные великого князя, хорошо знавшие как финансовые, так и внешнеполитические дела. Именно они и осуществляли практическое руководство дипломатией. Первыми казначеями стали Ховрины, потомки греков, вышедших из Сурожа, и Траханиоты,

греки, прибывшие в свите Софьи Палеолог. Так, казначеем с осени 1491 по конец 1509 г. был Дмитрий Владимирович Ховрин. Помощником казначея уже в XV в. становится печатник, ведавший государственной печатью. Он прикладывал печать к правым грамотам, приставным и другим (ст. 22, 23 Судебника 1497 г.). Первые конкретные сведения о печатниках относятся к началу XVI в. В конце 1503 г. печатником был Юрий Малый Дмитриевич Траханиот [22].

Одним из наиболее приближенных к государю лиц был постельничий, который распоряжался его «постелью» и, может быть, его личной канцелярией [23]. Г К. Котошихин писал, что «постельничего чин таков: ведает его царскою постелью. А честью постельничей противо околничего». О постельничих конца XV — начала XVI в. сохранились лишь отрывочные сведения. По генеалогическим данным, постельничим при Иване III был Иван Море. В 1495/96 г. этот чин носили Ерш Отяев и Василий Иванович Сатин. В начале XVI в. постельничим некоторое время был С. Б. Брюхо-Морозов [24].

Следующими на иерархической лестнице дворцовых чинов находились ясельничие и ловчие. Они вербовались из дворянской мелкоты, но в зависимости от личных качеств могли занимать видное положение при великокняжеском дворе. В конце XV — начале XVI в. в годы, когда известны постельничие, ни ловчие, ни сокольничие не упоминаются. Возможно, лицо, исполнявшее функции постельничего, совмещало их с выполнением обязанностей ловчего. В ноябре 1474 г. ловчим был Григорий Михайлович Перхушков. Осенью 1495 — весной 1496 г. ясельничими были Федор Михайлович Викентьев и Давыд Лихарев. Викентьев продолжал исполнять эту должность и в июне 1496 г. Д. Лихарев был ясельничим в марте 1502 г., когда был назначен в посольство в Большую Орду. Викентьев в 1501 г. проводил разъезд земель. Среди сокольничих, ведавших соколиной охотой, крупной политической фигурой был Михаил Степанович Кляпик (упоминается как сокольничий в 1503 г.) — лицо, приближенное к княжичу Василию. Сокольничие, ловчие, ясельничие и постельничие все время находились при особе великого князя и оказывали влияние на текущую политику. О кравчих,

подносивших великому князю чашу с напитками во время празднеств, данных за изучаемый период нет [25].

Дворцовые должности в то время были не только пожизненными, но и в силу патриархальных традиций часто сохранялись в пределах одной фамилии (у Морозовых и Сорокоумовых-Глебовых). Первые упоминания о дворцовых должностях в источниках не означают, что именно тогда они и были созданы. Некоторые из них (сокольничие, ловчие, конюшие и др.) и их «пути» упоминаются в докончании детей Ивана Калиты (середина XIV в.), а в середине XV в. (до 1462 г.) упоминается «чашнич путь». Есть также сведения о «стольничем пути» [26].

В конце XV в. в связи с созданием единого государства управление великокняжеским хозяйством все более стало обособляться от общегосударственного управления, занимая по сравнению с ним менее значительное место. Вместе с тем если ранее дворцовым хозяйством могли ведать лица из дворцовой челяди великого князя, то теперь оно возглавлялось представителями старомосковского боярства, преданного интересам великокняжеской власти, или выходцами из растущего дворянства. Великие князья использовали дворцовый аппарат в борьбе с феодальной знатью. Наиболее преданные великокняжеской власти представители господствующего класса назначались прежде всего на дворцовые должности. Только смерть, опала или включение в состав Боярской думы могли лишить звания конюшего, дворецкого и т. п. представителя высшей дворцовой администрации.

По мере присоединения к Русскому государству последних самостоятельных и полусамостоятельных княжеств и ликвидации уделов в конце XV — первой половине XVI в. появилась необходимость в организации центрального управления этими территориями. Входя в состав единого государства, уделы, как правило, переставали быть источником для создания новых княжеств ближайших родичей государя и постепенно становились неотъемлемой частью общегосударственной территории. Вместе с тем еще не была изжита экономическая раздробленность страны, поэтому о полном слиянии новоприсоединенных территорий с основными не могло быть и речи. Этим и объясняется тот факт, что управление удельными землями в Москве сосредо-

точивалось в руках особых дворецких, ведомство которых было устроено по образцу московского дворецкого. Присоединяя княжества к Москве, великие князья забирали в фонд дворцовых и черносошных земель значительную часть владений местных феодалов. Система дворецких обеспечивала на первых порах управление этими землями на новоприсоединенных территориях.

Присоединение Новгорода и появление там значительного фонда великокняжеских земель привели к созданию ведомства новгородского дворецкого. Уже в ноябре 1475 г. упоминается новгородский дворецкий Роман Алексеев. В мае и декабре 1493 г. и в 1501 г. дворецким был Иван Михайлович Волынский. Судя по разрядным книгам, в августе 1495 г. дворецким был Василий Михайлович Волынский. Тверской дворец образовался после присоединения Твери к Москве и смерти Ивана Молодого, которому Тверь досталась в удел. Некоторое время тверские земли были подведомственны княжичу Василию. В завещании Ивана III (конец 1503 г.) упоминается тверской дворецкий. Около 1497—1503 гг. калужским и старицким дворецким был Иван Иванович Ощерин[27]. Однако в связи с созданием Калужского удела (в ноябре 1503 г.) дворец прекратил свое существование.

Функции областных дворецких были близки к компетенции дворецких Государева дворца. В их руках сосредоточивался надзор за судебно-административной властью наместников, волостелей и городчиков. Они осуществляли высшие судебные функции в отношении местных феодалов, черносошного и дворцового населения. Дворецкие контролировали выдачу иммунитетных грамот местным феодалам.

В конце XV — начале XVI в. дьяки великокняжеской канцелярии (Казны) постепенно берут в свои руки все важнейшие отрасли государственного управления. Под руководством казначея они ведают посольскими делами. Такие дьяки, как Федор Курицын, Третьяк Долматов, Андрей Майко, Василий Кулешин, Данила Мамырев, стали видными политическими деятелями. Дьяки Государевой казны начали вести делопроизводство и по военно-оперативным делам. «Разряды» за конец XV — первую половину XVI в., сохранившиеся в позднейших разрядных книгах, своей точностью свидетельствуют об их современной записи лицами,

имевшими прямое отношение к государственной канцелярии[28]. Дьяки начинают ведать и составлением великокняжеского летописания, в текст которого проникают сведения, заимствованные из посольских и разрядных книг. Дьяки были реальными исполнителями предначертаний великокняжеской власти. Они образовывали аппарат Боярской думы, Казны и дворца. В их среде зарождался новый государственный аппарат, получивший во второй половине XVI в. название приказного. Специализируясь на выполнении определенных поручений (финансовых, дипломатических, военных и ямских), дьяки подготавливали создание органов управления с новым, функциональным, а не территориальным распределением дел.

Распределение функций в дьяческой среде в конце XV — начале XVI в. только намечалось. Из 70 дьяков 23 служили в Рязанском и удельных княжествах[29] Об остальных известно, что один был конюшенным, один — земским, два — дворцовыми и 10 — ямскими дьяками. Удельные дьяки при ликвидации уделов, как правило, не входили в состав великокняжеского дьяческого аппарата. В Хронографе под 1498 г. перечислено 14 великокняжеских дьяков[30]. Эта цифра примерно отражает реальное число придворных дьяков (если не учитывать ямских и городовых).

С 60-х годов XV в. начала функционировать ямская гоньба как общегосударственная служба. Ямские дьяки ведали также составлением полных грамот на холопов[31]. Натуральная ямская повинность к началу XVI в. заменялась постепенно денежным платежом. Создавалась регулярная ямская служба. Строились ямские дворы, прокладывались дороги, формировался штат ямщиков. Все это и привело к появлению ямских дьяков, ведавших таким сложным и важным делом. Налаживание службы связи было вызвано потребностями роста экономического общения между отдельными землями, образованием единого государства и военно-стратегическими задачами. Около 1462—1480 гг. упоминается «ямской» (дьяк) Александр Борисов Воронов[32]. Около 1460—1490 гг. полную писал дьяк Захар. Около 1470—1477 гг. и в 1482 г. известен «ямской» (дьяк) Александр Хлуденев. Словосочетанием «ямской дьяк» впервые назван в 1492 г. Т. С. Моклоков. В 1499 г. впервые упоминается наименование

«дворцовый дьяк» (хотя, конечно, дворец существовал значительно раньше этого времени)[33]. В 1500 г. упомянут «земский дьяк». Что реально означал тогда этот термин, не вполне ясно. Скорее всего, речь шла о великокняжеском дьяке в отличие от дворцового[34]. В 1496 г. единственный раз упомянут «конюшенный дьяк» (в ведомстве ясельничего)[35]. Специальных поместных дьяков еще не было[36], хотя дьяки в конце XV в. ведали межеванием и отводом земель, составляли писцовые книги, вели судебные разбирательства и присутствовали на докладе в высшую инстанцию о поземельных спорах.

Доказывая существование поместных дьяков, А. В. Чернов ссылается на челобитную Варнавинского монастыря 1664 г. В ней якобы указывается, что при Василии III монастырь получил жалованную грамоту из Поместного приказа. В челобитной же говорится всего лишь об основании монастыря при Василии III, а слова «и по его в. государя указу, и по грамоте ис Помесного приказу» имеют в виду грамоту времен Михаила Романова. Упомянутые в этой же челобитной грамоты 26 июня 1530 г. за подписью дьяка Василия Амирева и 25 июля 1551 г. за подписью дьяка Василия Нелюбова (последняя дана «ис Помесного приказу»), как установлено С. М. Каштановым, недостоверны[37]. Таким образом, никаких данных о существовании Поместного приказа в первой половине XVI в. нет.

По мнению Н. Е. Носова, Судебник 1497 г. «характеризует момент превращения «приказов» из личных поручений в правительственные учреждения». Но в словах Судебника 1497 г. о том, что жалобника следует посылать к тому, «которому которые люди приказаны ведати», трудно усмотреть наличие «приказов» как государственных учреждений[38]. Л. В. Черепнин прав, считая, что в Судебнике 1497 г. нет данных, указывающих на «оформление приказной системы». «Документальное свидетельство» о существовании приказов около 1512 г. Н. П. Лихачев увидел в грамоте Василия III Успенскому монастырю: «...велел есми давати в люди своим диаком Ивану Семенову, да Ермоле Давыдову, да Ушаку Ортемьеву, да дворцовым диаком Феодору Ходыке да Стромилу, или кто на их место в тех приказех будут иные диаки». По П. А. Садикову, в 1512 г. была со-

здана временная комиссия — учреждение банковского характера. К его мнению присоединился и А. К. Леонтьев. Думается, эта точка зрения более близка к истине. Заметим также, что Ушак Артемьев был дворцовым дьяком еще в декабре 1502 г. а Ермола Давыдов — новгородским дворцовым дьяком весной 1501 г.[39] В грамоте 1512 г. говорится только об обязанности передавать деньги дьякам (как обычным, так и дворцовым) или тем, кто будет исполнять их обязанности.

А. М. Курбский писал о происхождении «писарей» (дьяков) Ивана IV: царь «избирает их не от шляхетского роду, ни от благородства, но паче от поповичов или от простаго всенародства»[40]. Эта характеристика полностью подходит и к составу дьяков предшествующего периода. Впрочем, часть «писарей» второй половины XV — первой четверти XVI в. вышла из состава мелких землевладельцев. К сожалению, не представляется возможным с достаточной точностью определить, какой социальный слой дал основную массу дьяков. Наличие у дьяков земель еще не говорит об их дворянском происхождении, ибо дьяки часто приобретали вотчины во время службы.

По Н. Е. Носову, приказы как определенные правительственные учреждения зародились в недрах княжеского дворца[41]. Вопрос об отношении дворца к Казне до сих пор не может считаться решенным. Но в источниках конца XV — начала XVI в. заметно отделение «дворцовых» дьяков от остальных, т. е. великокняжеских, входивших в состав Казны. Формулировка Носова не только стирает разницу между дворцом и Казной, но и не учитывает роли Боярской думы в формировании приказной системы, которая создавалась за счет ограничения, а не расширения компетенции дворцовых ведомств. Если Казна и дворец давали основные кадры аппарата складывавшейся приказной системы, то Боярская дума была той средой, из которой выходили руководящие лица важнейших из центральных ведомств. Боярские комиссии образовывались по мере надобности для ведения внешнеполитических переговоров, суда по земельным и «разбойным» делам и т. п. Источниками зарождавшейся приказной системы были Боярская дума, Казна и дворец. При этом дворцовые и тем более ямские дьяки считались рангом ни-

же великокняжеских (казенных), хотя они часто и выполняли сходные поручения. Один и тот же дьяк в свою очередь мог исполнять всевозможные функции: участвовать в дипломатических приемах, скреплять своей подписью грамоты и т. п. Приобретенный дьяками опыт практической работы давал правительству возможность использовать их преимущественно в одной какой-либо области. С увеличением численности дьяков росла постепенно и их специализация.

Значение первых ростков приказной системы нельзя преувеличивать. В конце XV — начале XVI в. дьяки входили еще и в состав дворца, отдельные отрасли казенного управления еще не обособились одна от другой, а определенный штат для каждой из них еще не сложился. Боярские комиссии имели временный характер и не всегда сочетались с определенным штатом дьяков. Функциональное распределение обязанностей только в середине XVI в. привело к сложению новой (приказной) системы управления.

Управление и суд на местах осуществлялись наместниками и волостелями с их штатом тиунов, доводчиков и праведчиков. Наместники бывали не только высшими судебно-административными лицами в городе, но и верховными начальниками местных войск. Обеспечивала наместников и волостелей система кормлений, предоставлявшая им право сбора различных поборов с определенных территорий. «Натуральный» характер вознаграждения за службу соответствовал слабому развитию товарно-денежных отношений в стране. Кормления (т. е. территории, с которых поборы собирались) в дворцовом ведомстве именовались «путями». В литературе термин «путь» ошибочно трактуется как ведомство [42]. На самом деле в изучаемое время «путь» — это определенная территориально-административная единица, население которой судится и облагается поборами в пользу администраторов дворцового ведомства (сокольника и др.). Грамоты «в путь» по формуляру совпадают с грамотами, передающими территории «в кормление». В духовной Ивана III упоминается Бежецкий верх «с волостми и с путми и з селы и со всеми пошлинами». В кормленых грамотах, по наблюдению Б. Н. Флори, термин «путь» встречается до 1485 г., после чего он заменяется «кормлением» [43].

Кормленщики происходили как из среды феодально. аристократии, так и из рядовой массы служилых людей. В крупнейших городах наместничества получали представители знати (в Москве — Гедиминовичи, во Владимире — кн. Д. Д. Холмский, в Вязьме — окольничий И. В. Шадра). Порядок раздачи городов в кормления в общем напоминал раздачу в уделы: более знатные лица получали более крупные города. При этом иногда в порядке получения кормлений отражались традиции удельной поры. Сроки кормлений были поначалу неопределенными, возможно пожизненными. Во всяком случае в Москве наместничали пожизненно, причем Гедиминовичи — с 20-х годов XV в. по 20-е годы XVI в. В XV в. складывался принцип кормления «по годом», т. е. кормление давалось на год и «перепускалось» еще на полгода или год. Василий III, по словам С. Герберштейна, раздавал кормления «по большей части в пользование только на полтора года; если же он содержит кого в особой милости или расположении, то прибавляет несколько месяцев; по истечении же этого срока всякая милость прекращается, и тебе целых шесть лет подряд придется служить даром». Впрочем, знать могла пребывать в наместниках и сравнительно долгое время. Так, известно, что окольничий И. В. Шадра наместничал в Вязьме с 1495 по 1505 г.[44]

Власть наместников и волостелей на местах ограничивалась и регламентировалась Судебником 1497 г., уставными грамотами, выдававшимися местному населению, и доходными списками, которые получали кормленщики. Перечень поборов (кормов), шедших в их пользу по доходным спискам, как бы корректировался уставными грамотами. По уставной Белозерской грамоте 1488 г., наместник получал традиционный корм со всех сох «без оменки» (как светских, так и духовных феодалов, обладавших иммунитетными привилегиями или нет). При вступлении в должность ему шло «въезжее». На Рождество он получал с сохи за полоть мяса 2 алтына, за 10 хлебов — 10 денег, за бочку овса — 10 денег, за воз сена — 2 алтына. Тиуны наместников получали корм в два раза меньший. Корм шел и доводчикам. Наместник имел право держать при себе двух тиунов и 10 доводчиков (восемь в городе и двоих

в станах)[45]. Получал наместник и всевозможные пошлины: таможенные (в том числе явку с гостей — по деньге с человека) и в соответствии с Судебником 1497 г. судебные.

Ограничение власти наместников и волостелей шло не только по линии регламентации поборов, но и путем изъятия из их ведения все большего числа дел. Так, «городовое дело» (строительство городских укреплений) сосредоточивалось в руках городчиков, на смену которым в начале XVI в. пришли городовые приказчики. Городчики, таможенники, даньщики собирали в Казну всевозможные подати[46]. Многочисленные писцы и специально посланные судьи решали поземельные споры, которые раньше были подведомственны преимущественно наместникам и волостелям. Только доклад полных (холопьих) грамот был прерогативой наместничьей власти.

Войско продолжало оставаться феодальным. Это означало, что его основу составляла конница из отрядов детей боярских и княжат, выводивших своих вооруженных холопов. В. И. Ленин подчеркивал, что даже в период «московского царства» «местные бояре ходили на войну со своими полками». При комплектовании полков широко использовался территориальный принцип. В поход шли отряды «тверичей», «дмитровцев», «новгородцев», «псковичей» и т. д. Новгородцы и псковичи чаще привлекались для военных действий в Ливонии, с Великим княжеством Литовским и на севере. Устюжане, вологжане, пермяки участвовали в походах на Югру.

Северские княжата заняты были обороной юго-западных границ. В больших походах общерусского характера участвовали полки из разных земель страны. Пятиполковая система (большой полк, передовой полк, полки правой и левой руки и сторожевой полк) складывалась на протяжении всего XV в. и стала обычной. Наряду с конницей в военных действиях принимало участие и вспомогательное (пешее) войско — «посоха»,— набиравшееся с сох[47]

Правительство Ивана III придавало большое значение созданию мощной артиллерии, без которой не приходилось рассчитывать на взятие крупных городов-крепостей. Большую роль в развитии артиллерии сыг-

рал выдающийся зодчий и мастер Аристотель Фиораванти. О его деятельности наиболее обстоятельно говорят Софийская II и Львовская летописи, восходящие к своду 1518 г. В основе его текста, в интересующей нас части, лежит свод 80-х годов XV в.[48], составителем которого, возможно, был митрополичий дьяк Родион Кожух, известный по источникам 1461—1482 гг.[49]

В официальном летописании сведения об Аристотеле, выехавшем на Русь в 1475 г., обрываются постройкой Успенского собора. Впрочем, и там содержится восторженная характеристика его деятельности: «В тои всеи земли не бысть ин таков, не токмо на сие каменное дело, но и на иное всякое, и колоколы, и пушки лити и всякое устроение, и грады имати и бити их». В декабре 1477 г. Аристотелю поручили чинить мост через Волхов. В 1482 г. «Аристотель с пушками» участвовал в походе под Казань. В 1483 г., после того как был зарезан, «как овца», один из докторов, Аристотель, «бояся того, почал проситися у великого князя в свою землю». Ответом было то, что великий князь, «поима его и грабив, посади на Онтонове дворе». Опала была недолгой, и в 1485 г. «Аристотель с пушками, и с тюфяки, и с пищалми» принимал участие в Тверском походе. Это последнее упоминание о нем в источниках. Вероятно, с появлением Аристотеля связано создание в Москве Пушечного двора. Во всяком случае первое упоминание о нем относится ко времени московского пожара 1488 г. Под тем же годом летописи сообщают, что Павел Дебоссис слил «пушку велику». Очевидно, тогда Аристотель уже умер. Разносторонняя деятельность Аристотеля произвела на современников настолько глубокое впечатление, что они употребляли термин «аристотели» наряду с «архитектонами», «ротмистрами» и другими, обозначая им «людей мудрых», мастеров иноземного происхождения[50].

Древнейшая из сохранившихся пушек (мастера Якова) была слита в 1485 г. Известна и пушка 1491 г., которую слили «Яковлевы ученики Ваня да Васюк»[51]. Создание артиллерии, отвечавшей условиям ведения войн в начале XVI в., было делом длительным. Неудача под Смоленском в 1502 г. в какой-то мере объяснялась недостаточностью артиллерийского обеспечения.

Задачу дальнейшего развития артиллерии стремился выполнить Василий III.

Надежной обороне Русского государства содействовали крупные фортификационные работы. Выдающимся военно-оборонительным сооружением стал Кремль. Построен был каменный детинец в Новгороде. В 1492 г. возведена была на ливонском порубежье крепость Ивангород, противостоявшая Нарве.

Резко увеличилась и численность армии. Исследователи считают, что общая численность войска в то время достигала примерно 200 тыс. пеших и конных воинов. В одной только битве при Ведроши 1500 г., по литовским данным (возможно, несколько преувеличенным), принимала участие русская конная рать в 40 тыс. человек, не считая пешей. Особенно преувеличивают численность русских войск ливонские источники, стараясь приукрасить свои военные успехи. Так, летом 1501 г. в Прибалтику из Пскова якобы ходило 40 тыс. русских воинов, а осенью даже 90 тыс. человек [52].

Наряду со строительством вооруженных сил правительство обращало внимание и на изыскание средств, необходимых для их обеспечения, а также для содержания двора и административного аппарата.

Унификация денежной системы, проведенная великокняжеской властью, создала общерусскую монетную стопу. Основными денежными единицами стали «московка» великокняжеского двора и «новгородка», выпускавшаяся в Новгороде. Рубль отныне состоял из 100 новгородок или 200 московских денег. Выпуск собственной золотой монеты («угорских») от имени Ивана III и его сына Ивана отражал возросшую финансовую мощь Руси [53].

Доходы великокняжеской казны складывались из различных поступлений. Тут были и военные трофеи, и средства, вырученные за экспортную торговлю. Государев домен (дворец) давал материальное обеспечение великокняжескому двору. Удельные князья платили большие суммы в «ордынский выход» (в 1486 г. Борис Волоцкий должен был давать 60 руб. из 1 тыс. руб. [54]). Основное население великокняжеских земель платило прямой налог — дань, к которому добавлялись ям (ямские деньги) за организацию службы связи, «писчая

белка» — писцам, мыт (проездная пошлина), тамга (торговая пошлина), пятно (за клеймение лошадей по деньге с лошади с рубля), и выполняло многие иные повинности (городовое дело и др.). Для сбора налогов приходилось содержать большой штат администраторов — даньщиков, таможенников, городчиков, ямских дьяков, писцов. Иногда налоги отдавали на откуп.

«Особые таможенные границы», о которых писал В. И. Ленин, характеризуя черты экономической и политической раздробленности «московского царства», в изучаемый период были особенно сильны. Существование различных податей в разных землях, а особенно многообразие окладных единиц препятствовали регулярному поступлению доходов в Государеву казну. К этому надо добавить и лихоимство администраторов. Издаваемые таможенные грамоты для отдельных областей (например, Белозерская таможенная грамота 1497 г.) регламентировали взимание таможенных поборов, но не могли оградить Казну от хищений. В 80-е годы XV в., как показал Б. Н. Флоря, происходит постепенный процесс ликвидации податных привилегий светских феодалов. Они уже теперь, как правило, платят в Казну не только дань, но и мыт, тамгу, ям и прочие подати. В 90-х годах дело дошло до полной ликвидации податного иммунитета светских феодалов. То же самое произошло и с иммунитетами церковных феодалов. Во всяком случае от 1490—1505 гг. грамот с податными льготами не сохранилось [55].

Создание Судебника 1497 г. было правовым оформлением процесса складывания единого государства, хотя черты обособленности отдельных земель в правовом отношении еще долго продолжали существовать в практике судопроизводства.

Русское государство складывалось в форме сословной монархии [56] Именно с конца XV в. начинают оформляться сословия на Руси — феодальная аристократия с ее органом — Боярской думой, дворянство и духовенство, крестьянство и посадские люди. Для представителей господствующего класса возникает комплекс прав-привилегий, отраженный как в законодательных памятниках, так и в практике повседневной жизни.

Успехи в объединительном процессе на рубеже XV—XVI вв. могли быть достигнуты только ценой

огромных усилий и жертв народов России, в первую очередь русских крестьян и горожан. Ответом на усиление феодального гнета в то время был резкий подъем классовой борьбы как в городе, так и в деревне, где крестьяне боролись за землю с феодалами всеми имевшимися в их распоряжении средствами. А. Д. Горский установил, что общее число земельных конфликтов в 1463—1500/01 гг. (38—39 лет) выросло более чем в 9 раз по сравнению с 1426—1462 гг., охватив 73 % всех уездов Северо-Восточной Руси. Ведущую роль в этой борьбе играло черносошное крестьянство (выступления владельческих крестьян по темпам интенсивности нарастания борьбы за землю «отставали» примерно вдвое). При этом пик усиления борьбы падает на 80-е и особенно 90-е годы XV в. Некоторый спад (вполовину против 90-х годов) приходится на 1501—1505 гг.[57]

Государь всея Руси Иван III княжил более 40 лет. На первый период его правления (1462—1480 гг.) приходится в основном завершение задач, поставленных в ходе феодальной войны второй четверти XV в.,— объединение земель вокруг Москвы и ликвидация остатков ордынского ига. Во второй период (1480—1505 гг.) перед великокняжеской властью встали новые задачи — борьба с пережитками феодальной децентрализации и создание аппарата единого государства. Именно на рубеже XV—XVI вв. во внутренней и внешней политике завязывались те узлы, распутывать которые пришлось на протяжении всего XVI столетия. Борьба с пережитками феодальной раздробленности шла в трех направлениях. Это прежде всего ликвидация удельных княжеств (завершившаяся падением Старицкого княжества при Иване Грозном), борьба с новгородским сепаратизмом (в конечном счете приведшая к разгрому Новгорода в 1570 г.) и, наконец, стремление подчинить церковь государству и секуляризовать церковные земли (программа собора 1503 г. была продолжена соборами 1550 и 1584 гг.).

Василий III и Иван Грозный унаследовали основные направления внешней политики, сформулированные Иваном III. Борьбу за Прибалтику, начатую Иваном III, Иван Грозный продолжил в Ливонской войне, но, правда, успеха не добился. Зато задачу воссоедине-

ния русских земель, и в частности присоединения тех из них, что входили в состав Великого княжества Литовского, сын и внук Ивана III выполняли. Продолжали они оборонительную стратегию отца и деда на южных рубежах, понимая, что только прочный, укрепленный тыл мог обеспечить успех восточной политики. Кратковременное присоединение Казани в 1487 г. и поддержка касимовских царевичей дали плоды в середине XVI в., когда Казань и Астрахань были включены в состав Русского государства.

Развитие нового государственного аппарата завершилось не скоро. Включение служилых князей в Боярскую думу только намечалось (завершилось оно в 30—50-е годы XVI в.). Власть наместников ограничивалась уставными грамотами и была ликвидирована только в середине XVI в. Появились соборные заседания (типа церковно-земского собора 1503 г.) — прообраз земских соборов середины XVI в. Сословная монархия конца XV в. примет форму сословно-представительной в середине следующего столетия. Вслед за первым общерусским Судебником (1497 г.) в 1550 г. последует второй. Ограничительная иммунитетная политика, под знаком которой осуществлялись все важнейшие финансово-судебные мероприятия XVI в., также коренится в мероприятиях Ивана III конца XV в. Из эпизодического функционального разделения обязанностей между великокняжескими дьяками Казны и дворца на рубеже XV—XVI вв. в середине XVI в. сложатся новые учреждения — избы (приказы), которые станут важнейшими общегосударственными учреждениями нового типа.

Преемственность наблюдается и в развитии форм классовой борьбы, и в направлениях общественной мысли. Традиции вольнодумцев Новгорода и Москвы были восприняты и развиты Феодосием Косым и Матвеем Башкиным. Зародившиеся течения воинствующих церковников (иосифлян) и нестяжателей будут продолжены как митрополитом Макарием, с одной стороны, так и протопопом Сильвестром и Артемием — с другой. Идеи «Сказания о князьях владимирских» войдут в повседневную дипломатическую практику при Иване IV, а сцены из него будут изображены на царском месте (троне).

Таким образом, к началу XVI в. возрожденная Россия превратилась в мощное многонациональное государство, вставшее на путь централизации. Россию этого времени характеризовали подъем экономики и культуры, развитие политических, торговых и культурных связей со многими странами Европы и Азии, невиданные дотоле внешнеполитические успехи.

Вступая в XVI столетие, Россия, как и другие европейские страны, оказалась на пороге нового времени. Перед ней открывались широкие перспективы дальнейшего подъема, пути для которого намечены были в последние десятилетия предшествующего века.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Имя крупного советского ученого-историка Александра Александровича Зимина (1920—1980) хорошо известно не только специалистам, но и всем, кто интересуется историей родной страны. Печатью яркого и своеобразного таланта отмечены его многочисленные исследования, посвященные широкому кругу проблем. А. А. Зимин — человек универсальных интересов в области истории и культуры средневековой России. Его перу принадлежат труды о холопстве на Руси с древнейших времен до конца XV в., о русской общественной мысли XV—XVI вв., об истории одного из крупнейших монастырей-феодалов — Иосифо-Волоколамского монастыря, об исторических песнях и повестях, о создании единого Русского государства, его централизации и складывании аппарата, о Первой крестьянской войне в начале XVII в., работы по актовому источниковедению и текстологии летописания и древнерусских литературных произведений. Специалисты-археографы высоко ценят его издания разнообразных источников — от древнейших (таких, в частности, как Новгородская Первая летопись и Русская Правда) до возникших в XVII в. Уже с первых дней занятий отечественной историей студенты учатся по ставшему классическим собранию документов — «Памятники русского права», основным составителем которого был А. А. Зимин[1].

Друзья, сверстники, коллеги, ученики навсегда запомнили неповторимые черты характера этого мужественного и необычайно талантливого человека, его атакующую манеру спорить, убеждать, воспитывать, помогать, манеру — жить.

Выход в свет труда покойного ученого вызывает у его друзей и учеников противоречивые чувства: горько — что автору уже не увидеть своей книги опубликованной, радостно — что ей отныне суждена долгая жизнь, что мысли замечательного историка станут достоянием многих тысяч людей.

Предлагаемая вниманию читателей книга — первая из публикуемых посмертно монографий А. А. Зимина. В его личном архиве хранятся рукописи еще несколь-

ких завершенных автором книг: последние годы жизни были для Александра Александровича, несмотря на тяжелую болезнь, исключительно плодотворными творчески.

Как пишет в своем вступлении автор, эта монография примыкает к ранее опубликованным в издательстве «Мысль» трем его книгам по истории России XVI в. Шеститомную серию (в нее, кроме того, входят книги о феодальной войне середины XV в. и о Русском государстве конца XVI в.) сам автор называл «Россия на пороге нового времени», имея в виду рубежный для России характер ее истории в XV—XVI вв. Завершение публикации всей серии даст читателю широкое полотно русской жизни накануне образования единого государства, времени его существования и перерастания в централизованное.

Идею этой книги лучше всего выражает авторский подзаголовок — «Возрожденная Россия». Это история возрождения, пробуждения страны после свержения ненавистного ордынского ига.

Как и в своих предшествующих монографиях, здесь А. А. Зимин предстает перед читателями как мастер синтетического обобщения. Тщательно анализируя дошедшие до нас источники, исследуя сложные проблемы формирования единого государства и его централизации, автор вместе с тем год за годом, месяц за месяцем прослеживает ход исторических событий во всей его сложности. Благодаря этому у читателя возникает цельная картина истории важного 25-летия русской истории.

Дар особого проникновения в прошлую жизнь Родины через судьбы людей, присущий таланту А. А. Зимина, и в этой работе развернулся вполне. За скупыми строками летописей и бесстрастными сообщениями актов и дипломатических документов автору удалось разглядеть не только судьбы выдающихся политических деятелей времени Ивана III, но и живые черточки характеров, личностей и самого государя всея Руси, и многих из его современников.

В книге, как и во всем творчестве Александра Александровича, чисто и ясно звучит его живой голос — голос гуманиста и патриота, полный ненависти к угнетателям и мракобесам, сострадания и любви — к труженикам.

В монографии читатель найдет немало строк, посвященных спорам автора с другими исследователями. В ученые диспуты А. А. Зимина увлекали не только его темперамент полемиста и талант критика, но и в первую очередь глубокое уважение к труду предшественников и коллег. А. А. Зимин никогда не полагал возможным для себя пройти (как бы не замечая) мимо мнения, имеющегося в историографии. Он считал, что его собственная точка зрения не доказана до той поры, пока он не опроверг иных мнений. И вместе с тем, как истинный ученый, А. А. Зимин под влиянием новых материалов и аргументов пересматривал те или иные свои точки зрения: примеров такого рода в этой книге немало.

Монография была задумана в начале 70-х годов. Прежде всего А. А. Зимин составил, как он называл, «хронологическую сетку», где были собраны с максимальной полнотой и расположены в хронологическом порядке все известия источников. Сетка — это исчерпывающая хроника изучаемого 25-летия. К 1978 г. книга была написана, но до последних дней ее, как и другие свои труды, Александр Александрович дополнял и уточнял в связи с появлением новых исследований. Последнее дополнение он внес незадолго до смерти, в конце 1979 — начале 1980 г.

Уже после завершения книги вышли в свет новые исследования по истории изучаемого в монографии периода. В ряде из них (труды Б. М. Клосса о Никоновской летописи, Ю. Г Алексеева о Псковской Судной Грамоте, Б. М. Клосса и В. Д. Назарова о Летописце Родиона Кожуха, составленном, по мнению авторов, в Успенском соборе) уточняются наши представления о ряде источников того времени. Новый свет на некоторые аспекты внутренней и внешнеполитической жизни Руси конца XV — начала XVI в. проливают работы о складывании поместной системы (В. Б. Кобрин), о свержении ордынского ига (В. Д. Назаров), о международных отношениях Русского государства (А. Л. Хорошкевич). Однако общая характеристика событий, данная А. А. Зиминым, надолго останется фундаментом наших знаний об эпохе.

Готовя рукопись к печати, мы помнили, как осторожен и щепетилен был сам А. А. Зимин — основоположник советской «историографической археографии» —

по отношению к наследию своих предшественников (В. О. Ключевского), учителей (С. В. Бахрушина), друзей (А. Н. Мальцева). В данном случае по техническим причинам пришлось сократить текст рукописи приблизительно на 5 а. л. Эта работа была проделана максимально осторожным образом: был унифицирован научный аппарат и введены в него и иногда в текст условные сокращения; объединялись там, где это не нарушало авторской мысли, абзацы и сноски. Существенному сокращению подверглась историографическая глава, в которой при сохранении всех наблюдений автора были устранены некоторые общие оценки, а также соображения, более подробно развитые в других главах. В главах «Заговор Владимира Гусева» и «Наследие Августа-кесаря» была несколько сокращена авторская аргументация, которую можно найти в ранее опубликованных статьях А. А. Зимина[2]. Были устранены отдельные фактические неточности, отмеченные взявшим на себя труд по рецензированию Я. С. Лурье.

Рукопись подготовлена к изданию В. Г Зиминой, В. Б. Кобриным и А. Л. Хорошкевич. Указатель составлен И. В. Ледовской и В. П. Козловым.

Авторский текст рукописи хранится в личном архиве А. А. Зимина.

В. Б. Кобрин, А. Л. Хорошкевич

ПРИМЕЧАНИЯ, ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИОГРАФИЯ (с. 8—22)

[1] ПСРЛ, т. 22, ч. I. СПб., 1911, с. 439—440. См. *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. Ср. рец. Б. М. Клосса ИСССР, 1977, № 3, с. 181—184).

[2] ААЭ, т. 1, № 172, с. 141—142; 161—166; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 109.

[3] Обстоятельный обзор историографии см.: *Черепнин.* Образование; *Сахаров А. М.* Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе. АДД. М. 1972.

[4] *Татищев В. Н.* История Российская, т. 1. М. — Л. 1962, с. 367.

[5] *Щербатов М. М.* История Российская, т. IV, ч. II, кн. X. СПб., 1783, с. 367.

[6] *Карамзин Н. М.* История государства Российского, кн. II, т. VI. СПб., 1842, стлб. 5, 210, 212, 219.

[7] *Радищев А. Н.* ПСС, т. 1. М. — Л., 1938, с. 150—151.

[8] ЛН, т. 59. М., 1954, с. 585; Архив братьев Тургеневых, вып. 5. Пг., 1921, с. 123.

[9] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, с. 58; кн. III. М., 1960, с. 57—60.

[10] *Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977, с. 97—126.

[11] *Аксаков К. С.* Сочинения исторические. М. 1889, с. 17, 19, 52, 53.

[12] *Белинский В. Г.* ПСС, т. 2. М., 1953, с. 110; т. 3. М., 1953, с. 18—23; т. 5. М., 1954, с. 134—135; т. 7. М., 1955, с. 57, 506, 507, 516; *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 7. М., 1956, с. 160—161; *Чернышевский Н. Г* ПСС, т. 3. М., 1947, с. 570—571.

[13] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Изд. 2-е, т. 1. СПб., 1880, с. 245—317.

[14] *Ключевский В. О.* Соч., т. 2. М., 1957, с. 114, 180.

[15] *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907, с. 124; *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918, с. 377.

[16] *Рожков Н. А.* Происхождение самодержавия в России. 4-е изд. Пг., 1919, с. 184; *его же.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд., т. 3. М. — Л., 1922, с. 23—24.

[17] *Плеханов Г. В.* Соч., т. 20. М. — Л., 1925, с. 72—78.

[18] *Покровский М. Н.* Избр. произв., т. 1. М., 1966, с. 215, 216.

[19] *Howes R. C.* The Testaments of the Grand Princes of Moscow. Ann Arbor, 1962; Muscovite Judical texts 1488—1556. Ann Arbor, 1966; Russian Private Law XIV—XVII Centuries. Ann Arbor, 1973, p. 41—211. См. также обзор новых изданий: *Зимин А. А. Хорошкевич А. Л.* — ИСССР, 1965, № 5.

[20] *Alef G.* The Origin and Early Development of the Muscovite Postal Sistem. — JGO, 1967, Bd XV, Hf. 1, p. 1—15; *idem.* Reflections on the Boyar Duma of Ivan III. — SEER, 1967, vol. 45 (104), p. 76—123; *idem.* Muscovite Military Reforms in the Second Half of the

Fifteenth Century. — FOY, 1973, Bd 18, p. 73—168; *idem*. Das Erlöschen des Abzugsrechts der moskauer Bojaren. — FOG, 1965, Bd 10, S. 7—74; *idem*. The Crisis of the Muscovite Aristocracy: a Factor in the Growth of Monarchical Power. — FOG, 1970, Bd 15, S. 15—58; *idem*. The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: a Discordant View. — Speculum, 1966, vol. XLI, N 1, p. 1—20.

[21] *Dewey H. W.* The White Lake Charter: A Mediaeval Russian Administrative Statute. — Speculum, 1957, vol. XXII, p. 74—83; *idem*. The 1497 Sudebnic — Muscovite Russiás First Nation Law Codex. — ASEER, 1956, vol. XV, p. 325—338; *Sheftel M.* Le «Justicier» (Sudebnik) du tsar Ivan III (1497). — Revue historique de droit français et étranger. Paris, 1956, année 34, N 4, p. 531—568; *Kleimola A.* Justice in Medieval Russia: Muscovite Judgment Chartiers (Pravye Gramoty) of Fifteenth and Sixteenth Centuries. Philadelphia, 1975; *Dewey H. W.* and *Kleimola A. M.* Suretyship and Collective Responsibility in Pre-Petrine Russia. — JGO, 1970, Bd 18, p. 337—354.

[22] *Rüss H.* Einige Bemerkungen zum Namestničestvo Problem in der ersten Hälfe des 16. Jahrhunderts. — JGO, 1972, Bd 20, Hf. 3, S. 403—411; *Fine J.* The Muscovite Dynastic Crisis of 1497—1502. — Canadian Slavonic Papers, 1966, vol. VIII, p. 198—215; доклад на эту тему Г. Алеф сделал в 1975 г. в Оксфорде; *Nitsche P.* Grossfürst und Thronfolger. Köln, 1972; *idem*. Die Kinder Ivans III. Beobachtungen zur Genealogie der Rjurikiden. — JGO, 1969, Bd 17, p. 345—368.

[23] *Jablonowski H.* Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Leiden, 1961; *Bacus O.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow. 1377—1514. Lawrence, 1957.

[24] *Schaeder H.* Moskau, das Dritte Rom. Darmstadt, 1957; *Medlin W* Moscow and East Rome. Geneva, 1952. См. также: *Лурье Я С.* О возникновении теории «Москва — третий Рим». — ТОДРЛ, т. XVI. М. — Л., 1960, с. 626—633; *Каштанов С. М.* Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии. — ВВ, т. XI. М. 1956, с. 308—324.

[25] *Stökl G.* Das Echo von Renaissance und Reformation in Moskauer Rußland. — JGO, 1959, Bd 7, S. 413—430.

[26] *Raeff M.* An Early Theoretist of Absolutism: Joseph of Volokolamsk. — ASEER, 1949, vol. VIII, N 2; *Fennell J. L.* The Attitude of the Josephians and Trans-Volga Elders to the Heresy of Judaisers. — SEER, 1951, vol. XXIX, N 73; *Špidlik T* Joseph de Volokolamsk. Roma, 1956.

[27] *Striedter J.* Die Erzählung vom Walachichen Vojevoden Drakula in der russischen und deutschen Überlieferung. — ZSPh, 1961, Bd XXIX, Hf. 2, S. 398—427; *Luria J.* Probleme der gegenwärtigen «Draculiana». — Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Köln, Wien, 1977, S. 316—327.

[28] *Lilienfeld Fairy v.* Nil Sorskij und seine Schriften. Berlin, 1963; *Hösch E.* Orthodoxie und Häresie im alten Rußland. Wiesbaden, 1975; *Angermann N* Kulturbeziehungen zwischen dem Hanseraum und dem Moskauer Russland um 1500. — Hansische Geschichtsblätter, 1966, Jg. 84, S. 20—48; *idem*. Bartholomäus Ghotan in Novgorod. — Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Alterumskunde, 1965, Bd 45, S. 141—148.

[29] *Vernadski G.* Russia at the Dawn of the Modern Age. New Haven, 1959.

[30] *Fennell J.* Ivan the Great of Moscow London, 1961. См. рец. Я. С. Лурье (ИССР, 1962, № 4).

[31] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 24; т. 21, с. 408.

[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 411, 415, 416.

[33] Архив Маркса и Энгельса, т. VIII. М., 1946, с. 159; *Marx K.* Secret Diplomatic History of Eighteenth Century. London, 1899, p. 81; цит. по: *Мавродин В. В.* Образование единого Русского государства. Л., 1951, с. 257.

[34] Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, с. 160.

[35] *Ленин В. И.* ПСС, т. 1, с. 153—154.

[36] *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М. — Л., 1936; *его же.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. 1. М. — Л., 1947; *его же.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

[37] *Романов Б. А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма. — Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М. — Л., 1960, с. 419—476; *Смирнов И. И.* С позиций буржуазной историографии. — ВИ, 1948, № 10, с. 115—124.

[38] *Черепнин Л. В.* Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв. — ИЗ, 1940, т. 9, с. 31—80; *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М. — Л., 1951; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М. — Л., 1966; *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979; *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977; *Кобрин В. Б.* О формах светского феодального землевладения в Русском государстве конца XV—XVI в. — УЗ МГПИ, 1969, № 309, с. 3—17.

[39] *Скрынников Р. Г* Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV и первой половине XVI в. — УЗ ЛГПИ, 1957, т. 150, вып. 1, с. 3—37; *его же.* Крепостничество и становление барщинной системы в России в XVI в. — ВИ, 1976, № 1, с. 33—50; *Зимин А. А.* Из истории поместного землевладения на Руси. — ВИ, 1959, № 11, с. 130—142; АИСЗР; *Дегтярев А. Я.* Поместное землевладение и хозяйство новгородских земель в XVI в. АКД. Л., 1973; *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Развитие поместной системы в XVI в. — ДКСР, с. 57—69; *Абрамович Г В.* Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в. АДД. Л., 1975; *Васильев Ю. С.* К вопросу о двинских боярах XIV—XVI вв. — Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР, вып. 1. Вологда, 1976, с. 5—21; *Копанев А. И.* К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв. — Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, с. 442—462; *Зарубин Л. А.* Важская земля в XIV—XV вв. — ИССР, 1970, № 1, с. 180—187.

[40] ПРФ, с. 188—248; *Шапиро А. Л.* О природе феодальной собственности на землю. — ВИ, 1969, № 12, с. 71—72; *Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л* О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVII вв. — Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 5—44; *Носов Н. Е.* О двух тенденциях развития феодального землевладе-

ния в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. — Там же, с. 44—70; *Копанев А. И.* Крестьянство русского Севера в XVI в. Л. 1978.

[41] *Алексеев Ю. Г* Черная волость Костромского уезда XV в. — Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967, с. 72—84; *его же.* Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в. — Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России, с. 88—103.

[42] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси, кн. 2. М., 1954; *Горский.* Очерки; *его же.* Об ограничении крестьянских переходов на Руси в XV в. (К вопросу о Юрьеве дне). — ЕАИВЕ, 1963. Вильнюс, 1964, с. 132—134; *Кочин Г Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. М. — Л., 1965; *Лёвочкин И. В.* К вопросу о системах земледелия в Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. — УЗ МГПИ, 1970, № 359, с. 154—174; *его же.* Некоторые проблемы возникновения и эволюции земледельческого поселения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. — Там же, с. 175—187; *Пьянков А. П.* К вопросу о причинах образования единого Русского государства. — УЗ БГУ (Минск), 1950, вып. 10, с. 89—114; *его же.* Формы феодальной ренты в Северо-Восточной Руси в XIV—XVI вв. — УЗ Могилевского ГПИ. Минск, 1955, вып. 1, с. 3—30.

[43] *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955; *Копачева М. Г* Феодальная рента в Новгородской земле на рубеже XV—XVI вв. — УЗ ЛГПИ, 1957, т. 131, с. 305—340; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М. — Л., 1961; АИСЗР; *Маковский Д. П.* Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI в. Смоленск, 1963; *Яковлев А. И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. 1. М. — Л., 1943; *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967; *его же.* Холопство в XVI — начале XVII в. Л., 1975; *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1971; *Зимин А. А.* Холопы на Руси с древнейших времен до конца XV в. М., 1973.

[44] *Зимин А. А.* Основные этапы и формы классовой борьбы в России конца XV—XVI в. — ВИ, 1965, № 3, с. 40—43; *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. (По житиям святых). М., 1966; *Ивина Л. И.* Судебные документы и борьба за землю в Русском государстве во второй половине XV — начале XVI в. — ИЗ, 1970, т. 86, с. 326—356; *Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в. М., 1974; *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960; *Лурье.* Борьба.

[45] *Кашин В. Н.* Крестьянская железоделательная промышленность на побережье Финского залива по писцовым книгам 1500—1505 гг. — Проблемы докапиталистических формаций, вып. 4. М., 1934, с. 12—54; *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М. — Л., 1948; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957; История Москвы, т. 1. М., 1952, с. 89—132 (глава написана К. В. Базилевичем при участии С. В. Безсонова и А. Н. Свирина); *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959; *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. 1. М. — Л., 1947.

[46] *Барашкова В. Н.* Соляная торговля г. Белоозера в конце XV — 60-х гг. XVI вв. — Очерки социально-экономической и политической истории СССР. М., 1963, с. 321—329.

[47] *Хорошкевич А. Л* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963; *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М. — Л., 1935; *его же.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. — Известия АН СССР, отд. общ. наук, VII серия, 1932, № 3, с. 193—237; *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956.

[48] *Шапиро А. Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977.

[49] *Черепнин.* Образование.

[50] *Масленникова Н Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955; *Кафенгауз Б. Б.* Древний Псков М., 1969; *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства (На примере Тверской земли). — Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 281—290; *Шульгин В. С.* Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в конце XV — первой половине XVI в. — Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1958, № 4, с. 3—15; *Тихомиров М. Н* Российское государство XV—XVII вв. М., 1973, с. 155—169; *Каштанов С. М.* Из истории последних уделов. — Труды МГИАИ, 1957, т. 10, с. 275—302; *Зимин А. А.* Новгород и Волоколамск в XI—XV вв. — НИС, вып. 10. Новгород, 1961, с. 97—116; *его же.* Из истории феодального землевладения в Волоцком удельном княжестве. — КДР, с. 71—78; *его же.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в. — ИСССР, 1973, № 3, с. 124—142; *его же.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. — ВИД, сб. 5. Л., 1973, с. 182—195; *его же.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. — История и генеалогия. М. 1977, с. 161—168.

[51] *Cherepnine L.* La réorganisation de l'appareil d'État durant la periode de la centralisation politique de la Russie. Fin du XV-e et début du XVI siécles. — Annali della Fondatlone Italiana per la storia amministrativa. Milano, 1964, p. 242—267; *Гальперин Г. Б.* Форма правления Русского централизованного государства XV—XVI вв. Л., 1964.

[52] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975; *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961; *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М. — Л., 1957; *Флоря Б. Н* Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник. — АЕ, 1970. М., 1971, с. 109—126; *его же.* Эволюция податного иммунитета светских феодалов в России во второй половине XV — первой половине XVI в. — ИСССР, 1972, № 1, с. 48—71; *Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е.* Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVI в. Л., 1957, с. 68—72 (автор — Н. Е. Носов); *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. — ИЗ, 1958, т. 63, с. 180—205; *его же.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. — ИЗ, 1971, т. 87, с. 219—286; *его же.* Наместническое управление в Русском государстве второй по-

ловины XV — первой трети XVI в. — ІІЗ, 1974, 94, с. 271—301.

[53] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI вв. — АЕ, 1957. М., 1958, с. 41—87

[54] *Лурье Я С.* Из истории политической борьбы при Иване III. — УЗ ЛГУ, сер. истор. наук, 1941, т. 80, вып. 10, с. 75—92; *его же.* Первые идеологи московского самодержавия. — УЗ ЛГПИ, 1948, т. 78, с. 81—106; *Каштанов.* Социально-политическая история. О «династическом кризисе» см. также: *Хорошкевич А. Л.* Об одном из эпизодов династической борьбы в конце XV в. — ИСССР, 1974, № 5, с. 129—139.

[55] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975; *ее же.* Русско-датские торговые отношения в конце XV — начале XVI в. — Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 89—104; *Скржинская Е. Ч.* Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию. — Проблемы истории международных отношений. Л., 1972, с. 267—281; *Гуковский М. А.* Сообщение о России московского посла в Милан (1486). — Труды ЛОИИ, вып. 5. М. — Л., 1963, с. 648—655; *Рутенбург В. И.* Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. — Исследования по отечественному источниковедению. М. — Л., 1964, с. 455—462; *Балязин В. Н.* Русско-имперские отношения в первой трети XVI в. — Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М. 1973, с. 147—175; *его же.* Политика Ивана III в Юго-Восточной Прибалтике. — Вестник МГУ, сер. IX, история, 1964, № 6, с. 83—93; *Греков И Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы в XIV—XVI вв. М. 1963.

[56] ОРК, ч. I—II.

[57] *Будовниц И. У* Русская публицистика XVI в. М. — Л., 1947; *Казакова Н А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970; *Зимин А. А.* Доктор Николай Булев — публицист и ученый-медик. — Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 78—86.

[58] Истоки русской беллетристики. Л., 1970.

[59] См., в частности: *Гольдберг А Л* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, т. XXX Л., 1976, с. 204—216; *его же.* К предыстории идеи «Москва — третий Рим». Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 111—116.

[60] *Попов Г В.* Художественная жизнь Дмитрова в XV—XVI вв. М., 1973; *его же.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV—начала XVI в. М., 1975.

[61] *Бахрушин С. В.* «Феодальный порядок» в понимании М. Н. Покровского. — *Бахрушин С. В.* Научные труды, т. 2. М., 1954, с. 154—173; *Базилевич К. В.* «Торговый капитализм и генезис московского самодержавия» в работах М. Н. Покровского. — Против исторической концепции М. Н. Покровского, ч. I. М. — Л., 1939, с. 140—178; История СССР (Уч.), т. 1. М., 1939; *Базилевич К. В.* Опыт периодизации истории СССР феодального периода. — ВИ, 1949, № 11, с. 65—90; разбор взглядов Бахрушина и Базилевича см.: *Черепнин.* Образование, с. 112—119; *Сахаров А. М.* Проблема образования Русского централизованного государства в советской

историографии. — ВИ, 1961, № 9, с. 74, 77; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 2. М., 1953; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966; История СССР. В 12-ти т., т. 2. М., 1966, с. 105—141; *Сахаров А. М.* Образование Русского централизованного государства. М., 1955, с. 16 и др.; *его же.* Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969, с. 35, 37, 43 и др.

[62] *Винтер Э.* Папство и царизм. М., 1969 (сокр. пер. кн.: *Winter E.* Russland und Papsttum. Berlin, 1960); *Raab H.* Zu einigen niederdeutschen Qullen des altrussischen Schrifftums. — Zeitschrift für Slawistik, 1958, Bd 3, Hf. 2—4, S. 331 u. a.; *Freydank D.* Der Laodicinerbrief. — Ibidem, 1966, Bd 11, S. 355—370; *Raab H.* Über die Beziehungen Bartholomäus Ghotans und Nicolaus Buelovs zum Gennadij — Kreis in Novgorod. — Wiss. Zeitschrift. Rostock, 1958/59, jg. 8, S. 419—422; *его же.* Новые сведения о печатнике Варфоломее Готане. — Международные связи России до XVII в. М. 1961, с. 339—351.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ (с. 23—29)

[1] ПСРЛ, т. 25. М. — Л., 1949.

[2] ПСРЛ, т. 18. СПб., 1913; *Клосс Б. М.* О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 255.

[3] *Лурье.* Летописи, с. 140.

[4] *Покровская В. Ф.* Летописный свод 1488 г. из собрания Н. П. Лихачева. — ПКНОЕ. 1974. М., 1975, с. 28—32; *Лурье.* Летописи, с. 140—141.

[5] ПСРЛ, т. 28. М., 1963; ср. т. 24. Пг., 1921.

[6] ПСРЛ, т. 28; *Лурье.* Летописи, с. 140.

[7] ПСРЛ, т. 27 М. — Л., 1962.

[8] ПСРЛ. т. 26. М. — Л. 1959; *Тихомиров М. Н.* О Вологодско-Пермской летописи. — ПИ. Сб. III. М. — Л., 1940, с. 225—244; *Буганов В. И* О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV — начала XVI в. — Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 158—165.

[9] ПСРЛ, т. 6. СПб., 1853.

[10] ПСРЛ, т. 28; т. 8. СПб.. 1859; т. 6; 20, пол. 1. СПб., 1910; ИЛ; ПСРЛ, т. 12. СПб. 1901.

[11] *Каштанов С. М.* О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495 гг.) — ПИ. Сб. VIII. М., 1959, с. 465; *Лурье.* Летописи, с. 251; ПСРЛ, т. 4. ч. I, вып. 2. Л., 1925, с. 530—531.

[12] *Лурье.* Летописи, с. 238—239.

[13] Там же, с. 212, 229, 239.

[14] *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960, с. 12—32; *Лурье.* Летописи с. 217, 223, 237, 258; *Насонов*, с. 373—374; *Сербина К. Н.* Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный свод 1497 г.). — ПИ. Сб. XI. М., 1963, с. 391—428.

[15] ПЛ, вып. 1. М. — Л., 1941; вып. 2. М. — Л., 1955; см. *Насонов А. Н.* Из истории псковского летописания. — ИЗ, 1946, т. 18, с. 255—294; *Grabmüller H.* Die Pskover Chroniken. Wiesbaden, 1975.

[16] *Кузьмин А. Г* Рязанское летописание. М., 1965; *его же.* К вопросу о времени создания и редакциях Никоновской летопи-

си. — АЕ. 1962. М., 1963, 111—120; *Клосс Б. М.* Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI в. и происхождение Никоновской летописи. — Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 318—338; ПСРЛ, т. 15. СПб., 1863; см. *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР, сер. VII, отд. гум. наук, 1930, № 9, с. 709—738; № 10, с. 739—773; КИ.

[17] *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, кн. V. М. — Л., 1950, с. 22—27; ср.: *Казакова Н. А.* Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. — ТОДРЛ, т. XVII. М. — Л. 1961, с. 169—200.

[18] ВВЛ; см. *Флоря Б. Н.* Коми-Вымская летопись. — Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 218—231; ПСРЛ, т. 33. Л. 1977; см. *Лурье Я. С.* О неизданной Холмогорской летописи. — Исследования по отечественному источниковедению. М. — Л., 1964, с. 449—455; УЛС; см. *Сербина К. Н.* Устюжский летописный свод. — ИЗ, 1946, т. 20, с. 239—270; *Насонов*, с. 348; *Лурье.* Летописи, с. 196—198.

[19] ПСРЛ, т. 22, ч. I. СПб., 1911; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. — ИА, т. VII. М., 1951, с. 254—299; *Клосс Б. М.* О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 244—255; *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л. 1975; ср. рец. Б. М. Клосса (ИССР, 1977, № 3, с. 181—184).

[20] АСЭИ, т. I—II; АФЗХ, ч. I—II; ГВНП; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970, с. 341—484; НПГ; *Голубцов И. А., Назаров В. Д.* Акты XV — начала XVI в. — СА, 1970, № 5, с. 74—89; *Кобрин В. Б.* Грамоты XIV—XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря. — АЕ, 1968. М., 1970, с. 406—410; *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал, т. I—II. М. 1905—1908. Сборник грамот Коллегии экономии, т. I—II. Пг. — Л., 1922—1929; *Корецкий В. И.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. — АЕ. 1967. М., 1969, с. 275—290

[21] *Черепнин.* Архивы, ч. 1—2.

[22] *Кобрин В. Б.* К вопросу о репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве XV—XVI вв. — Источниковедение отечественной истории, вып. I. М., 1973, с. 171—211; НПК, т. I—IV; Переписная окладная книга по Новгороду. — Временник ОИДР, кн. XI—XII. М., 1851—1852; Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930; *Гневушев А. М.* Отрывок писцовой книги Вотской пятины 1504—1505 гг. Киев, 1908; *Зимин А. А.* Два отрывка из Новгородской писцовой книги конца XV в. — ИА, 1959, № 1, с. 154—159; *Абрамович Г В.* Новгородские переписи конца XV и XVI в. и их место во внутренней политике Русского централизованного государства. АКД. Л., 1964; *его же.* Поганая писцовая книга. — ВИД. Сб. IX. Л., 1978, с. 173—194.

[23] ЦГАДА, Гос. древ. отд. IV, рубр. II, № 1 (Роспись приданого княжны Елены 1495 г.); ГАР.

[24] ДДГ; *Черепнин.* Архивы, ч. 1, с. 164—223; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — ПИ. Сб. VI. М., 1958, с. 275—324; *его же.* Княжеские духовные грамоты начала XVI в. — ИЗ, 1948, т. 27, с. 265—276.

[25] СГГД, ч. I, № 103—104, с. 249—251.

[26] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, с. 103—115; *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. — АЕ. 1968. М., 1970, с. 109—118.

[27] РК; Р; *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962; *его же.* Источники разрядных книг последней четверти XV — начала XVII в. — ИЗ, 1965, т. 76, с. 216—229.

[28] ПСРЛ, т. 24. М., 1921, с. 227—233; *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

[29] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., ч. 1—2. М., 1787; Временник ОИДР, кн. X. М., 1851; РИИР.

[30] Судебники XV—XVI вв. М. — Л., 1952, с. 13—108; *Черепнин.* Архивы, ч. 2, с. 253—385; *Штамм С. И.* Судебник 1497 г. М., 1955; ПРП, вып. III, с. 341—418, 426—432, 438—457; АСЭИ, т. III, № 22—23, с. 38—43.

[31] Сб. РИО, т. 35. СПб., 1892; т. 41. СПб., 1884; Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, ч. 1—2. М., 1843; АЗР, т. I; Акты Литовско-Русского государства, вып. I. М., 1900; ПДС.

[32] ОЦААПП; Опись архива Посольского приказа 1626 г., ч. 1—2. М., 1977; *Щербачев Ю. Н.* Датский архив. — ЧОИДР, 1893, кн. 1; Русские акты Копенгагенского государственного архива. — РИБ, т. XVI. СПб., 1897; *Чумиков А.* Акты Ревельского городского архива 1450—1610 гг. — ЧОИДР, 1898, кн. 4; РЛА; Памятники дипломатических сношений древней России с папским двором и итальянскими государствами. Россия и Италия, т. I—III. СПб., 1911; *Казакова Н. А.* Грамота Ивана III папе Александру VI. — АЕ, 1973. М., 1974. с. 26—28; *ее же.* Русско-ганзейский договор 1487 г. — НИС, вып. 10. Новгород, 1962, с. 217—227; *ее же.* Ливонские и ганзейские источники о внутриполитической истории России в конце XV — начале XVI в. — ВИД. Сб. VII. Л., 1976, с. 148—166.

[33] Барбаро и Контарини о России. Л., 1971; см. рец.: *Брагина Л. М., Добродомов И. Г., Кучкин В. А.* — ИССР, 1973, № 1, с. 185—190; *Герберштейн*; ПСРЛ, т. 32. М., 1975; *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969.

[34] ПИВ; *Кобрин В. Б.* Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию. — ЗОР, вып. 28. М., 1966, с. 227—239; *Прохоров Г. М.* Послания Нила Сорского. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 125—143; Повесть о Дракуле. М. — Л., 1964; Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле. Л., 1969; Повести о споре Жизни и Смерти. М. — Л., 1964; *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М. — Л., 1955.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ РОССИИ (с. 30—54)

[1] *Копанев А. И.* Население Русского государства в XVI в. — ИЗ, 1959, т. 64, с. 235.

[2] ПСРЛ, т. 25, с. 319—320.

[3] ОРК, ч. I, с. 47—58; *Горский.* Очерки, с. 55, 32; *Черепнин.* Образование, с. 160; см. также: *Кочин*, с. 155—175.

[4] См. таблицу А. Д. Горского (Очерки, с. 35). Г. Е. Кочин привел факт наличия «третьего поля», относящийся к Ярославскому уезду конца XV — начала XVI в. (*Кочин*, с. 163).

[5] АСЭИ, т. I, № 523, 540; *Холмогоровы В.* и *Г* Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVII ст., вып. 2. М., 1882, с. 87; См. также упоминание о «всех трех полях» в псковской грамоте 1469—1485 гг. (НПГ, с. 67).

[6] *Горский.* Очерки, с. 34—37, 39, 42.

[7] *Шапиро А. Л.* О подсечном земледелии на Руси в XIV—XV вв. — ЕАИВЕ, 1963, с. 130; *Шапиро*, с. 37—57; *Лёвочкин И. В.* К вопросу о системах земледелия... — УЗ МГПИ, 1970, № 359; *его же.* Некоторые проблемы возникновения и эволюции земледельческого поселения... — Там же.

[8] См. возражение Г А. Максимовича в адрес Н. А. Рожкова (*Максимович Г. А.* К вопросу о степени достоверности писцовых книг. Нежин, 1914, с. 8—12), а также: *Кочин*, с. 274—277.

[9] *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., с. 27—29; *Кочин*, с. 180—187.

[10] *Горский.* Очерки, с. 23—31, 48—49, 60—74, 75—92; *Кочин*, с. 212—218, 249—303; ОРК, ч. I, с. 82—83, 99—114, 115—137; АИСЭР, с. 47.

[11] ПЛ, вып. I, с. 83; вып. II, с. 64—67; ПОРЛ, т. 24, с. 215.

[12] Подробнее см.: *Кобрин В. Б.* О формах светского феодального землевладения в Русском государстве конца XV—XVI в. — УЗ МГПИ, 1969, № 309, с. 3—17; *Черепнин.* Образование, с. 178-205; *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, с. 138, 165—202; *Флоря Б. Н.* Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV — первой половине XVI в. — ИСССР, № 1, с. 48—71.

[13] *Черепнин.* Образование, с. 179—180.

[14] ПРП, вып. IV. М., 1956, с. 524.

[15] *Черепнин.* Образование, с. 195—210; *Зимин А. А.* Из истории поместного землевладения на Руси. — ВИ, 1959, № 11, с. 130—142.

[16] *Зимин А. А.* Из истории поместного землевладения..., с. 130—142; *Алексеев Ю. Г.*, *Копанев А. И.* Развитие поместной системы в XVI в. — ДКСР, с. 58.

[17] *Дегтярев А. Я.* Поместное землевладение и хозяйство новгородских земель XVI в. АКД, с. 10; *Алексеев Ю. Г Копанев А. И.* Указ. соч., с. 59—60.

[18] *Абрамович Г. В.* Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в. АДД, с. 18. По данным С. Б. Веселовского, землю получили 2 тыс. человек (*Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение..., с. 290).

[19] *Кобрин В. Б.* Генеалогия и антропонимика. — История и генеалогия, с. 107; *Васильев Ю. С.* К вопросу о двинских боярах XIV—XV вв. — Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР, вып. I, с. 5—21; *Копанев А. И.* История крестьян русского Севера в XVI в. АДД; *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973.

[20] АСЭИ, т. III, № 291, 291а, 291б; *Зимин А. А.* Основные этапы и формы классовой борьбы в России конца XV—XVI в. — ВИ, 1965, № 3, с. 40—41; *Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в., с. 11—12; *Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. — ИЗ, 1941, т. 10, с. 96; *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в.,

с. 126; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 187—191.

[21] *Черепнин.* Образование, с. 182—183; *Смирнов И. И.* Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. — ИСССР, 1962, № 2, с. 138—162.

[22] *Горский.* Очерки, с. 113—161; *Каштанов С. М.* Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте. — Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 148—199; *Покровский Н. Н.* Указ. соч.; *Сахаров А. М.* Об эволюции феодальной собственности на землю в Российском государстве XVI в. — ИСССР, 1978, № 4, с. 19—41.

[23] *Кочин*, с. 369—388; *Алексеев Ю. Г* Крестьянская волость в центре феодальной Руси. — Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России, с. 88—103; *Носов Н. Е.* О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. — Там же, с. 63—65; *Копанев А. И.* История крестьян русского Севера в XVI в. АДД; *Алексеев Ю. Г Копанев А. И.* Указ. соч., с. 57—69.

[24] *Шапиро А. Л.* О природе феодальной собственности на землю. — ВИ, 1969, № 12, с. 57—72; *Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л.* О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVII вв. — Проблемы крестьянского землевладения... с. 5—44.

[25] ПРФ, с. 188—248.

[26] *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Указ. соч. с. 63.

[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 352.

[28] ДДГ, № 80, с. 305, 307, 310; № 74, с. 277; № 86, с. 345—349; *Зимин А. А.* Холопы на Руси..., с. 339. О полных грамотах см.: *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты XV—XVI вв. — АЕ. 1961. М., 1962, с. 41—81.

[29] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси, кн. 2, с. 26—42.

[30] *Зимин А. А.* Холопы на Руси..., с. 339—341.

[31] *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV—XVI вв.), с. 103. В. М. Панеях считает, что преувеличивать этот процесс нет оснований (*Панеях В. М.* Холопство в XVI — начале XVII в., с. 57).

[32] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси, кн. 2, с. 95. Взгляды Б. Д. Грекова разделял И. И. Смирнов (ИСССР, 1962, № 2, с. 158). К Смирнову присоединился Ю. Г Алексеев. По его мнению, «старожильцы» упоминаются только в противопоставлении «людям пришлым». Как и Смирнов, Алексеев считает, что «старожильцы» обладали правом и возможностью крестьянского перехода (*Алексеев Ю. Г* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд, с. 99, 104). Возражения Л. В. Черепнина см.: ПРФ, с. 229—232.

[33] *Беляев П. И.* Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение. — Журнал Министерства юстиции, 1916, № 8, с. 174.

[34] ПРФ, с. 229—232.

[35] *Кочин*, с. 416, 413.

[36] *Фроянов И. Я.* Переход крестьян и старожильство в России XV—XVI вв. — Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, вып. I. М., 1972, с. 79—80.

[37] АСЭИ, т. I, № 607а, с. 511.

[38] *Кочин*, с. 420; *Масленникова Н. Н.* Опыт изучения крестьянских переходов в XVI в. по данным топо- и антропонимики. —

Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР, вып. 1. Вологда, 1976, с. 22—36.

[39] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси, кн. 2, 131; *Черепнин.* Образование, с. 237, 239, 243.

[40] АСЭИ, т. I, № 90, 108, 562; ДДГ, № 57, с. 178; № 74, с. 277; АФЗХ, ч. I, № 33; *Черепнин.* Образование, с. 243.

[41] ИССР, 1962, № 2, с. 161; *Алексеев Ю. Г* Аграрная и социальная история..., с. 107. См. также: ПРФ, с. 236—238; *Кочин*, с. 359.

[42] ПЛ, вып. I, с. 84; НПК, т. V, стлб. 157, 164, 167, 250, 275; т. I, стлб. 339, 343, 788; т. II, стлб. 35, 40; т. IV, стлб. 66, 148 и др.; АСЭИ, т. I, № 539, 585, 591. См. также: *Шапиро*, с. 189—206; *Горский.* Очерки, с. 55, 115—125, 150—151; *Черепнин.* Образование, с. 166—178.

[43] *Горский.* Очерки, с. 140—158; *Кочин*, с. 369—388; *Алексеев Ю. Г* Аграрная и социальная история..., с. 13—41; *его же.* Черная волость Костромского уезда XV в. — Крестьянство и классовая борьба в феодальной России, с. 72—84; *его же.* Крестьянская волость в центре феодальной Руси. — Проблемы крестьянского землевладения..., с. 88—103.

[44] АСЭИ, т. I, № 583. Об идеологии крестьянства см.: *Черепнин.* Образование, с. 263—275.

[45] АСЭИ, т. I, № 340, 517, 523, 540, 583—587, 590—594, 635; т. II, № 285, 293, 489; т. III, № 27, 163—165.

[46] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси, кн. 1, с. 532; *Базилевич К. В.* Опыт периодизации истории СССР феодального периода. — ВИ, 1949, № 11, с. 69; *его же.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в., с. 22.

[47] *Пьянков А. П.* Формы феодальной ренты в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. — УЗ Могилевского ГПИ, вып. I. Минск, 1955, с. 25; *Горский.* Очерки, с. 149, 254, 255; *Черепнин.* Образование, с. 227; *Скрынников Р Г* Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV и первой половине XVI в. — УЗ ЛГПИ, 1957, т. 150, вып. I, с. 3—37; *его же.* Крепостничество и становление барщинной системы в России в XVI в. — ВИ, 1976, № 1, с. 33—50; *Кочин*, с. 349—355; возражения Л. В. Черепнина см.: ПРФ, с. 238—243; АФЗХ, ч. I, № 201; ср. АСЭИ, т. I, № 628; ДДГ, № 86, с. 348 и др.; АИСЗР, с. 351; *Дегтярев А. Я.* Указ. соч.

[48] АСЭИ, т. I, № 612; *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., с. 200—203; История Чехословакии, т. I. М., 1956, с. 135; История Польши, т. I. М., 1954, с. 109.

[49] *Горский.* Очерки, с. 162—261.

[50] Подробнее см.: *Черепнин.* Образование, с. 287—293; *Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в.

[51] АФЗХ, ч. I, № 125; АСЭИ, т. I, № 540; т. II, № 402. См. *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв.

[52] *Горский.* Очерки, с. 75—110, 115—137; АСЭИ, т. I, № 358, 531, 652, 653; т. II, № 240, 368; т. III, № 23; *Ленин В. И* ПСС, т. 3, с. 381.

[53] *Герберштейн*, с. 73; *Зимин А. А.* Холопы на Руси..., с. 301—302; *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество..., . 76—96; *Шапиро*, с. 105.

[54] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси; *Колчин Б. А.* Ремесло. — ОРК, ч. I, с. 156—230; *Шапиро*, с. 94—103; НПК, т. III, с. 501, 908—913, 916—918.

[55] ПСРЛ, т. 26, с. 288; т. 33, с. 128, 149; ВВЛ, с. 264. См. также: ПСРЛ, т. 8, с. 221, 223; т. 12, с. 232; т. 27, с. 361 и др.

[56] ПЛ, вып. I, с. 79, 81, 82; ПСРЛ, т. 6, с. 237.

[57] ПСРЛ, т. 8, с. 244.

[58] Барбаро и Контарини о России, с. 229; *Герберштейн*, с. 95, 108; *Гадзяцкий С. С.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. — ИЗ, 1940, т. 6, с. 119—123, 145—146; АСЭИ, т. III, № 23; *Шапиро*, с. 111; *Черепнин*. Образование, с. 405—408; *Барашкова В. Н.* Соляная торговля г. Белоозера в конце XV — 60-х гг. XVI в. — Очерки социально-экономической и политической истории СССР. М., 1963, с. 321—329.

[59] *Демченко В.* Торговля Москвы с Литвой, Крымом и Турцией по дипломатическим сношениям эпохи Ивана III и Василия III. Киев, 1916, с. 21—22, 53; *Мухаммедьяров Ш. Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI в.). КД. М., 1950, с. 260—271; Сб. РИО, т. 41, с. 79, 80, 121, 143, 144, 152, 163, 173, 298, 408, 409; т. 35, с. 8—9, 22, 27—29, 31, 44—45; *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане, с. 64; *Черепнин*. Образование, с. 371—372, 398—402, 405—408; *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в.; *Герберштейн*, с. 91; Барбаро и Контарини о России, с. 229; *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Западной Европой и Прибалтикой в XIV—XV вв.; *ее же*. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV — начале XVI в. — Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968, с. 13—31; *ее же*. Россия и мировые торговые пути конца XV в. — Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 32—40.

[60] *Зимин А. А.* Состав русских городов XVI в. — ИЗ, 1955, т. 52, с. 336—347; *его же*. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. — ИЗ, 1974, т. 94, с. 271—301.

[61] Исключаем упоминавшиеся в списке Устюжну, Балахну, Буйгород, Любим, которые возникли, очевидно, после 1505 г. Добавляем Великие Луки. Возможно, Молога перестала существовать (упоминание 1516 г. очень глухо). Осташковская слобода, вероятно, городом не была.

[62] Себеж основан в 1535 г.

[63] В том числе Кременеск, Опаков, Стародуб Ряполовский, Радонеж, Острея, Пошехонье.

[64] Из списка надо исключить Лихвин, но добавить Пуповичи и Попову гору.

[65] *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.; *Черепнин*. Образование, с. 330.

[66] ПСРЛ, т. 26, с. 291—292; т. 8, с. 220.

[67] ПСРЛ, т. 8, с. 224, 226, 218; АСЭИ, т. III, № 22.

[68] ПСРЛ, т. 4, с. 525, 527; т. 6, с. 46; т. 8, с. 226—227; т. 24, с. 235, 237.

[69] *Герберштейн*, с. 20.

[70] ПРП, вып. IV, с. 577; *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I, с. 85—95.

[71] *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962, с. 16—17; *Зимин А. А.* Земский собор 1566 г. — ИЗ, 1961, т 71, с. 214—215; *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане, с. 110—113; ДДГ, № 66, с. 216 (1472); *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (Вторая половина XV — начало XVII в.) — ИССР, 1977, № 5, с. 148; НПК, т. I, стлб. 707—708, 729, 781; т. II, стлб. 116—118, 347, 349.

[72] *Герберштейн*, с. 100; *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М. — Л., 1936, с. 113.

[73] Барбаро и Контарини о России, с. 228.

[74] Подробнее см.: *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV вв., с. 195—204.

[75] ПСРЛ, т. 8, с. 216—217, 219, 221, 222, 225—230, 249; т. 24, с. 207; т. 26, с. 286; История Москвы, т. I. М. 1952, с. 105—118.

ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ (с. 55—75)

Подробнее см.: *Зимин А. А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. — История и генеалогия, с. 163—176.

[2] ПСРЛ, т. 30. М., 1965, с. 137.

[3] ПСРЛ, т. 26, с. 274; т. 28, с. 316; ДДГ, № 72, с. 252—268; № 73, с. 268—275; № 74, с. 275—277; *Черепнин.* Архивы, ч. I, с. 167—174. Л. В. Черепнин датирует завещание кн. Андрея февралем 1480 г. (Архивы, ч. 1, с. 179—182), а П. Нитше — 1480 — летом 1481 г. (*Nitsche P* Grossfürst und Thronfolger, S. 104). На наш взгляд, составлено оно было еще в августе 1479 г., когда князь был «болен» (ПСРЛ, т. 25, с. 324; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот. — ПИ, сб. VI. М., 1958, с. 317).

[4] ДДГ, № 75, с. 277—283; *Черепнин.* Архивы, ч. 1, с. 165—166.

[5] ПСРЛ, т. 6, с. 235; т. 24, с. 202—203.

[6] ДДГ, № 78, с. 293—295; *Черепнин.* Архивы, ч. 1, с. 165.

[7] ДДГ, № 80, с. 301—315. О дате завещания см.: *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 46; *Черепнин.* Архивы, ч. 1, с. 175—179, 182; *Зимин А. А.* О хронологии..., с. 318.

[8] ПСРЛ, т. 28, с. 151; ДДГ, № 76, с. 283—290; *Черепнин.* Архивы, ч. 1, с. 198—202, 206.

[9] ПСРЛ, т. 6, с. 36, 235, 237; т. 8, с. 214, 216.

[10] ПЛ, вып. I, с. 79; вып. II, с. 65—69. О так называемом движении смердов см.: *Греков Б. Д.* Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «смердьи грамоты». — ИЗ, 1946, т. 20, с. 3—23; *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, с. 73—78; *Черепнин Л. В.* Социально-политическая борьба в Псковской феодальной республике в конце 70-х — начале 80-х гг. XV в. — ИССР, 1958, № 3, с. 145—171; НПГ, с. 156—162; *Кафенгауз Б. Б.* Древний Псков. М., 1969, с. 72—84.

[11] ПЛ, вып. I, с. 80; вып. II, с. 65—69.

[12] *Зимин А. А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в. — ИССР, 1973, № 3, с. 125—134; АСЭИ, т. III, с. 18—19; ИЛ, с. 95; ПСРЛ, т. 28, с. 140; РК, с. 18, 19.

[13] Подробнее см.: *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в., с. 180—186; ПИВ, с. 139—144.

[14] ПСРЛ, т. 15, стлб. 498—499.

[15] ПСРЛ, т. 6, с. 235; т. 15, стлб. 498.

[16] Договор не датирован. Он был заключен после 6 февраля 1483 г. (Сб. Муханова, 2-е изд. М., 1866, № 10; АЗР, т. I, № 79). Д. Феннел убедительно предполагает, что Михаил принял решение заключить брак с родственницей Казимира весной или летом 1483 г. (*Fennel J.* Ivan the Great of Moscow, p. 62).

[17] ПСРЛ, т. 15, стлб. 499.

[18] *Базилевич*, с. 227; ПЛ, вып. II, с. 66; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 525—526; т. 24, с. 235—236; т. 28, с. 317—318; *Черепнин*. Образование, с. 891.

[19] ПСРЛ, т. 6, с. 236; ДДГ, № 79, с. 295—301; *Черепнин*. Архивы, ч. 1, с. 202—205; *Зимин А. А.* О хронологии..., с. 317—318. Дата 25 марта 1485 г., якобы встречающаяся у В. Н. Татищева и принятая К. В. Базилевичем (*Базилевич*, с. 228), представляется ошибочной. Ее выводят из выражения Татищева о том, что мир был «от Благовещения до Ильина дня» (*Татищев В. Н.* История Российская, т. 6. М. — Л., 1966, с. 74). П. Нитше датирует договор началом 1485 г. (*Nitsche P.*, S. 109).

[20] ПСРЛ, т. 6, с. 237; т. 20, пол. I, с. 352; т. 24, с. 235—236.

[21] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 3, с. 525; т. 6, с. 237; т. 8, с. 216, 270—271; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 45. По завещанию Ивана III тверские земли Зубцов, Старица и другие были отданы в уделы.

[22] ПСРЛ, т. 6, с. 236, 237; 8, с. 216; УЛС, 95, РК, 20; Р, с. 27.

[23] ПСРЛ, т. 6, с. 237. Жалованные грамоты на Дмитров Иван III выдавал в апреле 1486 и около 1486—1490 гг. (АСЭИ, т. I, № 529, 532); около 1490—1495 гг. грамоты на Ярославль выдавал И. А. Дорогобужский (т. I, № 552), а в апреле 1496 г. — уже княжич Василий Иванович (т. III, 215).

[24] ПСРЛ, т. 6, с. 237; т. 20, пол. I, с. 352; т. 24, с. 235—236.

[25] ПСРЛ, т. 8, с. 216; т. 24, с. 205; т. 32, с. 163. По Типографской летописи, Иван III подошел к Твери 8 сентября.

[26] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 458, 459, 467; вып. 3, с. 526; т. 6, с. 22; т. 8, с. 216—217; т. 21, с. 525—526; т. 26, с. 277—278; ПЛ, вып. I, с. 80. Б. Н. Флоря справедливо полагает, что из Твери были выселены лишь немногие боярские семьи (*Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства. — Общество и государство феодальной России, с. 282).

[27] ПСРЛ, т. 24, с. 236. Михаил Тверской находился в Литве в 1486, 1488 и 1489 гг. (РИБ, т. 27, № 136, стлб. 460—461; № 142, стлб. 508—509; АЗР, т. I, № 89, с. 21).

[28] ПСРЛ, т. 24, с. 236. По Вологодско-Пермской летописи, это было 29 сентября (ПСРЛ, т. 26, с. 278). Думается, что здесь какая-то путаница.

[29] АСЭИ, т. I, № 516; наблюдение И. А. Голубцова ср.: АСЭИ, т. II, с. 400. С. М. Каштанов и В. А. Кучкин считают, что слова «всея Руси» в великокняжеском титуле стали употребляться с конца 1479 г. в связи с окончательным присоединением Новгорода (*Каштанов*. Социально-политическая история, с. 123; *Кучкин В. А.* О времени написания Буслаевской псалтыри. — Древнерусское искусство. Рукописная книга, с. 223—224). Но приводимые ими примеры (АСЭИ, т. II, № 254, 256; т. III, № 278, 285, 291) содержатся в позднейших копиях с грамот и доказательством этого тезиса

служить не могут. Первый сохранившийся в подлиннике акт с титулом «всея Руси» датируется сентябрем 1484 г. (АСЭИ, т. II, № 266; ср. от июня 1485 г. — АСЭИ, т. I, № 516). См. также в приписке от 22 июля 1485 г. (АЕД, с. 279). За 1478—1484 гг. сохранились подлинники и копии грамот Ивана III, которые не содержат титула «всея Руси»: АСЭИ, т. I, № 462, 463, 469, 479, 491, 491а, 492—495, 497, 498, 512 (1 января 1485 г.); т. II, № 393, 394, 475, 478, 480; т. III, № 499; АФЗХ, ч. I, № 1. Но если даже не придавать решающего значения сохранности грамоты в списке или в подлиннике, все равно картина будет не простой. Возможно, в грамотах на Белоозеро титул «всея Руси» употреблялся, чтобы оттенить верховный суверенитет Ивана III при удельном князе Михаиле Андреевиче (АСЭИ, т. II, № 254, 256). Остаются только сентябрьская грамота 1484 г. на Вологду (т. II, № 266), список с одной вологодской грамоты (т. III, № 278) и два списка с сольвычегодской и вычегодской грамот (т. III, № 285, 291). Но в вычегодской грамоте 1484/85 г. титула «всея Руси» нет (т. III, № 291а). На Вологде же были владения (удел) княгини Марии (Марфы), поэтому употребление великокняжеского титула имело там особое значение.

[30] Сб. РИО, т. 35, с. 14, 19, 34 и сл.

[31] ПСРЛ, т. 8, с. 217; ДДГ, № 81—82, с. 315—328; *Черепнин.* Архивы, ч. 1, с. 199.

[32] ПСРЛ, т. 6, с. 238; т. 8, с. 217—218; т. 12, с. 219—220.

[33] ПСРЛ, т. 6, с. 238; т. 20, пол. 1, с. 353.

[34] Очерки по истории Коми АССР, т. I. Сыктывкар, 1955, с. 66.

[35] УЛС, с. 94; ПСРЛ, т. 26, с. 275—277; т. 33, с. 124—125; ВВЛ, с. 262—263; *Бахрушин С. В.* Научные труды, т. III. М. 1955, с. 76.

[36] УЛС, с. 95—98; ВВЛ, с. 263—264; ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 527, 459; т. 6, с. 37, 237—239; т. 24, с. 236; т. 33, с. 125.

[37] Барбаро и Контарини о России, с. 229; ИЛ, с. 119.

[38] УЛС, с. 93; ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 458, 467; вып. 3, с. 524, 525; т. 6, с. 20, 223—236; т. 24, с. 199—201; ИЛ, с. 125.

[39] В июне 1489 г. Иван Иванович выдавал тверские грамоты (Писцовые книги Московского государства, ч. I, отд. 2. СПб., 1877, с. 200). С. М. Каштанов считает, что он потерял права на Тверь после марта 1488 г. (приведенного выше известия 1489 г. он не знает); в марте 1489 г. Иван III защищал интересы купцов Тверской земли, не ссылаясь на права Ивана Ивановича, как то было в марте 1488 г. (Сб. РИО, т. 35, с. 16, 23). По мнению Каштанова, Иван Иванович после марта, но до июня 1488 г. переехал в Москву, ибо ему, судя по посольским делам, стали передаваться «поклоны», чего ранее не было (Сб. РИО, т. 35, с. 6, 13, 18, 19, 34, 40, 41; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 32—34).

[40] *Кучкин В. А.* Указ. соч., с. 18 и сл.

[41] *Спасский И. Г* Русская монетная система. Л., 1962, с. 97. В. М. Потин установил, что золотой отчеканен по типу монет 1458—1467 гг. Учитывая дату смерти Василия II и время прибытия московского посла из Италии в Москву, он относит монету к 1462 г. (*Потин В. М.* Венгерский золотой Ивана III. — Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе, с. 282—293). Нам эта датировка представляется сомнительной: чеканка могла быть произведена и позднее со старого образца.

[42] РИБ, т. XXII. СПб., 1908, стлб. 18—31; ПСРЛ, т. 23, с. 162. О дате см.: *Каштанов.* Очерки русской дипломатики, с. 438.

[43] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 459, 467; вып. 3, с. 610; т. 6, с. 272; т. 24, с. 206—207; т. 27, с. 289; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 35; РИБ, т. 31, стлб. 271.

[44] Первая дочь по имени Елена родилась 19 мая 1476 г. (ПСРЛ, т. 28, с. 310) и в 1494 г. была выдана замуж за великого князя литовского Александра; затем 6 октября 1481 г. родился Дмитрий Жилка (ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 524; т. 6, с. 35, 233); в феврале 1483 г. — Евдокия (ПСРЛ, т. 25, с. 330), выданная в 1506 г. замуж за татарского царевича Петра; 8 апреля 1484 г. — Елена (ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 525; т. 6, с. 235; т. 24, с. 204); 29 мая 1485 г. — Феодосия (ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 525; т. 6, с. 36), выданная 13 февраля 1500 г. замуж за кн. В. Д. Холмского, умерла 19 февраля 1501 г. (ПСРЛ, т. 6, с. 44, 46). Под 13 февраля 1485 г. в некоторых летописях помещена странная запись о рождении у Ивана III некоего сына Ивана «от грекини» (ПСРЛ, т. 6, с. 236; т. 8, с. 216; т. 23, с. 184; т. 24, с. 235; т. 28, с. 318). Нет ли тут путаницы с рождением в этом же году Феодосии или с рождением в 1483 г. Евдокии, отмеченным лишь в одной летописи? 21 марта 1487 г. родился Симеон (ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 526; т. 6, с. 22—23); 5 августа 1490 г. — Андрей (ПСРЛ, т. 6, с. 37; см. также: *Nitsche P.* Die Kinder Ivans III. — JGO, 1969, Bd 17, S. 345—348).

[45] АСЭИ, т. III, № 181; ПСРЛ, т. 8, с. 223; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 35—38.

[46] *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 51, 64. Весьма соблазнительная гипотеза Д. Феннела (*Fennel J* Op. cit., p 331) о том, что Дмитрий-внук с рождения носил титул великого князя, опирается только на Тверской сборник (ПСРЛ, т. 15, стлб 499). Но он составлен около 1498 г., когда Дмитрий-внук действительно был великим князем. Поэтому сборник мог отразить позднее представление о титуле Дмитрия (*Каштанов.* Социально-политическая история, с. 33). В ряде летописей говорится о рождении «князя» Дмитрия (ПСРЛ, т. 24, с. 204; т. 16. СПб., 1889, с. 276; т. 17. СПб., 1908, с. 286; т. 30, с. 137; УЛС, с. 95; *Лурье Я. С.* Краткий летописец Погодинского собрания. — АЕ. 1962. М., 1963, с. 442), в остальных титул Дмитрия не указывается.

[47] УЛС, с. 98—99; ПСРЛ, т. 28, с. 156, 321—322; т. 8, с. 223, 227; т. 12, с. 231—232, 237; т. 15, стлб. 501; т. 24, с. 208—209; т. 26, с. 287.

[48] *Pulaski K.* Stosunki z Mengli-Girejem. Kraków — Warszawa, 1881; *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. — Из истории Татарии, сб. IV. Казань, 1970, с. 141—163.

[49] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 457, 466, 516; т. 6, с. 223; 8, с. 205; *Базилевич*, с. 156.

[50] ПСРЛ, т. 24, с. 200; т. 32, с. 90.

[51] *Базилевич*, с. 151—153. Усобицы в Литве происходили в 1480 г. (*Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв., с. 190—193).

[52] ПСРЛ, т. 6, с. 35; т. 8, с. 213—214; т. 28, с. 52; *Jablonowski H.* Westrussland zwischen Wilna und Moskau, S. 12; *Bacus O. P* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow 1377—1514, p. 123.

[53] РИБ, т. 27, № 74, с. 386; АЗР, т. I, № 78. О дальнейшей его судьбе ничего не известно.

[54] ПСРЛ, т. 6, с. 234.

[55] Сб. РИО, т. 41, с. 28—34; ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 458, 467, 525; т. 6, с. 36, 234, 235; т. 24, с. 202; ПЛ, вып. II, с. 62—63; РК, с. 19—20; *Базилевич*, с. 198.

[56] РК, с. 20. По Пространной редакции разрядных книг (известие которой принимает К. В. Базилевич), Мухаммед-Эмин был поставлен войсками князей Д. Д. Холмского и И. А. Дорогобужского в 1484 г., а в 1485 г. войсками кн. В. И. Оболенского на престол был возведен Алегам (Р, с. 26; *Базилевич*, с. 201—202). Думается, что в разрядах путаница. Поход 1484 г. вряд ли имел место: он появился под влиянием сведений о походе 1487 г., в котором участвовали и кн. Д. Д. Холмский, и кн. И. А. Дорогобужский. В Государевом разряде похода 1484 г. нет, а поход 1485 г. описывается как поход против Алегама (РК, с. 20).

[57] ПСРЛ, т. 6, с. 237. Сообщение помещено под 1484/85 г. Но дата, возможно, неверна, ибо противоречит разрядам, Типографской летописи и Устюжскому летописцу.

[58] УЛС, с. 95—96; ПСРЛ, т. 24, с. 236; РК, с. 20.

[59] ПСРЛ, т. 6, с. 238; т. 8, с. 217; ИЛ, с. 126; УЛС, с. 96.

[60] ПЛ., вып. 1, с. 78—79; ПСРЛ, т. 25, с. 329; т. 27, с. 285; т. 8, с. 221; т. 22, ч. I, с. 507; *Рюссов Б.* Ливонская хроника. — Прибалтийский сборник, т. II. Рига, 1879, с. 291; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в., с. 154—179; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. — ИА, т. VII. М., 1951, с. 263.

[61] *Казакова Н. А.* Русско-ганзейский договор 1487 г. — НИС, вып. 10. Новгород, 1962, с. 217—226; *ее же.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, с. 182—198.

[62] Сб. РИО, т. 41, с. 22—23, 26; т. 35, с. 40—41, 52; *Базилевич*, с. 246—248 и др.; *Черепнин Л. В.* Из истории общественной мысли России и Молдавии на рубеже XV—XVI вв. — Вековая дружба. Кишинев, 1961, с. 87—110; ПСРЛ, т. 6, с. 234—235, 279; т. 8, с. 221, 222; т. 32, с. 163; СМЛ, с. 30, 52—53, 66, 72, 119; АЕД, с. 388.

[63] ПСРЛ, т. 6, с. 35; т. 8, с. 214; т. 24, с. 724; т. 27, с. 285; т. 28, с. 152; Повесть о Дракуле, с. 42—44.

[64] *Базилевич*, с. 255—264; *Übersberger H.* Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhundert, Bd 1. Wien und Leipzig, 1906, S. 1—20; ПДС, ч. I, стлб. 1—56; *Пирлинг П.* Россия и папский престол. М., 1912, с. 250—252. Впервые сделала Ивану III предложение о короне римская курия в 1482—1483 гг. через Матвея Корвина (*Греков И. Б.* Указ. соч., с. 196). Слух об этом распространился в Польше в 1483 г. (*Хорошкевич А. Л.* Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XV в. — ИСССР, 1974, № 5, с. 131).

[65] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 527—528; т. 6, с. 37; т. 8, с. 218—219; т. 24, с. 206; т. 27, с. 289; т. 28, с. 154, 319; ПДС, ч. I, стлб. 24—41, 66—69; СГГД, ч. V, № 13, 14; *Базилевич*, с. 264—268; *Übersberger H.* Op. cit., S. 1—20.

[66] ПСРЛ, т. 6, с. 36; т. 8, с. 216; т. 27, с. 287; *Скржинская Е. Ч.* Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию. — Проблемы истории международных отношений, с. 267—281; *Базилевич*, с. 82; *Пирлинг П.* Указ. соч., с. 241; *Рутенбург В. И.* Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. — Исследования по отечественному источниковедению, с. 455—462; *Гуковский М. А.*

Сообщение о России московского посла в Милан (1486). — Труды ЛОИИ, вып. 5. М. — Л., 1963, с. 652—655.

[67] ПСРЛ, т. 12, с. 219; т. 27, с. 288; ИЛ, с. 217; верительную грамоту М. Ралеву от 19 августа 1487 г. см.: *Шмурло Е. Ф.* Россия и Италия, т. III, вып. I. СПб., 1911, с. 23—24; ПСРЛ, т. 6, с. 37; т. 8, с. 219, 224, 226; т. 12, с. 222, 223, 236; т. 24, с. 211; т. 27, с. 289, 293, 365; т. 28, с. 154, 158, 324; УЛС, с. 98; *Пирлинг П.* Указ. соч., с. 244—246; *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII вв. М. 1973, с. 342—347; *Рутенбург В. И.* Указ. соч., с. 462.

НОВГОРОДСКАЯ КРАМОЛА (с. 76—92)

[1] ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 459, 527—528; вып. 3, с. 610—611.

[2] *Казакова Н. А.* Русско-ганзейский договор 1487 г. — НИС, вып. 10, с. 226.

[3] РК, с. 19; ПЛ, вып. I, с. 76—77; вып. II, с. 218—219; ПСРЛ, т. 8, с. 203—204; т. 27, с. 281; НЛ, с. 309. В. Н. Бернадский полагал, что ликвидация владычного землевладения произошла одновременно с «поиманием» Феофила (*Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в., с. 319).

[4] *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, т. V. М., 1950, с. 10. Возможно, речь идет о событиях 1480/81 г.

[5] ИЛ, с. 123; *Абрамович Г В.* Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в., с. 11; *его же.* Новгородские переписи конца XV и XVI в. и их место во внутренней политике Русского государства, с. 7.

[6] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 3, с. 610; т. 6, с. 36, 235—236; 24, с. 203; ПЛ, вып. II, с. 64; ИЛ, с. 124; УЛС, с. 95.

[7] ПСРЛ, т. 24, с. 237. Сообщение о «выводе» есть и в Новгородском летописце по списку Никольского (ПСРЛ, т. 4, вып. 3, с. 610). Оно помещено под 1484/85 г., но с пометой — «в 8 год после Славенского стоанья». По летописцу, «вывод» осуществлял Яков Захарьич, что позволяет датировать его не ранее 1485 г. Скорее всего речь идет о «выводах» 1487 г.

[8] ИЛ, с. 126; ПСРЛ, т. 12, с. 219; т. 30, с. 137; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XV — начало XVI в., с. 195.

[9] ПСРЛ, т. 24, с. 237; т. 6, с. 37, 238—239 (в сообщении, близком к Типографской летописи, о том, что новгородцы хотели убить посадника, был назван Юрий, но его имя издатель исправил на Якова); т. 8, с. 218; т. 12, с. 220; т. 20, пол. 2, с. 453; т. 27, с. 288; т. 28, с. 154; ИЛ, с. 127; *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. с. 35. Во Владимирском летописце — 1487/88 г. (ПСРЛ, т. 30, с. 137).

[10] В. Н. Бернадский ошибочно датирует их 1487—1489 гг. из-за неверного перевода даты «зима 6997 г.» как 1489 г. (*Бернадский В. Н.* Указ. соч., с. 321—322). Эту ошибку повторил Г В. Абрамович, говоря о «выводе» 1 тыс. бояр в 1489 г. и отсюда датируя третий этап утверждения поместной системы.

[11] *Абрамович Г В.* Поместная система..., с. 15.

[12] ПЛ, вып. II, с. 252; ПСРЛ, т. 12, с. 249. О дате см.: *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 102—103.

[13] *Абрамович Г В.* Новгородские переписи..., с. 8—9.

[14] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 459; вып. 3, с. 527—528, 610—611;

т. 6, с. 36. Строительство детинца, по другим данным, было закончено в 1491 г. (ПСРЛ, т. 24, с. 209; т. 28, с. 156, 322).

[15] ПСРЛ, т. 25, с. 329; ПЛ, вып. I, с. 78; АЗР, т. I, №75, с. 95.

[16] В. Л. Янин считает, что московские Морозовы не имели ничего общего с новгородскими, но позднее «приписались» к ним (*Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 204—212). М. Я. Русалка-Морозов участвовал в новгородских походах 1475 и 1477—1478 гг.

[17] *Зимин А. А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. — ИЗ, 1974, т. 94, с. 278—279; АИСЗР, с. 336; *Мятлев Н. В.* Родство московских родов с новгородцами. — ИРГО, вып. 2. СПб. 1903, с. 38—44; *Бернадский В. Н.* Указ. соч. с. 332—333; РК, с. 24; ПСРЛ, т. 30, с. 152.

[18] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 458, 467, 525, 609; т. 6, с. 36, 236; т. 8, с. 215; т. 20, пол. 1, с. 351; т. 23, с. 194; т. 24, с. 203; т. 28, с. 152—153, 317; НЛ, с. 139—140, 310; ПЛ, вып. II, с. 63—64.

[19] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 467, 610; т. 6, с. 233—234, 236; т. 8, с. 215; т. 24, с. 235; т. 28, с. 153; ПЛ, вып. I, с. 79 (ср. ПСРЛ, т. 6, с. 22).

[20] ПСРЛ, т. 4. СПб., 1848, с. 72.

[21] Происхождение термина «стригольник» не вполне ясно. Н. А. Казакова (АЕД, с. 7—73) и А. И. Клибанов (Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в., с. 118—136) связывают его с демократическим символом (стрижкой) и отрицанием священства как таинства. Ссылаясь на словарь Тонниса Фенне (начало XVII в.), А. Л. Хорошкевич видит в «стригольниках» ремесленников, которые стригли сукна (*Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода..., с. 165; *ее же.* Ремесло Пскова по немецко-русскому словарю начала XVII в. — Города феодальной России. М. 1966, с. 215).

[22] АЕД, с. 468—469.

[23] *Лурье.* Борьба, с. 127—134.

[24] См. рец. на кн.: *Лурье.* Борьба (*Fine J.* — Kritika, 1965, v. I, N 3, p. 14), а также ответ Я. С. Лурье (Kritika, 1966, v. II, N 2, p. 42—44). Ср.: *Ettinger S.* Jewish Influence in the Religious Fermaent in Eastern Europe at the End of Fifteenth Century. — Pryitzhak F. Baer. Jubilee volume. Jerusalem, 1960, p. 228—242 (критику статьи см.: *Luria J.* L'hérésie dite des judaïsants et ses sources historiques. — Revue des etudes slaves, 1966, t. 65, p. 49—67; *idem.* Problems of Source Criticism. — Slavic Review, 1968, v. XXVII, N 1, p. 14).

[25] В послании Геннадия митрополиту Зосиме (октябрь 1490 г.) говорится: «...коли был в Новеграде князь Михайло Оленкович, а с ним был жидовин еретик, да от того жидовина распростерлась ересь в Ноугородцкой земли, а держали ее тайно, да потом почали урекатися въпиани» (АЕД, с. 375). По мнению Я. С. Лурье, именно этот текст и был толчком к появлению Схарии в сочинениях Иосифа Волоцкого (*Лурье.* Борьба, с. 134), но из этого не следует, что Геннадий говорил о ком-то другом, а не о Схарии.

[26] Сб. РИО, т. 41. СПб., 1884, с. 41, 71—73, 114, 309; Послание инока Саввы на жидов и на еретики 1496 г. — ЧОИДР, 1902, кн. 3, отд. 2, с. 1, 4, 119.

[27] *Прохоров Г. М.* Прение Григория Паламы «с хионы и турки» и проблема «жидовская мудръствующих». — ТОДРЛ, т. XXVII.

Л., 1972, с. 354. По Лурье, Гвизольфи называли «жидовином» по ошибке (заблуждался и Савва), что и дало основание Иосифу назвать в своем «Сказании» «жидовина» Схарией (*Лурье*. Борьба, с. 133—134). Построение это очень искусственно. Знакомство Иосифа с посланиями Саввы Лурье не удалось установить.

[28] См. рец. M. Hoepfner (ZSPh, 1947, Bd XIX, Hf. 2, S. 463—468) на кн.: *Чижевський Д*. История української литератури, кн. 2. Прага, 1942.

[29] *Bogdan D*. Pomelnicul dela Bistriţa şi rudeniile dela Kiev şi dela Moscova ale lui Ştefan cel Mare. Bucureşti, 1940, p. 14—19.

[30] АЕД, с. 375, 471.

[31] Там же, с. 310, 313, 314—315, 375, 380, 383, 385, 469.

[32] Ю. К. Бегунов, пользуясь поздним анафемствованием, называет 33 еретика: добавляет сына протопопа Алексея — Ивана, попа Павла, дьяков Кузьму, Степана и дьякона Обашку (*Бегунов Ю. К*. Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси. — ТОДРЛ, т. XIII. М. — Л., 1957, с. 222—223). Однако источник этот весьма неясный (см. *Лурье*. Борьба, с. 179). Бегунов включает в свой список и попа Фому, которого как еретика упоминает Иосиф в 15-м Слове «Просветителя» (Просветитель. Казань, 1903, с. 520).

[33] ГБЛ, Волок. № 437, л. 237 об.; *Клибанов А. И*. Указ. соч., с. 180; АЕД, с. 317; ПИВ, с. 162, 170.

[34] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч., т. 7, с. 352.

[35] АЕД, с. 309—320, 382—386; *Клибанов А. И*. Указ. соч., с. 202—203.

[36] *Зимин А. А*. Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв. — История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М. 1973, с. 95—99.

[37] *Лурье*. Борьба, с. 122.

[38] АЕД, с. 309—313.

[39] ПСРЛ, т. 8, с. 199—200; т. 24, с. 197; ПИВ, с. 191; *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 191—194; *Лурье*. Борьба, с. 54—57; АЕД, с. 375.

[40] ПСРЛ, т. 6, с. 238; т. 8, с. 218; т. 20, пол. 1, с. 353; АЕД, с. 471.

[41] АЕД, с. 315—320, 375; ПСРЛ, т. 6, с. 232—234, 238; т. 8, с. 218; т. 23, с. 186; т. 24, с. 237.

[42] АЕД, с. 320—373, 380—381; *Зимин А. А*. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.), с. 58—59, 62. В послании Санина использовано «Беседование Григория Паламы «с хионы и турки»» (*Прохоров Г М*. Указ. соч., с. 349—350).

[43] ПСРЛ, т. 6, с. 27, 239 (канун Вознесенья); т. 4, ч. I, вып. 2, с. 459, 468, 527, 529, 610; т. 27, с. 288 (28 мая); т. 28, с. 154; УЛС, с. 96.

[44] *Зимин А. А*. Крупная феодальная вотчина..., с. 58. Иосиф Волоцкий писал, что Алексей «подойде дръжавнаго да поставит на великом престоле... Зосиму» (АЕД, с. 472). Сведение весьма темное: к октябрю 1490 г. Алексей умер (АЕД, с. 376), а Зосима стал митрополитом в сентябре того же года.

[45] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 528—529 (16 октября); т. 6, с. 38 (17 октября); т. 8, с. 220—221; т. 24, с. 207; т. 25, с. 331—332; т. 26, с. 281—282; т. 27, с. 290 (27 октября); т. 28, с. 155, 320 (27 октября); т. 30, с. 200; т. 33, с. 125—128.

[46] АЕД, с. 373—382.

[47] ПСРЛ, т. 12, с. 225; т. 21, пол. 2, с. 568; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 35—36; АЕД, с. 385, 375.

[48] АЕД, с. 378, 384—388; *Седельников А. Д.* Рассказ 1490 г. об инквизиции. — ТКДРЛ, т. 1. Л., 1932, с. 33—37

[49] АЕД, с. 472—473; НЛ, с. 141, 311.

[50] АЕД, с. 316; *Сперанский М. Н.* Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора-еврея. — ЧОИДР, 1907, кн. 2, отд. 2, с. 1—79. Связь Псалтыри крещеного еврея Федора с литературой новгородских еретиков отрицает Я. С. Лурье (*Лурье*. Борьба, с. 190—192).

[51] *Синицына Н. В.* Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, с. 96—125; *Бегунов Ю. К.* Болгарский писатель X в. Козма Пресвитер в русской письменности конца XV — начала XVI в. — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963, с. 289—302; *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904, с. 471—504; Памятники древней письменности, вып. 88. СПб., 1892.

[52] *Коковцев П.* К вопросу о «Логике Авиасафа». — ЖМНП, 1912, № 5, с. 114—133 и сл.; *Зубов В. П.* Вопрос о «неделимых» и бесконечном в древнерусском литературном памятнике XV в. — Историко-математические исследования, вып. 3. М. 1950, с. 409—427; *Лурье*. Борьба, с. 194—195.

[53] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XVI—XVII вв. СПб., 1903, с. 412—417; *Святский Д. О.* Астрономическая книга «Шестокрыл» на Руси XV в. — Мироведение, 1927, т XVI, № 2, с. 63—78. Соболевский и другие исследователи связывали с кругом еретиков апокрифическое сочинение «Тайная тайных» (*Соболевский А. И.* Указ. соч., с. 409—413, 419—428; *Сперанский М. Н.* «Аристотелевы врата», или «Тайная тайных». — Памятники древней письменности, т. CLXXI. СПб., 1908, с. 15 и сл.). Я. С. Лурье такую связь отрицает на том основании, что Геннадий не упоминает о «Тайная тайных» (*Лурье*. Борьба, с. 195). Но сочинения Геннадия — не каталог еретических библиотек, поэтому не стоит делать столь категоричных выводов. См. также: *Ryan W F.* Russian Version of the Secreta Secretorum in Bodleian Library. — Oxford Slavonic Papers, 1965, vol. XII, p. 40—48; *Райен В.* Древнерусский перевод жизнеописания Аристотеля Диогена Лаэртского.—Slavia, 1968, vol. XXXVII, N 2, с. 349—355; *Хорошкевич А. Л.* Русско-славянские связи конца XV — начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России. — История, культура, этнография и фольклор славянских народов, с. 411—412.

СТРАННАЯ ВОЙНА (с. 93—109)

[1] *Базилевич*, с. 245.

[2] *Грушевський М С.* Історія України—Русі, IV Київ, 1907, с. 324—325, 328.

[3] *Базилевич*, с. 239.

[4] ПСРЛ, т. 32, с. 163, ср. 93—94; СМЛ, с. 52—53.

[5] РИБ, т. 27, стлб. 465—467; ГВНП, № 70, с. 115—116; *Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. — ПИ. Сб. V М. 1956, с. 320—321; Сб. РИО, т. 35, с. 1—3, 16—20, 35.

[6] Сб. РИО, т. 35, с. 3, 48, 51, 136; ДДГ, № 53, с. 162.

[7] Сб. РИО, т. 35, с. 3, 6—12, 14—17, 19—31, 34—39.

[8] ПСРЛ, т. 6, с. 239; Сб. РИО, т. 35, с. 35, 39.

[9] *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. — ДКСР, с. 34—35, 37

[10] ПСРЛ, т. 6, с. 37; т. 8, с. 219; Сб. РИО, т. 35, с. 39—40; РК, с. 22. Летописи говорят и о переходе тогда И. М. Перемышльского, но он находился на русской службе с 1487 г. По летописям, все три брата Белевские перешли на сторону Ивана III одновременно, в 1489 г., но послы Казимира еще в июне 1490 и в ноябре 1491 г. говорили о переходе на русскую службу одного кн. И. В. Белевского, а в мае, ссылаясь на кн. Андрея, заявляли, что кн. Иван силой привел к крестному целованию брата Василия и при бегстве в Москву захватил вотчину Андрея. В январе 1493 г. и русские представители говорят о службе Ивану III и Василия, и Андрея (Сб. РИО, т. 35, с 48, 53, 60, 67). Служба всех князей Белевских была закреплена договором 1494 г. (ДДГ, № 83, с. 330).

[11] Сб. РИО, т. 35, с. 46—56; *Базилевич*, с. 295.

[12] Сб. РИО, т. 35, с. 56—68; ПСРЛ, т. 6, с. 23; т. 8, с. 224; *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1901, с. 134—137.

[13] Сб. РИО, т. 35, с. 73, 76—77; Р, с. 34; ПСРЛ, т. 28, с. 157.

[14] Кн. Михаил был сослан на Двину, где и «умре в железех» (УЛС, с. 99).

[15] Сб. РИО, т. 35, с. 73. В ноябре 1492 г. Федор Курицын по поручению Ивана III заявил литовским послам что «Хлепен в старых докончаньех предков наших и в отца его королеве докончанье записан к нашему великому княжьству; а Рогачев — волость изстарины нашие Тферские земли» (там же, с. 77). По договору Василия II с Казимиром 1449 г., земли кн. Александра Борисовича Хлепенского считались за князем Василием (ДДГ, № 53, с. 161—162). На Хлепень нападали еще войска кн. Андрея осенью 1487 г. (Сб. РИО, т. 35, с. 2).

[16] ПСРЛ, т. 6, с. 190; т. 8, с. 225; т. 28, с. 157—158; АЗР, т. I, № 109; ПЛ, вып. II, с. 252; Сб. РИО, т. 35, с. 73, 81, 107; РК, с. 22—23; Р, с. 34; *Базилевич*, с. 300; *Зимин А. А.* Служилые князья..., с. 39.

[17] *Любавский М. К.* Указ. соч., с. 131; *Бережков Н Г.* Итинерарий великих князей литовских по материалам Литовской метрики (1481—1530 гг.). — АЕ. 1961. М., 1962, с. 185; Сб. РИО, т. 35, с 68—80; АЗР, т. I, № 105; ПСРЛ, т. 8, с. 225; т. 27, с. 292, 363; *Грков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы. XIV—XVI вв., с. 202.

[18] АЗР, т. I, № 102; ПСРЛ, т. 8, с. 225.

[19] ПСРЛ, т. 15, стлб. 501. Дата Владимирского летописца (1491 г.) неверна (ПСРЛ, т. 30, с. 137).

[20] Подобные случаи бывали: в ноябре 1492 г. в Литву бежал Ю. Елизаров (ПСРЛ, т. 8, с. 227; т. 12, с. 234).

[21] ПСРЛ, т. 8, с. 225, 234; *Герберштейн*, с. 72—73.

[22] ПСРЛ, т. 6, с. 240; т. 8, с. 225—226; *Зимин А. А.* Служилые князья... с. 42—43; *его же*. Краткие летописцы XV—XVI вв. с. 35; РК, с. 22—24.

[23] АЗР, т. I, № 108, 109/I—III; Сб. РИО, т. 35, с. 80—85.

[24] *Любавский М. К.* Указ. соч., с. 138; Сб. РИО, т. 35, с. 85—89, 103—108; ПСРЛ, т. 12, с. 236; т. 24, с. 239; *Базилевич*, с. 316—317.

[25] ПСРЛ, т. 8, с. 220, 224; т. 12, с. 232. Сохранилась грамота царя Александра 1483 г. (*Белокуров С.* Сношения России с Кавка-

зом. М., 1889). К. В. Базилевич связывает ее с другим посольством. Попытка его объяснить появление «Повести о царице Динаре» сношениями с Грузией в конце XV в (*Базилевич*, с. 410—412) нам представляется неубедительной (*Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 102—108).

[26] ПСРЛ, т.8, с. 221, 224, 226, 227; т. 24, с. 211, 239; т. 27, с. 292; Р, с. 30; АЗР, т. I, № 112; СГГД, ч. V, № 111, с. 129—131; *Щербачев Ю. Н.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, вып. I. — ЧОИДР, 1915, кн. I, отд. II; *Форстен Г В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884, с. 597—598; *Гамель И.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865, с. 161—162; *Казакова*, с. 172—179, 202; *ее же.* Русско-датские торговые отношения в конце XV — начале XVI в.— Исторические связи Скандинавии и России, с. 89—104; *Шаскольский И. П.* Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX — XVII вв. — Там же, с. 17.

[27] ПСРЛ, т. 8, с. 226; Сб. РИО, т. 35, с. 90—92, 95—102; Сб. князя Хилкова. СПб., 1879, № 106, с. 307—308; СГГД, ч. V, № 27, с. 15; № 28, с. 16; *Базилевич*, с. 313—316.

[28] ПСРЛ, т. 8, с. 224, 226. Из первой поездки к Максимилиану Ангелов вернулся в августе 1491 г. и привез докончальную грамоту 1490 г. (ПСРЛ, т. 8, с. 222—223; т. 27, с. 291).

[29] ПСРЛ, т. 8, с. 225, 227; т. 27, с. 294; т. 28, с. 159, 324; *Базилевич*, с. 279—281.

[30] Сб. РИО, т. 35, с. 108—111, 125—129; АЗР, т. I, № 113, 114, 116; ПСРЛ, т. 8, с. 227—228; т. 28, с. 159, 325; *Базилевич*, с. 321; *Любавский М. К.* Указ. соч., с. 133—134.

[31] СГГД, ч. V, № 29, с. 16—18; ДДГ, № 83, с. 329—332; Сб. РИО, т. 35, с. 129—132, 138—144; *Хорошкевич А. Л.* Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XV в. — ИСССР, 1974, № 5, с. 129—139.

[32] Сб. РИО, т. 35, с. 145—150, 159—173, 182—188, 204—205; АЗР , т. 1, № 116; ПСРЛ, т. 6, с. 39, 240; т. 8, с. 229; т. 24, с. 213, 240; т. 28, с. 160, 326, 329; Р, с. 40—43; ЦГАДА, Гос. древ. отд. IV, рубр. II, № 1, л. 1—4.

[33] Сб. РИО, т. 35, с. 428; *Базилевич*, с. 372, 374.

[34] ПСРЛ, т. 8, с. 228; *Казакова*, с. 198—199.

[35] *Goetz L.* Deutsch—russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, S. 178—186; *Казакова*, с. 272; ПСРЛ, т. 8, с. 228; т. 27, с. 366; т. 28, с. 160; т. 33, с. 129—130 (ганзейцев отпустили в 1496 г.).

[36] *Казакова*, с. 270; ср. рец. А. Л. Хорошкевич (ИСССР, 1976, № 4, с. 194).

[37] *Казакова*, с. 204—205; *Хорошкевич А. Л.* Борьба России за создание флота на Балтийском море в конце XV — начале XVI в.— ВИЖ, 1974, № 5, с. 83—84. Разговоры о «русской опасности» ходили и в 1495—1497 гг. (*Казакова*, с. 206—207).

[38] ГВНП, № 38, с. 67—68; ср. *Форстен Г. В.* Указ. соч., с. 159; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 138—139; ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 459, 468, 610; т. 24, с. 213, 240—241; *Базилевич*, с. 387—390.

[39] ПСРЛ, т. 6, с. 40, 240; т. 8, с. 230—231; т. 24, с. 213, 241—242; т. 26, с. 290; ПЛ, вып. II, с. 251; РК, с. 27; Р, с. 43—47 49; *Базилевич*, с. 390—391.

[40] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 459; т. 8, с. 233; т. 26, с. 290; УЛС,

с. 100; Р, с. 50; ПЛ, вып. I, с. 82; вып. II, с. 224, 251; *Форстен Г В.* Указ. соч., с. 158; *Базилевич*, с. 391—392; *Казакова*, с. 210.

[41] *Герберштейн*, с. 184—188; Сб. РИО, т. 35, с. 257 (март 1498 г.); *Шаскольский И. П.* Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие Григория Истомы). — Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв. М.—Л., 1965, с. 7—30. В Описи архива Посольского приказа 1614 г. говорится об «отпуске» подьячего Истомы в 1498/99 г. (ОЦААПП, с. 116). Под 1496/7 г. упоминается посольство Д. Ларева и Д. Зайцева с Давыдом Кокеном, шедшее «морем акияном», в Устюжском летописце (с. 100). Миссия Ларева состоялась в 1493 г. По мнению И. Гамеля, Истома мог находиться в его свите, а в 1496 г. побывал в Дании вторично (*Гамель И.* Указ. соч., с. 162—164).

[42] РК, с. 27—28; Р, с. 52; ПЛ, вып. I, с. 82; *Форстен Г В.* Указ. соч., с. 158—159; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 140.

[43] ПСРЛ, т. 6, с. 40—41; т. 8, с. 232—233; РК, с. 27, 28; Р, с. 50; ААЭ, т. I, № 135, с. 101—102; *Базилевич*, с. 397—401.

ОБЩЕРУССКИЙ СУДЕБНИК (с. 110—137)

Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами. М., 1819. Памятник цитируется по: Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952. Переиздание см.: *Штамм С. И.* Судебник 1497 г. М., 1955, с. 73—99. Издание по рукописи с комментариями см.: ПРП, вып. III, с. 341—416.

[2] *Герберштейн*, с. 82—84. Деление на статьи предложено М. Ф. Владимирским-Будановым (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права, вып. II. Ярославль, 1873, с. 67—96) и основано на разбивке текста на статьи, сделанной в Судебнике 1550 г. (восходящем к Судебнику 1497 г.), и на понимании юридической структуры памятника, которую не передает деление, основанное на палеографических приметах (киноварь и т. п.). Это деление предложено Л. В. Черепниным (*Черепнин.* Архивы, ч. 2, с. 280—289).

[3] ПСРЛ, т. 24, с. 213; т. 12, с. 248; *Черепнин.* Архивы, ч. 2, с. 303, 306; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб. 1903, стлб. 1198.

[4] ПСРЛ, т. 24, с. 213; ср. в Троицком летописце (ЦГАДА, ф. 101, № 365), но под 7005 г. (*Насонов*, с. 384).

[5] *Черепнин.* Архивы, ч. 2, с. 305.

[6] Судебники XV—XVI вв. с. 19, 141; ПСРЛ, 24, 213; *Насонов*, с. 394.

[7] Текст «у боярина быти дияку» (Троицкий летописец № 365) навеян 1-й статьей Судебника 1497 г. («а на суде быти у бояр и у околничих диаком»).

[8] Л. В. Черепнин называет еще кн. В. И. Патрикеева, которому якобы, как и его отцу, с 1495 по 1499 г. докладывались правые грамоты (Архивы, ч. 2, с. 306). О сомнениях в тождестве «князя Василия Ивановича» правых грамот и Патрикеева см. в гл. «Падение князей Патрикеевых и Ряполовского». Среди дьяков Черепнин упоминает и Алешу Безобразова. Но он был связан с княжичем Василием и встречается в грамотах первой половины 90-х годов XV в. и 1504 г.

(*Каштанов*. Социально-политическая история, с. 42—43, 52—58). Поэтому вряд ли он был среди составителей Судебника 1497 г

[9] *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 69; *Черепнин Л. В*. Архивы, ч. 2, с. 316; *Зимин А. А*. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. — ИЗ, 1971, т. 87, с. 234, 236.

[10] *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 359 и сл.; см. его же комментарии. — Судебники XV—XVI вв., с. 37—208; *Юшков С. В*. Судебник 1497 г (К внешней истории памятника). — УЗ Саратовского гос. ун-та, факультет хозяйства и права, т. V, вып. 3. Саратов, 1926, с. 1—46.

[11] Некоторые замечания автора этих строк о взглядах Л. В. Черепнина на историю текста Судебника см.: ЄК, 1952, № 4, с. 67.

[12] Очевидно, сюда нужно, по Черепнину, отнести и ст. 25, хотя сам он об этом не пишет.

[13] С. В. Юшков полагал, что до Судебника 1497 г. мог существовать «сборник» московского права, куда могли входить ст. 3—8, 15—17, 21—26, 28—32, 37—40, 44 Судебника 1497 г. По его мнению, включение норм ПСГ и ПП, а также тех, что дублировали нормы уставных грамот или развивали новые принципы судопроизводства, произошло при составлении Судебника, а статьи о «езду», «недельщиках» и наместничьем суде городском воспроизводили нормы особых указов (*Юшков С. В*. Указ. соч., с. 30, 31, 35, 37).

[14] *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 353; о дате записи (после 16 июня 1456 до 1462 г.) см.: ПРП, вып. III, с. 200—201; АСЭИ, т. III, № 12, с. 28.

[15] *Тихомиров М. Н*. Средневековая Москва в XIV—XV вв., 174—175; *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 354, 356; ДДГ, № 89, с. 361.

[16] Соображение Л. В. Черепнина, что в духовной Ивана III воспроизведен несохранившийся текст Судебника 1497 г. (Архивы, ч. 2, с. 357), носит умозрительный характер.

[17] *Смирнов И. И*. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.—Л. 1958, с. 353; *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 350.

[18] *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 282, 284, 289; *Зимин А. А*. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 415—417.

[19] Отсутствие раздела об удельных князьях в Судебнике 1497 г. С. Б. Веселовский справедливо связывает с тем, что «юрисдикция великого князя и в то время не распространялась на уделы» (*Веселовский С. Б*. Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г. — ИЗ, 1939, т. 5, с. 42).

[20] *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 361—363.

[21] АСЭИ, т. III, № 22, с. 39.

[22] В аналогичном случае о поле в деле о поджоге формулировка еще более близка к БУГ: «Исцово доправити» (Судебники XV—XVI вв., с. 25).

[23] АСЭИ, т. III, № 22, с. 39.

[24] *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 363—365, 377, 378.

[25] *Флоря Б. Н*. Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник. — АЕ, 1970. М., 1971, с. 113—118.

[26] *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 365—366.

[27] ДДГ, № 81, с. 317; № 82, с. 323—324.

[28] Л. В. Черепнин допускал, что «указ» мог быть издан в 1483—1484 гг. Усматривая связь между регламентацией местного управления и конфискациями новгородских земель в 1483—1484 и 1488—

1489 гг., он считал «указ» «первым шагом к отмене кормлений» (Архивы, ч. 2, с. 379). Нормы Судебника (а еще ранее—уставных грамот) в известной мере регламентировали организацию судопроизводства наместниками и тем самым подготовляли отмену системы наместничьего управления, но непосредственной связи их с конфискациями земель в Новгороде, на наш взгляд, нет.

[29] Княжич Василий выдавал грамоты в Твери в 1496 — июле 1497 г. (АСЭИ, т. III, № 163—165). По мнению С. М. Каштанова, с 1492 г ему принадлежал только Кашинский удел (Социально-политическая история, с. 60).

[30] *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 368—369; ср. соображения А. Г Поляка (ПРП, с. 386).

[31] *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 311—312, 384; Повесть о Дракуле, с. 118.

[32] *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 371; в духовной 1477 г кн. Бориса Васильевича Волоцкого аналогично: «даю указ своей княгине» (ДДГ, № 71, с. 240).

[33] *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 371.

[34] Там же, с. 381, 375; АСЭИ, т. III, с. 56. Вопрос о влиянии звенигородской практики поставлен был С. В. Юшковым (К древнейшей истории института давности по русскому праву. — УЗ Всесоюзного ин-та юридич. наук, вып. 5. М., 1947, с. 142—144).

[35] Л. В. Черепнин заблуждался, полагая, что в ст. 9 ПСГ имелась в виду шестилетняя (а не пятилетняя) давность (Судебники XV—XVI вв. с. 101).

[36] Когда тот или иной памятник рассматривается как «источник» Судебника, подразумевается не обязательно его текст, но и нормы, в нем содержащиеся.

[37] О новгородском происхождении источников статьи говорит и термин «подвойский», не встречающийся в Северо-Восточной Руси (*Флоря Б. Н.* Указ. соч., с. 122).

[38] *Штамм С. И.* Указ. соч., с. 53.

[39] Так, на докладе 1485—1490 гг. великому князю присутствовал один окольничий — И. В. Чебот (АСЭИ, т. II, № 400, с. 408). В 1500 г. суд докладывался одному Юрию Захарьичу в присутствии дьяка (№ 422, с. 462), в 1504 г. — одному брату его Якову, тоже в присутствии дьяка (№ 428, с. 470). Два судьи выступали на процессах 1529, 1530, 1543 гг. (*Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. 2. СПб., 1895, № VII, VIII, X).

[40] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в., с. 176—177.

[41] *Смирнов И. И.* Очерки... с. 321; *Штамм С. И* Указ. соч., с. 54; Судебники XV—XVI вв., с. 43, 200; *Зимин А А.* О сложении приказной системы на Руси. — Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР, вып. 3. М. 1954, с. 172; *его же*. Реформы Ивана Грозного, с. 184.

[42] ПРП, вып. III, с. 377; *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. — ИЗ, 1958, т. 63, с. 180—181. См. у А. В. Чернова: в «Судебнике не говорится о приказах как учреждениях, а имеются в виду должностные лица государственного управления, выполнявшие личные приказы-поручения» (О зарождении приказного управления в процессе образования Русского централизованного государства. — Труды МГИАИ, 1965, т. 19, с. 280). Это верно, но нуждается в уточнении (речь идет о дворцовых поручениях).

[43] АСЭИ, т. III, № 22, с. 39.

[44] О влиянии ст. 37—45 Судебника 1497 г. на нормы наместничьего суда по Судебнику 1550 г. см.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 54 и сл.

[45] *Смирнов И. И.* Очерки..., с. 326—327.

[46] ДДГ, № 3, с. 14; АФЗХ, ч. I, № 192, с. 174; АСЭИ, т. III, № 27, с. 49.

[47] *Зимин А. А.* Основные этапы и формы классовой борьбы в России конца XV—XVI в. — ВИ, 1965, № 3, с. 42—43.

[48] Ср. АСЭИ, т. III, с. 443—445 («государю... в холопи»), ДУГ и «Правосудие митрополичье», где «осподарь» — хозяин холопа (№ 7, с. 22; № 8, с. 24). В ПСГ «государь» — хозяин «изорника» и огородника (ст. 42, 44, 51).

[49] По Герберштейну, «подымщиками» были «те, кто тайно относят имущество в чужой дом и говорят, будто оно у них украдено, так называемые подметчики (podmetzchek)». В ст. 61 Судебника 1550 г. так и читаем: «подметчику». Л. В. Черепнин допускал, что речь могла идти о политическом преступнике, шпионе (Судебники XV—XVI вв., с. 59). Ранних источников, говорящих о «подмете» как государственном преступлении, нет.

[50] Развивая толкование Герберштейна (зажигальники — «те, кто поджигает людей»), Л. В. Черепнин считал, что «речь идет о поджоге города с целью предать врагу» (Судебники XV—XVI вв., с. 59). На наш взгляд, прав А. Г Поляк, полагающий, что речь идет о всяком поджоге. Правда, бывали случаи (например, дело 1503 г. — АСЭИ, т. II, № 495, с. 542—543), когда суд считал возможным применять к «зажигальнику» более мягкие наказания (ПРП, вып. III, с. 383—384). Выражение incendio homines affligunt может относиться к поджогу любого двора (в городе и деревне).

[51] Статья заканчивалась словами: ...и за рану присудят, посмотря по человеку и по ране, и по рассужению». Ни о какой «ране» в ст. 62 выше не говорилось. Приведенный текст отсутствует в соответствующей Судебнику 1497 г. 87-й статье Судебника 1550 г. Вероятно, речь идет о какой-то позднейшей приписке к тексту. Источник ее — статья «О муже кровавом» позднейших списков ПП (ПРП, вып. I, с. 210—211: «за рану судят»).

[52] Ср. ПРП, вып. III, с. 407.

[53] *Шапиро А. Л.* О «пожилом» Судебников 1497 и 1550 гг. — Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 102.

[54] *Горский А. В.* Об ограничении крестьянских переходов на Руси в XV в. — ЕАИВЕ, 1963. Вильнюс, 1964, с. 132—144; *Черепнин.* Образование, с. 251—253; Судебники XV—XVI вв., с. 91—97.

[55] *Масленникова Н. Н.* Опыт изучения крестьянских переходов в XVI в. по данным топо- и антропонимики. — Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР, вып. 1. Вологда, 1976, с. 22—36.

[56] Княжеские духовные упоминают среди холопов «хто ся будеть у тых людии женил» (ДДГ, № 3, с. 14; ср. № 4, 12, 28).

[57] *Черепнин.* Образование, с. 262—263.

[58] Там же, с. 262.

[59] *Юшков С. В.* Указ. соч., с. 56.

[60] АСЭИ, т. III, № 414, с. 428, 429, 437, 443, 445.

[61] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси, кн. 2, с. 32, 35; Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в.

(Подгот. М. Н. Тихомиров и А. А. Зимин). М.—Л. 1948, с. 35.

[62] НПК, т. I, стлб. 7; *Греков Б. Д.* Указ. соч., с. 35.

[63] *Черепнин.* Образование, с. 263; ПРП, вып. III, с. 412.

[64] *Черепнин.* Архивы, т. 2, с. 361, 371.

[65] *Штамм С. И.* Указ. соч., с. 34.

[66] АСЭИ, т. III № 392, 442, 448, 450 и др. а также № 417, 446 и др.

[67] *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты XV—XVII вв. АЕ. 1961. М. 1962, с. 64.

[68] АСЭИ, т. III, № 392, 393а, 394, 395, 399—403, 406, 407, 409, 412 (Е. И. Колычева (Указ. соч., с. 50) считает слова «без пристава» интерполяцией позднейшего переписчика), а также № 417—422 и далее.

[69] *Колычева Е. И.* Указ. соч., с. 64—65.

[70] АСЭИ, т. III, № 392, 394, 396 и др.

[71] ПРП, вып. III, с. 381—382.

[72] АСЭИ, т. III, с. 357.

[73] Судебники XV—XVI вв., с. 58. Впрочем, «головное серебро» (судя по «Долговой книге Волоколамского монастыря») — это не плата за убийство, а сумма долга, лежавшая на человеке («голове»).

[74] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976; ср. *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972; *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.), с. 202—240; *Гейман В. Г* «Сочение следа» в Белозерском уезде XVII в. — Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.—Л., 1960, с. 91—100; *Зимин А. А., Поляк А. Г* Значение Русской Правды для развития русского, украинского и белорусского феодального права. — Советское государство и право, 1954, № 4, с. 121.

[75] *Герберштейн*, с. 82—84; *Черепнин.* Архивы, ч. 2, с. 385. Предположение о том, что в 1497 г. наряду с Судебником появился «Старый чертеж» (отразившийся в карте А. Дженкинсона 1562 г.), не доказано (*Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV — начала XVI в. М., 1974, с. 46—47).

ЗАГОВОР ВЛАДИМИРА ГУСЕВА (с. 138—147)

[1] Подробнее см.: *Зимин А. А.* Летописные свидетельства о коронации Дмитрия-внука и заговоре Владимира Гусева (1497—1498 гг.). — Летописи и хроники. М., 1974, с. 240—251; *Лурье.* Летописи, с. 253—254; *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII в., с. 25.

[2] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 530—531; т. 6, с. 279.

[3] ПСРЛ, т. 6, с. 241; т. 8, с. 234; т. 12, с. 246; т. 20, пол. 1, с. 366—368; т. 33, с. 132—133; т. 21, пол. 2, с. 572; т. 22, ч. I, с. 513; т. 24, с. 213—214; т. 28, с. 330; ИЛ, с. 134; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. — ИА, т. VII. М., 1951, с. 272; *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, т. V. М.—Л., 1950, с. 36, 10; *Лурье Я. С.* Краткий летописец Погодинского собрания. — АЕ. 1962. М., 1963, с. 443; ПСРЛ, т. 15, стлб. 503—504. Ср. Владимирский летописец (ПСРЛ, т. 30, с. 139).

[4] *Карамзин Н. М.* История государства Российского, кн. II, т. VI, стлб. 171; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. III, с. 60; *Смирнов И. И.* Рец. на кн.: *Базилевич К. В.*

Внешняя политика... — ВИ, 1952, № 11, с. 142—143; *Зимин А. А.* Рец. на кн.: *Черепнин.* Архивы, ч. 2. — СК, 1953, № 4, с. 67; Ср.: *Шатагин Н. И.* Русское государство в первой половине XVI в. Свердловск, 1941, с. 22.

[5] *Веселовский С. Б.* Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г. — ИЗ, т. 5. М., 1939, с. 31—47; *Лурье Я. С.* Из истории политической борьбы при Иване III. — УЗ ЛГУ, 1941, т. 80, вып. 10, с. 90—92; *его же.* Первые идеологи московского самодержавия. — УЗ ЛГПИ, 1948, т. 78, с. 96—97; *Базилевич*, с. 364; *Черепнин.* Архивы, ч. 2, с. 294, 303; *Fennell J.* Ivan the Great of Moscow, p. 343—347; *Fine J.* The Muscovite Dynastic Crisis of 1497—1502. — Canadian Slavonic Papers, 1966, vol. VIII, p. 206; *Лурье Я. С.* Рец. на кн. Феннела. — ИСССР, 1962, № 4, с. 208; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 87—90.

[6] О Дмитрии-внуке как наиболее близком к Ивану III лице говорится уже при описании встречи рязанской княгини Анны в 1497 г. (ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 535; т. 6, с. 42; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 69); *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. с. 226.

[7] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 31—47; ПСРЛ, т. 8, с. 189; т. 28, с. 157; АИ, т. I, № 40; Сб. РИО, т. 35, с. 16; Родословная книга князей и дворян российских, ч. II. М., 1787, с. 130; РК, с. 37.

[8] ПСРЛ, т. 15, стлб. 499; *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 40; *Лурье Я. С.* Из истории политической борьбы при Иване III, с. 92; *Черепнин.* Архивы, ч. 2, с. 300—301; *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР, отд. гум. наук, 1930, № 10, с. 740—742.

[9] Сб. РИО, т. 35, с. 164; *Черепнин.* Архивы, ч. 2, с. 301.

[10] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 43; ДДГ, № 71; РК, с. 25; ПСРЛ, т. 18, с. 157, 159; АСЭИ, т. III, № 62, прим.; АФЗХ, ч. II, № 127, 140 и др.; ТКДТ, с. 298.

[11] РК, с. 38, 39, 41, 43, 46; ПСРЛ, т. 8, с. 294—295.

[12] РК, с. 21; ПСРЛ, т. 12, с. 215; АСЭИ, т. I, № 501; т. III, № 181, ср. № 182; НПК, т. III, стлб. 812; Сб. РИО, т. 35, с. 164; *Базилевич К. В.* Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. — ИЗ, т. 14. М., 1945, с. 71; *Веселовский С. Б.* Указ. соч. с. 44. О детях Ивана Осоки см.: АФЗХ, ч. II, № 67.

[13] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 44—45. О владениях И. Д. Руно в Костроме см.: АФЗХ, ч. I, № 248, 250.

[14] Дьяк Алексей Стромилов писал в 1423 г. духовную Василия I (ДДГ, № 22). С. Б. Веселовский установил родственные связи Стромиловых с митрополичьими детьми боярскими Чертовыми, происходившими от Михаила Алексеевича Стромилова.

[15] АСЭИ, т. II, № 161. Веселовский считал, что Ф. Стромилов был в 1488 г. дьяком кн. Ивана Ивановича, и недоумевал, почему он оказался на стороне Василия (*Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 46). Это недоразумение: Стромилов подписал не грамоту Ивана Молодого, а ее подтверждение кн. Василием.

[16] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 47; *Черепнин.* Архивы, ч. 2, с. 293; ПСРЛ, т. 12, с. 231; *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 299.

[17] *Сербина К. Н.* Из истории русского летописания конца XV в. — ПИ, т. XI. М., 1963, с. 391—428; *Шахматов А. А.* Указ. соч. *Лурье Я. С.* Летописи, с. 257—258; ПСРЛ, т. 8, с. 227; т. 12,

с. 237; т. 15, стлб. 501; т. 24, с. 212; 27, с. 365—366; 28, с. 159, 325.

[18] ПСРЛ, т. 24, с. 213—214. Начало рассказа и дата (7005) есть в сокращенном своде 1497 г. (ПСРЛ, т. 28, с. 160). Это было вскоре («немного времени подождав») после Дмитриева дня, т. е. 26 октября 1496 г.

[19] ГИМ, Синод, № 526, л. 432 об. — 434; *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 294.

[20] АСЭИ, т. I, № 523; т. II, № 271; т. III, № 181; *Fennell J.* Op. cit., p. 355; *Лихачев Н. П.* Инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908, с. 11, 30; *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М. 1896, с. 52—53.

[21] *Черепнин*. Образование, с. 895. О связи окружения Дмитрия-внука с еретиками именно в 1497 г. точных сведений нет (*Fine J.* Op. cit. p. 203), но это само по себе ничего не значит.

[22] ПСРЛ, т. 24, с. 214; т. 28, с. 160; т. 22, пол. 1, с. 513; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 99—100; *Шмидт С. О.* Указ. соч., с. 272.

НАСЛЕДИЕ АВГУСТА-КЕСАРЯ (с. 148—159)

[1] ДДГ, № 1, с. 8; ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 530 — 531; т. 6, с. 241—242, 279; т. 28, с. 330—331. См. также: *Герберштейн*, с. 28—32.

[2] ЛЗАК, 1864, вып. III. СПб., 1865, прил., с. 7—12; Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым. — ЧОИДР, 1889, кн. III, с. 85; *Барсов Е. В.* Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. — ЧОИДР, 1883, кн. I, с. 32—38. См. также списки чина венчания Дмитрия-внука: Чуд. (ГИМ, Чудовское собр., № 264); Муз. (ГИМ, Музейное собр., № 3726, л. 40—44 об.); Пог. (ГПБ, Погодинское собр., № 280); Син. (ГИМ, Синодальное собр., № 675); Соф. (ГПБ, Новгородско-Софийское собр., № 1454).

[3] ДАИ, т. I, № 39. Ср. чин венчания Бориса Годунова (там же, № 142) и Михаила Федоровича (СГГД, ч. II, № 161). См. также: *Барсов Е. В.* Указ. соч.; *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. СПб., 1889, с. 110; *Лопарев Хр.* О чине венчания русских царей. — ЖМНП, 1887, № 10, с. 312—319; *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских (далее — Дмитриева), с. 313—317; *Лурье*. Борьба, с. 384—386; *Хорошкевич А. Л.* Русско-славянские связи конца XV — начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России. — История, культура, этнография и фольклор славянских народов, с. 420.

[4] *Nitsche P.* Großfürst und Thronfolger, S. 147.

[5] РИБ, т. VI. СПб., 1908, стлб. 796—797.

[6] ПСРЛ, т. 28, с. 327. На этот факт обратила наше внимание А. Л. Хорошкевич.

[7] ДДГ, № 85, с. 344, 575. Г. Алеф связывает появление русского герба только с имперским, что, на наш взгляд, неверно (*Alef G.* The Adoption of the Muscovite Two—Headed Eagle: a Discordant View. — Speculum, 1966, vol. 4, N 1, p. 1—21).

[8] *Дмитриева*, с. 109; *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, т. XXX. Л.

1976, с. 204—216. Возражения см.: *Дмитриева Р. П.* О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — Там же, с. 217—230.

[9] *Дмитриева*, с. 165. Непоследовательность А. Л. Гольдберга бросается в глаза. Так, на основании выражения «доныне» из «Сказания» первой редакции он считает, что она возникла в связи с коронацией Ивана IV. Но если прав Спиридон-Савва, то «доныне» может относиться к Василию III.

[10] *Дмитриева*, с. 178, 199.

[11] Наиболее ранний текст произведения дает «Родословие великих князей русских» по Архангельскому списку конца 20-х годов XVI в. с «Родословием литовских князей» (БАН, Арханг., № 193, л. 389—393, 410—412 об.; *Дмитриева Р. П.* К истории создания «Сказания о князьях владимирских». — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 342—347). Текст памятника восходит к «Посланию» Спиридона-Саввы. Писан он как будто рукой Михаила Медоварцева (*Синицына Н. В.* Книжный мастер Михаил Медоварцев. — Древнерусское искусство. М., 1972, с. 313—314).

[12] ГИМ, Чудовское собр., № 264. Водяной знак — 1541 г. (*Лихачев Н. П.* Палеографическое значение водяных знаков..., № 2959), последние записи датируются 1539—1540 гг. (л. 747). Повести о родословии по этому списку см.: Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым, с. 69—83. Примечательны и другие тексты, сходные с Чудовским: ГБЛ, Волок., № 627 (сборник принадлежал кн. Дм. Немому и составлен не позднее начала 60-х годов XVI в.), а также ГБЛ, Рум., № 253 (рукопись XVIII в.; в ней помещена летопись, доходящая до 1471 г., со вставками 1537 г.).

[13] Позднее взгляды Р. П. Дмитриевой усложнились. В настоящее время она считает Чудовскую повесть сложной контаминацией разных вариантов цикла, сверенной с Хронографом (начало «Повести») и уточненной по летописи (*Дмитриева Р. П.* О текстологической зависимости..., с. 229).

[14] Впрочем, ссылка Р. П. Дмитриевой на то, что в «Послании» упоминается Святослав, а в «Сказании» — ошибочно Всеслав, не точна, ибо в списках Мазурина № 373 и Румянцева № 459 находим верное: «Святослав».

[15] Например, «дары и почести» вместо «дары и почтения». Мужи новгородские посылают «мудрых мужей» в «Прусы», а не идут сами в Прусскую землю и неожиданно появляются там «с посланми всех новгородцев» (у Спиридона-Саввы) или оказываются сами «посланцами» (в «Сказании»).

[16] См. подробнее: *Зимин А. А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. — Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе, с. 128—138.

[17] *Лурье*. Борьба, с. 390—391.

[18] В «Послании» Спиридона-Саввы неувязка. Сначала Август (как «стратиг» Юлия Цезаря) побеждает Клеопатру, затем рассказывается о смерти Юлия Цезаря и коронации Августа, который дает Египет своему брату Патрикею, что противоречит реальному ходу событий.

[19] *Лурье*. Борьба, с. 385.

[20] *Дмитриева Р. П.* О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 440—445. См. также: *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, с. 96.

[21] Известия ОЛЯ, 1956, т. XV, вып. 2, с. 173.

[22] Впрочем, этот факт содержится и в московских летописях (ПСРЛ, т. 25, с. 177; т. 18, с. 97; т. 15, вып. I, с. 59). Панегирик Ольгерду из «Сказания» (отсутствует у Спиридона) также восходит к московскому летописанию (ПСРЛ, т. 25, с. 173; т. 18, с. 118). Я. С. Лурье считает, что «Сказание» было отредактировано с учетом летописных материалов.

[23] РИБ, т. VI, стлб. 683, прим. 2; стлб. 451, прим. 3; Известия ОЛЯ, 1956, т. XV, вып. 2, с. 176; *Лурье*. Борьба, с. 388.

[24] *Гольдберг А. Л.* Указ. соч., с. 212.

[25] В рукописи 1577—1578 гг. (ГИМ, Музейное собр., № 3726) есть рассказ о Мономаховом венце, сходный с тем, который помещен на Царском месте в Успенском соборе Московского Кремля (*Дмитриева*, с. 55).

[26] С. Герберштейн, побывавший на Руси в 1517 и 1526 гг., в своих «Записках» наряду со «Сказанием» помещает «Чин венчания» Дмитрия-внука и «Родословие литовских князей».

[27] Сб. РИО, т. 53. СПб., 1887, с. 201 и др. Без Малборка упоминаются под 1517 и 1519 гг. (там же, с. 29, 41).

[28] *Гольдберг А. Л.* Указ. соч., с. 208; *Дмитриева*, с. 162, 175, 196 и др.; Сб. РИО, т. 35, с. 40, 100; Сб. Хилкова, с. 380.

[29] См. также: *Дмитриева Р. П.* О текстологической зависимости..., с. 218.

[30] *Хорошкевич А. Л.* История государственности в публицистике времен централизации. — Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 123.

[31] *Гольдберг А. Л.* Указ. соч., с. 209.

[32] Имя Вассиан есть и в раннем, Архангельском списке «Сказания» (БАН, Арх., № 193).

[33] Упоминание в чудовском «Родословии» короля Сигизмунда (вступил на престол в 1508 г.) носит черты вставки и в аналогичном списке отсутствует (ГБЛ, Волок., № 627, л. 87). Он кончается словами «грады многи зарубил же». В Чуд. списке текст о Сигизмунде помещен после явной концовки («Сия убо сих до зде известна суть»), ибо как бы повторяет сказанное ранее о Витене. Указать же точно, где и как в протографе «Родословия» говорилось о потомках Нариманта, трудно.

[34] О родословиях литовских князей писала М. Е. Бычкова, считающая «Повесть» первоначальной в цикле произведений о потомках Августа (*Бычкова М. Е.* Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в. — Польша и Русь. М., 1974, с. 365—377; *ее же*. Первые родословные росписи литовских князей в России. — Общество и государство феодальной России, с. 133—140; *ее же*. Legenda o pochodżeniu wielkich książat litewskich. — Studia źródłoznawcze, 1976, t. XX, s. 183—199.

[35] Чуд., л. 740 об. 754 об. и сл.; *Подобедова О. И.* Указ. соч., с. 96.

[36] ПСРЛ, т. 7, с. 256—259; СМЛ, с. 55—59; *Болдур А. В.* Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи. — АЕ. 1963. М., 1964, с. 83.

[37] *Черепнин*. Образование, . 16; *его же*. Архивы, 2, с. 303

ПАДЕНИЕ КНЯЗЕЙ ПАТРИКЕЕВЫХ И РЯПОЛОВСКОГО (с. 160—177)

[1] АФЗХ, ч. I, № 117, 259, 308, 309 (с. 262); АСЭИ, т. I, № 619; т. II, № 416; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 88—91; *Казакова Н. А.* Ливонские и ганзейские источники... с. 154.

[2] В Погодинском списке чина венчания 1498 г. говорится даже, что он был «пожалован княжеством Володимерскым и Московскым и Новогородцким и Тферским» (ГПБ, Погод., № 280; ср. *Лурье*. Борьба, с. 385). Но в том же году подобный титул употреблял и сам Иван III (Сб. РИО, т. 35, с. 250, 254; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 89). Вывод, что «характер власти» Дмитрия-внука «был отлично понят на Западе» (там же, с. 89), представляется преувеличением.

[3] Впервые употреблен в грамоте, составленной не ранее сентября 1498 г. (АСЭИ, т. I, № 619). См. также Евангелие 1498/99 (*Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М., 1971, с. 64, № 49). Догадка С. М. Каштанова о том, что сторонники Дмитрия «могли замышлять либо прямое отстранение от власти самого Ивана III, либо грандиозный раздел государства на два самостоятельных великих княжества» (Социально-политическая история, с. 101), источниками не подтверждается, а параллель Дмитрия-внука с Симеоном Бекбулатовичем кажется натянутой. Еще в октябре 1499 г. на л. 458 Чудовской кормчей (ГИМ, Чудовское собр., № 167) сообщалось, что она «свершена» при Иване III и его внуке Дмитрии.

[4] *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 93—98.

[5] ПСРЛ, т. 8, с. 236; ср. грамоту султана Баязида (СГГД, V, № 33, с. 239—242); Сб. РИО, т. 41, с. 255—262.

[6] *Семенова Л. Е.* Из истории молдавско-польско-турецких отношений конца XV в. — Россия, Польша и Причерноморье в XV — XVIII вв. М., 1979, с. 40—52.

[7] Сб. РИО, т. 35, с. 236—238; ср. ответ Александра (с. 243).

[8] ПСРЛ, т. 6, с. 42; т. 8, с. 233—234; т. 28, с. 329; т. 32, с. 165—166; СМЛ, с. 31—33, 59, 66, 73, 120. Не ясно сведение Краткого летописца о том, что в 1496/97 г. Иван III «посылал рать в Литовскую землю» (ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 3, с. 610).

[9] Сб. РИО, т. 35, с. 243—258. В летописях посольство Ромодановского ошибочно датируется 1499—1500 гг. (ПСРЛ, т. 6, с. 45; т. 8, с. 238).

[10] Впервые наименование «Московия» встречается у секретаря венецианской сеньории в 1500 г. (*Хорошкевич А. Л.* Россия и Московия. — Acta Baltico-slavica, 1976, t. X, с. 47—57).

[11] ПСРЛ, т. 26, с. 292; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 140—141.

[12] ПСРЛ, т. 32, с. 66; СМЛ, с. 33—34, 54, 73, 120; *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 140—141; Сб. РИО, т. 35, с. 262—273.

[13] ПСРЛ, т. 28, с. 331—332; т. 8, с. 236, 237; т. 6, с. 243; с. 248—249; т. 20, ч. I, с. 369; ИЛ, с. 137.

[14] ПСРЛ, т. 22, ч. I, с. 513—514; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. с. 273.

[15] ПСРЛ, т. 26, с. 291; ср. т. 33, с. 133; *Лурье Я. С.* Краткий летописец Погодинского собрания, с. 443. В летописце поставле-

ние Василия датируется 29 июля, причем добавляется: «...а князя Юрья на Дмитров, а князя Дмитрея Углечем».

[16] ПСРЛ, т. 24, с. 214. К тексту Тип. близок текст Владимирского летописца с небольшими дополнениями: ...детеи, князя, Василья Косово, да князя Ивана Мыныну...»; в конце значится: ...а князя Ивана Юрьевича, да князя Василья... упросил митрополит Симан и владыкы в чернци от казни» (ПСРЛ, т. 30, с. 139). К. В. Базилевич и С. М. Каштанов пишут об опале на некого Аф. Патрикеева (*Базилевич*, с. 370; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 102). Такого родича у князей Патрикеевых нет. Это однофамилец, послужильцы которого испомещались в Вотской пятине.

[17] УЛС, с. 100. Кирилло-Белозерский летописец сообщает: «Лета 7007. Опала великого князя на бояре, на князя Ивана Юриевича з детьми, и князя Семена Ряполовскаго казнил» (*Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв., с. 36). Запись разрядных книг: «Того же году в генваре велел князь великий переимать бояр своих князя Ивана Юрьевича да князя Семена Ивановича Ряполовского. И велел князя Семена казнить на Москве-реке, а князя Ивана постриг у Троицы на Белеозере» (Р, с. 54); ГИМ, ОР, собр. Щукина, № 668, л. 328 об.; *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, с. 35—36.

[18] Сб. РИО, т. 35, с. 44, 138 и сл. РИБ, т. 31, стлб. 163, 272; ПСРЛ, т. 21, ч. II, с. 572.

[19] *Соловьев С. М.* История России, кн. III. М., 1960, с. 63; *Лурье Я. С.* Первые идеологи московского самодержавия, с. 97. Позднее Лурье писал, что «опала Ряполовского—Патрикеевых была так или иначе связана с внешнеполитическими делами» (АЕД, с. 168). Разбор взглядов Лурье см.: *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 104—106.

[20] *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 308, 315, 316; СК, 1952, № 4, с. 66—67.

[21] *Базилевич*, с. 374; ВИ, 1952, № 11, с. 142—143.

[22] *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, с. 44—46; *ее же*. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в., с. 95—96.

[23] Н. А. Казакова считает, что редактирование свода могло происходить уже в 1509 г., «когда Вассиан был возвращен из ссылки или Василий собирался его возвратить» (Очерки..., с. 97—98). Но редакция свода производилась между 26 ноября 1508 и 14 февраля 1509 г. (имя Дмитрия Ивановича отсутствовало в списке князей, захороненных в Архангельском соборе). Поэтому ни о каком возвращении Вассиана ко двору Василия III ко времени редактирования летописного свода не может быть и речи (он там появился около 1510 г.).

[24] Сб. РИО, т. 35, с. 138—144, 148, 150, 154 и сл.; ПСРЛ, т. 24, с. 212; ДДГ, № 89, с. 344.

[25] *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев..., с. 48.

[26] *Fine J.* The Muscovite Dynastic Crisis of 1497—1502, p. 210; *Fennell J.* Ivan the Great of Moscow, p. 339—352.

[27] ЧОИДР, 1883, кн. I, отд. I, с. 34; ПСРЛ, т. 12, с. 246—249; т. 6, с. 49, 244; ПЛ, вып. II, с. 252; ДДГ, № 86, с. 349; АЕД, с. 504—505.

[28] ПСРЛ, т. 24, с. 213—214; т. 28, с. 160; *Черепнин*. Архивы, ч. 2, с. 297.

[29] ДДГ, № 80, с. 303—309, 311; № 82, с. 358; ПСРЛ, т. 24, с. 203. Склонен связывать В. В. Ромодановского с окружением Софьи Палеолог и С. М. Каштанов (Социально-политическая история, с. 115). Критические замечания Н. А. Казаковой см.: Очерки... с. 94.

[30] ПСРЛ, т. 28, с. 160, 326, 332; т. 26, с. 289; Сб. РИО, т. 35, с. 170, 173, 249 и др. В 1490—1491 гг. В. В. Ромодановский ездил в Крым (Сб. РИО, т. 41, с. 98—104; РК, с. 28).

[31] Сам Д. Феннел в ранней работе находил черты близости во взглядах еретиков и нестяжателей, к которым принадлежал Вассиан Патрикеев (*Fennell J.* The Attitude of the Josephians and the Trans-Volga Elders to the Heresy of the Judaisers, p. 486—509).

[32] *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 105.

[33] *Nitsche P.* Großfürst und Thronfolger, p. 149.

[34] *Хорошкевич А. Л.* Об одном из эпизодов политической борьбы в России в конце XV в. — ИСССР, 1974, № 5, с. 137.

[35] *Черепнин.* Архивы, ч. 1, с. 301—305; ч. 2, с. 314—315; *Казакова Н. А.* Очерки..., с. 87—100; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа..., с. 272; Родословная книга князей и дворян российских, ч. 2, с. 76.

[36] См. его данные и меновные грамоты второй половины XV в. на земли в Стародубе (АСЭИ, т. I, № 188, 436; т. II, № 470, 471; т. III, № 502/102, 106). Он упомянут как послух около 1472—1488 гг. в Московском уезде (т. I, № 415) и как наместник в Суздале (т. III, № 409—410). В новгородский поход 1477/78 г. идет с «суздальцы» и с «юрьевцы» (ПСРЛ, т. 6, с. 209, 211).

[37] АСЭИ, т. I, № 374, № 562; т. II, № 491; РК, с. 20—21, 28; ПСРЛ, т. 6, с. 36, 39, 238, 240; УЛС, с. 98—99; Сб. РИО, т. 35, с. 114—124, 148, 151; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа..., с. 272; ДДГ, № 86, с. 348. Разряд мнимого казанского похода 1484 г. (где упоминается Семен Иванович) составлен по разряду похода 1487 г. (Р, с. 26). В конце XV в. у С. И. Ряполовского, как и у В. И. Патрикеева, была в кормлении волостка в Ладожском наместничестве (*Самоквасов Д. Я.* Архивный материал, т. I. М., 1905, с. 225).

[38] Сб. РИО, т. 35, с. 71—72, 74—80 и др.; *Базилевич*, с. 372—373. С. М. Каштанов считает, что пролитовские настроения Патрикеевых нуждаются в доказательствах (Социально-политическая история, с. 115).

[39] РК, с. 24—25, 27; Р, с. 49; ПСРЛ, т. 28, с. 326, 327; т. 24, с. 242. Решение о походе в Новгород принято было, очевидно, в июле 1495 г. (Р, с. 43). По ВПЛ, В. И. Патрикеев отправлен был для осады Выборга в апреле 1496 г. (ПСРЛ, т. 26, с. 290).

[40] Сходную мысль высказал Г. Вернадский (Russia at the Dawn of the Modern Age, p. 122).

[41] ПСРЛ, т. 28, с. 328; т. 24, с. 242. Сообщение Разрядной книги о посылке С. И. Ряполовского против Урака в августе 1499 г.— ошибка; следует читать: Семен Романович (РК, с. 28; Р, с. 54; ПСРЛ, т. 28, с. 232). К. В. Базилевич заблуждался, считая, что поход С. И. Ряполовского к Казани состоялся в августе 1498 г. (*Базилевич*, с. 373).

[42] ДДГ, № 85, с. 344; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа... с. 272; АСЭИ, т. III, № 403.

[43] АФЗХ, ч. I, № 117, 129 (в изд. — В. И. Патрикеев). См. также: *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 56, 58.

[44] АСЭИ, т. I, № 427, 624, 628, 643, 649; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 57.

[45] АСЭИ, т. I, № 582—592, 594, 595.

[46] Интересно, что дьяк Алеша Безобразов (подписавший грамоты № 585, 587, 588, 590—592, 595) подписал и грамоту ок. 1500—1501 гг. (№ 635), упоминавшую «князя Василия Ивановича», которого И. А. Голубцов отождествил с Голениным. Вероятнее сопоставить этого князя с сыном Ивана III. А. Безобразов подписывал подтверждение Ивана III 1492—1493 гг. (№ 519), грамоту 1495—1499 гг., приписанную сыну Ивана III (АФЗХ, ч. I, № 129), правую 1497—1498 гг. с доклада Дмитрию-внуку (там же, № 259), подтверждение 1490—1491 гг. Василия Ивановича, сына Ивана III (АСЭИ, т. II, № 271), правую грамоту июля 1504 г. (там же, № 428). Василия Ивановича из грамот № 582—595 (АСЭИ, т. I) также отождествил с княжичем Василием С. М. Каштанов (Социально-политическая история, с. 52—54).

[47] АСЭИ, т. III, № 215.

[48] Там же, № 208—210. Это признавал и И. А. Голубцов (там же, 225).

[49] АСЭИ, т. II, № 290; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 51.

[50] АСЭИ, т. II, № 492, ср. № 491. С. М. Каштанов связывает грамоту с княжичем Василием (Социально-политическая история, с. 59—60).

[51] Он присутствовал на судебных заседаниях и разводах земель, проводившихся Иваном III в 1460—1480 гг. (АСЭИ, т. I, № 330, 642; т. II, № 229, 381, 467а; АФЗХ, ч. I, № 249); подписывал жалованные и указные грамоты в начале княжения Ивана III (АСЭИ, т. III, № 97, 229), был на докладе у Ивана III и, возможно, у Василия (АСЭИ, т. I, № 430; АФЗХ, ч. I, № 129). Сам судил поземельные споры во второй половине XV в. (АСЭИ, т. II, № 400, 402, 410, 496). Особенно часто ему докладывались земельные дела в 90-е годы (АСЭИ, т. I, № 549, 604, 607, 607а; т. II, № 404, 405, 409, 411, 412). Сохранились и поземельные акты самого И. Ю. Патрикеева, в том числе данная 1457 г. (АФЗХ, ч. I, № 30) и меновная 1476—1482 гг. (АСЭИ, т. II, № 247).

[52] *Никольский Н*. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1897, с. XL; ПИВ, с. 367; *Лурье*. Борьба, с. 296; АСЭИ, т. I, № 549; т. II, № 249; т. III, № 266, 268; Сб. РИО, т. 35, с. 114, 204, 318 и др.; ГАР, с. 239; ПСРЛ, т. 28, с. 160.

[53] АФЗХ, ч. I, № 103; АСЭИ, т. I, № 288; т. II, № 385а, стлб. 586.

[54] Сб. РИО, т. 41, с. 156—165; ПСРЛ, т. 28, с. 157.

[55] Сб. РИО, т. 35 с. 90—102. Он в 1492 г. передавал память К. Г. Заболоцкому (Сб. РИО, т. 41 с. 164).

[56] Р, с. 52; Сб. РИО, т. 35, с. 113, 162—164; РК, с. 24; АФЗХ, ч. I, № 12, 114, 206, с. 182; АСЭИ, т. I, № 615; т. II, № 414, 406; т. III, № 105; Сб. РИО, т. 35, с. 236—238, 270.

[57] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., ч. 2, с. 43—77; *Зимин А. А*. Состав Боярской думы в XV—XVI вв. — АЕ. 1956. М., 1958, с. 48 В 1512 г. в Разрядах в последний раз упоминается и Алексей Григорьевич Заболоцкий (РК, с. 46). В 1515 г. он ездил послом к Максимилиану (ПСРЛ, т. 28, с. 351).

[58] АФЗХ, ч. I, № 293.

[59] *Азбелев С. Н*. Новгородские летописи XVII в., с. 24; *Лурье*. Летописи, с. 253—254.

«В лето 7001 генваря велел князь велики поимати бояр своих, князя Ивана Юрьевича, *наместника московского, да его детей, князя Василья Косого, да князя Иванна Мынынну, да зятя княжа Иоанна Юрьевича*, князя Семена Ивановича Ряполовского, и казниша его на Москве-реки, пониже мосту, сьсекоша ему головы, февраля 5, *вторник*, а князя Ивана Юрьевича пожаловал, *по печалованию Симона, митрополита всеа Руси, и архиепископа, и владык; смертныя ему* казни не предал, отпустил их с сыном сь его князем Васильем Косым, в черньцы; а *князя Иоанна Мынынну велел посадити за приставы*» (ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 531; т. 12, с. 264; т. 6, с. 279; ГИМ, собр. Уварова, № 568, л. 401—401 об.). Курсивом выделены слова, отсутствующие в текстах, восходящих к своду 1508 г.

[61] *Лурье Я. С.* Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л. 1955, с. 181.

ПОБЕДА ПРИ ВЕДРОШИ (с. 178—196)

[1] ОЦААПП, с. 116 (здесь упоминается также датское посольство Гизлярда 1498/99 г.); ПСРЛ, т. 6, с. 44, 46—47; т. 8, с. 238, 240; т. 28, с. 332—333, 335; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 140—154, 166—167; *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV—XVI столетиях, с. 599—602.

[2] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения..., с. 212—216.

[3] ПСРЛ, т. 8, с. 237; т. 28, с. 332; т. 33, с. 133, 149; *Герберштейн*, с. 125, 133; ВВЛ, с. 264; РК, с. 29; Р, с. 55—56; ПЛ, вып. II, с. 251; УЛС, с. 100; *Базилевич*, с. 402—407.

[4] ПСРЛ, т. 6, с. 43, 44, 243; т. 8, с. 236, 237; т. 12, с. 249—250; т. 28, с. 332; Р, с. 56; УЛС, с. 100; Сб. РИО, т. 41, с. 280—282; СГГД, ч. V, № 36, с. 22—23; № 37, с. 23; *Базилевич*, с. 429—431; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 142—143.

[5] ПСРЛ, т. 6, с. 43, 49; т. 8, с. 236, 244; т. 26, с. 296; т. 28, с. 332—333; *Пирлинг П.* Россия и папский престол, с. 235, 247—248; *Казакова Н. А.* Грамота Ивана III папе Александру VI, с. 26—28; *Шмурло Е. Ф.* Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом. — Записки РИО в Праге, кн. III. Прага, 1937, с. 93; *Winter E.* Russland und Papsttum, t. I, S. 166—167.

[6] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 142, 143.

[7] ПЛ, вып. 1, с. 83; *Казакова Н. А.* Ливонские и ганзейские источники..., с. 152.

[8] ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 531; т. 6, с. 43, 243; т. 8, с. 236—237; т. 12, с. 249; т. 20, ч. 1, с. 368; т. 21, пол. 2, с. 571; т. 28, с. 571; т. 33, с. 133; ИЛ, с. 138; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г., с. 273. Во Владимирской летописи и Тип. рассказа нет, в УЛС есть краткое сообщение под 1499/1500 г. с упоминанием о пожаловании Василию просто «великого княжения» (УЛС, с. 101). В своде 1500 г. говорится, что Иван III Василию «вины... отдал» (ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 531).

[9] ПСРЛ, т. 26, с. 291; *Лурье Я. С.* Краткий летописец Погодинского собрания, с. 443; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 122.

[10] *Тихомиров М. Н.* О Вологодско-Пермской летописи, с. 238.

[11] ПЛ, вып. I, с. 83—86; ДАИ, т. I, № 48; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 120—122. В надписи на пелене Софьи Палеолог 1498/9 г. Василий назван «великим князем», а сама Софья — «княгинею московъскою», женою «великого князя московъского» (*Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в., с. 66, № 51).

[12] *Лурье Я. С.* Краткий летописец..., с. 443; *Казакова Н. А.* Ливонские и ганзейские источники..., с. 132.

[13] Сб. РИО, т. 35, с. 273—274, 277, 280—293.

[14] Там же, с. 294—300 (грамота Ивана III датирована 7008 г. и помещена после записи 19 декабря 1499 г.); ПСРЛ, т. 6, с. 45; т. 8, с. 238; ДДГ, с. 448.

[15] ПСРЛ, т. 6, с. 45, 243; т. 8, с. 238; Сб. РИО, т. 35, с. 249—258; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 118.

[16] Сб. РИО, т. 35, с. 301—302; ПСРЛ, т. 8, с. 239. И. И. Телешов выехал из Литвы с послом Александра — Мацком Кунцевичем после 26 июля 1499 г.; Шеенка «у Ивана взяли в Смоленску тайно да утопили» (Сб. РИО, т. 35, с. 301).

[17] ПСРЛ, т. 6, с. 46; т. 28, с. 333—334; АЗР, т. I, № 180; ГАР, с. 186—196; *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в., с. 42—49.

[18] ПСРЛ, т. 32, с. 166.

[19] ПСРЛ, т. 24, с. 214; т. 30, с. 139; *Герберштейн*, с. 214. Трубецкие перешли на сторону Ивана III до 11 августа 1500 г. Радогощ входила в состав Новгород-Северского, а Гомель — Стародубского княжеств. Очевидно, тогда же перешли на сторону Ивана III стародубские города Чернигов, Почеп, Рыльск и Любич (Сб. РИО, т. 41, с. 318).

[20] ПЛ, вып. I, с. 84.

[21] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 460, 468, 532—533, 535; т. 6, с. 46; т. 8, с. 239—240; т. 12, с. 252; т. 20, пол. 1, с. 371; т. 21, пол. 2, с. 574—575; т. 22, с. 514; т. 28, с. 334; ИЛ, с. 141; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа..., с. 274.

[22] ПСРЛ, т. 23, с. 196—197; т. 24, с. 214; ср. Владимирский летописец (т. 30, с. 139); *Герберштейн*, с. 214; УЛС, с. 101; Р, с. 55.

[23] ПСРЛ, т. 32, с. 166—168; Хроника Быховца (в пер. Н. Н. Улащика). М., 1966, с. 111, 113.

[24] ПСРЛ, т. 32, с. 167; Хроника Быховца, с. 111, 112; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 161. В Минске Александр был в июне 1499 г. (*Бережков Н. Г* Итинерарий великих князей литовских..., с. 189).

[25] ПСРЛ, т. 32, с. 167; т. 4, ч. I, вып. 2, с. 535; т. 26, с. 293—294; Хроника Быховца, с. 112, 113; УЛС, с. 101; *Герберштейн*, с. 214; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 161, 163.

[26] *Лурье Я. С.* Краткий летописец..., с. 443; *Каштанов*. Социально-политическая история, с. 166; *Fennell J.* Ivan the Great of Moscow, p. 352; ср. критические замечания С. М. Каштанова (с. 152—153).

[27] 27 апреля 1500 г. была начата и 6 июня окончена «Триодь» в Троицком монастыре «при державе» Ивана III и «при внуце его Дмитрии» (*Белоброва О. А.* Троице-Сергиевские рукописи XVI — XVII вв. в Пушкинском доме. — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, с. 312).

[28] «Ходили к Рословлю и к Ельне, и бой им был на Ведрошке» (РК, 30). Другой Рославль находился к югу от Ельни.

[29] *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 164—165. О возможных переговорах Василия с Литвой и стремлении установить контакты с К. И. Острожским писал и Д. Файн (The Muscovite Dynastic Crisis of 1497—1502, p. 213).

[30] Вместе с Иваном III Василий в сентябре 1500 г. выдает жалованную грамоту новгородскому Волотовскому монастырю (АИ, т. I, № 111).

[31] ПСРЛ, т. 6, с. 46; т. 8, с. 240. В грамоте Менгли-Гирею от 11 августа 1500 г. перечислялись взятые русскими города. В их числе еще нет ни Путивля, ни Торопца (Сб. РИО, т. 41, с. 318).

[32] Р, с. 57; ПЛ, вып. I, с. 84; вып. II, с. 224, 252; ПСРЛ, т. 23, с. 196—197; т. 26, с. 294; т. 32, с. 167; *Любавский М. К.* Указ. соч., с. 131.

[33] Сб. РИО, т. 41, с. 317. 318, 343, 347—349; ПСРЛ, т. 6, с. 46; т 8, с. 240.

[34] ПСРЛ, т. 32, с. 168; *Любавский М. К.* Указ. соч., с. 143; РК, с. 32.

[35] Сб. РИО, т. 41, с. 355—359.

[36] ПСРЛ, т. 6, с. 46; т. 8, с. 240; Сб. РИО, т. 35, с. 300—327; АЗР, т. I, № 192/I—III, V.

[37] Апрельский поход 1501 г «в Литовскую землю» князей Д. А. Пенко, М. Курбского и новгородского наместника кн. Семена Романовича Ярославского носил характер военной демонстрации (РК, с. 31; Р, с. 64—65). В мае 1501 г дипломатический зондаж продолжался. Он отражен в переписке Я. Заберезинского с Яковом Захарьичем (Сб. РИО, т. 35, с. 327—330; АЗР, т. I, № 192/IV, XI — XIV).

[38] РК, с. 31—32; ПЛ, вып. I, с. 84—85; ПСРЛ, т. 6, с. 46, 243; т. 8, с. 240; т. 32 с. 168; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения..., с. 222—223; *Любавский М. К* Указ. соч., с. 143.

[39] *Базилевич.* с. 478; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения..., с. 223—227; ср.: ПСРЛ, т. 6, с. 47; ПЛ, вып. I, с. 86, 87; *Рюссов.* Прибалтийский сб., т. II, с. 298—299.

[40] Сб. РИО, т. 41, с. 360—362; ПСРЛ, т. 6, с. 47; т 8. с. 240—241; т. 32, с. 168—169; Р, с. 48—49.

[41] АЗР, т. I, № 192; ПСРЛ, т. 6, с. 48, 243; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... с 230.

[42] ПСРЛ, т. 6, с. 48, 241—243; *Казакова Н А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения..., с. 230—231; ПЛ. вып. I, с. 87.

[43] ПСРЛ, т. 6, с. 48, 243—244; т. 8, с. 242; т. 24, с. 214—215 (2 июля); т. 32, с. 168; АЗР, т. I, № 196; Сб. РИО, т 41 с. 414—420, 430, 469; РК, с. 34; Р, с. 69—70; *Базилевич*, с. 490

[44] *Бережков Н Г* Указ. соч., с. 190; ПСРЛ, т. 24, с. 215.

[45] ПЛ, вып. I, с. 87—88; ПСРЛ, т. 6, с. 48. 243; т. 8, с. 242; *Герберштейн*, с. 182—183; *Рюссов.* Прибалтийский сб. т. II с. 299—300; *Казакова Н А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения..., с. 232—233; РК, с. 34—35; Сб. РИО, т. 41 454.

[46] ПСРЛ, т. 6, с. 48—49; т. 8, с. 242—243; т. 23, с. 197; т. 26, с. 295—296; *Nitsche P.* Grossfürst und Thronfolger S 170.

[47] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения..., с. 234; Сб. РИО, т. 35, с. 341—361; т. 41, с. 435—436, 457; ПСРЛ, т. 6, с. 48. 49, 243, 244; т. 8, с. 243; т. 28, с 3 337; т. 32, с. 169; АЗР, т. I, № 192/XXII—XXIX, № 197; *Пирлинг П.* Указ.

соч., с. 285; *Шмурло Е. Ф.* Указ. соч., с. 94—95; *Базилевич*, с. 501—504.

[48] ПСРЛ, т. 6, с. 48; т. 8, с. 243; АЗР, т. I, № 192/XXXI—LII, № 200; ААЭ, т. I, № 138, с. 104—110; *Любавский М. К.* Указ. соч., с. 146; Сб. РИО, т. 35, с. 363—412, 468—474.

[49] Сб. РИО, т. 35, с. 380.

[50] Там же, с. 394—402; СГГД, ч. V, № 39, с. 24—27.

[51] *Базилевич*, с. 521; ПСРЛ, т. 6, с. 48—49; т. 8, с. 243; т. 28, с. 336; Сб. РИО, т. 35, с. 412—439.

[52] Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch, 2-te Abt. Bd II. Riga—Moskau, 1909, N 509. Договор Пскова с Ливонией см.: ГВНП, № 347, с. 331—337. Договор Пскова с Дерптом не сохранился (*Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... с. 239—240).

СОБОР 1503 г. (с. 197—211)

[1] *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 175; Сб. РИО, т. 35, с. 310.

[2] АИ, т. I, № 111; ср. в марте 1501 г.: АСЭИ, т. I, № 637; т. II, № 305; РК, с. 31.

[3] *Щербачев Ю. Н.* Датский архив. — ЧОИДР, 1893 г., кн. I, с. 2—3; *его же.* Копенгагенские акты, вып. I. М., 1915, с. 5—8; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 175—176; ПСРЛ, т. 26, с. 295; т. 28, с. 336; т. 33, с. 134; ИЛ, с. 144; Сб. РИО, т. 41, с. 432—433, 440; *Герберштейн*, с. 13; *Лурье Я. С.* Краткий летописец Погодинского собрания, с. 443; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 175—176, 182.

[4] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал, т. I, с. 7, 8; АСЭИ, т. III, № 82, 272а; *Казакова Н. А.* Ливонские и ганзейские источники..., с. 155.

[5] АСЭИ, т. III, № 291б; ПЛ, вып. II, с. 252; ПСРЛ, т. 12, с. 249.

[6] *Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в., с. 100, 107; АСЭИ, т. II, № 495; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 187—191.

[7] Собор закончился, очевидно, до 21 сентября: Иван III уехал из Москвы до 9 ноября, Геннадий вернулся в Новгород 12 ноября (ПСРЛ, т. 12, с. 257, 258; т. 4, ч. I, вып. 3, с. 611).

[8] ПСРЛ, т. 12, с. 257; т. 28, с. 336; ИЛ, с. 145, ср. ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 3, с. 611. Сведение помещено между записями 7 мая и 28 июля 1503 г. В «Летописце новгородском церквам» собор датирован 1 сентября (НЛ, с. 311), в Тип. — 7012 г. (ПСРЛ, т. 24, с. 215), в Белозерском летописце — 7011 г. (*Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв., с. 28). См. приговоры от 6 августа 1503 г. о невзимании мзды за хиротонию и от сентября 1503 г. о вдовых попах, а также послание Симона в Псков от июля 1504 г. (ААЭ, т. I, № 382, 383, с. 484—488); ср. также: Стоглав. СПб. 1863, с. 239—242; ПЛ, вып. I, с. 88—89.

[9] В «Стоглаве» помещена особая глава — «О тех же вдовых попех и о дияконех преподобнаго игумена Иосифа Волоцкаго, самобывшаго на соборе на Москве при царе Иоане» (Стоглав, с. 237—238).

[10] Впрочем, против пребывания женщин в мужских монастырях выступали как Иосиф Волоцкий, так и Нил Сорский (ПИВ, с. 319; Нила Сорского предание и устав. СПб., 1912, с. 9).

Казакова Н А. Вассиан Патрикеев и его сочинения, с. 279.

Я. С. Лурье считает этот вывод «необоснованным» ввиду отсутствия прямых высказываний о хиротонии у Нила Сорского и Вассиана (*Лурье.* Борьба, с. 417). Соборное решение, очевидно, хранилось в Царском архиве: см. «Грамоту Симона митрополита, что от поставления не имати у попов ничего» (ГАР, вып. 1, с. 76).

[13] ИЛ, с. 146. «Приеха с Москвы Юрьеи, Дмитрея Володимерова сын да Иван Телешев и бояриН митрополичь, повелением государя великого князя Ивана Васильевича и митрополита Симона, и владыку Генадья взяли, и казны попечатали, и поехали к Москве июня в 1 день» (ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 611). См. также: *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 227—232. Умер Геннадий 4 декабря 1505 г. (ИЛ, с. 64; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2—3, с. 535, 611).

[14] ВМЧ, сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868, стлб. 471, 472; *Черепнин.* Архивы, ч. 1, с. 217—219; ДДГ, № 88; *Зимин А. А.* Княжеские духовные грамоты начала XVI в. — ИЗ, 1948, т. 27, с. 268—273; ДДГ, № 89, ср. № 95, 96.

[15] «И егда совершися собор о вдовых попех и дияконех и нача старец Нил глаголати, чтобы у манастырей сел не было» (ПИВ, с. 367, ср. ЧОИДР, 1903, кн. 3, с. 37).

[16] ПИВ, с. 322, 325; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 195; *Бегунов Ю. К.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 352.

[17] По С. М. Каштанову, эти памятники описывают, видимо, «не разные, хронологически значительно отдаленные друг от друга этапы обсуждения планов секуляризации (об этом, кстати, никто не писал. — *А. З.*), а лишь разные перипетии борьбы в течение сравнительно небольшого отрезка времени» (Социально-политическая история, с. 196).

[18] Сохранился в рукописи 1562/3 г (ГБЛ, Волок. собр., № 514, л. 426—433). Начало: «Събор был о землях церковных, святительских монастырскых. Симон, митрополит всеа Русии, и с всем священным събором пръвое сие послаша послание к великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии с Левашом». Ответ издан: ПИВ, с. 322—326. По Н. А. Казаковой, памятник «представляет собой не доклад собора великому князю, а выписку из протокола собора» (*Казакова Н. А* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в., с. 71). Есть поздняя редакция Соборного ответа, составленная в первой трети XVII в. (ГБЛ, Фунд. собр., № 234, л. 48—52 об.; ПИВ, с. 326—329; *Зимин А. А.* Краткое и Пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам. — АЕ. 1961. М., 1962, с. 39—40).

[19] *Павлов А. С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1. Одесса, 1871, с. 48; *Моисеева Г Н* Валаамская беседа. М.—Л., 1958, с. 30; *Лурье.* Борьба, с. 416.

[20] *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев..., с. 279.

[21] ЧОИДР, 1903, кн. 3, с. 37—39. Рассказ помещен в извлечениях и в Житии архиепископа новгородского Серапиона (*Моисеева Г. Н.* Житие новгородского архиепископа Серапиона. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, с. 155—156). Рассказ жития Серапиона является механическим сокращением текста Жития Иосифа Волоцкого (ср. *Казакова Н. А.* Очерки..., с. 75). В нем отсутствуют три отрывка из рассказа о соборе 1503 г.: об отсутствии на соборе и

вызове на него Иосифа; «...обрящутся свой хлеб ядуще... И сии черноризцы изволющии»; «...иде убо и при божественных апостолех... явися в церковь господню», но оставлена фраза: «Тем же подвинутися древним боголюбезным мужем паче судиша». Об этих «мужах» говорится в выпущенном отрывке из Жития Иосифа. В житии Серапиона ряд ссылок на свидетельства апостолов оставлен, а одна из них опущена. Его автором, скорее всего, был митрополит Иоасаф (*Ундольский В. М.* Славяно-русские рукописи. М., 1870, с. 252; *Иконников В. С.* Собрание исторических трудов, т. I. Максим Грек и его время. Киев, 1915, с. 534; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви, т. II, пол. 1. М. 1900, с. 742; [В. П.] Житие св. Серапиона, архиеп. Новгородского. Сергиева Лавра, 1912, с. 35, 38—40). Г. Н. Моисеева считает житие Серапиона первоначальным. По ее мнению, оно возникло в Троицком монастыре в конце 10-х — начале 20-х годов XVI в.

[22] Казакова обратила внимание на то, что в Житии Иосифа, как и у Ермолая-Еразма, подчеркивается «мысль о всеобъемлющей роли крестьянского труда для процветания общества» (*Казакова Н. А.* Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 245).

[23] ПИВ, с. 366—369.

[24] На Федора Студитского (а не Феодосия), Афанасия Афонского, Антония и Феодосия Печерских есть ссылки в постановлении собора 1503 г.

[25] *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России в конце XV—XVI в., с. 269—270; *Никольский Н.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1897, с. XL—XLI.

[26] *Моисеева Г. Н.* Валаамская беседа, с. 21; *ее же.* О датировке «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева. — ТОДРЛ, т. XV. М. — Л., 1958, с. 351. Моисеева (вслед за Я. С. Лурье) приводит слова Вассиана: «Не глаголете убо разуму нашему быти да церквы божиа запустятся в манастырем и без престателей остатися» (*Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев..., с. 268). В них Лурье, Казакова и Моисеева видят отзвук речи Иосифа на соборе, которую приводит автор «Письма о нелюбках». Однако в «Письме» не говорится ни о запустении монастырей, ни об отсутствии «предстателей». Сюжеты параллельные, но не совпадающие. Они объясняются обычными толками, а не реальной речью Иосифа.

[27] *Моисеева Г. Н.* Валаамская беседа, с. 26—27; *Лурье.* Борьба, с. 298, 314; ПИВ, с. 369.

[28] *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев... с. 27—35; *ее же.* Очерки..., с. 73.

[29] *Лурье.* Борьба, с. 415—416; ср. с. 316; *его же.* Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства. — ТОДРЛ, т. XII. М. — Л., 1956, с. 137. Позднее Я. С. Лурье писал, что «аргумент Иосифа, может быть, и не высказывался им на соборных заседаниях, но аргумент этот отражал действительное мнение волоколамского игумена» (Борьба, с. 458).

[30] *Бегунов Ю. К.* «Слово иное»..., с. 351—364; *его же.* Секуляризация в Европе и собор 1503 г. в России. — Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе, с. 41—47. Казакова считает, что «Слово иное» составлено около 1503—1511 гг. (в период взбудоражившего все общество конфликта Серапиона с великим князем) на основании несохранившегося «Сказания о соборе 1503 г.» (*Каза-*

кова Н. А. Очерки..., с. 70). О существовании особого «Сказания о соборе 1503 г.» впервые писал Бегунов. Но ни он, ни Казакова не доказали свое предположение какими-либо текстологическими доводами. Время создания памятника остается еще не вполне ясным.

[31] *Бегунов Ю. К.* «Слово иное»... с. 351—352.

[32] РК, с. 17—19, 24; Сб. РИО, т. 41, с. 223 и сл. В Крыму он побывал в 1480—1481 гг. (Сб. РИО, т. 41, с. 16 и сл.).

[33] Р, с. 68; РК, с. 23—31. Борисовы были связаны с князьями Звенигородскими: в 1562/3 г. Н. В. Борисов был душеприказчиком князей Г П. и И. П. Звенигородских (АФЗХ, ч. II, № 299). Князья Звенигородские владели землей в Кашире (ТКДТ, с. 134).

[34] Дмитрий Иванович Жилка в 1502 г. возглавлял поход на Смоленск и пользовался расположением Ивана III (РК, с. 34).

[35] ПИВ, с. 232—235, 282—284; АФЗХ, ч. II, № 35, 38, 46—48 и др.

[36] Судя по «Слову», Серапион принадлежал к воинствующим церковникам типа Геннадия. Поэтому высказанное мною ранее мнение о близости Серапиона к нестяжателям является заблуждением.

[37] *Зимин А. А.* Основные этапы и формы классовой борьбы в России конца XV—XVI в. — ВИ, 1965, № 3, с. 41.

[38] По Ю. К. Бегунову и С. М. Каштанову, события происходили весной — летом 1502 г. (*Бегунов Ю. К.* «Слово иное»... с. 360; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 189).

[39] ПСРЛ, т. 12, с. 257; *Бегунов Ю. К.* «Слово иное»..., с. 360.

[40] С. М. Каштанов обратил внимание на то, что парализованный князь не мог бы уже 21 сентября отправиться в поездку по монастырям (Социально-политическая история, с. 197; ср.: *Казакова Н. А.* Очерки..., с. 84). Эпизод с Илемной следует отнести ко времени вскоре после поездки Ивана III в Троицу в сентябре 1503 г.

[41] Подробнее см.: *Лурье.* Борьба, с. 417—419.

[42] *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в. — ВИ, 1958, № 5, с. 3—22; *Зимин А. А.* Земский собор 1566 г. — ИЗ, 1962, т. 71; *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. — ВИ, 1967, № 5; *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1973, и др.

[43] Так, к числу земских соборов С. О. Шмидт относит собор, осудивший митрополита Филиппа в 1568 г. Но заседал тогда церковный собор с участием Думы. К Шмидту присоединился Р Г Скрынников, причисливший сверх того к земским соборам и соборы, осудившие Сильвестра в 1560 г. и Пимена в 1570 г. (*Скрынников Р. Г.*. Самодержавие и опричнина. — Внутренняя политика царизма. М., 1967, с. 97). Но и это в лучшем случае церковно-земские соборы старого типа.

[44] АЕД, с. 385; Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971, с. 90; *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев..., с. 285.

РАЗГРОМ МОСКОВСКОЙ ЕРЕСИ (с. 212—232)

[1] АЕД, 375—376, 471.

[2] Там же, с. 377, 380—381, 471, 473; ПИВ, с. 176.

[3] Повесть о Дракуле. М. — Л., 1964, с. 42—43; *Лурье.* Борьба, с. 141.

[4] *Stroev V.* Zur Herkunftsfrage der Judaisierenden. — ZSPh, 1934, Bd XI, Hf. 34, S. 341—345.

[5] *Stökl G.* Das Echo von Renaissance und Reformation im Moskauer Russland. — JGO, 1959, Bd 7, Hf. 4, S. 413.

[6] ПДС, т. I, стлб. 87—88; ПСРЛ, т. 28, с. 157, 159, 329; РК, с. 25, 28; АСЭИ, т. III, № 209; Сб. РИО, т. 35, с. 237, 242; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г., с. 237; ДДГ, № 96, с. 404. См. о И. Курицыне: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв., с. 280; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. — ИЗ, 1971, т. 87, с. 246; *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в.; *Лурье.* Борьба.

[7] ПДС, т. I, стлб. 8, 10, 11, 26, 80, 159—162, 164—167; Сб. РИО, т. 28, с. 159; т. 35, с. 56, 138—144, 302 и др.; т. 41, с. 164, 238—239, 290; Сборник кн. Хилкова, с. 371; РК, с. 25; *Казакова Н. А.* Ливонские и ганзейские источники..., с. 158. См. о Ф. Курицыне: *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 280; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат..., с. 247—248.

[8] АСЭИ, т. I, № 427, 523, 642 (грамота ошибочно датируется «около 1502/04»); т. III, № 291 б; ДДГ, № 85, с. 344; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 29, 58; *Черепнин.* Архивы, ч. 2, с. 310—314; *Шмидт С. О.* Указ. соч., с. 273.

[9] ГБЛ, Фунд. собр., № 187; *Бегунов Ю. К.* Кормчая Ивана Волка Курицына. — ТОДРЛ, т. XII. М. — Л., 1956, с. 141—159 (критические замечания и коррективы см.: *Лурье.* Борьба, с. 171—172).

[10] *Лурье.* Борьба, с. 200.

[11] Повесть о Дракуле, с. 43, 118.

[12] Свою раннюю оценку взглядов Ф. Курицына, изложенных в «Повести о Дракуле», считаю ошибочной. Она исходила из традиционного представления о борьбе дворянства с боярством как основе внутриполитических конфликтов в конце XV—XVI в. (*Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. — Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М. 1958, с. 414).

[13] АЕД, с. 256—276. Кроме соответствующих разделов в монографиях А. И. Клибанова и Я. С. Лурье см. также: *Лилиенфельд Ф. Г* Иоанн Тритемий и Федор Курицын. — Культурное наследие Древней Руси, с. 116—123; *Lilienfeld F.* Über einige Zuge des Frühhumanismus und der Renaissance in Russland und Deutschland. — Jahrbücher für frankonische Landsforschung, 1976, Bd 36, S. 23—35; *Kämpfer F.* Zur Interpretation des Laodicenischer Sendschriftens. — JGO, 1968, Bd 16, S. 53—69; *Haney I. V.* The Laodecean Epistle. — Slavic Review, 1971, Bd 30, p. 832—852; *Fine J.* Fedor Kuritsyn's «Laodikiskoe poslanie» and the Heresy of the Judaisers. — Speculum, 1966, vol. 41, N 3, p. 500—504; *Majer J.* Zum judischen Hintergrund des sogennanten «Laodicenischen Sendschriftens». — JGO, 1969, Bd 17, S. 1—12. Разбор части этих работ см.: *Luria J.* Zur Zusammensetzung des «Laodicenischen Sendschreibens». — JGO, 1969, Bd 17, Hf. 2, S. 116—169; *idem.* L'hérésie dite des judaïsante et ses sources historiques. — Revue des etudes slaves, 1966, t. 45, p. 49—67

[14] *Клибанов А. И.* Указ. соч., с. 68—69, 74, 82, 342.

[15] Там же, с. 348—350; *Лилиенфельд Ф. Г.* Указ. соч., с. 116—123.

[16] ГБЛ, Муз. собр., № 597; ГИМ, собр. Уварова, № 447; АЕД, с. 278—280, 376, 472, 481, 506. См. также: *Лихачев Д. С.* Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. — ТОДРЛ, т. VI. М. — Л., 1948, с. 100—110.

[17] ГПБ, F 1. 3; АЕД, с. 280—305; *Клибанов А. И.* Указ. соч. с. 35—62; *Клосс Б. М.* Книги, редактированные и писанные Ионом Черным. — ЗОР, вып. 32. М., 1971, с. 61—72.

[18] ПСРЛ, т. 6, с. 49; ПИВ, с. 176, 178—179; ГИМ, Епарх. собр., № 339, л. 271—271 об.; № 340, л. 197; *Лурье.* Борьба, с. 142, 143, 181—183.

[19] АЕД, с. 390; ГПБ, Q XVII, № 15, л. 359 об. — 360; Православный собеседник, 1861, № 1, с. 105—110; *Лурье.* Борьба, с. 269.

[20] АЕД, с. 395.

[21] РИБ, т. VI, стлб. 795—820; НЛ, с. 141, 311. «Изложение» вошло в Кормчую 1493 г., переписанную для соловецкого игумена Досифея. По поручению Зосимы пермский епископ Филофей составил пасхалию на 19 лет (ПСРЛ, т. 26, с. 288).

[22] ПСРЛ, т. 26, с. 288. Дата «7001», очевидно, неверна.

[23] РИБ, т. VI, стлб. 799; *Лурье.* Борьба, с. 375—383. Ср.: *Гельдберг А. Л.* К предыстории идеи «Москва — третий Рим». — Культурное наследие Древней Руси, с. 115.

[24] ПДС, т. I, стлб. 12.

[25] *Евсеев И. Е.* Геннадиевская библия 1499 г. М., 1914; *его же.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг. 1916; *Лурье.* Борьба, с. 271—275.

[26] *Хрущев И. П.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868, с. 262—263; *Майков Л. Н.* Последние труды. — Известия ОРЯС, 1900, т. V, кн. 2, с. 371—379; *Лурье.* Борьба, с. 266—268; *Розов Н. Н.* Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. — ТОДРЛ, т. XVIII. М. — Л., 1962, с. 301; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России в конце XV—XVI в., с. 236.

[27] *Евсеев И. Е.* Геннадиевская библия 1499 г., с. 10, 12; *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XVI—XVII вв. СПб., 1903, с. 191—193; *Лурье.* Борьба, с. 270; *Немировский Е.* Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964, с. 70—72; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 358—359. Перевод трактата Самуила Евреина приписывается также Николаю Булеву.

[28] *Бегунов Ю. К.* Болгарский писатель X в. Козма Пресвитер в русской письменности конца XV — начала XVI в. — ТОДРЛ, т. XIX. М. — Л., 1963, с. 293; *Розов Н. Н* Указ. соч., с. 297, 300.

[29] ПДС, т. I, стлб. 88, 104—106; *Немировский Е.* Указ. соч., с. 60—61; Повести о споре Жизни и Смерти (Исследование и подготовка текста Р. П. Дмитриевой). М. — Л., 1964, с. 14—19.

[30] Через Любек (морским путем) шла дорога в Новгород. Этим путем ездили послы из Рима. В 1472 г. через Любек ехала Софья Палеолог. О Б. Готане и Н. Булеве см.: *Raab H.* Über die Beziehungen Bartholomäus Ghotans und Nicolaus Buelow zum Gennadij-Kreis in Novgorod. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostok. Gesellschafts-und Sprachwissenschaftliche Reihe, Hf. 3, 1958—1959, S. 419—422; *Angermann N.* Nicolaus Bülow. Ein lübecker Arzt und Theologe in Novgorod und Moskau. — Zeitschrift des Vereins für Lübecks-Geschichte und Altertumskunde, 1966, Bd 46, S. 88—89; *Angermann N.* Neues über Nicolaus Bülow und sein Wirken im Moskauer Russland. — JGO, 1969, Hf. 3, S. 408—419; *Немировский Е. Л.*

Указ. соч., с. 58—61, 69—74; *Зимин А. А.* Россия на пороге вого времени, с. 352—357.

[31] ЧОИДР, 1902, кн. 2, с. 1—68; *Седельников А. Д.* К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина. — Известия ОРЯС, т. XXX. Л., 1926, с. 207, 212—213 и др.; *Лурье.* Борьба, с. 225—229; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина... с. 234—236.

[32] Памятники старинной русской литературы, вып. I. СПб., 1860, с. 296. Заголовок вступления к «Повести» связывает ее с Д. Траханиотом («Посыльная грамота Дмитрия Грека Толмача»), а в тексте автор называет себя «Митей Малым», т. е. Д. Герасимовым. Время сложения «Повести» устанавливается на том основании, что в ней главой православной церкви изображен Геннадий. Я. С. Лурье на основании наличия заимствования из «Сказания о Максиме Греке» и отсутствия ранних списков (до второй половины XVI в.) считает «Повесть» поздним памятником (Борьба, с. 229—230). Н. Н. Розов, датирующий «Повесть» 90-ми годами, заблуждается, считая ее памятником не специфически новгородской, а общерусской публицистики (*Розов Н. Н.* Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV в. — ТОДРЛ, т. IX. М. — Л. 1953, с. 178—219; *его же.* Повесть о новгородском белом клобуке. — УЗ ЛГУ, 1954, № 173, с. 307—327).

[33] ВМЧ, сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868, стлб. 472; АЕД, с. 428, 432. Послание Нифонту сохранилось в двух редакциях: Пространная содержала прямые выпады против Зосимы, а Краткая направлена была против новгородских еретиков. Краткая редакция мне представлялась ранее первоначальной (АЕД, с. 421—423). После находки В. Б. Кобриным послания Иосифа архимандриту Евфимию, близкого к тексту послания к Нифонту, спор решается в пользу гипотезы Я. С. Лурье о первоначальности Пространной редакции.

[34] *Кобрин В. Б.* Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию. — ЗОР, вып. 28. М., 1966, с. 227—239; АЕД, с. 433—435, 391—414.

[35] АЕД, с. 346; ПИВ, с. 155.

[36] ПСРЛ, т. 30, с. 138. Вероятно, около декабря 1495 г. Зосима причащался «во всемь святительском чину» в Троице (ПСРЛ, т. 15, стлб. 503; т. 28, с. 160), т. е. еретиком его тогда не считали.

[37] РИБ, т. VI, № 121, стлб. 834—835; ПСРЛ, т. 30, с. 138 (возможно, описка вместо: «не по своей воли»).

[38] ПСРЛ, т. 28, с. 325. Ср.: т. 4. СПб., 1848, с. 164; т. 6, с. 39, 240; т. 8, с. 228 и др. Я. С. Лурье склонен это сведение связывать со сводом Геннадия (Борьба, с. 153) или во всяком случае считать поздним (Летописи, с. 251).

[39] ПСРЛ, т. 24, с. 213; т. 28, с. 159; т. 26, с. 289.

[40] ПСРЛ, т. 6, с. 39—40; т. 8, с. 228; т. 24, с. 213; т. 28, с. 160, 326—327; т. 26, с. 289.

[41] ПСРЛ, т. 23, с. 175—176; ПИВ, с. 175—176.

[42] ПСРЛ, т. 28, с. 336. В других летописях дата 7 апреля (т. 6, с. 48).

[43] АЕД, с. 438—486; ПИВ, с. 175—178.

[44] ПСРЛ, т. 28, с. 337; ср.: т. 6, с. 49; т. 8, с. 244; т. 12, с. 258; т. 20, пол. 1, с. 375; т. 21, пол. 1, с. 268; т. 22, ч. I, с. 515; т. 26, с. 296—297; т. 33, с. 134; ИЛ, с. 146; *Шмидт С. О.* Указ. соч., с. 276; *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв., с. 36.

[45] Сб. РИО, т. 35, с. 413; ПСРЛ, т. 28, с. 337.

[46] ПСРЛ, т. 6, с. 244, ср.: с. 49—50; т. 8, с. 244; т. 12, с. 258; т. 20, пол. 1, с. 375; т. 21, пол. 1, с. 268; т. 26, с. 296—297; т. 28, с. 337; ИЛ, с. 146. См. также анафемствования еретиков, включенные в состав синодиков (*Бегунов Ю. К.* Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси. — ТОДРЛ, т. XIII. М. — Л., 1957, с. 214—224).

[47] Просветитель, с. 518; *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения, с. 136—149.

[48] АЕД, с. 506—510.

[49] ПСРЛ, т. 30, с. 139—140.

[50] *Казакова Н. А.* Ливонские и ганзейские источники..., с. 159.

[51] АЕД, с. 486—498; *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения, с. 250—253.

[52] *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев..., с. 176, 252; *ее же.* Когда началась полемика нестяжателей с иосифлянами. — Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 111—115; АЕД, с. 498, 503, 508, 511; *Лурье.* Борьба, с. 424—425.

[53] Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле. Л. 1969; Истоки русской беллетристики, с. 320—386.

[54] *Клибанов А. И.* Указ. соч., с. 308; Александрия. М.—Л., 1965; *Геппенер Н. В.* К истории перевода повести о Трое Гвидо де Колумна. — Сб. к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, с. 351—360; Стефанит и Ихнилат. Л., 1969; *Зимин А. А.* К поискам библиотеки московских государей. — Русская литература, 1963, № 4, с. 124—132.

[55] *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества.— Известия АН СССР, сер. VII, 1930, № 10, с. 741; ПСРЛ, т. 27, с. 301—367; *Каштанов С. М.* О списке двух неопубликованных летописных сводов. — ПИ, 1959, т. VIII, с. 460—465.

[56] *Щепкина М. В.* Изображение русских исторических лиц в шитье XV в. М. 1954, с. 20; *Pociecha Wł.* Królowa Bona. Poznań, 1949, t. 1—11.

[57] ПСРЛ, т. 15, стлб. 250—251; *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М. 1965, с. 95—97.

[58] *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI в., с. 51; *Алпатов М. В.* Памятник древнерусской живописи конца XV в. М., 1964; *Зацепина Е. В.* К вопросу о происхождении старопечатного орнамента. — У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 129.

[59] ДДГ, № 89, с. 353. О дате см.: *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 198—202.

[60] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2, с. 460, 468, 535; ч. I, вып. 3, с. 611; т. 6, с. 50, 244; т. 8, с. 245; т. 12, с. 259; т. 23, с. 197; т. 26, с. 297; т. 28, с. 338; т. 30, с. 140; т. 31, с. 124—125; УЛС, с. 102; ИЛ, с. 147—148; ПЛ, вып. I, с. 91; вып. II, с. 224 и др.; *Шмидт С. О.* Указ. соч., с. 275; *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв., с. 11, 36; *его же.* Россия на пороге нового времени, с. 59—70.

СОЗДАНИЕ ОБЩЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА (с. 233—262)

[1] ДДГ, № 76, с. 283—290; № 89, с. 357—358.

[2] *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайло-

вича. 4-е изд. СПб., 1906, с. 27; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., ч. I, с. 24—27.

[3] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I. СПб., 1863, с. 28, 90; ПСРЛ, т. 28, с. 133, 134; ДДГ, № 69, с. 226; № 70, с. 238; № 72, с. 254; № 73, с. 270; № 76, с. 284; № 81, с. 318; № 82, с. 325; № 89, с. 362; ср. № 90, с. 365; Барбаро и Контарини о России, с. 226, 243.

[4] ИЛ, с. 132, 143. Сближение владений царевичей с поместьями и утверждение, что они были пожизненными (*Скрынников Р. Г.* Опричнина и последние удельные княжения на Руси. — ИЗ, 1965, т. 76, с. 170), представляются неверными.

[5] ДДГ, № 61, с. 193—199.

[6] *Зимин А. А.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. — ВИД, вып. V. Л., 1973, с. 182—195; *его же.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. — История и генеалогия, с. 161—188; *его же.* Новгород и Волоколамск в XI—XV вв. — НИС, вып. 10. Новгород, 1961, с. 97—116; *его же.* Из истории феодального землевладения в Волоцком удельном княжестве. — КДР, с. 71—78; ДДГ, № 89, с. 353—364.

[7] *Черепнин.* Архивы, ч. 1, с. 162—175, 189—191; ДДГ, № 70, 75, 76, 78, 79, 82, с. 232—249, 277—290, 293—301, 322—328.

[8] ИЛ, с. 125; ПСРЛ, т. 6, с. 48; т. 28, с. 155, 321; РК, с. 21, 37; ГАР, вып. 1, с. 72.

[9] *Бегунов Ю. К.* «Слово иное»..., 351.

[10] *Ленин В. И.* ПСС, т. 17, с. 431.

[11] ПСРЛ, т. 24; с. 192; *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси. — ИЗ, 1947, т. 22, с. 101—131; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии, с. 46—52; *Зимин А. А.* Суздальские и ростовские князья во второй половине XV — первой трети XVI в.— ВИД, вып. VII. Л., 1976, с. 56—69; *его же.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. — ДСКР, с. 28—56.

[12] ДДГ, № 60, с. 192—193; № 83, с. 330; Сб. РИО, т. 35, с. 299—300.

[13] ДДГ, № 81, с. 315—322; РК, с. 34.

[14] Сохранение прослойки служилых княжат именно на окраинах государства хорошо понял составитель ВВЛ. Он заметил, что кн. Федора свели с Выми в 1502 г. потому, что «место Вымское не порубежное» (ВВЛ, с. 264).

[15] См. *Ленин В. И.* ПСС, т. 1, с. 153—154.

[16] Барбаро и Контарини о России, с. 229; ПСРЛ, т. 33, с. 134; т. 32, с. 92; ААЭ, т. 1, № 172, с. 141—142; ПЛ, вып. II, с. 224; *Лихачев Н. П.* Прозвища великого князя Ивана III. СПб., 1897; РИБ, т. XXXI, стлб. 216; Послания Ивана Грозного. М. — Л., 1951, с. 202.

[17] *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. — АЕ. 1968. М., 1970, с. 109—118.

[18] Состав Государева двора можно представить по разряди записи 1495/6 г. (РК, с. 25—26).

[19] *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли). — Общество и государство феодальной России, с. 283—288.

[20] АСЭИ, т. I, № 541; *Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии экономии. — ЧОИДР, 1917, кн. III, с. 498; *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М. — Л., 1950, с. 215—216.

[21] АСЭИ, т. I, № 541 (1489/90); *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики, с. 437; *Котошихин Г.* Указ. соч., с. 88, 81; *Копанев А. И Маньков А. Г Носов Н. Е.* Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII в. Л. 1957, с. 69.

[22] ДДГ, № 89, с. 363.

[23] Ср.: *Шмидт С. О.* Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. — УЗ МГУ, 1954, вып. 167, с. 38—39, 46.

[24] *Котошихин Г.* Указ. соч., с. 29; Редкие источники по истории России, вып. 2. М., 1977, с. 69; РК, с. 25. С 1494/5 г. постельничим был Ерш, умер в 1499/1500 г.; с 1501/3 г. шесть лет — Семен Иванович (?) Брюхо (*Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. — ИЗ, 1958, т. 63, с. 204). По Шереметевскому списку, Брюхо был сокольничим с 1501/2 г., а умер в 1506/7 г.

[25] ПСРЛ, т. 12, с. 156; АСЭИ, т. I, № 487; т. II, № 330, 424; т. III, № 15; РК, с. 25; АФЗХ, ч. I, № 40, с. 55; ИЛ, с. 144; Сб. РИО, т. 41, с. 418—419; *Котошихин Г* Указ. соч., с. 25; *Любич-Романович В.* Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. СПб. 1843, с. 30—31; *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений..., с. 205.

[26] ДДГ, № 2, с. 15; ср. грамоту около 1356 г. (там же, № 4). «Сокольнич путь» см. также в уставной грамоте 1507 г. (АСЭИ, т. III, № 26). Упоминание Талицкой пустоши как «чашнича пути» см.: АСЭИ, т. II, № 496. О «чашниче пути» на Костроме см. в грамоте 1505—1533 гг. (Акты Юшкова, № 63). Судя по уставной грамоте 1506 г. (АСЭИ, т. III, № 25), в «стольнич путь» входили переславские рыболовы. В 1486—1500 гг. В. Ознобишин был пожалован «санничим в путь» (АСЭИ, т. III, № 107).

[27] ПСРЛ, т. 25, с. 304; Сб. РИО, т. 35, с. 94; НЛ, с. 59; РК, с. 24, 32; Р, с. 48, 67; ДДГ, № 89, с. 363; *Флоря Б. Н.* Указ. соч., с. 286—287; *Лихачев Н. П.* «Государев родословец» и род Адашевых. — ЛЗАК, вып. 11. СПб., 1903, с. 57—58.

[28] *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906, с. 15—16, 32; *Савва В.* О Посольском приказе. Харьков, 1917; *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М. 1962, с. 99—131.

[29] В том числе известно 7 рязанских дьяков, 3 — великой княгини Марии, 3 — кн. Андрея Углицкого, 3 — кн. Михаила Белозерского, 2 — кн. Андрея Вологодского, 1 — псковский, 2 — волоцких, 2 — дмитровских.

[30] ПСРЛ, т. 22, ч. I, с. 513.

[31] *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900, с. 44—50; *Горский.* Очерки, с. 214—216; *Alef G.* The Origin and Early Development of the Muscovite Postal Sistem. — JGO, 1967, Bd XV, N 1, p. 1—15; АСЭИ, т. III, с. 411—446; ДДГ, № 89, с. 361; *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты XV — XVI вв. — АЕ. 1961. М., 1962, с. 41—81.

[32] АСЭИ, т. III, № 397, 398. «Диак казенный» великого князя упоминается впервые около 1445—1453 гг. (АСЭИ, т. II, № 346, с. 343; *Лихачев Н. П* Древнейшее упоминание дьяка казенного. — Сб. Археологич. ин-та, кн. VI. СПб., 1898, отд. III, с. 1—2).

[33] АСЭИ, т. I, № 624; т. III, № 401—403, 417; АФЗХ, ч. № 36.

[34] Сб. РИО, т. 41, с. 338. Мнение о том, что из функций этого дьяка «вырос позднее Земский приказ как административно-поли-

цейское учреждение в г. Москве» (*Чернов А. В.* О зарождении приказного управления в процессе образования Русского централизованного государства. — Труды МГИАИ, 1965, т. 19, с. 289), не подтверждается источниками.

[35] АФЗХ, ч. I, № 40.

[36] Среди названных С. А. Шумаковым «поместных дьяков» двое (В. Амирев и В. Нелюбов) упомянуты в подложных актах, Т. Ильин ведал не только поземельными, но и дипломатическими и иными делами. Деятельность остальных приходится на более поздний период (*Шумаков С. А.* Экскурсы по истории Поместного приказа. М., 1910, с. 48).

[37] *Чернов А. В.* Указ. соч., с. 284; *Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии экономии. — ЧОИДР, 1917, кн. II, с. 136; *Каштанов С. М. Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. 3. — АЕ. 1966. М. 1968, с. 210, 230.

[38] *Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е.* Указ. соч., с. 72. Под «приказом» Н. Е. Носов понимает «постоянные присутственные места (учреждения)» (с. 68). Из этого определения выпало основное — функциональная сущность приказов. Не учитывая ее, Носов отнес к «приказам» и областные, и центральные дворцовые ведомства казначея и конюшего, которые для первой половины XVI в. нельзя считать приказами.

[39] Судебники XV—XVI вв., с. 43; ААЭ, т. I, № 155, с. 125; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, с. 30, 33; *Чернов А. В.* Указ. соч., с. 281; *Садиков П. А.* Указ соч., с. 260; *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961, с. 52—53; Сб. РИО, т. 35, с. 340.

[40] РИБ, т. XXXI, стлб. 221.

[41] *Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е.* Указ. соч., с. 68.

[42] См., например, СИЭ, т. 11. М., 1968, с. 714; *Флоря Б. Н.* Кормленые грамоты XV—XVII вв. как исторический источник. — АЕ. 1970. М., 1971, с. 111.

[43] Ср. Акты Юшкова, № 17, 18, 22, 24; ДДГ, № 89, с. 360. За И. Д. Бобровым, постельничим Василия III, «по постельничему пути» была волость Ухра «с мыты в путь» (Редкие источники по истории России, вып. 2. М., 1977, с. 70). В 1555 г. Ф. В. Крюков был пожалован «ясельничим» в кормление, т. е. по существу в «путь» (ДАИ, т. I, № 53). В дозорной книге 1588/9 г. говорится об одном владении, которое «приписано к конюшенному пути к Домодедовской волости» (*Сперанский А. Н.* Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, с. 36). В грамоте 1547—1584 гг. о пожаловании «сокольничим путем» в «кормление» называются «пути или волости» (Акты Юшкова, № 162). Ср. грамоту 1556 г. о конюшенном пути (ДАИ, т. I, № 108). «Пути» можно сопоставить с татарскими «даругами» («дорогами»).

[44] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, с. 263—280; *Герберштейн*, с. 20—21; *Флоря Б Н.* Кормленые грамоты XV—XVI вв. ..., с. 118; *его же.* О некоторых источниках по истории местного управления в России XVI в. — АЕ. 1962. М., 1963, с. 92—97; *Зимин А. А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в.— ИЗ, 1974, т. 94, с. 273.

[45] АСЭИ, т. III, № 22, 114; *Горский*. Очерки, с. 245—251.

[46] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Рус-

ского государства первой половины XVI в., с. 21—38, 42; АСЭИ, т. II, № 476.

[47] *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М. 1954, с. 17—42; *Ленин В. И.* ПСС, т. 1, с. 153; РК, с. 23; ПСРЛ, т. 12, с. 252; УЛС, с. 88; ПЛ, вып. I, с. 81. О порядке набора «с сох» см. сведения 1480, 1485, 1500, 1501 гг. (*Носов Н. Е.* Очерки..., с. 116—118; *Горский.* Очерки, с. 222).

[48] *Лурье.* Летописи, с. 237, 238.

[49] См. о нем: *Насонов*, с. 306—307; *Лурье.* Летописи, с. 237.

[50] ПСРЛ, т. 25, с. 324, ср. с. 303—304; ср. т. 23, с. 161; т. 6, с. 234, 235, 237; т. 20, ч. I, с. 328, 349, 352; т. 24, с. 237; ИЛ, с. 118, 126 и др.; ПЛ, вып. I, с. 99 (1518 г.). См. также: *Снегирев В.* Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М., 1935; *Хорошкевич А. Л.* Данные русских летописей об Аристотеле Фиораванти. — ВИ, 1979, № 2, с. 201—204.

[51] *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея, ч. I. СПб., 1877, с. 57, 105.

[52] *Чернов А. В.* Вооруженные силы..., с. 33; ПСРЛ, т. 32, с. 167; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... с. 225, 227.

[53] ОРК XIII—XV вв. ч. I, 342—343; ОРК XVI в., ч. I, с. 228—229.

[54] ДДГ, № 81.

[55] См. *Ленин В. И.* ПСС, т. 1, с. 153; АСЭИ, т. III, № 23, с. 41—43; *Флоря Б. Н.* Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV — первой половине XVI в.— ИСССР, 1972, № 1, с. 56—59; *Каштанов.* Социально-политическая история, с. 12—13.

[56] *Гальперин Г. В.* Формы правления Русского централизованного государства XV—XVI вв., с. 39—55.

[57] *Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в., с. 70, 73, 82, 89.

ПОСЛЕСЛОВИЕ (с. 263—266)

[1] Список трудов А. А. Зимина (сост. А. Л. Хорошкевич) см.: АЕ. 1980. М., 1981, с. 274—284. См. также: Александр Александрович Зимин. — ВИ, 1980, № 4, с. 189; *Каштанов С. М.* Александр Александрович Зимин — исследователь и педагог. — ИСССР, 1980, № 6, с. 152—157; *Кобрин В. Б.* Александр Александрович Зимин. Ученый. Человек. — ИЗ, 1980, т. 105, с. 294—309.

[2] *Зимин А. А.* Летописные свидетельства о коронации Дмитрия-внука и заговоре Владимира Гусева (1497—1498 гг.). — Летописи и хроники. Сб. ст. 1973. М., 1974, с. 240—251; *его же.* События 1499 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III. — Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967, с. 91—103; *его же.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. — Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 128—138.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи, т. I, 1294—1598. СПб., 1836

АДД — Автореферат докторской диссертации

АЕ — Археографический ежегодник

АЕД — *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М. — Л., 1955

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею, т. 1. СПб. 1846; т. 2. СПб., 1848

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1841

АИСЗР — Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV — начало XVI в. (Рук. авт. колл. — А. Л. Шапиро). Л. 1971

АКД — Автореферат кандидатской диссертации

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. I (сост. С. Б. Веселовский). М., 1952; т II (сост. И. А. Голубцов). М., 1958; т. III (сост. И. А. Голубцов). М., 1964

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. I (подгот. Л. В. Черепнин). М., 1951; ч. II (подгот А А. Зимин). М. 1956

Базилевич — Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952

БАН — Библиотека АН СССР, Отдел рукописей (Ленинград)

ВВ — Византийский временник, ежегодник

ВВЛ — Вычегодско-Вымская летопись: Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. — Историко-филологический сборник, вып 4. Сыктывкар, 1958

ВИ — Вопросы истории, журнал

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины, сборник

ВИЖ — Военно-исторический журнал

ВМЧ — Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием, вып. 1—14. СПб 1868—1897; М., 1899—1915

ВПЛ — Вологодско-Пермская летопись. — ПСРЛ, т. 26. М. — Л., 1959

ГАР — Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции (подгот. текста и комментарии А. А. Зимина), вып. 1—3. М., 1978

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, Отдел рукописей (Москва)

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова (под ред. С. Н. Валка). М. — Л., 1949

Герберштейн — Герберштейн С. Записки о московитских делах. Пер. А. И. Малеина. СПб., 1908

ГИМ, ОР — Государственный исторический музей, Отдел рукописей (Москва)

Горский. Очерки — *Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960

ГПБ — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей (Ленинград)

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и данные Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1846

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (подгот. Л. В. Черепнин). М. — Л., 1950

ДКСР — Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. Сборник статей, посвященный памяти А. А. Новосельского. М. 1975

ЕАИВЕ — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ЗОР — Записки Отдела рукописей ГБЛ

ИА — Исторический архив, сборники и журнал

ИЗ — Исторические записки, журнал

ИЛ — Иоасафовская летопись (подгот. А. А. Зимин и С. А. Левина). М., 1957

ИРГО — Известия Русского генеалогического общества

ИСССР — История СССР, журнал

Казакова — *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, конец XIV — начало XVI в. Л. 1975

Каштанов. Социально-политическая история — *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967

КДР — Культура Древней Руси. М., 1968

КИ — Казанская история. М. — Л., 1954

Кочин — *Кочин Г Е.* Сельское хозяйство Руси в период образования Русского централизованного государства. М. — Л., 1965

ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии

ЛН —Литературное наследство, сборник

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР (до 1968 г. — Института истории) АН СССР

Лурье. Борьба — *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М. — Л., 1960

Лурье. Летописи — *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л. 1976

МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР

Насонов — *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969

Ник. — Никоновская летопись. — ПСРЛ, 9—13. СПб., 1862—1904

НИС — Новгородский исторический сборник

НЛ — Новгородские летописи. СПб., 1879

НПГ — *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1969

НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1859; т. II. СПб., 1862; т. III. СПб. 1868; т. IV. СПб., 1886; т. V. СПб., 1905; т. VI. СПб., 1910

ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете

ОЛЯ — Отделение литературы и языка АН СССР

ОРК — Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. I—II. М., 1970

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук

ОЦААПП — Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960

ПДС — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851

ПИ — Проблемы источниковедения

ПИВ — Послания Иосифа Волоцкого (подгот. А. А. Зимин и Я. С. Лурье). М. — Л., 1959

ПКНОЕ — Памятники культуры: новые открытия, ежегодник

ПЛ — Псковские летописи (подгот. А. Н. Насонов), вып. I. М. — Л., 1941; вып. II. М., 1955

ПП — Пространная Правда

ПРП — Памятники русского права, вып. II. М., 1953; вып. III. М., 1955; вып. IV. М., 1956

ПРФ — *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972

ПСГ — Псковская Судная Грамота

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

Р — Разрядная книга 1475—1605 гг. (сост. Н. Г Савич), т. 1, ч. I—III. М., 1977—1978

РИБ — Русская историческая библиотека

РИЖ — Русский исторический журнал

РИИР — Редкие источники по истории России, вып. 2. Новые родословные книги XVI в. (сост. М. Е. Бычкова). М., 1977

РК — Разрядная книга 1475—1598 гг. (подгот В. И. Буганов). М., 1966

РЛА — Русско-ливонские акты, собранные К Э. Напьерским. СПб., 1868

РП — Русская Правда

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I. М., 1813; ч. II. М., 1819; ч. V М., 1894

Сим. — Симеоновская летопись. — ПСРЛ, 18. СПб., 1913

СК — Советская книга, журнал

СМЛ — Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М. 1976

Тип. — Типографская летопись. — ПСРЛ, т. 24. Пг., 1921

ТКДРЛ — Труды комиссии по древнерусской литературе АН СССР

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР

ТКДТ — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. (подгот. А. А. Зимин). М. — Л., 1950

УЗ — Ученые записки

УЛС — Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) (подгот. К. Н. Сербина). М.—Л., 1950

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)

Черепнин. Архивы — *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М. — Л., 1948; ч. 2. М. — Л., 1951

Черепнин. Образование — *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

Шапиро — *Шапиро А. Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977

FOG — Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte

JGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas

SEER — The Slavonic and East European Review (London)

ZSPh — Zeitschrift für Slavische Philologie

ASEER — The American Slavic and the East European Review New York)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Абдул-Летиф (Лятиф), 108, 179, 235, 236
Абрамович Г. В. 17, 27, 77, 79, 80
Август, имп. римский 148, 150, 151, 153, 158, 298, 299
Авдей, еретик 85
Агалак, брат хана тюменского Мамука 179
Аграфена Васильевна, кн. рязанская, жена кн. Ивана Васильевича Рязанского 62, 234
Адбелев С. Н. 273
Айдар, хан крымский, брат Менгли-Гирея 69
Аксаков К. С. 10
Аксентьев Ф., посол 161
Алегам, хан казанский 70, 284
Александр, царь иверский (грузинский) 101
Александр VI, папа римский 180, 193
Александр Казимирович, в. кн. литовский, король польский 98—100, 102—104, 161, 162, 164, 170, 175, 177, 179, 180, 182, 183, 185, 188, 189, 191—195, 283, 289, 300, 305
Александр Македонский 229
Александров Борис Семенович, наместник любутский 98
Алексеев Роман, новгородский дворецкий 250
Алексеев Ю. Г. 17, 18, 36—38, 41, 265
Алексей, протопоп Успенского собора в Москве, еретик 82, 84, 90, 212, 213, 218, 219, 225, 287
Алексей Костев, подьячий, еретик 84
Алеф Г. 13, 297
Аллиар, посол орды ий 193
Алпатов М. В. 232
Альберт Немчин, мастер из Любека 74
Аль-Газали, арабский философ 91
Амирев Василий, дьяк 252, 317
Амосовы, боярский род 36
Ангелов (Аггелов) Микула (Мануил) Иванович Грек, посол 74, 101, 185, 290
Ангерман Н. 14
Андерсон Енс, посол датский 178
Андрей Васильевич Большой, кн. углицкий, брат Ивана III 55, 56, 62—65, 68, 95, 96, 98, 118, 144—146, 168, 171, 175, 187, 224, 235—237, 280, 289, 316
Андрей Васильевич Меньшой, кн. вологодский, брат Ивана III 55, 56, 65, 88, 141, 316
Андрей Иванович, кн. старицкий, Ивана III 143, 210, 236, 283
Андрей Майко, дьяк 89, 210
Андрей Юрьевич Боголюбский, в. суздальский и владимирский 231
Анна Васильевна, в. кн. рязанская, сестра Ивана III 57, 58, 62, 99, 233, 234, 296
Антоний Печерский, основатель Киево-Печерского м-ря 204, 309
Антонио Солари см. Солари Пьетро Антонио
Арапчонок (Арапчонок) Афанасий см. Еропкин Афанасий
Арий, еретик 223
Арсений, еп. 60
Артемий, иг. Троице-Сергиева м-ря, публицист 261
Артемьев (Артемьев) Ушак, дьяк 252, 253
Асанчук Василий см. Заболоцкий Василий Григорьевич
Асыка, кн. пелымский 65
Афанасий, иг. 89
Афанасий архиеп. Александрийский 91, 221
Афанасий Афонский 204, 309
Афанасьев Иван Иванов, купец 52
Ахмат, хан Большой Орды 56, 60, 66, 68, 94

Бабич Юрий см. Друцкий-Бабич Юрий
Бабич-Друцкий Василий см. Друцкий-Бабич Василий
Базилевич К. В. 19—21, 43, 140, 165, 170, 180, 270, 281, 284, 290, 301, 302
Бакус О. 13
Барбаро Иосафат, венецианский 28
Басарга Дмитрий, купец 29, 229
Бахрушин С. В. 21, 265
Башкин Матвей Семенович, сын боярский, еретик 208, 261
Баязид (Баязет) II, султан турецкий 6, 16, 69, 93, 94, 162, 180, 300
Безунов Ю. К. 206, 207, 209, 287, 310
Безобразов Алексей (Алеша), дьяк 291, 303
Безсонов С. В. 270
Беклемишев Берсень Иван Никитич, сын боярский, дипломат 8, 97, 193, 242
Белевски , кн. 97, 239, 289
Белевский Андрей Васильевич, 100, 289
Белевский Василий Васильевич, 97, 100, 289
Белевский Иван Васильевич, кн. 96, 97, 289
Белинский В. Г. 10, 11
Бельские, кн. 239
Бельский Семен Иванович, 183
Бельский Федор Иванович, 69, 95, 99, 179
Беляев И. Д. 10
Беляев П. И. 40
Берденев Михаил, боярин 77
Бердибек, хан крымский, сын Нур-Доулата 69

* Указатель составлен на авторский текст. Этот принцип распространяется и на текст примечаний. В указателе приняты сокращения: великая княгиня, великий князь — в. кн., епископ — еп., архиепископ — архиеп., игумен — иг., император — имп., монастырь — м-рь, святой — св., митрополит — митр., архимандрит — архим. Происхождение русских послов в указателе не обозначается.

Вернадский В. Н. 18, 285
Берсень-Беклемишев Иван Никитич см. Беклемишев Берсень Иван Никитич
Бобров Иван Дмитриевич, постельничий 317
Бокеев Василий Семенович, боярин тверской 60
Бокей Василий, посол литовский 161
Болдур А. В. 157, 158
Болтин В. И., сын боярский 47
Бона (Сфорца), польская королева 231
Борг Семен (Семион Вармцарь), посол ливонский 71
Борис Александрович, в. кн. тверской, сын кн. Александра Ивановича 145
Борис Васильевич, кн. волоцкий, брат Ивана III 55, 56, 60, 62, 64, 68, 112, 118, 143, 187, 201, 224, 235—237, 258, 293
Борис-Михаил, кн. болгарский 91
Борисов Никита Васильевич, окольничий 310
Борисов-Бороздин Василий Борисович, боярин тверской 207, 208
Борисов-Бороздин Иван Борисович, боярин тверской 208
Борисов-Бороздин Петр Борисович, воевода тверской 208
Борисовы-Бороздины, бояре 208, 246, 310
Бороздин Григорий Никитич, боярин тверской 60
Боссе Паоло де (Дебоссис Павлин), итальянский пушечник 48, 257
Бруно Джордано 229
Брюхо Семен Борисович Морозов Семен Борисович Брюхо
Будовниц И. У 18
Булгак Иван Васильевич Патрикеев Иван Васильевич
Булев Николай, врач, публицист 222, 312
Быховец, литовский помещик, хроники 94, 184—186, 190
Бычкова М. Е. 299, 321

Варлаам, митр. московский 157
Вармцарь Семион см. Борг Семен
Василий, кн. вымский 179
Василий (Васюк), ученик пушечного мастера 257
Василий, священник Покровской церкви в Новгороде, еретик 84, 90
Василий (Асанчук) см. Заболоцкий Василий Григорьевич
Василий II Васильевич Темный, в. кн. московский 5, 58, 95, 99, 143, 170, 174, 236, 282, 289, 296
Василий III Иванович, в. кн. московский 8, 28, 35, 51, 54, 66—68, 89, 107, 119, 138—141, 143—151, 161—168, 173, 174, 176—178, 181, 182, 185, 186, 188, 192, 194, 196—198, 207, 208, 210, 212, 214, 215, 225—228, 232, 234, 238, 248, 250, 252, 255, 258, 260, 281, 291, 293, 296, 298, 300, 301, 303—306, 317
Василий Данилов, боярин 60
Василий Иванович, в. кн. рязан 208, 233
Василий Михайлович, кн., сын верейского и белозерского кн. Михаила Андреевича 57, 66, 141, 169, 236, 237
Василий Михайлович, и одоевский 240
Василий Мних см. Ряполовский Василий Семенович Мних
Василий Ярославич, кн. боровский 58
Васильев Павел, писец 221
Васко да Гама 6
Вассиан (в миру Оболенский В. И.), еп. тверской 62, 63, 89, 200
Вассиан Рыло, архиеп. ростовский 87
Вассиан Санин, архиеп. ростовский, брат Иосифа Санина 223
Васюк Сухой, дьяк новгородский, тик 84, 90
Вениамин, монах-доминиканец 158, 221, 222, 224
Вернадский Г. В. 14, 302
Весселовский С. Б. 17, 35, 112, 140, 141, 143—145, 276, 292, 296
Викентьев Федор Михайлович, ничий 248
Винтер Э. 22
Витень, в. кн. литовский 299
Владимир Андреевич, кн. стари 239
Владимир Всеволодович Мономах, кн. киевский 137, 148, 150, 152, 155, 203, 216
Владими Святославич, 151
Владислав VI Ягеллон, король чешский и венгерский 73, 74, 102, 162, 189, 197
Владимирский-Буданов М. Ф. 291
Влас (Власий) см. Игнатьев Влас
Волынский Василий Михайлович, рецкий новгородский 81, 250
Волынский Иван Михайлович, дворецкий новгородский, посол 81, 178, 250
Воронов Александр Борисов, дьяк 251
Воротынские, кн. 95, 97, 103, 162, 239
Воротынский Дмитрий Федорович, кн. 96, 97, 99
Воротынский (Перемышльский) Иван Михайлович, кн. 96, 98, 185, 289
Воротынский Семен Федорович, кн. 96, 98—100
Всеволожский Иван Дмитриевич, рин 114
Вяземский Андрей Юрьевич, кн. 98, 100
Вяземский Михаил Дмитриевич, кн. 98

Гаврил см. Василий III Иванович
Гавриил, протопоп новгородский, еретик 82, 84, 89, 90, 212, 213
Гаврила, посадник псковский 58
Гальперин Г. Б. 19
Гамель Н. Х. 291
Гвизольфи см. Захари Гвизольфи (Скара)
Гедиминовичи, кн. 244,
Гейман В. Г 137
Геннадий, архиеп. новгородский 21, 76—78, 81—85, 87—92, 145, 147, 148, 158, 200—202, 208, 212—214, 218—225, 227, 232, 286, 288, 307, 308, 310, 313
Генрих VII, король английский 6
Герасим (Ерасим, Ереса), священник никольский, еретик 84, 87
Герасим Поповка, дьякон 220, 221
Герасимов Дмитрий, дипломат, переводчик 221, 222, 313
Герберштейн Сигизмунд, , импер-

ский дипломат 47, 50—52, 108, 110, 125, 126, 135, 137, 150, 185, 198, 255, 294, 299
Геронтий, митр. 25, 81, 86—89
Герцен А. И. 11
Гизлярд см. Кохран Давид
Гильдорп Иоганн, посол ливонский 194
Глебович Станислав см. Станислав Глебович
Глебович Юрий см. Сологуб Юрий Глебович
Глинский Богдан, тивльский 188
Глинский И., кн. 69, 95
Годунов Борис Федорович, царь 297
Голенин Андрей Андреевич, кн. 201
Голенин Василий Иванович, кн. писец 173, 174, 303
Голохвастов Алексей, посол 162, 180
Голтяева Мария Федоровна, жена боровско-серпуховского князя Ярослава Владимировича 56
Голубцов И. А. 173, 174, 281, 303
Гольдберг А. Л. 150, 151, 155, 156, 298
Гольстевер Клаус, посол ливонский 194
Гольшанский Юрий Семенович, кн. литовский 69
Горемыка Григорий, дьяк 183
Горский А. Д. 18, 26, 31, 32, 37, 45, 199, 260, 275
Готан Бартоломей, первопечатник бекский 214, 221, 222, 312
Грабмюллер Г. Ю. 25
Грсков Б. Д. 18, 40, 41, 132, 277
Грсков И. Б. 20, 141
Григорий, священник семеновский, тик 84, 87
Григорий Богослов, философ 232
Григорий Михайлович, боярин новгородский 77
Григорий Палама, философ 287
Григорий Поп, ключник 131
Григорий Тучин см. Тучин Григорий
Гридко (Гридя, Григорий) Квашня, новгородский дьяк, еретик 226
Гридя (Григорий), дьякон борисоглебский, еретик 84, 87, 90
Гридя (Григорий) Клоч, еретик 82, 84, 87
Гусев Василий Елизарович, сын боярский, брат Владимира Гусева 141
Гусев Владимир Елизарович, сын боярский 20, 24, 61, 112, 113, 126, 138, 139, 141, 142, 144—146, 148, 163
Гусев Елизар, боярин, отец Владимира Гусева 141
Гусев Михаил Елизарович, сын боярский, брат Владимира Гусева 141
Гусев Юрий (Юшко) Елизарович, сын боярский, брат Владимира Гусева 141, 144, 289

Давыдов Григорий Федорович, боярин 194
Давыдов Ермола, дьяк 252, 253
Данила Иванович, боярин 68
Данилов Василий см. Василий Данилов
Данилов Семен, судья 173
Данилов-Заболоцкий Иван Александрович см. Заболоцкий Иван Александрович
Данилова Л. В. 18, 44
Даньяр, царевич касимовский 235
Дебоссис Паоло (Павел) см. Боссе Паоло де
Дегтярев А. Я. 17, 36, 44
Демьян, св. 51
Денис, *священник новгородский* тик 82—84, 89, 90, 212, 213
Денис, чернец каменский 207
Джан Антонио (Заманитонио), ский архитектор 74
Джан Галеаццо Мария Сфорца Джан Галеаццо Мария
Дженкинсон Антон, посол писатель и картограф 295
Дионисий, иконописец 88
Дионисий Ареопагит, философ 92, 221, 229
Дионисий Звенигородский (в миру кн. Данила Васильевич Лупа), монах 205, 207
Дмитриева Р. П. 150—153, 158, 298
Дмитрий Андреевич, кн. углицкий, сын ки. Андрея Васильевича Большого 68, 236
Дмитрий Иванович Донской, сковский 5
Дмитрий Иванович Жилка, кн. углицкий, сын Ивана III 182, 191, 192, 207, 236—238, 283, 300, 316
Дмитрий Иванович Молодой (Дмитрий-внук), внук Ивана III 24, 61, 67, 68, 89, 107, 110, 111, 113, 138—142, 145—147, 149—151, 153, 155, 157, 158, 160, 161, 163, 165—170, 172—174, 176, 181, 182, 187, 197—199, 208, 212, 214, 218, 220, 223, 225, 230, 231, 246, 283, 296, 297, 299, 300, 303, 305
Дмитрий Юрьевич Шемяка, кий и углицкий 5, 235
Добрынский Никита Константин сын боярский 145
Долматов Василий Васильевич Третьяк, дьяк 66, 101, 113, 178, 250
Дорогобужские, кн. тверские 59, 246
Дорогобужский Иосиф Андреевич, кн. 60, 63, 70, 281, 284
Дорогобужский Юрий Андреевич, кн. 60
Досифей, иг. соловецкий 221, 312
Дракула, литературный герой 14, 29, 119, 120, 158, 159, 214, 216, 229
Друцкий-Бабич Василий, кн. 62
Друцкий-Бабич Юрий, кн., воевод местник ивангородский 107
Дьюи Д. 13

Евдоким (Овдоким) Люлиш, еретик 85
Евдокия Ивановна, кн., дочь Ивана III, жена царевича Петра 283
Евфимий, архим. 223, 313
Елена Ивановна, дочь Ивана III, жена в. кн. литовского Александра 98, 102—104, 142, 143, 164, 165, 169, 172, 175, 180, 182, 183, 194, 215, 274, 283
Елена Ивановна, другая дочь Ивана III 283
Елена Стефановна Волошанка, кн. жена в. кн. Ивана Ивановича Молодого 24, 25, 57, 61, 72, 84, 90, 113, 140, 146, 156, 157, 162, 167, 170, 172, 180, 187, 198, 212—214, 218, 225, 226, 230—232
Елизавета, принцесса датская 162, 178, 197

Елизаров Василий см. Гусев Василий Елизарович
Елизаров Владимир Гусев Владимир Елизарович
Елизаров Иван, купеческий новгородский 77
Елизаров Михаил см. Гусев Михаил Елизарович
Елизаров Юрий (Юшка) Гусев Юрий Елизарович
Ермолай-Еразм, писатель-публицист XVI в. 309
Еропкин Андрей, ин Бориса Волоцкого 143
Еропкин Афанасий, окольничий 138, 143
Еропкин Кляпик Михаил Степанович, сокольничий, посол 96, 101, 143, 195, 248
Еропкины, дворянский род, смоленских княжат 143

Жито Иван Никитич, воевода тверской, потом боярин московский 60
Житовы, бояре тверские 246
Жук Василий, дьяк 113

Забелин И. Е. 10
Заберезинский Ян Юрьевич, посол 306
Заболоцкие 175, 176
Заболоцкий Алексей Григорьевич 175, 303
Заболоцкий Василий Григорьевич Асанчук, посол 101, 175
Заболоцкий Григорий Васильевич, боярин 175
Заболоцкий Иван Гаврилович 175
Заболоцкий Иван Иванович, боярин 60, 175
Заболоцкий Константин боярин, окольничий, 195, 214, 303
Заболоцкий Петр Григорьевич, 61, 161, 175
Заболоцкий-Данилов Иван Александрович, сын боярский 175
Заболоцкий-Черленого Петр Федорович, сын боярский 175
Заболоцкий-Чертенок Василий Михайлович, писец, судья 175
Загряжский Дмитрий Давыдович 100
Зайцев Дмитрий, посол 101, 291
Замантонио см. Джан Антонио
Зансгейм фон Людвиг, кенигсбергский командор 160
Зарубин Л. А. 269
Захар, дьяк 254
Захар, чернец Псковского Немчинова, еретик 82, 84, 90
Захария Гвизольфи (Скара), ганский 82, 287
Захарьин (Ляцкий) Василий Захарьевич, боярин 81
Захарьин Михаил Юрьевич, боярин 210
Захарьин (Захарьич) Юрий Захарьевич, боярин, наместник новгородский 63, 70, 79—81, 87—89, 171, 173, 179, 184, 185, 210, 285, 293
Захарьин Яков Захарьевич, боярин, наместник новгородский 62, 73, 78—81, 86—88, 98, 100, 106, 171, 184, 188, 191, 194, 213, 285, 293, 306
Звенец Иван Иванович см. Звенигородский Иван Иванович Звенец
Звенигородские, кн. 207, 310
Звенигородский Григорий Петрович, 310
Звенигородский Иван Петрович, кн. 310
Звенигородский Иван Иванович Звенец, кн., посол 207
Зимин А. А. 263—266
Зиновьев (Зиновьевич) Иван, посол, наместник новгородский 72, 80
Зиновьев (Зиновьевич) Скурат Прокофий, сын боярский, посол 72, 101
Зосима, митр. 24, 84, 88—90, 149, 212, 219, 220, 222—225, 286, 287, 313
Зубов Игнат, 217, 218

Иван, еретик, зять протопопа Алексея 82, 287
Иван (Ваня), ик пушечного 257
Иван I Даниловнч Калита, ковский 53, 148, 249
Иван III Васильевич, в. кн. московский 5—12, 14—16, 20, 24, 30, 35, 36, 51, 53, 55—74, 76—81, 83, 84, 86—90, 94—111, 113—115, 118, 136, 138, 139, 142, 143, 145, 147, 148, 155, 161—163, 166, 168—178, 180—185, 187—207
Иван IV Васильевич Грозный, царь 7, 8, 10, 35, 51, 115, 149, 150, 242, 253, 260, 261, 298
Иван Агафонов 58, 59
Иван Андреевич, княжич, сын Андрея Васильевича Большого 68, 236
Иван Андреевич, кн. можайский 141, 145
Иван Борисович, кн. рузский, сын кн. Бориса Васильевича Волоцкого 116, 167, 172, 185, 192, 201, 236, 237
Иван Васильевич, в. кн. рязанский, сы Василия Ивановича, в. кн. рязанского 57, 58, 62, 99, 233, 234, 237
Иван, священник воскресенский 85
Иван Иванович, кн. ростовский 239
Иван Иванович, кн. рязанский, сын Ивана Васильевича, в. кн. рязанского 234
Иван Иванович Молодой, сын Ивана III 57, 61, 63, 66, 67, 72, 89, 95, 113, 141, 142, 145, 149, 157, 160, 215, 217, 220, 231, 238, 246, 250, 258, 282, 296
Иван Море, постельничий 248
Иван Черный, писатель, еретик 146, 213, 217, 218, 226, 230, 231
Иван Юрьевич, кн. новосильский одоевский 240
Ивашков Яков (Якушка), ключник 132
Ивина Л. И. 17, 18
Игнатьев Влас (Власий), посол 221
Измайлов Инка (Инька), занский 99
Иисус Сирахов, библ. 91
Иисус Христос 219, 224
Иоанн, адресат послания Иосифа Волоцкого 224
Иоанн Златоуст, архиеп. польский 227

Иоанн Лествичник, церковный 217
Иоанн Тритемий, писатель 217
Иоасаф (в миру Исаак Михайлович Стригин-Оболенский), архиеп. ростовский 83, 87, 88
Иоасаф, митр. 309
Иоганн (Иоанн), король датский 106, 108, 162, 178
Иосиф, еп. смоленский 181
Иосиф Волоцкий (Иван Санин), основатель и игр. Волоколамского м-ря, публицист 14, 21, 29, 60, 82—85, 87, 88, 157, 168, 200—208, 212, 213, 217, 218, 221, 223—229, 286, 287, 307—309, 313
Исайя, инок 153, 154
Истома, дьяк, еретик 213, 218
Истома Григорий Малый, подьячий 108

Кавелин К. Д. 10
Казакова Н. А. 20, 28, 166, 167, 170, 206, 228, 286, 301, 302, 308, 310
Казимир IV Ягеллон, в. кн. литовский, король польский 61—64, 68, 69, 72, 73, 93—97, 99, 122, 155, 240, 281, 289
Калайдович К. Ф. 110
Калимет, кн. казанский 108
Карамзин Н. М. 9, 112, 140, 164
Карачаров Митрофан, посол 48, 180
Каркано Алоизио (Алозио), итальянский мастер 75
Карл, мастер из Милана 74
Карп, дьякон, еретик 82
Карпов С., воевода 169
Карпов Федор Иванович, окольничий, политический деятель, дипломат 159
Карповы («Карповичи»), бояре тверские, потом московские 60, 246
Касим, царевич ордынский, кн. касимовский, сын Улу-Мухаммеда 235
Кассиан (Касиян), архим. юрьевский еретик 226, 227
Каштанов С. М. 7, 20, 24, 26, 37, 68, 89, 141, 146, 147, 169, 170, 173, 174, 181, 182, 185—188, 202, 230, 232, 281, 282, 293, 300—303, 305, 308, 310
Киндырев Дмитрий Иванович, боярин тверской, потом московский 60
Китаев Дмитрий, писец 27
Кишка Станислав Петрович, маршалок, посол литовский 97, 161, 183
Клеймола Э. 13
Кленов Семен, купец, еретик 213, 218
Клеопатра 153, 298
Клибанов А. И. 18, 21, 83, 216—218, 286, 311
Клосс Б. М. 24—26, 218, 265, 274
Клоч Гридя (Григорий) см. Гридя (Григорий) Клоч
Клочко Войтех, посол литовский, 97
Ключевский В. О. 11, 12, 265
Кляпик-Еропкин Михаил Степанович см. Еропкин Кляпик Михаил Степанович
Кобрин В. Б. 17, 27, 265, 313
Кобылины см. Кошкины-Кобылины
Кожух Родион, дьяк митр. 257, 265
Козьма (Козма) Пресвитер, болгарский церковный писатель 91, 221
Кок Реймар, хронист любекский 221
Кокен Давыд, посол датский 108, 178, 291
Колумб Христофор 6
Колумна де Гвидо, итальянский историк, поэт 230
Колчин Б. А. 47
Колычев Иван Андреевич Лобан, стник ивангородский 191
Колычева Е. И. 18, 133
Колышка-Патрикеев Михаил Иванович см. Патрикеев Михаил Иванович Колышка
Конон (Конан), монах 208
Коноплев Дмитрий (Митя), еретик 226
Конрад, кн. мазовецкий 101, 155, 156, 175, 214
Константин Великий, имп. рим. 91, 203
Константин Мономах, имп. византийский 148, 152, 153, 155, 157, 219, 222
Контарини Амброзио, посол венецианский 28, 52, 66, 235, 242
Копанев А. И. 17, 36—38
Корвин Матьяш (Матвей), король венгерский 72, 73, 97, 213, 284
Короб Яков, боярин, посадник родский 77
Коробов Андрей, тверитин 162, 163
Коробов Андрей Иванович, воевода 169, 172
Костев Алексей, подьячий, еретик 84
Костомаров Н. И. 11
Котошихин Григорий Карпович, ячий, писатель 247, 248
Кохран Давид (Герлад, Гизлард), гистр, посол датский 304
Кочин Г. Е. 18, 37, 40, 41, 43, 275
Кошкин-Захарьин Юрий Захарьевич см. Захарьин Юрий Захарьевич
Кошкин-Захарьин Яков Захарьевич с Захарьин Яков Захарьевич
Кошкины-Кобылины, бояре московские 80, 244
Кривоборский Иван, кн. боярин архиеп. новгородского 87
Кроткого Семен Данилов 173
Кротов Григорий Яковлевич, псковский 58
Крюков Федор Васильев см. Сорокоумов Федор Васильев сын Крюков
Кузьма, св. 51
Кузьма, дьяк, еретик 287
Кузьма Остахенович, боярин новгородский 77
Кузьмин А. Г. 25
Кузьмин Иван, новгородец 78
Кулешин Василий, дьяк 74, 183, 250
Кунцевич Матвей (Мацко), посол литовский 305
Курбский Андрей Михайлович, 8, 67, 164, 242, 253
Курбский Михаил Карамыш Федорович кн. 306
Курбский Федор Семенович, кн. 65
Курицын Иван Волк Васильевич, дьяк, еретик 101, 161, 175, 212, 214, 215, 221, 226, 227, 311
Курицын Федор Васильевич, дьяк 14, 29, 72, 73, 89, 90, 102, 113, 120, 145, 146, 156—158, 167, 172—174, 176, 183, 212—215, 217, 218, 220, 225, 227, 229, 250, 289, 311
Курицыны, политические деятели 214, 215, 218, 226

Кутузов Борис Васильевич, 89, 104, 210
Кучкин В. А.

Лавреш, еретик 85
Ларев Дмитрий Иванович см. Ралев Дмитрий Иванович
Лашинские, бояре новгородские 36
Лев-Аникита Филолог, писатель 202, 203, 206
Леваш, дьяк 203, 308
Ленин В. И. 16, 17, 47, 239, 241, 256, 259
Леон Жидовин, врач 67, 74
Леонардо да Винчи, итальянский художник 6
Леонтьев А. К. 253
Лёвочкин И. В. 18, 33
Лилиенфельд Ф. 14
Лира де Самуил, писатель итальянский 221
Лихарев Давыд, ясельничий 193, 248
Лихарев И. Д., посол 72
Лихачев Д. С. 23
Лихачев Н. П. 252
Лоренцо Великолепны" флорентийский 6
Лукомский Иван, кн. 99
Лупа Данила Васильевич Дионисиев Звенигородский
Лурье Я. С. 18, 20, 21, 23—25, 83, 112, 140, 141, 144, 152—154, 165, 169, 176, 203, 206, 213, 216, 228, 266, 286—288, 299, 301, 308, 309, 311, 313
Любавский М. К. 11
Людовик XI, король французский 6
Люлиш Евдоким см. Евдоким (Овдоким) Люлиш
Ляцкий Василий Захарьевич Захарьин Василий Захарьевич

Магмед-Амин см. Мухаммед-Эмин
Майков (Майко) Андрей Федорович дьяк 89, 174—176, 210, 215, 250
Маймонид Моисей, еврейский мыслитель 91
Макар, дьякон Никольской церкви в Новгороде, еретик 84, 90
Макарий, митр. 261
Макиавелли Никколо, писатель 6
Маковский Д. П. 18
Максим, священник новгородский еретик 82, 84, 90, 213
Максим Грек, писатель-публицист 210 313
Максимилиан I, имп. Священной Римской империи, австрийский эрцгерцог 73, 74, 101, 102, 143, 214, 221, 290, 303
Максимов Иван (Ивашка), зять протопопа Алексея, еретик 84, 213, 226
Максимович Г. А. 276
Малый Митя см. Гераси Дмитрий
Мальцев А. Н. 265
Мамай, хан ордынский 5, 159
Мамон Г. В. 66
Мамонов Иван Григорьевич, 183, 188
Мамук, хан тюменский 108
Мамырев Данила Киприянов, сол 74, 250
Мануил Грек см. Ралев Мануил Иванович
Мануций Альд, итальянский первопечатник 229
Мария, вел. кн. мать Ивана III 55, 58, 174, 236, 282, 316
Мария Федоровна см. Голтяева Мари Федоровна
Марк Фрязин, архитектор 53
Маркс К. 6, 15, 16, 244
Мартын (Мартынка), угрянин 213, 218
Масленникова Н. Н. 41, 128
Матиас, посол венгерский 189
Махмуд-Султан, хан шемаханский 180
Медлин В. Н. 14
Медоварцев Михаил, 298
Мезецкий Василий Федорович, кн. 98
Мезецкий Михаил Романович, кн. 98, 100
Мезецкий Петр Федорович, кн. 98
Мезецкий Семен Романович, кн. 98
Мезецкий Федор Федорович Сухой, кн. 98
Менандр, 229
Менгли-Гирей, хан крымский 69, 70, 83, 93, 94, 99, 161, 162, 183, 188—191, 193, 207, 306
Меховский Матвей, 52
Микулинские, кн. тверские 59, 246
Микулинский Андрей Борисович, кн. 63
Микулинский М. Б., кн. 60
Милюков П. Н. 11
Митрофан, архим. Андрони м-ря 226
Михаил Андреевич, кн. белозерско-верейский 56, 57, 63, 64, 86, 169, 236, 237, 282, 316
Михаил Борисович, в. кн. тверской 59—64, 141, 142, 145, 154, 237, 281
Михаил Ермолич, кн. пермский 65
Михаил Федорович Романов, царь 252, 297
Мишковский Петр, воевода ланчицкий, посол литовский 194
Мишук Собака, еретик новгородский 85
Мних Василий см. Ряполовский Василий Семенович Мних
Моисей, библ. 221
Моисеева Г. Н. 203, 205, 206, 309
Моклоков Т. С., дьяк 251
Море Иван см. Иван Море
Моро Лодовико см. Сфорца Лодовико Моро
Морозов Василий Борисович Тучко, конюший 44, 66, 67, 171, 247
Морозов В. М. Тучко, боярин 245
Морозов Г В., наместник новгородский 80
Морозов Иван Борисович Тучко, боярин, дворецкий 67, 247
Морозов И. М. Тучко, боярин 245
Морозов Семен Борисович Брюхо, тельничий 248, 316
Морозов-Русалка М. Я., боярин 67, 172, 286
Морозовы, боярский род 80, 244, 286
Мосальские, кн. 95, 184, 195, 240
Мосальский Тимофей, посол литовский 96
Мстиславские, кн. 239
Муравьев Н. М. 9
Мурат, посол иверский 101

Муса, мурза ногайский 188
Мухаммед-Эмин, хан казанский, брат Алегама 70, 108, 172, 184, 188—190, 197, 235, 284
Мушат Оника, 101

Нагой П., кн. 171
Назаров В. Д. 269
Насонов А. Н. 23—25, 112, 142
Настасья, новгородка 78
Наум, священник новгородский 84, 86, 87
Нелюбов Василий, дьяк 317
Немой Дмитрий, кн. 298
Никита Леонтьевич, купеческий ста новгородский 77
Никитин Афанасий, купец тверской, тешественник, писатель 6, 60
Никифоров Василий, посадник новгородский 81
Николай Кузанский философ, 229
Никон, архиеп. пермский 200
Никон, еп. коломенский 200
Нил Полев, монах 205, 207
Нил Сорский (Майков), монах, церковный писатель 14, 29, 89, 174, 199, 203—207, 228, 307, 308
Нитше П. 13, 170, 280, 281
Нифонт, еп. суздальский 85, 86, 88, 89, 200, 223, 313
Ноздреватый Василий Иванович, окольничий, посол 189
Носов Н. Е. 37, 38, 247, 252, 253, 271, 317
Нур-Доулат, царевич касимовский, сын крымского хана Хаджи-Гирея 69, 235
Нур-Салтан, царица крымская, жена Менгли-Гирея 70

Обашка, дьякон, еретик 287
Оболенские, кн. 244
Оболенский Александр Владимирович, кн. псковский 70, 100, 171, 181, 185, 188, 190
Оболенский Василий Иванович см. Вассиан еп. тверской
Оболенский Федор Васильевич Телепня см. Телепнев-Оболенский Федор Васильевич
Оболенский Ярослав Васильевич, 58, 59, 80
Оболенский-Стригин Исаак Михайлович см. Иоасаф, архиеп. ростовский
Оболенский-Туреня Борис Михайлович, кн. 182
Образец-Добрынский Василий Федорович, боярин 48, 63, 65, 142
Одоевские, кн. 95, 97, 239
Одоевский Василий Семенович Швих, кн. 97
Одоевский Иван Васильевич, кн. 95
Одоевский Иван Сухой, кн. 97
Одоевский Петр Семенович, кн. 96, 97
Одоевский Семен Юрьевич, кн. 96
Одоевский Федор Иванович, кн. 97
Ознобишин Василий Остафьевич, кормленщик в Суздале 316
Олелькович Михаил, кн. литовский, сын кн. киевского Александра (Олельки) Владимировича 69, 82, 84
Олелькович Семен Михайлович Слуцкий, кн. литовский 61, 97
Олехнович Андрей, посол литовский 100
Ольбрахт Ян Ягеллон, 97, 100, 161, 189
Ольгерд, в. кн. литовский 154, 158, 171, 299
Осока Иван Григорьевич, боярин 143
Осокин-Травин Григорий Иванович Пырей см. Травин-Осокин Григорий Иванович Пырей
Осокин-Травин Иван Иванович Октава см. Травин-Осокин Иван Иванович Октава
Осокины, дети боярские 143
Острожский Константин Иванович, воевода литовский 185, 186, 306
Отяев Ерш, постельничий 248, 316
Ощера (Ощерин) И. В., боярин, вода московский 66, 67, 245
Ощерин Иван Иванович, дворецкий 250

Павел, священник, еретик 287
Павлов А. С. 203
Павлов-Сильванский Н. П. 11, 12
Павлов Спиридон, дьякон 123
Паисий Ярославов, иг. Троице-Сергиева м-ря 88, 89, 204, 205
Палеолог Андрей Фомич, Софьи Палеолог 74
Палеологи, греческий род 74
Палецкий Борис Иванович, кн. старицкий 143
Палецкий Иван Иванович Хруль, 139, 143, 184
Палецкий Федор Иванович 108, 184
Панеях В. М. 18
Патрикеев Василий (Вассиан) Иванович Косой, кн., политический деятель, публицист 68, 96, 100, 102, 104, 107, 113, 144, 156, 157, 163—168, 170—174, 200, 203, 205, 206, 210, 215, 224, 228, 291, 299, 301, 302, 304, 309
Патрикеев Иван Васильевич, кн. 80, 171
Патрикеев Иван Иванович Мунында (Мынын), кн. 156, 164, 301, 304
Патрикеев Иван Юрьевич, кн., политический деятель, наместник московский 40, 63, 73, 89, 113, 156, 163—165, 168, 170—174, 176, 210, 301, 303, 304
Патрикеев Михаил Иванович Колышка, кн., воевода московский 100
Патрикеевы, кн. 157, 163—168, 170, 172, 174—177, 207, 244, 302
Патрикей, литературный герой 298
Паюсов Болдырь, дьяк 178
Пенко (Пенков) Данила Алексан кн. 100, 171, 189, 306
Пенковы, кн. ярославские 239
Перемышльский Иван Михайлович Воротынский Иван Михайлович
Пересветов Иван Семенович, писатель-публицист 159
Перхушков Григорий Михайлович, чий 248
Петрашкевич Станислав см. Кишка Станислав Петрович
Петри Олай, хронист шведский
Петр, кн. вымский 179
Петр (Куйдакул, Кудыйкул), царевич татарский, зять Ивана III 283
Петр Фрязин, архитектор 74
Пико делла Мирандола Джованни, итальянский философ, ученый 217, 229
Пимен, архиеп. новгородский 310
Платонов С. Ф. 11

Плеттенберг Вальтер фон, магистр ливонский 179, 182, 190—193, 196
Плеханов Г. В. 12
Плещеев Андрей Ми посол 66, 72, 171
Плещеев Иван Андреевич, посол 99, 101
Плещеев Михаил Андреевич, посол 161, 180
Плещеев Петр Михайлович, посол, местник новгородский 72, 81, 195
Плюсков И., посол литовский 96
Подобедова О. И. 157, 231
Подушка Иван Владимирович, купец московский 52
Пожарский Дмитрий Михайлович, 232
Покровский М. Н. 12
Покровский Н. Н. 26, 37
Поляк А. Г. 28, 124, 132, 294
Попов Алексей, дьяк 145
Поповка Герасим см. Герасим Поповка
Поппель Николай, посол имперский 73
Потин В. М. 282
Пресняков А. Е. 12
Приселков М. Д. 23
Прокофий Скурат Зиновьевич Зиновьев Скурат Прокофий
Протасий, еп. рязанский 200
Прохор, еп. сарский и подонский 83, 86, 88, 89
Прохоров Г. М. 83
Пустоселов Дмитрий (Митя), 226
Пьетро, оружейник итальянский 75
Пьетро Антонио Солари см. Солари Пьетро Антонио
Пьянков А. П. 18, 43

Рааб Г. 22
Радищев А. Н. 9
Ралев (Ларев) Дмитрий Иванович (Палеолог), посол 47, 48, 74, 101, 105, 180, 291
Ралев Мануил Иванович (Палеолог), посол 47, 74, 105, 106, 284
Ралевы, греческий род на Руси 74
Раль (Ралев, Ларев) Иван Фомич, грек 74
Ранк Петр, серебряник итальянский
Ратшичи, боярский род 244
Реджио, кардинал 193
Реммелинкроде Готшалк, ский 105
Рожков Н. А. 12, 276
Розов Н. Н. 313
Ромодановский Василий Васильевич, посол 104, 162, 163, 168—170, 183, 300, 302
Ромодановский Семен Васильевич, боярин 161
Ростовский Александр Владими кн., боярин, воевода 191
Рукавов Иван Некрас, еретик 226
Рукин Алексей (Алеша), ключник 131
Руно Иван Дмитриевич, сын боярский 143, 296
Руно Поярок Дмитриевич, 138, 139, 144
Русалка-Морозов М. Я. см. Морозов-Русалка М. Я.
Руффо Марко, архитектор итальянский 231
Рыбаков Б. А. 19, 47
Рюрик, кн. 154, 156
Рюсс Г. 13
Ряполовские, кн. 166
Ряполовский Иван Андреевич, кн. 168
Ряполовский Василий Семенович Мних, кн. 175
Ряполовский Семен Иванович Молодой, кн. 70, 102, 104, 108, 163—172, 174—177, 182, 207, 225, 245, 301, 302, 304
Ряполовский Семен Иванович Хрипун, кн. 170
Ряполовский Семен Романович, 302

Савва, инок 83, 287
Садиков П. А. 252
Сакович Богдан Андреевич, товский 69
Саларев Ф., купечески родский 77
Саларевы, купцы-сурожане 52
Салтык-Травин Иван Иванович см. Травин-Салтык Иван Иванович
Самсон (Самсонко), дьяк, еретик 84, 87—89, 213
Самуил Еврейн, философ 221, 312
Самуха, дьяк, еретик 90
Санин Василий см. Василий Сании
Санин Иван см. Иосиф Волоцкий
Сантай Сигизмунд, посол венгерский 193, 194
Сатин Василий Иванович, 248
Сахаров А. М. 19, 21, 37, 50
Сверчок, дьяк, еретик 213, 218
Свирин А. Н. 270
Семен Иванович, вел. кн. московский, сын Ивана Калиты 125, 154
Семен (Симеон) Иванович, кн. бежецкий и калужский, сын Ивана III 236, 283
Семен Иванович Можайский Стародубский Семен Иванович
Семен Романович, кн. ярославский 170, 179, 306
Семенов Иван, дьяк 252
Семенов Юрий (Юрка) Долгово, новгородский 85
Серапион, иг. Троице-Сергиева м-ря, архиеп. новгородский 200, 206—209, 308—310
Сербина К. Н. 25, 144
Сергий, архиеп. новгородский 78, 81
Сигизмунд I Казимирович, король польский, в. кн. литовский 299
Сильвестр, протопоп, писатель-публицист 261, 310
Сильвестр I, папа римский 91, 221, 222
Симеон, еп. рязанский 89
Симеон Бекбулатович, царевич 300
Симон, митр. 126, 149, 163, 168, 176, 181, 200, 202—204, 208, 226, 301, 304, 307, 309
Синицына Н. В. 172
Скара см. Захария Гвизольфи (Скара)
Скржинская Е. Ч. 20
Скрынников Р. Г. 17, 43, 310
Скрябин-Травин Иосиф см. Травин Скрябин Иосиф
Скрябин-Травин Щавей Травин Скрябин Щавей
Смирнов И. И. 37, 41, 124, 140, 166, 277
Смирнов П. П. 19
Соболевский А. И. 288
Солари Пьетро Антонио, архитектор

итальянский 53, 74, 231
Соловьев С. М. 10—12, 140, 164
Сологуб Юрий Глебович, пан литовский, воевода и наместник смоленский 99, 100
Сорокоумов Федор Васильев сын Крюков, новгородский сын боярский 317
Сорокоумовы-Глебовы, боярский род 249
Софья (Зоя) Палеолог, в. кн., жена Ивана III 8, 57, 66, 67, 74, 86, 90, 107, 139—141, 145, 157, 158, 165, 167—169, 181, 187, 198, 219, 226, 231, 232, 237, 248, 302, 305, 312
Софья Витовтовна, в. кн. жена в. Василия Ивановича 114
Спиридон-Савва, митр. киевский 150—154, 298, 299
Станислав Глебович, наместник полоцкий, посол литовский 98, 194
Стародубские, кн. 244
Стародубский Семен Иванович, кн., сын кн. можайского Ивана Андреевича 99, 100, 161, 184, 192, 240
Стародубский Федор Андреевич, 169
Стен Стуре, правитель шведский 106—108
Степан, крылошанин, еретик 85
Степан, дьяк, еретик 287
Стефан III Великий, молдавский господарь 67, 69, 72, 94, 101, 140, 147, 158, 161, 162, 189, 191, 216
Стефанит, литературный персонаж 230
Стецко, посол молдавский 72
Стригин-Оболенский Исаак Михайлович см. Иоасаф, архиепископ ростовский
Строгановы, купцы 52
Строев П. М 110
Стромила (Стромило), дьяк 252
Стромилов Алексей, дьяк 296
Стромилов Михаил Алексеевич, 296
Стромилов Федор, 138—140, 145, 296
Сузин Федор Родионович 52
Сфорца Джан Галеаццо Мариа миланский 74
Сфорца Лодовико Моро, миланский 74
Схария, еретик 82, 83, 286, 287
Сырковы, купцы 52
Сыроечковский В. Е. 19
Сытылган, царевич касимовский Нур-Доулата 235

Тараканов Василий Никитич, купеческий староста новгородский 77
Таракановы, купцы 52
Татищев В. Н. 9, 281
Татищев Мунт 65
Творогов О. В. 26
Телепнев-Оболенский Федор Васильевич, кн. 98
Телешов Иван Иванович 305, 308
Телятевские, кн. тверские 246
Телятевский М. Ф., кн. 60
Тимофей Вениаминов, переводчик 85
Тихомиров М. Н. 19, 21, 23, 114
Тихон, архиеп. ростовский 25, 88, 89
Травин-Осокин Григорий Иванович Пырей, сын боярский 143
Травин-Осокин Иван Иванович Октава, сын боярский 143, 296
Травин-Салтык Иван Иванович 65, 67, 143
Травин-Скрябин Иосиф, сын боярский 143
Травин-Скрябин Щавей, 139, 143
Траханиот Дмитрий, переводчик 74, 145, 219, 221, 222, 313
Траханиот Юрий Дмитриевич Малый, печатник 248
Траханиот Юрий Мануйлович Греческий дипломат 73, 74, 101, 145, 178,
Траханиоты, греки 247
Трифон, еп. сарский 200
Трубецкие, кн. 95, 184, 240, 305
Тулуп В., кн. 70
Тургенев Н. И. 9
Туреня-Оболенский Борис Михайлович см. Оболенский-Туреня Борис Михайлович
Турн (Делатор) фон Георг, перский 73, 90, 101, 214
Тучин Григорий Михайлович, новгородский, еретик 82, 85
Тучко-Морозов Василий Борисович см. Морозов Василий Борисович Тучко
Тучко-Морозов В. М. см Морозов В. М. Тучко
Тучко-Морозов Иван Борисович см. Морозов Иван Борисович Тучко
Тучко-Морозов И. М. см. Морозов И. М. Тучко
Тучковы, бояре 245
Тюдоры, королевская династия в Англии 6

Улу-Мухаммед, хан ордынский 235
Ульяна, кн. тверская, жена кн. литовского Ольгерда 154
Ульяна, кн., жена кн. волоцкого Бориса Васильевича 201
Уикель Иоганн, фон, 106, 221
Урак, хан тюменский 179, 302
Ухтомский Василий, кн. 65
Ушатый И. Ф. кн. 107
Ушатый П. Ф. кн. 107

Файн Д. 13, 140, 167, 306
Фенне Тоннис, автор словаря 286
Феннел Д. 14, 15, 140, 141 167—169, 187, 281, 283, 302
Феодор, переводчик Псалтыри 288
Феодосий, св. 204
Феодосий Косой, еретик 261
Феодосий Печерский, св. 204, 309
Феодосья Ивановна, кн., дочь Ивана III, жена кн. В. Д. Холмского 283
Феофил, архиеп. новгородский 77, 81, 285
Фехнер М. В. 19
Федор Борисович, кн. волоцкий 116, 167, 172, 185, 192, 201, 215, 236
Федор Васильевич, кн. рязанский 57, 99, 233, 234
Федор Григорьевич, писарь 102
Федор Иванович, кн. рязанский 191
Федор Михайлович, кн. 240
Федор Покровский, священник новгородский, еретик 85
Федор Студитский 309
Федоров Лука, боярин новгородский
Филипп, митр. 310

Филофей, еп. ий 65, 88, 89, 215, 312
Ферранти Аристотель, архи инженер итальянский 48, 63, 207
Фичино Марселио, писатель 6
Флоря Б. Н. 117, 246, 54, 259, 281
Фома, поп, еретик 287
Формос, папа 152, 156, 158
Фотий, патриарх константи 71
Фридрих III, имп. 73
Фроянов И. Я. 41
Фрязин Марк см. Марк Фрязин
Фрязин Петр см. Петр Фрязин

Хаджи-Гирей, 235
Хош Э. 14
Хлепенский Александр Борисович, 289
Хлуденев Александр, дьяк 251
Ховрин Дмитрий Владимирович, боярин, казначей 48, 175, 183, 194, 248
Ховрин Иван Владимирович, боярин 60
Ховрины, боярский род 247
Ходыка Феодор, дьяк 252
Хозников Семен Андреевич, купец 52
Холмский Василий Данилович, кн. 245, 283
Холмский Данила Дмитриевич, кн. тверской 59, 70, 98, 245, 255, 284
Холмский Михаил Дмитриевич, кн. тверской 59, 60, 62, 64
Холмский Семен Данилович, кн. 108
Хорошкевич А. Л. 7, 19—21, 156, 170, 265, 286, 297
Хребтович В., посол литовский 97
Хребтович Ян, посол литовский 103
Христос см. Иисус Христос
Христофор, итальянский ювелир 74

Цепеш Влад, 214, 216

Чебот И. В. окольничий 293
Челяднин А. Ф., воевода 107, 171, 185
Черепнин Л. В. 7, 17, 19, 21, 26, 27, 31, 37, 40, 41, 43, 62, 111—116, 118—122, 124, 129, 130, 132, 133, 140, 142, 144—146, 158, 165, 167, 168, 170, 201, 215, 237, 252, 278, 280, 291, 293, 294
Черленого-Заболоцкий Петр Федорович см. Заболоцкий-Черленого Петр Федорович
Чернов А. В. 252, 293
Черный Иван см. Иван Черный
Чернышевский Н. Г 11
Чертенок-Заболоцкий Василий Михайлович см. Заболоцкий-Чертенок Василий Михайлович
Чертовы, дети боярские 145, 296
Чингис-хан 55
Чичерин Б. Н. 10

Шадра И. В., окольничий 255
Шапиро А. Л. 18, 19, 37
Шахматов А. А. 23, 26, 144
Шелер Х. 14
Шеенок Афанасий, посол 184, 305
Шеин Д. В., посол 83
Шемяка Дмитрий Юрьевич см. Дмитрий Юрьевич Шемяка
Шемячич Василий Иванович, кн. новгород-северский 161, 184, 193, 240, 241
Шер Ганс, бургомистр ревельский 190
Шестак Юрий, посол 69
Шестунов Петр Васильевич Вели дворецкий 215, 247
Шефтель М. 13
Ших-Ахмед, хан 180, 188, 190, 191, 193
Шмидт С. О. 310
Шпидлик Т 14
Шрове Томас, посол дерптский 105
Штамм С. И. 28, 123, 124, 133
Штекль Г. 14
Шуйские, кн. 80
Шуйский Василий Васильевич, боярин 189, 192
Шуйский В. Ф., кн., наместник новгородский 80, 100, 106
Шумаков С. А. 317
Щеня Даниил Васильевич, кн., боярин 65, 73, 100, 106, 171, 179, 184—186, 192
Щепкина М. В. 231
Щербатов М. М. 9

Энгельс Ф. 15, 39, 85

Юлий Цезарь 298
Юрий Васильевич, кн. дмитровский, брат Ивана III 56, 68, 224, 236
Юрий Глебович см. Сологуб Юрий Глебович
Юрий Захарьич см. Захарьин (Захарьич) Юрий Захарьевич
Юрий Иванович, кн. дмитровский, сын Ивана III 66, 107, 141, 149, 182, 191, 194, 198, 201, 208, 210, 236, 238, 300
Юрий Семенович Долгово см. Семенов Юрий (Юрка) Долгово
Юхотские, кн. ярославские 239
Юшков С. В. 113, 131, 292, 293

Яблоновский Х. 13
Ягайло, кн. литовский 159
Ягеллон Александр см. Александр Казимирович
Ягеллон Владислав Владислав VI Ягеллон
Ягеллон Казимир Казимир IV Ягеллон
Ягеллоны, литовско-польская королевская династия 73, 101, 155, 179, 189
Яков, оружейник итальянский 74, 257
Яков Апостольский, еретик 85
Яков Иванович, посадник псковский 58
Яков Захарьич см. Захарьин Яков Захарьевич
Яковлев А. И. 18
Ямгурчей, мурза ногайский 188
Янин В. Л. 285
Янович Войтех, 102
Янович Петр, воевода 102
Янович Станислав, посол литовский 102
Яновский Станислав, староста жемайтский 192
Яропкин Афонас см. Еропкин Афанасий
Ярослав Владимирович Мудрый 9, 111, 137, 203, 216

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА — 5
ИСТОРИОГРАФИЯ — 8
ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ — 23
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ РОССИИ — 30
ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ — 55
НОВГОРОДСКАЯ КРАМОЛА — 76
СТРАННАЯ ВОЙНА — 93
ОБЩЕРУССКИЙ СУДЕБНИК — 110
ЗАГОВОР ВЛАДИМИРА ГУСЕВА — 138
НАСЛЕДИЕ АВГУСТА-КЕСАРЯ — 148
ПАДЕНИЕ КНЯЗЕЙ ПАТРИКЕЕВЫХ И РЯПОЛОВСКОГО — 160
ПОБЕДА ПРИ ВЕДРОШИ — 178
СОБОР 1503 г. — 197
РАЗГРОМ МОСКОВСКОЙ ЕРЕСИ — 212
СОЗДАНИЕ ОБЩЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА — 233
ПОСЛЕСЛОВИЕ — 263
ПРИМЕЧАНИЯ, ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА — 267
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ — 319
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН — 323

Зимин А. А.

З-62 Россия на рубеже XV—XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). — М.: Мысль, 1982. — 333 с.

В пер.: 1 р. 40 к.

В книге автор прослеживает изменения экономической жизни, классовой борьбы, общественно-политической мысли, происшедшие в России после ее освобождения от иноземного ига. Используя большой фактический материал, автор исследует героические страницы истории Российского государства периода становления его на путь самостоятельного экономического и политического развития, когда ненавистное иго было уже сброшено. Большое внимание в книге уделено международной деятельности русского правительства, роли окрепшего государства в европейской политике.

З $\frac{0505010000-121}{004(01)-82}$ 49-82

ББК63.3(2)44
9(С)13

Александр Александрович
Зимин

РОССИЯ
на рубеже
XV—XVI
столетий

(ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)

Заведующий редакцией В. С. Антонов
Редактор С. С. Игнатова
Младший редактор Т. В. Мальчикова
Оформление художника В. А. Захарченко
Художественный редактор И. А. Дугов
Технический редактор Н. Ф. Кубракова
Корректор З. В. Одина

ИБ № 1969

Сдано в набор 24.02.82. Подписано в печать 16.08.82. А 04866. Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журн. Академич. гарн. Высокая печать. Усл. печатных листов 17,64. Учетно-издательских листов 20,33. 18,06 усл. кр.-отт. Тираж 50 000 экз. Заказ № 328. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.